

РУКОВОДСТВО
КЪ ИЗУЧЕНІЮ СЛОВЕСНОСТИ

И БЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ УПРАЖНЕНІЮ ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ.

Составилъ

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ПРОФЕССОРЪ

(къмъ Петропавловскаго КаATEDРАЛЬНАГО Собора Священникъ)

Манистръ

Михаилъ Архангельскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1857.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 13-го Марта 1857 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемое мною «Руководство» есть не что иное, какъ записки классическія, которыя, въ бытность Профессоромъ С. Петербургской Духовной Семинаріи въ 1851—1855 годахъ, составилъ я, подъ наблюденіемъ и руководствомъ ближайшаго моего Начальства, для напоминанія воспитанникамъ пространныхъ изустныхъ толкованій.

При составленіи сихъ записокъ, мною постоянно имѣлась въ виду одна основная идея науки—объ изящствѣ или художественномъ достоинствѣ сочиненій. Я старался систематически провести эту идею по всему «Руководству», и вылить ея значеніе въ каждомъ отдѣлѣ науки, въ каждомъ родѣ и видѣ сочиненія.

Принявъ такое начало за основаніе науки, я не чуждался в ученія древнихъ риторовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно казалось мнѣ вѣрнымъ и согласнымъ съ выработанными нынѣ понятіями о словесномъ искусствѣ.

Въ классѣ Словесность была преподаваема мною практически, методомъ аналитическимъ, какъ это справедливо принято нынѣ по преподаванію Русскаго языка и словесности въ всушныхъ бесѣдахъ съ воспитанниками. Я бралъ примѣры, анализировалъ ихъ и уже изъ литературнаго анализа выводилъ правила или законы сочиненій, подтверждая ихъ опять примѣрами же и психологическими соображеніями, сколько послѣднія доступны были моимъ слушателямъ. Но предлагаемыя записки для повторенія я изложилъ наоборотъ, синтетически, подтверждая законы сочиненій примѣрами и, гдѣ требовалось, разборомъ примѣровъ: ибо опытъ убѣдилъ меня, что аналитическій способъ изложенія классическихъ записокъ по теоріи Словесности, требующій отъ воспитанниковъ пониманія, превышающаго ихъ развитіе, не способствуетъ, а скорѣе—затрудняетъ ихъ при домашнемъ повтореніи и классическихъ отвѣтахъ преподавателю.

Сообразно характеру и требованіямъ руководствъ, я старался изложить правила науки ясно, точно, опредѣленно и даже, какъ говорятъ, догматически или положительно.

Роды и виды сочиненій, имѣющіе историческое развитіе, я и излагалъ исторически. Этотъ путь хорошъ въ томъ отношеніи, что онъ проясняетъ современный характеръ и условія сочиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливаетъ воспитанниковъ къ изученію исторіи литературы. Съ этою мыслию, а равно и для обогащенія воспитанниковъ примѣрами сочиненій, мною, въ концѣ важнѣйшихъ родовъ и видовъ словесныхъ произведеній, кратко предлагается и литература ихъ.

Словесность, какъ теорія искусства, въ преподаваніи должна имѣть рѣшительное примѣненіе къ практикѣ, т. е. къ упражненію воспитанниковъ въ составленіи собственныхъ сочиненій и къ пониманію литературнаго значенія произведеній писателей. Иначе не для чего было бы и изучать ее. Поэтому я старался прииспособить настоящее «Руководство» къ практической пользѣ учащихся. Для сего, излагая правила примѣнительно къ практикѣ, я предлагалъ къ нимъ примѣрное указаніе и тѣхъ практиче-

скихъ упражненій, которыя можно было бы назначать воспитанникамъ при изученіи того или другого отдѣла науки.

Наконецъ, при составленіи сихъ записокъ для воспитанниковъ Семинаріи, я не могъ не имѣть въ виду тѣхъ правилъ, которыя существуютъ на счетъ преподаванія Словесности въ духовныхъ училищахъ, и какъ въ теоріи науки, такъ въ ея расположеніи, изложеніи и примѣрахъ, старался примѣняться, слѣдуя притомъ и указанію опыта, ко времени, цѣли, понятіямъ и ко всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ духовныхъ воспитанниковъ.

Нынѣ я издаю въ свѣтъ мои записки не для классическаго употребленія, а для тѣхъ преподавателей и воспитанниковъ, которые пожелали бы частнымъ образомъ пользоваться ими.

ВВЕДЕНІЕ.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ О НАУКѢ СЛОВЕСНОСТИ.

Понятіе о сочиненіяхъ вообще.

Между различными произведеніями духа человѣческаго, къ которымъ принадлежатъ ваяніе, живопись, музыка и т. п., есть творенія — совершенно особаго и самаго высшаго рода, которыя называются, обыкновенно, *сочиненіями*, а также — словесными произведеніями, литературными явленіями духа человѣческаго и т. п.

Таково напр. слѣдующее сочиненіе Н. Полеваго, написанное черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Пушкина, въ 1837 году.

Пушкинъ.

« Умеръ онъ. Пѣсня его уюдила. Погребальный звонъ колокола надъ его гробомъ отозвался въ Русской землѣ печальною вѣстію: « Пушкина нѣтъ! » Свѣтлая Божія весна скоро зазелѣтетъ, и въ тающемъ снѣгѣ Псковскихъ лѣсовъ впервые обнажитъ холдную, безмолвную могилу великаго Русскаго поэта.

Человѣкъ умеръ. Миръ тебѣ, усоншіи братъ! Что же? Каждый день умираютъ люди. . . И каждый годъ зарастаетъ какая-либо могила « травой забвенія » . . . Свѣтъ забывчивъ: онъ скоро забудетъ и Пушкина, какъ забудетъ тысячи своихъ великихъ и малыхъ собратій. Слезы высохнутъ. Улыбка смѣнитъ печаль. Изрѣдка будетъ еще оживляться нѣсколько времени бесѣда современниковъ разсказами о Пушкинѣ. Но пройдетъ нѣсколько десят-

ковъ лѣтъ, и только не многіе изъ насъ, дряхлые старикн, будуть говорить: «я зналъ его, видалъ, помню». Юное поколѣніе будетъ прислушиваться къ рѣчамъ этихъ стариковъ. Но еще нѣсколько лѣтъ, и отъ насъ, современниковъ, останется только рядъ могилъ, связка летучихъ замѣтокъ, память добра и зла нашего, темная и безотчетная молва о томъ, что мы *были* и что такое мы были.

Удержимъ безразсудный ропотъ. Все добро, все благо въ твоёмъ прекрасномъ созданіи, Творецъ жизни и смерти! Кто умеръ, тотъ довольно жилъ. И когда надежды на будущее превращаются въ грусть о минувшемъ, да благоговѣсть наше растерзанное сердце предъ Твоею непсовѣдимою волею! »

Далѣе такимъ-же образомъ объясняется характеръ Пушкина, какъ человѣка и великаго лирическаго поэта своего времени. А потому, заключаетъ авторъ, чтобы спасти могилу его отъ забвенія, пусть каждый изъ насъ, кто цѣнилъ гениі Пушкина, будетъ участникомъ въ сооруженіи ему надгробнаго памятника. »

Таково-же еще и слѣдующее изображеніе единоборства Ермака, покорителя Сибири, съ Магометъ-Куломъ, братомъ Царя Сибирскаго.

Я зрѣлъ съ нимъ (Ермакомъ) бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ страпъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула,
И вичшимъ жаромъ восгора,
Извлекъ онъ саблю смертоносу.
• Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносу
Влечить мя въ плѣнь! • онъ сказалъ —
И вмѣгъ на Ермака попалъ. —
Ужасный видъ! Они сразились!
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творять,
И объ разомъ сокрушились. —
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;

Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплеть потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
И ребра обокъ трещать:
То сеѣ, то оный на бокъ гнется:
Крутятся, и — Ермакъ сломляъ.
« Ты мой теперь! » оъ возопилъ —
И все отпылѣ нпѣ подвластно. »

И. И. Дмитриевъ.

Такия произведенія, принадлежа къ области изящныхъ искусствъ, называются сочиненіями *изящными* (отъ глагола изъять, изъятый т. е. лучший), *художественными* (отъ стар. художій, знач. чистый, опрятный) и *литературными*. Тѣ, которые составляютъ ихъ, называются *сочинителями, писателями, авторами, литераторами* и т. под. А самое составленіе ихъ называется *творчествомъ, искусствомъ* сочинять и проч.

О томъ, что въ художественныхъ сочиненіяхъ составляетъ предметъ Словесности.

Сочинители, часто противъ собственнаго вѣдома, составляютъ свои художественныя произведенія *во первыхъ* по законамъ того языка, на которомъ пишутъ, *во вторыхъ* по общимъ правиламъ нашего мышленія, и *въ третьихъ* по особеннымъ законамъ или правиламъ изящнаго, и притомъ словеснаго искусства, существующимъ въ нашей душѣ. Законы языка излагаются въ *грамматикѣ*; условія и формы мышленія — въ *особой наукѣ, известной подъ именемъ логики*; а законы словеснаго искусства или художественности сочиненій составляютъ предметъ науки *Словесности*.

Практическія занятія:

1. Прочтатъ какое-нибудь сочиненіе, и заставятъ воспитанниковъ прочтатъ тоже самое съ надлежащимъ произношеніемъ.
2. Разобрать его въ духѣ предыдущихъ правилъ и спросить повтореніе разбора.

Опредѣленіе науки Словесности.

Отсюда наука, излагающая въ систематическомъ (связномъ) порядкѣ ученіе о законахъ духа человѣческаго, по которымъ составляются художественно-словесныя произведенія, называется *Словесностію*.

Раздѣленіе Словесности.

Словесность раздѣляется на двѣ части. Въ первой излагаются правила или законы о сочиненіи вообще. Оттого эту часть можно назвать *общей* Словесностію. Во второй разсматриваются законы, по которымъ ищутся въ частности разные роды и виды сочиненій. Оттого эту часть называютъ *частною* Словесностію.

ОБЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Раздѣленіе общей Словесности.

Сообразно съ практическою цѣлію и пользою науки, *общая* Словесность раздѣляется на двѣ части. Въ *первой*, которую можно назвать *приготовительною*, говорится о самыхъ общихъ и необходимыхъ условіяхъ для успѣха въ сочиненіи. Въ *второй*, которая составляетъ уже *существенный* отдѣлъ Словесности, излагается ученіе о сочиненіи, какъ произведеніи художественномъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩЕЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Объ общихъ и необходимыхъ условіяхъ для успѣха въ сочиненіи.

Что требуется для успѣха въ сочиненіи?

Для успѣха въ сочиненіи, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, напр. живописи, требуются *во первыхъ* хорошія природныя дарованія, и *во вторыхъ* правильное и естественное ихъ развитіе.

1) О СПОСОБНОСТЯХЪ, НУЖНЫХЪ ПИСАТЕЛЮ.

Какія вообще способности нужны писателю?

Нѣтъ сомнѣнія, что для полнаго успѣха въ сочиненіи писателю необходимо имѣть въ высшей степени всѣ душевныя способности, какъ-то: разумъ, разсудокъ, память, воображеніе, фантазію, чувство, добрый характеръ и хорошей отъ природы даръ слова.

Но какія способности особенно ему необходимы?

Сочиненіе есть произведеніе художественное; а потому писателю необходимы особенно тѣ способности, отъ которыхъ зависятъ художественность сочиненій, каковы: разумъ, воображеніе, чувство изящнаго и фантазія. Эти-то способности, доведшыя до извѣстной степени своего развитія, и составляютъ то, что называется въ писателѣ *дарованіемъ* или *талантомъ*.

Можно ли быть писателемъ безъ таланта?

Впрочемъ, и не имѣя художественнаго дарованія, человекъ съ здравымъ умомъ, тѣплымъ чувствомъ и доброю нравственностію можетъ быть, при надлежащемъ развитіи своихъ способностей, писателемъ, конечно не-художественнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣльнымъ и полезнымъ. Тредьяковскій вовсе не имѣлъ способности писать. Однакожъ, онъ оставилъ намъ нѣсколько томовъ своихъ сочиненій, и «труды его, говоритъ Карамзинъ, были не совсѣмъ бесполезны. Онъ первый изъяснилъ на Русскомъ языкѣ мѣру стиховъ и перевелъ Древнюю Исторію, которую по сіе время читають наши провинціальныя дворяне.»

Практическія занятія:

- 1) Предложить воспитанникамъ прочитать два литературныхъ сочиненія въ прозѣ и стихахъ. При чемъ всегда должно обращать вниманіе на ихъ произношеніе и учить декламации.
- 2) Объяснить въ общихъ чертахъ дѣятельность душевныхъ способностей, и разборомъ прочитанныхъ сочиненій показать участіе каждой изъ нихъ въ дѣлѣ творчества.

- 3) Прочитать сочиненія одаровитыхъ писателей, и исторически объяснить ихъ пользу.
- 4) Повторить разобранный теперь, и спросить послѣ при повтореніи урока.
- 5) Назначить воспитанникамъ чтеніе сочиненій на—домъ съ тѣмъ, чтобы они могли читать по книгамъ съ надлежащимъ произношеніемъ, и рассказывать содержаніе прочитаннаго наизусть.

2) О РАЗВИТІИ СПОСОБНОСТЕЙ ПИСАТЕЛЯ.

Необходимость развитія способностей и средства для него.

Но каковы бы ни были способности человека, во всякомъ случаѣ для успѣха въ сочиненіи требуется правильное и естественное ихъ развитіе. Необходимымъ условіемъ для этого развитія признаются: А) изученіе правилъ Словесности, Б) чтеніе книгъ и В) собственные практическія упражненія въ сочиненіяхъ. Карамзинъ говоритъ: « хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему необходимо раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. »

А) ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ПРАВИЛЪ СЛОВЕСНОСТИ ДЛЯ УСПѢХА ВЪ СОЧИНЕНІИ.

Нужда этого изученія.

Нынѣ многіе отвергаютъ необходимость и пользу изученія правилъ Словесности для успѣха въ сочиненіи. Но это напрасно. Необходимость и польза науки въ настоящемъ случаѣ сама собою открывается изъ сравненія словеснаго искусства съ другими изящными искусствами, къ области которыхъ оно принадлежитъ. Чтобы успѣть, напримѣръ, въ живописи, музыкѣ, ваяніи, для этого нужны художнику, кромѣ способностей, правила касательно этихъ искусствъ и сообразное съ ними руководство. Такъ и для таланта словеснаго требуются непременно свои правила и свое руководство, чтобы онъ выучился, если можно такъ выразиться, сочинять. Безъ руководства самыя лучшія дарованія или совсѣмъ угаснутъ.

или получать въ развитіи своемъ неправильное, даже худое направленіе, или еще — не достигнуть полной мѣры своего совершенства. « Я утверждаю, говоритъ Цицеронъ, что если къ хорошему таланту присоединится основательное ученіе; то онъ, обыкновенно, производитъ нѣчто прекрасное и удивительное. Тогда-то создаетъ онъ тѣ цѣлыя и превосходныя творенія, которымъ удивляется потомство. »

Цѣль и характеръ его.

Цѣль этого изученія Словесности состоитъ въ томъ, чтобы пробудить свободную и естественную дѣятельность способностей человѣка, дать имъ правильное направленіе и ознакомить съ искусствомъ сочинять. А потому и характеръ изученія долженъ быть чисто практическій. Здѣсь все дѣло должно состоять не въ правилахъ Словесности, а въ искусномъ примѣненіи правилъ къ развитію способностей будущаго писателя, къ ихъ практикѣ, то есть, къ упражненію въ сочиненіяхъ, безъ котораго нельзя быть писателемъ.

Б) о чтеніи книгъ.

Нужда чтенія.

Для успѣха въ сочиненіи необходимо читать произведенія другихъ писателей. Чтеніе всегда признавалось самымъ приятнымъ и вѣрнымъ средствомъ къ успѣху въ сочиненіи: ибо оно въ одно и тоже время обогащаетъ насъ разнообразными познаніями, развиваетъ умъ, образуетъ вкусъ, укрѣпляетъ сердце въ доброй нравственности, усовершенствуетъ даръ слова, и наконецъ — не только представляетъ образцы для всѣхъ родовъ и видовъ сочиненій, но и знакомитъ насъ съ самыми тайнами словеснаго искусства.

Объемъ литературы, назначаемой для чтенія.

Для полнаго совершенства въ сочиненіи, безъ сомнѣнія, нужно читать и творенія иностранныхъ писателей — древнихъ и новѣйшихъ. Но при первоначальномъ знакомствѣ съ Словесностію, можно ограничиться одними писателями отечественными. Само собою

разумѣется, что нужно читать произведенія ихъ, какъ прозаическія, такъ и поэтическія.

Какія сочиненія, по преимуществу, читать?

Преимущественно-же намъ должно читать Св. Писаніе, творенія Св. Отцевъ, сочиненія нашихъ отечественныхъ пастырей и учителей Церкви и вообще сочиненія духовнаго содержанія. Байронъ, поэтъ Англійскій, говорилъ, что онъ многими достоинствами своихъ сочиненій обязанъ чтенію Св. Писанія, которымъ съ малолѣтства любилъ заниматься. Лучшими мѣстами въ одахъ Кострова и нынѣ признаются критикою тѣ, въ которыхъ онъ подчинялся вліянію священныхъ книгъ и писаній церковныхъ. А Ломоносовъ, какъ извѣстно, между прочимъ чрезъ такое чтеніе сдѣлался отцемъ Русской словесности.

Вотъ одно мѣсто изъ сочиненій Кострова, которое ясно доказываетъ, какъ чтеніе писаній священныхъ и церковныхъ можетъ способствовать красотѣ или художественному достоинству произведеній. Поэтъ описываетъ въ немъ «Мудрость» слѣд. красками:

Но кто Сія лучемъ божественнымъ блистаетъ?

Неизреченный видъ, небесна красота,

Единымъ машемъ все зиждетъ, устрояетъ;

Единый взоръ Ея исполнялъ всѣ мѣста;

Сотканна риза изъ девицы,

Свѣтлѣе солнць Ея зеницы;

Судъ, милость и законъ, и правда во устахъ:

Колелетъ духомъ страшны бездны.

И перстомъ движетъ круги звѣзды;

Вадохъ настѣкомаго Ей слышенъ въ ушесахъ.

Премудрость имя Ея, Іеговъ совѣща,

Непостижимая превыспреннимъ умаемъ;

У стопъ Ея время пучина быстротечна,

И скипетры земныхъ даруемы царямъ.

(Соч. Костр. по изд. Смирн. стр. 115).

Всякія ли сочиненія должно читать?

Не должно читать всякихъ сочиненій безъ разбора. Есть сочиненія худыя, то есть, скудныя и неправильныя по мыслямъ, неудовлетворительныя въ отношеніи къ искусству и слогу, и даже вредныя по своему направленію. Читать такія сочиненія было бы вредно и опасно, особенно для начинающихъ учиться Словесности.

Какія же читать сочиненія?

Нельзя пренебрегать чтеніемъ сочиненій и посредственныхъ писателей, но отличающихся вѣрностію мыслей, строгимъ порядкомъ, правильнымъ языкомъ и добрымъ направленіемъ нравственнымъ. Такія сочиненія на первый разъ могутъ быть даже полезныѣ, такъ называемыхъ, образцовыхъ въ томъ отношеніи, что онѣ ближе къ нашимъ понятіямъ. Но собственно должно читать писателей, признанныхъ классическими, и притомъ такія сочиненія ихъ, которыя считаются *образцовыми*.

Порядокъ чтенія.

Чтеніе книгъ безъ опредѣленнаго порядка также бесполезно. Нужно читать сочиненія больше въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ изученіе Словесности и практическія упражненія. Такъ напр. при изученіи писемъ должно читать болѣе шесъна, при изученіи исторіи—историческія сочиненія пт. и. Такое систематическое чтеніе разомъ ведетъ и къ пониманію правилъ науки и къ большому успѣху въ собственныхъ упражненіяхъ.

Образъ чтенія книгъ.

Но и при семъ, требуется читать сочиненія не въ большомъ количествѣ, и главное — не бѣгло и поверхностно. Лучше читать не много, но только сочиненія хорошія, и притомъ такъ, чтобы понимать содержаніе ихъ, видѣть ходъ мыслей автора, углубляться въ таинства его языка, отыскивать общія и родовыя свойства сочиненій. Для этого — хорошо одно и тоже сочиненіе прочитывать нѣсколько разъ, выучивать наизусть и даже выписывать на бумагу. Демосенъ, славнѣйшій ораторъ Греціи, восемь разъ переписывалъ

сывалъ своею рукою всю Исторію Фукидида, и чрезъ-то весьма значительно освоился съ его прекраснымъ слогомъ.

Практическія занятія:

- 1) Спросить, что прежде назначено было прочесть и рассказать, и показать недостатки чтенія и разсказа.
  - 2) Съ помощію изложенныхъ правилъ уяснить собственнымъ примѣромъ, какъ читать книги съ понятіемъ и пользою.
  - 3) Показать, что правильное чтеніе въ-слухъ зависитъ отъ понятія сочиненія, и потому учтъ опять декламациі.
  - 4) Въѣпить въ постоянную обязанность воспитанникамъ, чтобы на будущее время къ каждому уроку они прочитывали, какъ показано въ классѣ, по одному и по два небольшихъ сочиненія, заставлятъ потомъ произносить тоже самое по книгѣ, разсказывать наизусть, исправлять чтеніе и разсказъ, разъяснять смыслъ и выраженія сочиненій.
  - 5) Назначить лучшія мѣста изъ сочиненій выучивать наизусть, это-же заставлятъ потомъ читать по книгѣ и наизусть съ надлежащимъ произношеніемъ и объяснять.
- В) о практическихъ упражненіяхъ въ сочиненіи.

Необходимость упражненій въ сочиненіи.

Кромѣ чтенія книгъ, для успѣха въ сочиненіи, нужно еще, какъ можно болѣе, чаще, внимательнѣе и усерднѣе самимъ упражняться въ искусство сочинять. Безъ усерднаго занятія сочиненіями и люди съ замѣчательными талантами или не достигали до надлежащей степени своего развитія, или не производили ничего особенно важнаго для литературы. *Artifex ipius, qui facit usus*, сказалъ Овидій.

Роды упражненій.

Упражненія бываютъ двухъ родовъ: одни *письменные*, въ которыхъ мысли излагаются на бумагѣ, послѣ долговременнаго и

внимательнаго изслѣдованія предмета задачи; другія — *изустныя*, гдѣ занимающійся Словесностію, подумавъ нѣсколько мншуть о сочиненіи, излагаетъ потоужъ мысли свои устно предъ другими. Послѣдняго рода упражненія называются иначе *эспромптами*, *импровизаціями*, упражненіями, сдѣланными *безъ приотворенія*.

Необходимость этихъ родовъ.

Тотъ и другой родъ упражненій въ своемъ отношеніи равно хороши, полезны и совершенно необходимы: ибо они развиваютъ двѣ различныя и равно нужныя формы проявленія таланта: *речь письменную и изустную*. А потому для полнаго развитія словесныхъ дарованій, необходимо заниматься одинаково тѣмъ и другимъ родомъ упражненій.

Различіе упражненій.

Упраженія въ сочиненіяхъ бываютъ еще *первоначальныя* или *приотворительныя*, гдѣ мысли излагаются не въ риторическихъ формахъ, и чрезъ которыя занимающійся наукою только приотворяется къ представленію ихъ въ формѣ сочиненій, — и упражненія собственно уже въ *составленіи разныхъ родовъ сочиненій*. Упраженія послѣдняго рода можно назвать сочиненіями (въ общемъ смыслѣ) и составителями ихъ сочинителями.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНИЯХЪ.

Раздѣленіе ихъ.

Первоначальныя литературныя упражненія можно раздѣлить на четыре отдѣла въ слѣдующемъ порядкѣ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ

ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

Упраженія перваго отдѣла.

Къ первому отдѣлу практическихъ упражненій относятся слѣдующія литературныя занятія: 1) замѣна однихъ словъ в оборотъ рѣчи другими, 2) повтореніе прочитанныхъ сочиненій и 3)

разборъ внутренняго состава рѣчи въ краткихъ отрывкахъ или сочиненіяхъ.

1) Замена однихъ словъ и оборотовъ рѣчи другими.

Опредѣленіе.

Это литературное упражненіе состоитъ въ томъ, чтобы въ данномъ сочиненіи измѣнять различнымъ образомъ слова, выраженія и формы рѣчи автора, замѣчая каждый разъ, какія сдѣланы перемѣны и почему.

ПРИМѢРЪ.

Вотъ примѣръ этого упражненія:

«Вчерашній день поутру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ въ рукѣ, я предался сладостному мечтанію, въ которомъ себѣ не могу дать совершеннаго отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, взглянувъ на Неву, покрытую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на которую, благодаря привычкѣ, жители Петербургскіе смотрятъ холоднымъ окомъ, любясь безчисленнымъ народомъ, который волновался подъ моими окнами, слыя чуднымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ которомъ отличалъ я Англичанъ и Азіятцевъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финновъ, и сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: «что было на этомъ мѣстѣ до построения Петербурга?»

Батуринковъ.

Въ приведенномъ отрывкѣ можно сдѣлать замѣну словъ и оборотовъ рѣчи другими слѣдующимъ образомъ:

«Вчера поутру, я сидѣлъ у окна, читая сочиненія Винкельмана. Отъ чтенія я перешелъ незамѣтно къ собственнымъ размышленіямъ и погрузился въ шхъ. Не могу теперь дать себѣ полнаго отчета въ этихъ размышленіяхъ; но помню, что они были для меня притны. Помню еще, что предъ глазами моими была Нова со множествомъ судовъ; тянулась гранитная набережная, къ которой жители столицы такъ привыкли, что, не смотря на все ея велико-

лѣшіе, смотря на нас равнодушно, и двигались толпы народа, волновавшагося передо мною и пестрѣвшаго чудною смѣсью націй. Тутъ были Англичане и Азіятцы, Французы и Калмыки, Русскіе и Финны. Все это привело меня къ вопросу: » что было на этомъ мѣстѣ до того времени, когда построенъ былъ Петербургъ? »

Практическія занятія:

- 1) Разобрать, какія перемѣны словъ и выраженій сдѣланы въ этой « замѣтѣ » — и почему.
- 2) Сдѣлать другой примѣръ замѣны, также разобрать, и спросить повтореніе и упражненія и разбора его.

Что требуется для замѣны однихъ словъ и оборотовъ рѣчи другими?

Изъ разбора приведеннаго примѣра ясно, что для замѣны однихъ словъ, выраженій и формъ рѣчи другими нужно: а) одну грамматическую часть рѣчи замѣнять другою, б) одну и ту же часть рѣчи поставять въ различныхъ измѣненіяхъ (существительное въ различныхъ падежахъ и числахъ, прилагательное въ различныхъ степеняхъ, глаголъ въ различныхъ временахъ и т. п.); в) измѣнять цѣлый составъ предложенія, дѣлая то предложеніе прямое, то вопросительное, то восклицательное; г) разлагать одно предложеніе на два и болѣе, или нѣсколько предложеній соединять вмѣстѣ; д) переставлять части и члены предложеній и періодовъ: предыдущія ставить на мѣсто послѣдующихъ и на оборотъ; в) замѣнять выраженіе точное, сухое — цвѣтнымъ, живописнымъ, и накопецъ ж) нѣкоторыя предложенія, смотря по связи рѣчи, опускать, а другія прибавлять.

Практическія занятія:

- 1) Спросить воспитанниковъ прочесть съ надлежащимъ произношеніемъ какой-нибудь отрывокъ, и сдѣлать въ немъ *изустно* замѣну однихъ словъ и оборотовъ рѣчи другими.
- 2) Написать такого-же рода упражненіе на — домъ для изложенія его *на бумагѣ*. При чемъ объяснить имъ, какъ

должно заниматься домашними упражнениями, чтобы они были хороши, какъ ихъ озаглавливать, переписывать, подписывать свое имя и другія подробности.

- 3) При выдачѣ исправленныхъ сочиненій объяснить, какъ должно пользоваться поправками и замѣчаніями.
- 4) Завести каждому воспитанику особую тетрадь для сочиненій, и въ ней записывать свои литературныя упражненія, безъ назначенія составленныя, и представлять эти тетради каждую недѣлю наставнику для разсмотрѣнія. А для образца этого занятія прочесть изъ сочиненій Муравьева (т. 1 по изд. Смирл.) статью подъ названіемъ: «тетрадь для сочиненій.»

2) Повтореніе прочитанныхъ сочиненій.

Опредѣленіе.

Это упражненіе состоитъ въ томъ, чтобы прочесть со вниманіемъ какое-либо сочиненіе и, усвоивъ себѣ содержаніе, расположеніе и выраженія автора, изложить потомъ тоже самое, въ такомъ же порядкѣ и, по возможности, тѣми же словами, какъ это изложено въ самомъ сочиненіи.

Практическія занятія:

Дѣлать повтореніе прочитаннаго сначала въ классѣ и изустно, потомъ на дому на бумагѣ.

3) Разборъ внутренняго состава рѣчи.

Опредѣленіе.

Разборъ внутренняго состава рѣчи состоитъ въ томъ, чтобы найти главную мысль сочиненія, указать мысли доказывающія и поясняющія главную, и опредѣлить ихъ взаимное отношеніе между собою.

Возьмемъ для примѣра слѣдующій отрывокъ.

ПРИМѢРЪ.

« Какую эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но послѣднюю степень физической зрѣлости, — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ п людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ установленный; когда разумъ нашъ, богатый сравненіями, идеями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашается съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе предъ началомъ увяданія. »

Карамзинъ.

РАЗБОРЪ.

Здѣсь главная мысль-та, что время возмужалости, или, какъ выражается сочинитель, послѣдняя степень физической зрѣлости, есть самая счастливѣйшая эпоха въ жизни человѣка сравнительно съ другими ея возрастами. Всѣ прочія мысли развиваютъ главную т. е. или доказываютъ, или объясняютъ ее.

Такъ первое предложеніе: « какую эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? » составляетъ вопросъ въ отношенія къ главной мысли. Онъ объясняетъ, что эта-то мысль въ настоящемъ отрывкѣ есть главная: ибо она служитъ простымъ отвѣтомъ на предложеніе, сдѣланное въ вопросѣ.

« Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи » т. е. не юность. Это — мысль отрицательная въ отношеніи къ главной, и служитъ къ большому объясненію послѣдней.

« Ибо человѣкъ не есть только животное ». Предложеніе вводное. Оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ главной мысли, но доказываетъ мысль отрицательную: человѣкъ не есть жи-

вотное, у котораго физическое совершенство составляет все ; а потому юность, когда человекъ достигаетъ до физическаго совершенства въ бытіи, нельзя назвать счастливѣйшею эпохою жизни.

« Время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полную силу своей, а тѣлесныя силы не слабѣютъ примѣтно ; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношеніе къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для насъ установленный ; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашается съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. » Здѣсь собственно описывается или опредѣляется главная мысль, что послѣдняя степень физической зрѣлости есть эпоха самая счастливая въ жизни человека. Но эти описанія такъ изложены, что служатъ вмѣстѣ и доказательствомъ или подтвержденіемъ описываемой мысли. На послѣдней степени физической зрѣлости душевныя силы бываютъ у человека вполне развиты, и тѣлесныя еще крѣпки ; тогда все нужное для настоящей жизни мы знаемъ, знаемъ даже истинную мѣру вещей и согласно съ этими знаніями располагаемъ своею волею и дѣлами. Отчего жизнь наша въ ту пору отличается благоразуміемъ. Слѣд. время возмужалости есть самый счастливый періодъ въ жизни человека.

« Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе предъ началомъ увяданія. » Здѣсь, для объясненія главной мысли, сравниваются два разнородные предмета : плоды дерева и жизнь человека, и показывается между ними сходство. Плоды дерева бываютъ самыми сладкими, когда достигаютъ до послѣдней степени своей зрѣлости : а это бываетъ предъ началомъ увяданія дерева. Такъ и жизнь сладостнѣе всего бываетъ на послѣдней ступени физической зрѣлости, предъ началомъ своего увяданія.

Практическія занятія:

- 1) Заниматься паузно въ классѣ разборомъ состава рѣчи.
- 2) Назначать разборъ надомъ для изложенія его на бумагѣ.
- 3) При семъ можно соединить и предыдущія практическія занятія такъ образомъ. Сказать, что данное для разбора

мѣсто есть отрывокъ, или сочиненіе такого-то писателя, что оно отличается художественнымъ изложеніемъ, что мысли въ немъ расположены такимъ-то образомъ (разборъ), и что иначе эти мысли можно бы выразить такъ-то (загѣна).

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ

ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

УПРАЖНЕНІЯ ВТОРАГО ОТДѢЛА.

Ко второму отдѣлу практическихъ упражненій относятся слѣдующія литературныя занятія : 1) переложенія , 2) переводы и 3) извлеченія.

1) Переложенія.

Опродѣленіе.

Подъ переложеніями разумѣются переводы какихъ-либо сочиненій на чисто-русскій , правильный языкъ съ языка церковно-славянскаго и древне-русскаго, или еще — переводы поэтически-стихотворныхъ сочиненій въ рѣчь прозаическую.

О ПЕРЕЛОЖЕНІЯХЪ СЪ ЯЗЫКА ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО И ДРЕВНЕ-РУССКАГО.

Каковы должны быть эти переложенія?

Переложенія съ языка церковно-славянскаго и древне-русскаго не могутъ быть подстрочными или буквальными: потому что въ современномъ нашемъ языкѣ нельзя удерживать ни старинныхъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, ни словъ простонародныхъ, не получившихъ права гражданства въ литературѣ, ни стариннаго построенія и связи предложеній и періодовъ. А потому эти переложенія необходимо переходятъ въ переработку въ отношеніи къ выраженію. Превосходнымъ руководствомъ къ литературнымъ занятіямъ сего рода служитъ «Исторія Государства Руссійскаго»

Карамзина, гдѣ много представлено образцовыхъ переложеній, какова напр. рѣчь Владиміра Мономаха къ дѣтямъ.

ПРИМѢРЫ ПЕРЕЛОЖЕНІЙ:

1) *Молитва св. равноапостольнаго Владиміра послѣ крещенія Россіи.*

Въ дѣтописи эта молитва читается такъ: «Володиміръ же рядъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: Боже, створивый небо и землю! призри на новыл люди сна, и дажь имъ, Господи, оувѣдѣти тебе петиннаго Бога, якоже оувѣдѣша страшы Хрестыинскыя; оутверди и вѣру въ нихъ праву и несовратную, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козпи его. И баше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасасмыхъ.»

По Карамзину эту молитву можно переложить такъ: «По совершеніи таинства Крещенія, Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, возведши взоръ на небо, громко произнесъ молитву: Творецъ неба и земли! Призри на обновленныхъ благодатію Св. Духа людей твоихъ; даруй имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую и несовратную. И мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, дабы разрушить его козпи, и восхвалять достойно святое имя Твое. Въ тотъ разъ можно было ощущать радость неба и земли о такомъ множествѣ душъ, получившихъ спасеніе.»

2) *Изъ Евангелія слова Спасителя о дѣтяхъ. (Мат. 18, 10)*

Блудите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангелы ихъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго.

Переложеніе. Берегитесь дѣлать зло малымъ дѣтямъ: ибо говорю вамъ истинно, что у нихъ есть Ангелы-хранители, которые на небесахъ всегда предстоятъ Отцу моему небесному. Они возвѣстятъ Ему все, что худого вы сдѣлаете дѣтямъ, и будутъ молить Господа Бога, чтобы Онъ наказалъ васъ, если вы худыиъ словомъ и дѣломъ порочныиъ развратите ихъ невинное сердце.

(Бесѣды сельск. свящ. къ прилож. стр. 62)

Практическія занятія:

- 1) Разобрать приведенные и другіе примѣры изъ « Воскреснаго Чтенія », гдѣ есть прекрасныя переложенія проповѣдей старинныхъ нашихъ пастырей, напр. св. Димитрія Ростовскаго.
- 2) Заниматься изустными переложеніями въ классѣ по « Славянской Хрестоматіи » Пеннинскаго, или Газахова.
- 3) Назначить переложенія на — доль, для изложенія ихъ на бумагѣ — изъ той-же Хрестоматіи, изъ Св. Писанія, изъ Четвѣхъ-Мисей, изъ старинныхъ проповѣдниковъ.
- 4) При изустныхъ и письменныхъ упражненіяхъ непременно дѣлать *стилистическій* разборъ, показывая, то есть, почему одни славянскія слова удержаны въ переложеніи, а другія такъ или иначе замѣнены словами русскими или иностраннми.

О ПЕРЕЛОЖЕНІИ СТИХОВЪ ВЪ ПРОЗУ.

Опредѣленіе.

Переложеніе стиховъ въ прозу состоитъ въ томъ, чтобы мысли, содержащіяся въ поэтическомъ сочиненіи, выразить, примѣнительно къ изящному слогу подлинника, правильнымъ прозаическимъ языкомъ, приближающимся къ обыкновенной, разговорной нашей рѣчи.

ПРИМѢРЪ.

Вотъ примѣръ переложенія стиховъ въ прозу:

МОЛИТВА.

Въ мнѣ минути жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непопятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится и плачется
И такъ легко, легко!..

Лермонтовъ.

Переложеніе.

Бываютъ въ жизни такіа тяжелыя и мрачныя минуты, когда въ сердце закрадывается грусть и душу тяготитъ сомнѣніе. Тогда я повторяю давно заученную мною наизусть, одну святую и чудную молитву. Въ животворныхъ словахъ ея есть кабая-то благодать, и неостижимая для насъ, неземная сладость: ибо духъ мой, при чтеніи этой молитвы, успокоивается, и сомнѣнье, какъ тяжелое бремя, сваливается съ души, облегчаетъ сердце. Тогда мнѣ и вѣрится и плачется, и на душѣ становится такъ легко и сладостно!

Практическія занятія:

- 1) Показать, какъ произносить стихи.
- 2) Дѣлать переложенія стиховъ въ прозу въ классѣ наизусть.
- 3) Назначать такіа-же переложенія на — дождь для упражненій письменныхъ.
- 4) Соединить съ этими упражненіями предыдущія такимъ образомъ: сдѣлать самое общее замѣчаніе (по словамъ наставника) объ авторѣ стихотворенія, о художественномъ достоинствѣ самаго сочиненія, разобрать внутренній его составъ, переложить въ прозу. Особенно хорошо назначать для переложенія басни Крылова.

2) Переводы.

Что требуется для составленія переводовъ?

Для составленія хорошихъ и полезныхъ переводовъ, требуется выразить духъ и составъ иностраннаго сочиненія, и все это передать на своемъ нарѣчїи вѣрно, языкомъ чистымъ, правильнымъ и красивымъ, съ соблюденіемъ, по возможности, отѣнковъ мысли и выраженія подлинника.

О пользѣ переводовъ, какъ упражненія въ сочиненіи.

Переводы издревле признавались занятіемъ полезнымъ для успѣха въ искусствѣ сочинять. «Полезно, говорятъ Плиніи младшій, а потому и совѣтуютъ многіе дѣлать переводы съ Греческаго на Латинскій языкъ.» Многіе и изъ нашихъ отечественныхъ писателей переводамъ обязаны достоинствами своихъ сочиненій, особенно Карамзинъ и Жуковскій. Переводы послѣдняго составляютъ образцы литературнаго совершенства

ПРИМѢРЪ.

Примѣромъ полезныхъ переводовъ можетъ служить слѣдующее мѣсто, переведенное съ Греческаго изъ сочленій св. Григорія Богослова.

Обращеніе Святителя къ самому себѣ.

Гдѣ (мое) высокопарное краснорѣчіе? разстѣлось въ воздухѣ. Гдѣ цвѣтъ моей юности? увялъ. Гдѣ слава? исчезла на вѣки. Гдѣ сила крѣпкихъ мышцъ? сокрушена болѣзнію. Гдѣ стяжаніе и богатство? часть ихъ взята Богомъ, все остальное зависть отдала въ хищныя руки печестивцевъ. Родители и священная двоица (*) единокровныхъ моихъ сошли во гробъ. Оставалась для меня одна отчизна; но и оттуда злобный дьяволъ, воздвигнувъ жестокую бурю, выгналъ меня. И вотъ теперь я, странникъ одинокій, скита-

---

(*) Здѣсь разужется братъ Цезарій и сестра св. Григорія Богослова, которые умерли въ цвѣтущихъ лѣтахъ

юсь по чужой землѣ, влача злополучную жизнь и дрихлую старость. Нѣтъ для меня уже ни престола, ни города, ни паствы, о которой я столько заботился, сколько заботится отецъ о своихъ чадахъ. Блуждаютъ со дня на день стоны мои, нигдѣ не обрѣтая для себя вѣрнаго пристанища.

Гдѣ я сброшу съ себя это тѣло? гдѣ ожидаетъ меня кончина? какая земля, какая страннолюбивая югила скроетъ меня? чья рука закроетъ мои смыкающіяся очи? рука-ли благочестиваго друга Христова, или рука-злодѣя? Но что я говорю? Не есть-ли это забота души легкомысленной? Предадутъ-ли бездушный трупъ мой погребенію, или онъ сдѣлается добычею звѣрей и хищныхъ птицъ; сожгутъ-ли его огнемъ, и пепель его развѣянъ будетъ по вѣтру; повергнуть-ли его на крутыя скалы, или онъ будетъ истлѣвать въ водахъ и дождевыхъ потокахъ;—ничто не оставитъ меня въ забвеніи; ничто не укроетъ меня отъ суда. И, о если бы можно было укрыться! потому что для многихъ это было бы отрадіе. Но нѣтъ! Въ послѣдній день мановеніемъ Божиимъ соберутся отъ копцевъ земли всѣ во-едино. Прахъ, всюду развѣянный, совокупится, и члены, сотранные болѣваніи, возвратятся къ жизни. Я ужасаюсь и трепещу, при одномъ воспоминаніи о судилищѣ Божиешъ, о рѣкахъ огненныхъ, о мрачныхъ и страшныхъ безднахъ.

Христе Царю! Ты и отечество мое, и сила моя, и радость моя! Ты для меня все! Упокой меня въ самомъ Себѣ, разрѣшивъ отъ тягостныхъ узъ настоящей жизни.

Практическія занятія:

Записывать переводы по классамъ Греческаго и Латинскаго языковъ, в, по надлежащемъ исправленіи, представлять на разсмотрѣніе наставнику Словесности.

3) Извлеченія.

Роды ихъ.

Извлеченія бываютъ двухъ родовъ: извлеченіе выраженій и извлеченіе содержанія.

Объ извлеченіи выраженій.

Извлеченіе перваго рода состоитъ въ томъ, чтобы выписывать изъ какого-нибудь классическаго и образцоваго писателя лучшія слова, выраженія и обороты рѣчи, отмѣчать правильное и красивое употребленіе частей грамматическихъ, также — сравненія, уподобленія, противоположенія и т. п. Карамзинъ, замѣствуя такимъ образомъ слова и выраженія у нашихъ лѣтописцевъ, обогатилъ и украсилъ ими языкъ своей Исторіи.

ПРИМѢРЫ.

Слѣдующія выраженія, взятая изъ Исторіи Карамзина, представляютъ очевидное доказательство пользы извлеченій и образцы для нихъ:

а) Ярославъ вошелъ въ Кіевъ, и, по словамъ лѣтописца, *отерявъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою *заслуживъ* сапъ великаго князя (Т. II, стр. 19).

б) Александръ (Невскій) собственнымъ копіемъ *возложилъ* печать на лицѣ Биргера (Т. IV, стр. 26).

в) Гражданинъ, по выраженію лѣтописца, стремился къ Давиду, какъ пчелы къ *маткѣ*, или *жаждущіе* къ источнику *водному* (Т. V, ст. 8).

г) Приятный голосъ сего князя (Александра Невскаго) гремѣлъ, какъ *труба*, на вѣчахъ (Тамъ-же стр. 22).

д) Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать* душу Васильеву крестомъ и Евангеліемъ (Тамъ-же стр. 325).

Практическія занятія:

- 1) Разбирать въ классѣ изустно лучшія сочлененія въ стилистическомъ отношеніи, и отмѣчать на доскѣ лучшія слова и выраженія изъ нихъ.
- 2) Указать воспитанникамъ сочиненія для извлеченія изъ нихъ выраженій на бумагу.
- 3) Соединять съ этими упражненіемъ другія слѣд. образомъ:
а) назначить переложеніе съ церковно-славянскаго язы-

ка на Русскій съ тѣмъ, чтобы лучшія слова и выраженія подлинника были удержаны въ переложеніи и объяснѣны, почему каждое удержано. в) При назначеніи же сочиненій русскихъ, сказать вообще о достоинствѣ сочиненія, разобрать внутренній его составъ, сдѣлать извлеченіе выраженій, замѣнить одни слова и обороты рѣчи другими, съ удержаніемъ лучшихъ выраженій, сдѣлать общее заключеніе, сообразное съ содержаніемъ всего упражненія.

- 4) Разъ навсегда принять за правило, при чтеніи сочиненій, углубляться въ самыя ихъ выраженія, и лучшія изъ нихъ замѣчать про себя, или выписывать въ «тетрадь для сочиненій».

Объ извлеченіи содержанія.

Извлеченіе содержанія состоитъ въ томъ, чтобы, при чтеніи сочиненія, удержать въ памяти своей одни только существенныя и основныя мысли его, упуская изъ виду подробности ихъ, и потомъ мысли эти изложить въ строгомъ порядкѣ и связи между собою.

О важности этого упражненія.

Важность этого упражненія видна изъ того, что часто и настоящіе писатели имѣютъ нужду представлять сочиненія другихъ въ краткомъ, по дѣлу ихъ видѣ, какъ это бываетъ при составленіи рецензій и т. д.

ПРИМѢРЪ.

Для примѣра представимъ слѣдующее краткое извлеченіе:

О различіи между поэзією древнихъ и нашею.

Поэзія древнихъ объясняется небомъ, землею и моремъ Италіи и Греціи. Мы, жители Сѣвера, посредствомъ сильнаго напряженія ума, а не быстрого чувства, постигаемъ тѣ пламенные впечатленія, которыя природа производитъ на югѣ... И можемъ-ли мы вполне постигнуть сіе благоговѣніе къ солнцу, сіе страстное желаніе прохлады, свѣжести, ночи? сіе сожалѣніе о лѣтахъ юности,

въ землѣ столь счастливой, сію любовь къ наслажденіямъ, сіе искреннее восхищеніе при видѣ красоты, сіе чувство, коимъ Греки одарили и цвѣты и растенія; однимъ словомъ, сіе дивное согласіе между всеми существами міра, отъ коего и бездушная природа пріемлетъ движеніе и жизнь? Древніе ограничивались внѣшними, окружающими ихъ предметамъ, и пренебрегали вносить свѣтильникъ опыта въ мрачную глубину души человѣческой: все призывало ихъ ко внѣшнимъ предметамъ природы благотворной. Намъ, напротивъ того, все отталкиваетъ отъ нихъ, все принуждаетъ обращать вниманіе на самихъ себя. Для древнихъ жизнь была *все*; для насъ самая жизнь есть только переходъ къ другому совершеннѣйшему бытію. Они устремляли неизгримую силу своего генія на кратковременное поприще настоящаго; намъ, можетъ быть, противъ воли, сердце увлекаетъ въ невидимый, но извѣстный край, *идь другое солнце, другое небо* намъ ожидаютъ. Поэзія древнихъ, при возвышенномъ своемъ полетѣ, не могла выступить за предѣлы ихъ гражданской жизни. Въ новѣйшихъ временахъ, все, что носитъ печать поэзіи, принадлежитъ къ такому высокому порядку вещей, что самая поэзія царитъ и теряется въ области безконечнаго.

Батюшковъ.

Извлеченіе.

Поэзія древнихъ объясняется ихъ природою. Южная природа производила на нихъ такое пламенное впечатленіе, что они ограничивались только внѣшними предметамъ, и устремляли силы своего ума лишь на настоящее земное поприще. Мы, напротивъ, отталкиваемые отъ внѣшней природы, устремляемъ все вниманіе свое на самихъ себя, и уносимся въ тотъ невидимый, но извѣстный край, гдѣ *другое новое небо* намъ ожидаетъ. Оттого поэзія древнихъ не выходила за предѣлы ихъ гражданской жизни; наша же, напротивъ, царитъ и теряется въ области безконечнаго.

Практическія занятія:

- 1) Дѣлать извлеченія въ классѣ пзустно, объясняя, почему одна мысль удерживаются, а другія опускаются.

- 2) Назначать воспитанникамъ сочиненія для прочтенія на домъ, съ тѣмъ, чтобы они на другой классъ изустно показали опыты своихъ извлеченій.
- 3) Назначать составленіе извлеченій на бумагѣ.
- 4) Соединять это упражненіе съ предыдущими такимъ образомъ: сдѣлать общее замѣчаніе о сочиненіи, данномъ для извлеченія, написать самое сочиненіе, разобрать внутренній составъ его, сдѣлать извлеченіе содержанія и выраженій, и замѣнить въ немъ одни слова и обороты рѣчи другими.
- 5) Принять на будущее время за непремѣнное правило, по прочтеніи каждаго сочиненія, соображать уместно и излагать въ «тетради для упражненій» основныя его мысли въ порядкѣ.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ

ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

УПРАЖНЕНІА ТРЕТЬЕГО ОТДѢЛА.

Къ третьему отдѣлу практическихъ упражненій относятся одни, такъ называемыя, подражанія.

Опредѣленіе.

Подражаніями называются такія литературныя упражненія, которыя составляются по даннымъ образцамъ.

ПРИМѢРЪ.

Примѣромъ могутъ служить здѣсь слѣдующія два сочиненія:

Л И С Т О КЪ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи листокъ уединенный:
Куда летишь?... • Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;

Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ,
По волѣ случая носимый,
Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтъ все стремится,
Куда и ласть лавровый мчится,
И легкій розовый листокъ. »

Жуковскій.

По образцу этого сочиненія составлено слѣдующее подражаніе:

Л И С Т О К Ъ .

Листокъ взохшій, одинокій,
Прелестный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчикъ мой?
• Какъ спать мнѣ?... Налетѣли тучи —
И дубъ родимый, дубъ могучій
Сломало вихремъ и грозой.
Съ тѣхъ поръ, игралъ Борея,
Не сѣтя и не робѣя,
Пошусь я, странникъ кочевой,
Изъ края въ край земли чужой.
Несусь, куда несетъ суровый,
Всему неизбѣжный рокъ,
Куда летитъ и ласть лавровый,
И легкій розовый цвѣтокъ. »

Д. Давыдовъ.

Практическія занятія:

- 1) Объяснить посредствомъ разбора, въ чемъ состоитъ подражаніе второго сочиненія.
- 2) Сдѣлать изустно подражаніе въ прозѣ и разобрать.
- 3) Повторить оба предыдущія упражненія.

Что требуется для подражанія?

Для составленія хорошихъ подражаній требуется: а) брать предметъ одинаковый съ предметомъ даннаго образца, или только

сходный съ нимъ, или еще противоположный ому; б) излагать мысли въ такомъ же порядкѣ, и, по возможности, такимъ же слогомъ, какъ они представлены въ сочиненіи, данномъ для подражанія; в) но не придерживаться слишкомъ рабски подлинника, чтобы упражненіе не было копіею, а живымъ воспроизведеніемъ образцоваго сочиненія.

Практическія занятія:

- 1) Составлять подражанія изустно въ классѣ, разбирая, въ чемъ состоитъ подражаніе.
- 2) Назначать составленіе подражаній на-домъ, чтобы воспитанники на другой классъ изустно излагали ихъ наставнику.
- 3) Назначать составленіе письменныхъ подражаній.
- 4) Соединять съ подражаніями замѣну однихъ словъ и оборотовъ рѣчи другими, разборъ состава сочиненія, извлеченіе содержанія и выраженій.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ

ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

УПРАЖНЕНІЯ ЧЕТВЕРТАГО ОТДѢЛА.

Къ четвертому отдѣлу практическихъ занятій относятся упражненія на заданныя или произвольно взятые темы.

Что нужно для составленія этихъ упражненій?

Для составленія этихъ упражненій нужно: а) взять какую нибудь определенную тему (*тема* — положеніе), напр. описаніе утра, которая одна и должна раскрываться въ упражненіи; б) найти мысли, которыя бы объясняли ее, доказывали, описывали и проч.; в) расположить эти мысли въ порядкѣ и связи между собою, и наконецъ г) выразить все это словами.

Практическія упражненія:

- 1) Разобрать два или три небольших сочиненія, показывая, въ духѣ предыдущаго правила, какъ они составлены.
- 2) Назначить сдѣлать на дому такой же разборъ, и въ классѣ вслухъ заняться имъ съ воспитанниками.
- 3) Продолжать предыдущія письменныя упражненія.

А) О ТЕМѢ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Какія темы нужно избирать для упражненій?

Темою упражненія можетъ быть всякій предметъ, всякое явленіе природы или нашего внутренняго міра. Но мы должны брать темы для своихъ упражненій больше или религіозно-правственнаго содержанія, или и изъ другихъ наукъ, но въ такомъ случаѣ—разсматривать ихъ съ религіозно-правственной точки зрѣнія. Нужно также, чтобы взятая тема возбуждала нашу любознательность и сочувствіе къ себѣ, и не превышала бы нашихъ средствъ и понятій.

*Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam
Viribus; et versate diu, quid ferre recusent,
Quid valeant humeri. Cui lecta potenter erit res:
Nec facundia deseret hunc, nec lucidus ordo.*

Горацій (De arte poetica).

Б) ОБЪ ИЗОБРѢТЕНІИ МЫСЛЕЙ.

Что нужно дѣлать послѣ избранія темы?

Избравши тему, нельзя еще приступить къ написанію упражненія. Нужно напередъ изслѣдовать ее со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ, и такимъ образомъ приготовить матеріалъ для постройки сочиненія. У древнихъ эта работа называлась, хотя не совсѣмъ точно, *изобрѣтеніемъ* мыслей.

Что требуется для приготовленія мысли для сочиненія?

А чтобы приготовить мысли для упражненія, для сего требуется выплнуть въ его тему или предложеніе, и опредѣлить, въ чемъ состоятъ сущность (*punctum quaestionis*) задачи, какой имѣетъ она объемъ, в сѣ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на ея предметъ.

Для такого же опредѣленія задачи полезно всегда уяснить себѣ значеніе каждаго слова, входящаго въ составъ предложенія, и потомъ эти значенія сопоставить между собою. Тогда само собою объяснится сущность задачи, ея объемъ и точка зрѣнія.

ПРИМѢРЪ.

Возьмемъ, для примѣра, мысль *о занимательности Географіи*. Если эту мысль назначить для упражненія, то она будетъ называться предложеніемъ или темою задачи. Объяснимъ значенія словъ, входящихъ въ составъ сей темы. Предлогъ *о*, пеймѣющій своего значенія, показываетъ однако же, что нужно говорить въ упражненіи *о* чемъ-то опредѣленною. *О* чемъ же именно? Это показываетъ дальнѣйшее слово: нужно именно говорить только *о занимательности*, а не обо всемъ, что можно было бы сказать о Географіи; даже нельзя тутъ трактовать о пользѣ Географіи, о необходимости ея, хотя эти понятія и близки, кажется, къ занимательности. Что же можно говорить объ этой занимательности? То, *чѣмъ* и *какъ* Географія можетъ быть занимательна. А Географія можетъ занимать насъ своимъ содержаніемъ и способомъ своего изложенія. Итакъ, въ упражненіи нужно разсуждать только о томъ, что Географія занимательна по своему содержанію и изложенію. Но какая тутъ разумѣется Географія? Географія бываетъ трехъ родовъ: математическая, физическая и политическая. Въ предложеніи не сказано въ частности о занимательности напр. Географіи политической или математической; слѣдовательно должно говорить въ упражненіи о занимательности Географіи *вообще*, такъ, чтобы наша рѣчь обнимала всѣ указанныя отрасли Географіи. Изъ этого объясненія темы открывается, что въ упражненіи нужно говорить строго объ одной только *занимательности* Географіи (сущность задачи), о занимательности именно *по содержанію и*

изложенію (точка зрѣнія), о занимательности по содержанию и изложенію *Географіи вообще* (объемъ).

Объ изобрѣтеніи мыслей.

Опредѣливши значеніе и объемъ темы, пужно потомъ найти мысли, развивающія ее, и вмѣющія войти въ составъ самаго упражненія.

О первомъ источникѣ изобрѣтенія мыслей.

Умъ нашъ есть первый и самый главный источникъ изобрѣтенія мыслей. А потому, чтобы приготовить матеріаль для постройки сочиненія, требуется самобытное, самое усердное и внимательное размышленіе о темѣ упражненія. Такое размышленіе возбуждаетъ дѣятельность всѣхъ нашихъ способностей, порождаетъ мысли, чувствованія, воспоминанія, картины воображенія, и такимъ образомъ даетъ матерію для развитія задачи.

Но размышленіе о предметѣ упражненія даетъ намъ общія понятія о немъ. А писателю пужны свѣденія о немъ частныя и подробныя. Чтобы пріобрѣсти такія свѣденія, для сего требуется еще, кромѣ размышленія, изученіе предмета задачи.

О второмъ источникѣ изобрѣтенія.

Каждый предметъ, могущій быть темою задачи, непременно существуетъ или во внѣшней природѣ, или въ нашей душѣ. Самъ Богъ, существо Премірное, отражаетъ безконечныя свои совершенства въ области созданія. Поэтому, для пріобрѣтенія частныхъ и подробныхъ мыслей о предметѣ упражненія, нужно всегда обращаться къ наблюденію и опытамъ надъ нимъ въ самой природѣ, гдѣ онъ существуетъ. Опытъ и наблюденія составляютъ изученіе предмета, и даютъ понятія о немъ не только частныя и подробныя, но еще свѣжія и истиныя.

ПРИМѢРЪ.

Такимъ образомъ, если мы захочемъ описать какое нибудь явленіе природы, напр. восходъ солнца, зрѣлище прекрасной ночи,

бурю, море и т. п., или захочемъ представить въ живой картинѣ челоуѣка въ извѣстный періодъ времени: то для изученія сихъ предметовъ, для приобрѣтенія о нихъ свѣденій подробныхъ и свѣ-жихъ, пуждо обратиться къ опыту и наблюденію надъ ними въ самой природѣ. Опытъ и наблюденіе дадутъ намъ все нужное для развитія упражненія.

О третьемъ источникѣ изобрѣтенія мыслей.

Наконецъ, для собранія частныхъ и подробныхъ свѣденій о предметѣ упражненія, можно и даже бываетъ совершенно необходимо пользоваться сочиненіями и устными сужденіями о немъ другихъ. Нужно только въ подобныхъ случаяхъ усвоивать себѣ чужія понятія предварительно размышленіемъ, и потомъ уже пользоваться ими, какъ своею собственностію. Зармствованія всякаго другаго рода, а тѣмъ болѣе цѣлыя выписки, выдаваемые за свою работу, и предосудительны и вредны. Этотъ источникъ изобрѣтенія мыслей служитъ необходимымъ условіемъ для составленія упражненій особенно богословскаго и историческаго содержанія.

Объ источникахъ изобрѣтенія, по ученію древнихъ.

У древнихъ раторовъ были еще и другіе источники изобрѣтенія мыслей. Они назывались топиками, общими риторическими мѣстами (loci topici). Такихъ общихъ мѣстъ насчитываютъ до 24, коп суть: а) причина, б) сравненіе, в) подобіе, г) примѣръ, д) свидѣтельство, е) обстоятельства, ж) уступленіе, з) условіе, и) противное, і) время, к) мѣсто, л) признаки, м) качества, н) принадлежности, о) свойства лица, п) свойства неодушевленнаго предмета, р) дѣйствіе и страданіе, с) имя, т) цѣлое, у) части, ф) родъ, х) виды, ц) опредѣленіе и наконецъ ч) слѣдствіе.

Сообщить о каждомъ мѣстѣ понятія по книгѣ А. Дапсаго: «Правила Русской Словесности» 1853 г. стр. 125 — 135.

Сужденіе современной критики объ источникахъ изобрѣтенія древнихъ.

Эти общія риторическія мѣста хороши въ томъ отношеніи, что указываютъ неопытнымъ еще писателямъ, съ какой стороны смот-

трѣть на предметъ, чтобы найти для упражненія мысли о немъ. Напр. если предметомъ упражненія будетъ *цѣлое*: человекъ, городъ и т. п.; то, по смыслу источниковъ изобрѣтенія древнихъ, нужно сначала сказать объ этомъ *цѣломъ* и объ общихъ его свойствахъ, потомъ перечислить его части (въ человекѣ—душа, тѣло и проч.), и описать свойства каждой изъ нихъ въ отдѣльности и проч. Но такъ какъ эти источники изобрѣтенія сами по себѣ ничего не изобрѣтаютъ, а только помогаютъ изобрѣтать: то ихъ справедливо признаютъ нынѣ болѣе предметомъ исторіи, нежели положительнаго знанія, годнаго для руководства въ дѣлѣ словесныхъ занятій.

Что дѣлать съ мыслями, изобрѣтаемыми для упражненія?

Мысли, добываемыя посредствомъ указанныхъ источниковъ изобрѣтенія, должно всегда записывать на бумагу, въ видѣ отрывковъ. Если же, при размышленіи о предметѣ упражненія, или при чтеніи о немъ, родится охота, какое-то невольное расположеніе къ изложенію мыслей своихъ о немъ на бумагу (что замѣчается и при первыхъ опытахъ въ сочиненіи): то должно немедленно воспользоваться этимъ счастливымъ расположеніемъ духа, чтобы записать тѣ хорошія мысли, изображенія и чувствованія, которыя тогда сами собою возникаютъ въ душѣ.

В) О РАСПОЛОЖЕНІИ МЫСЛЕЙ.

О необходимости расположенія или плана.

Собравши, по возможности, обстоятельныя свѣдѣнія о предметѣ задачи, нельзя еще приступать къ написанію ея. Нужно предварительно составить изъ этихъ мыслей на бумагѣ, или хотя въ умѣ своемъ, планъ или расположеніе для упражненія.

Роды расположеній.

Расположеніе мыслей бываетъ двухъ родовъ: логическое и риторическое.

О РАСПОЛОЖЕНИИ ЛОГИЧЕСКОМЪ.

Логическое расположение состоитъ въ томъ, чтобы представить въ краткомъ очеркѣ главныя, составныя мысли упражненія въ опредѣленномъ порядкѣ и взаимной связи ихъ между собою.

Для такого расположенія мыслей, безъ всякаго сомнѣнія, существуютъ въ нашемъ умѣ общіе законы, которые и излагаются въ логикѣ. Но приложеніе этихъ законовъ къ дѣлу зависитъ отъ обстоятельствъ весьма различныхъ. Поэтому нельзя дать одной пематической, общей формулы для хорошаго расположенія мыслей въ упражненіяхъ. И успѣхъ здѣсь больше зависитъ отъ понятія самаго предмета задачи и отъ пріобрѣтенной уже опытности въ расположеніи.

На что нужно обращать вниманіе, при составленіи расположеній?

Посему, при составленіи расположеній, нужно обращать вниманіе на сущность предмета и его составныя части, на воззрѣніе на предметъ, на цѣль упражненія и на самый его родъ или форму: здѣсь-то и скрывается ключъ къ открытію правильнаго логическаго расположенія мыслей.

О средствахъ къ пріобрѣтенію опытности въ расположеніи мыслей.

Для пріобрѣтенія же опытности въ расположеніи мыслей употребляются особенно слѣдующія средства: а) извлеченіе плана изъ лучшихъ сочиненій, б) переработка какого-нибудь готоваго сочиненія по мысли, требующей особаго порядка въ расположеніи и в) собственное упражненіе въ составленіи расположеній. Все сіи занятія не только научаютъ насъ умному подражанію, но и сообщаютъ опытность или умѣнье, какъ самимъ располагать мысли въ сочиненіяхъ.

Примѣчаніе. Для ясности составляемыхъ расположеній требуется, чтобы каждый отдѣлъ плана начинался новою строкою,

чтобы раздѣленія, подраздѣленія, доказательства, свойства в со- бытія предмета обозначались цифрами и буквами. Когда такимъ образомъ всѣ мысли будутъ на перечетъ; то мы ясно увидимъ, не повторено-ли во второй части расположеніи то, о чемъ уже сказано въ первой, естественно-ли слѣдуетъ третій отдѣлъ плана за вторымъ, или его переставить на другое мѣсто и т. п.

О РАСПОЛОЖЕНІИ РИТОРИЧЕСКОМЪ.

Риторическое расположеніе состоитъ изъ частей упражненія, кои суть: *начало* или приступъ, гдѣ излагаются общія мысли о предметѣ задачи, *изложеніе*, гдѣ раскрывается самый предметъ и *конецъ* или заключеніе, который долженъ по мыслямъ своимъ согласоваться съ двумя предыдущими частями. Простое упражне- ніе, не имѣющее литературной формы сочиненія, можетъ состоять изъ одного изложенія, какъ части существующейшей.

О взаимномъ отношеніи расположеній: риторическаго и логическаго.

Оба расположенія, риторическое и логическое, должны быть соединены вмѣстѣ и составлять одно цѣлое въ упражненіи.

Примѣромъ такого сложнаго расположенія мыслей служить слѣдующее «Слово въ Великій Пятокъ.»

Приступъ. «Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ, вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братія! давайте пла- кать, и всѣ пали на землю и пролили слезы.»

Изложеніе. «Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются, при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стою разъ слышите не говорили бы сіи азвы? Кого не тронуть онѣ, тотъ тронется ли отъ слабого слова человѣческаго? На Голгоубѣ не было проповѣди;

тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23, 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.»

Заключеніе. «Братія! Господь и Спаситель нашъ по гробѣ: начнемъ же молиться и плавать. Аминь.»

Практическія занятія:

- 1) Дѣлать изустно въ классѣ и на доскѣ извлеченія расположеній изъ готовыхъ сочиненій.
- 2) Такія же извлеченія назначать на домъ, съ тѣмъ, чтобы воспитанники изустно рассказывали ихъ въ классѣ.
- 3) Назначать составленіе письменныхъ извлеченій плана.
- 4) Подобнымъ же образомъ назначать переработываніе сочиненій по мыслямъ, требующимъ особаго расположенія.
- 5) Взять тему, рассказать воспитанникамъ мысли, развивающія ее, и назначить составить изъ нихъ расположеніе на дому и на бумагѣ.
- 6) Взять тему, изустно въ классѣ развить ее вѣстѣ съ воспитанниками, и составить планъ.
- 7) Дать тему съ тѣмъ, чтобы воспитанники сами изобрѣли мысли, составили на дому и представили бы письменный расположенія.
- 8) Принять навсегда за правило, по прочтеніи сочиненія соображать внутреннее его расположеніе и излагать на бумагѣ въ «тетради для упражненій.»

**Г) ОБЪ ИЗЛОЖЕНІИ УПРАЖНЕНІЯ НА БУМАГУ, ИЛИ
О ВЫРАЖЕНІИ ЕГО СЛОВАМИ.**

*О необходимости одушевленія, при изложеніи мыслей на
бумагу.*

Собравши мысли, и составивши планъ для упражненія, нужно приступитъ къ изложенію его на бумагѣ. Для этого нужно, прежде всего, пробудитъ въ себѣ охоту, внутреннее расположеніе къ написанію упражненія, что, обыкновенно, называется *авторскимъ*, или *творческимъ одушевленіемъ*. « Не разгорячась и не чувствуя

себя восхищеннымъ, и приниматься онъ (поэтъ) за ляру не долженъ, » говоритъ Державинъ. Вотъ еще слова Пушкина о сочиненіяхъ, которыя пишутся безъ внутренняго расположенія къ дѣлу:

« Я книгу
закрываю.
Беру перо, слѣжу, *насилъно*
вырываю
У музы дремлющей несвязныя
слова.
Ко звуку звукъ *нейдетъ*, теряю
всѣ права
Надъ рямкою, надъ моею прислужницею
страшной.
Стихъ *вяло тянется*, *холодный*
и туманный.
Усталый, съ музою я пре-
кращаю споръ.

Всякому-ли писателю доступно одушевленіе?

Одушевленіе, на высшей степени своей, является только у высокиихъ поэтовъ и художественныхъ прозаиковъ, и составляетъ необходимую принадлежность ихъ таланта. Но на низшей степени, въ видѣ охоты, расположенія къ сочиненію, оно доступно всякому писателю, занимающемуся литературными трудами.

О средствахъ къ пробужденію одушевленія.

Иногда такое расположеніе является и само собою, неожиданно и незванно, особенно у писателей и художниковъ опытныхъ. Державинъ сочинилъ однажды стихи во время сна, и, во пробужденіи уже, записалъ ихъ на бумагу. Но если расположенія къ сочиненію нѣтъ, то нужно стараться пробудить его въ себѣ. Средствами для этого служатъ, по преимуществу:

а) Размышленіе о предметѣ упражненія, и особенно созерцаніе его въ сущности. Черезъ такое размышленіе духъ нашъ *родится* съ предметомъ сочиненія, начинаетъ мало по малу *ощушать* къ

нему любовь, расположеніе, и въ слѣдствіе этого уже является въ немъ охота къ сочиненію. « Сказываютъ, что Рафаэль (творецъ Мадонны), натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ; вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ *мыслію о Мадоннѣ*, и, вѣрно, какой-нибудь Ангелъ разбудилъ его. Онъ вскопчилъ: *она здѣсь*, вскричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ » (Жуковский).

б) Чтеніе сочиненій о предметахъ сходныхъ съ данною темою, или такихъ, авторы коихъ имѣютъ съ нами одинаковое настроеніе въ мысляхъ и чувствованіяхъ. Превосвященный Гедеоиъ, епископъ Псковскій, имѣлъ обыкновеніе, предъ написаніемъ своихъ краснорѣчивыхъ проповѣдей, одушевляться чтеніемъ сочиненій Ильи Минаева, прозваннаго греческимъ Екклесіастомъ. Боссюэтъ всякій разъ, какъ ему приходилось писать надгробное слово, читалъ въ Греческомъ подлинникѣ Гомера, и это чтеніе онъ прекрасно называлъ *искусствомъ зажигать свой свѣтъ отъ лучей солнца*.

Какъ излагать мысли на бумагу, при самомъ написаніи сочиненій?

При самомъ написаніи упражненія, не должно стѣсняться слишкомъ его расположеніемъ, чтобы упражненіе не вышло такимъ же сухимъ и тощимъ, какъ его планъ. Имѣя въ виду этотъ планъ, нужно излагать свои мысли свободно, предаваясь вполне свободному дѣйствию своихъ способностей. Подъ этимъ только условіемъ, наше упражненіе можетъ обогатиться новыми и свѣжими мыслями, хорошими изображеніями и сильными чувствованіями.

О нуждѣ исправленія сочиненія послѣ его написанія.

Легко можетъ быть, что, подъ вліяніемъ свободной дѣятельности силъ, въ упражненіе вкрадутся разные недостатки и погрѣшности, какъ-то: отступленіе отъ главнаго предмета, нарушеніе порядка и связи мыслей, темнота и несправность выраженія и

т. п. Поэтому, упражненіе, какъ и всякое другое произведеніе человѣческое, требуетъ, послѣ первой своей отдѣлки, окончательнаго исправленія.

Какія условія необходимы для исправленія сочиненія?

А чтобы исправить сочиненіе надлежащимъ образомъ, для этого необходимы слѣдующія условія:

а) Нужно написанное сочиненіе оставить на нѣкоторое время безъ всякаго вниманія, и, такъ сказать, совсѣмъ забыть о немъ, чтобы послѣ лучше замѣтить его ошибки. Жуковский говоритъ: « окончивъ пѣснь (т. е. переводъ пѣсни язъ Одиссея), я отсылалъ ее въ типографію, и когда приносили ко мнѣ корректуру, я читалъ ее, какъ нѣчто вовсе для меня новое... Отъ этого и ошибки ярче бросались въ глаза. »

б) Критически пересмотрѣть упражненіе, обращая въ немъ самое безпристрастное вниманіе на все, на вѣрность мыслей, на ихъ порядокъ и связь, на ихъ выраженіе, на устройство предложеній и періодовъ, даже на каждое отдѣльное слово. Все это нужно вновь перемыслить, передумать, и замѣченные недостатки и погрѣшности тщательно исправить.

в) Заниматься критикою и исправленіемъ упражненій должно нѣсколько разъ, помня мудрый совѣтъ древнихъ: *stillet saepius vertere*, и заниматься до тѣхъ поръ, пока сознаніе не скажетъ намъ, что « теперь все сдѣлано для упражненія, что лучше этого я не могу уже написать его. »

Практическія записки:

- 1) Взять одинъ изъ прежде составленныхъ плановъ, и въ классѣ изустно развить его, съ тѣмъ, чтобы воспитанники записывали все на бумагу. Потомъ записанное посредствомъ изустнаго разбора исправить хорошенько.
- 2) Позначить самымъ воспитанникамъ сдѣлать то же самое на дому и на бумагѣ.
- 3) Дать темы съ тѣмъ, чтобы они, по руководству изложенныхъ въ четвертомъ отдѣлѣ правилъ, развили ихъ шсьменно.

- 4) Эти упражненія тщательно разсматривать, исправлять, и въ классѣ, при выдачѣ ихъ, дѣлать всегда замѣчанія объ общихъ недостаткахъ. Воспитавшики должны помнить какъ эти замѣчанія, такъ и сдѣланныя каждому на задачѣ, даже записывать ихъ въ «тетради для упражненій.» А послѣ, при составленіи дальнѣйшихъ своихъ опытовъ, смотрѣть нѣтъ-ли тѣхъ же ошибокъ и исправлять ихъ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ОБЩЕЙ СЛОВЕСНОСТИ.

О СОЧИНЕНІИ, КАКЪ ПРОИЗВЕДЕНІИ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ, И О ПРАКТИЧЕСКИХЪ
УПРАЖНЕНІЯХЪ ВЪ СОЧИНЕНІИ.

Что называется сочиненіемъ вообще?

Сочиненіемъ называется такое литературное произведеніе, которое составлено по законамъ извѣстнаго, и притомъ словеснаго искусства.

О законахъ сочиненій.

Законы словеснаго искусства обнимаютъ сочиненіе со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. А именно они касаются: 1) главной мысли сочиненія, 2) ея развитія, 3) выраженія и слога и 4) различныхъ формъ изложенія сочиненій.

1) О ГЛАВНОЙ МЫСЛИ СОЧИНЕНІЯ.

Что называется главною мыслию сочиненія?

Главною мыслию или предметомъ сочиненія называется та мысль, тотъ предметъ, о которомъ *исключительно* говорится въ сочине-

нѣ, къ которому всё прочія мысли относятся, т. е. или доказываютъ ее, или описываютъ и т. п. Эта мысль, по различію родовъ и видовъ сочиненій, бываетъ различна. Такъ въ сочиненіяхъ ученыхъ всегда развивается какая-либо мысль отвлеченная и поучительная. Въ сочиненіяхъ поэтическихъ изображается идея или чувство поэта. Въ повѣсти какой-либо замѣчательный фактъ и явленіе психологическое и т. п.

Правила или законы касательно главной мысли сочиненія.

Но каковъ бы ни былъ предметъ сочиненія, и къ какому бы роду оно ни относилось, во всякомъ случаѣ отъ художественнаго сочиненія требуется, чтобы въ немъ было *единство*, то есть, господствовала бы одна главная мысль, или чувство, или одинъ определенный предметъ, одинъ взглядъ на предметъ, и одинъ тонъ, свойственный предмету сочиненія. Единство составляетъ общій законъ, общее правило для всѣхъ сочиненій — и прозаическихъ, и поэтическихъ.

ПРИМѢРЪ.

Такое единство строго соблюдено въ *Иліадѣ* Гомера. Ахиллесъ, главный предметъ и первый герой поэмы, наполняетъ собою все сочиненіе. Правда, самъ Гомеръ иногда и забываетъ его. Но за то другіе его помнятъ, и говорятъ объ немъ и на шире, и на войнѣ. Такимъ образомъ главное лицо *Иліады* и тамъ, гдѣ лично не присутствуетъ, — присутствуетъ, какъ говорится, въ идеѣ.

Что требуется для соблюденія единства въ сочиненіи?

Для соблюденія такого единства въ сочиненіи, не нужно ни на минуту терять изъ виду главный его предметъ, и — дѣлать лишнѣхъ отступленій и уклоненій отъ него. Нельзя также перебивать принятой точки зрѣнія на предметъ, а тѣмъ болѣе — переходить отъ него къ вещамъ, совсѣмъ постороннимъ. Нужно же стараться, чтобы въ сочиненіи всѣ главные отдѣлы, всѣ части, даже всѣ

мысли вытекали и развивались изъ одного предложенія, какъ дерево изъ своего корня, и относились къ нему, какъ бы къ своему центру.

2) О РАЗВИТІИ ГЛАВНОЙ МЫСЛИ СОЧИНЕНІЯ.

Что называется развитіемъ и содержаніемъ сочиненія?

Главная мысль сочиненія или доказывается въ немъ, или описывается и объясняется, или рассказываются какія-нибудь событія, къ ней относящіяся, или же еще—показывается отношеніе ея къ жизни и дѣятельности людей и т. п. Этотъ способъ изложенія главной мысли въ сочиненіи называется ея *развитіемъ*. А мысли, развивающія главную, взятыя вмѣстѣ, составляютъ *содержаніе* сочиненія.

Законы, опредѣляющіе развитіе главной мысли сочиненія.

Законы, опредѣляющіе развитіе главной мысли, касаются: а) внутреннего устройства сочиненія и б) вѣшняго его построенія, или частей сочиненія.

а) О ВНУТРЕННЕМЪ УСТРОЙСТВѢ СОЧИНЕНІЯ.

Условія въ отношеніи ко внутреннему устройству сочиненія.

Въ отношеніи ко внутреннему устройству сочиненія требуются слѣдующія необходимыя условія:

1) *Порядокъ и связь* между мыслями, развивающими главный предметъ сочиненія. Чтобы соблюсти этотъ законъ, для сего нужно открыть въ предметъ составныя его части, или взять въ разсмотрѣніе разныя его стороны, и за тѣмъ—каждую часть, каждую сторону предмета разсматривать отдѣльно одну за другою въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ, естественно или по законамъ нашего мышленія.

Такимъ-же образомъ нужно соблюдать порядокъ и связь мыслей въ развитіи каждой отдѣльной части сочиненія. Здѣсь требуется,

чтобы всякая последующая мысль непременно объяснила или доказывала предыдущую, или же на оборотъ, чтобы предыдущая мысль, событие, описаніе служили основаніемъ последующему, и чтобы, такимъ образомъ, цѣлый отдѣлъ сочиненія заключалъ въ себѣ рядъ мыслей, изложенныхъ въ порядкѣ и связи, и относящихся къ одному предмету.

2) *Стройность* или *соразмѣрность* въ изложеніи мыслей. Извѣстно, что сочиненіе слагается изъ нѣсколькихъ частей, или, по крайней мѣрѣ, изъ непогихъ частныхъ мыслей, развивающихъ главный предметъ его. Законъ соразмѣрности требуетъ, чтобы каждая часть, каждая мысль, событіе, изображеніе развивались въ сочиненіи ни больше, ни меньше, какъ сколько требуется для доказательства или изображенія главнаго его предмета.

3) *Полнота* въ развитіи главной мысли сочиненія. Для сего данный предметъ слѣдуетъ разсматривать не съ нѣкоторыхъ только сторонъ, а во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ, какія только представляются писателю съ его точки зрѣнія на избранный предметъ, или сообразно съ цѣлю сочиненія.

Недостатокъ полноты бываетъ тогда, когда а) говорится о предметѣ не все, что слѣдовало бы сказать; напр. при описаніи какого-либо явленія природы, упускаются изъ виду нѣкоторыя его характеристическія стороны; или б) говорится о предметѣ больше, чѣмъ слѣдовало бы; напр. въ повѣствованіяхъ и описаніяхъ дѣлаютъ слишкомъ длинныя и утомительныя изображенія времени, мѣста, дѣйствующихъ лицъ и обстоятельствъ, не имѣющихъ существенной связи съ предметомъ; или наконецъ в) тогда, когда берутся всѣ части предмета, но излагаются слишкомъ сухо, формально, и безъ надлежащаго развитія, какъ это бываетъ въ отвлеченныхъ сочиненіяхъ философскихъ.

Наконецъ 4) изъ единичности, порядка, стройности и полноты образуется новое качество сочиненія — такъ называемая *художественная цѣлость*. Сочиненіе является произведеніемъ окончательнымъ, совершенно цѣлымъ, въ которомъ всѣ части необходимо вытекаютъ изъ одной мысли, расположены между собою въ порядкѣ и стройно, и въ совокупности своей составляютъ одно гармоническое

цѣлое. Таковъ идеалъ всякаго истишно-художественнаго сочиненія въ отношеніи ко внутреннему его устройству!

ПРИМѢРЪ.

Примѣромъ такого художественнаго построенія сочиненія можетъ служить слѣдующее извлеченіе изъ разсужденія на слова Пророка Давида: *Полунощи востанъ исповѣдаться Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Псал. СХVIII, 62).

ПОЛНОЧЬ.

Разсужденіе начинается прямо съ предложенія. «*За чѣмъ вѣнчанный Пророкъ, въ самыя пріятныя минуты для сего оставляетъ свое царственное ложе, и поднимается въ полночь на славословіе? Многія наблюденія показываютъ, что въ полночь происходитъ нѣчто немаловажное для всей видимой природы, для человѣка, для самаго міра духовнаго, и что высшій Правитель вселенной часто въ полночь совершалъ и совершаетъ праведные суды свои, пробуждающіа благочестивыхъ людей къ усмеленной молитвѣ.*»

Въ этомъ предложеніи сочинитель взялъ въ разсмотрѣніе четыре стороны своего предмета: 1) видимую природу, 2) человѣка, 3) міръ духовный и 4) праведные суды Божіи, расположивъ ихъ въ естественномъ порядкѣ одна за другою, и далѣе раскрываетъ ихъ въ такомъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ:

1) «*Люди, нѣмнѣе нужду часто проводитъ весеннія и лѣтнія ночи подъ открытымъ небомъ, въ дѣсахъ и долинахъ, невольно замѣчаютъ, что чѣмъ ближе время движется къ полудню, тѣмъ безмолвнѣе и тише становится природа. Птицы умолкаютъ, и завертываются въ перья; животныя становятся въ круги, и дѣлаются какъ бы мертвыми; растенія и цвѣты крѣпче завиваютъ листья свои, и замыкаютъ чашечки. Все находится въ ослабленномъ положеніи, въ состояніи нѣкоего ожиданія и страха. И это — оттого, что въ полночь происходитъ нѣкоторый переломъ (crisis) жизненной силы во всей природѣ.*»

Это — первая часть изложенія предмета. Въ ней всѣ мысли представлены также въ порядкѣ и связи между собою. И вся часть

развита соразмѣрно съ главнымъ предложеніемъ. Такимъ же образомъ въ порядкѣ и соразмѣрности излагаются и три слѣдующія за нею части сочиненія.

2) « Что бываетъ, спрашиваетъ сочинитель, съ нашимъ тѣломъ? Тоже, что и съ природою. И оно чувствуетъ сонъ, утомленіе и переломъ жизни, столько необходимый человѣку къ ея сохраненію. И все это опять совершается въ самую полночь. »

3) « Что происходитъ въ это время съ нашею душою? И она начинаеть собираться и какъ бы свертываться въ саму себя, подобно вечернему цвѣтку, притѣнно безнокоятся и чувствуетъ грусть, не вѣдая причины. Это трепетное состояніе души, по сказанію подвижниковъ, происходитъ оттого, что, около полуночи, ощутившіе дѣйствіе оказываютъ на человѣка какъ добрые, такъ и злые духи. Вспомнимъ при семъ притчу Спасителя о плевелахъ, посяянныхъ діаволомъ между пшеницею въ то время, когда люди спали, — и мысли подвижниковъ получаютъ для насъ высшую степень достовѣрности. »

За сямъ слѣдуетъ искусный переходъ отъ предыдущихъ трехъ частей къ послѣдней. Онъ связываетъ все эти части сочиненія въ одно цѣлое, подводитъ ихъ подъ одну главную мысль, и такимъ образомъ даетъ всему сочиненію самое строгое единство. » Итакъ Пророкъ не напрасно, говоритъ авторъ, поднимался въ полночь для молитвы. Можетъ быть, онъ видѣлъ борьбу двухъ міровъ — Ангельскаго и бѣсовскаго за міръ человѣческой. ....

« Но 4) за чѣмъ можетъ быть? Пророкъ анализируетъ исторію своего народа; онъ вѣдалъ, что, въ пользу сего народа, многія судьбы Промысла совершались именно въ полночь, или около полуночи. Такъ въ полночь Господь поразилъ Египетскихъ первенцевъ, изсушилъ Черное море, истребилъ сто восемьдесятъ тысячъ Ассирійскаго войска, осаждавшаго Іерусалимъ. »

« Можемъ предполагать, что глубочайшая тайна Божества, касающаяся не одного народа Израильскаго, а всего рода человѣческаго, начала раскрываться въ тихую полночь. Воплощеніе Бога Слова, рожденіе Владыки міра падало на полночное время (Прем. Солом. XVIII, 14 и 15). Находимъ и другія весьма важныя событія въ жизни Искунителя, послѣдовавшія около полуночи. Такъ Господь

нашъ часто удалялся ночью на горы для молитвы, въ ночь уставилъ Тайную Вечерю, около полуночи, а, можетъ быть, и въ самую полночь, былъ преданъ Иудею. »

« Сколько такимъ образомъ воспоминаній о пощныхъ и полунощныхъ событіяхъ, располагающихъ къ пламенной и усердной молитвѣ! Но будетъ еще одна ночь, о которой страшно, а необходимо вспоминать. . . . Въ полночь, вѣроятно, совершится, или, по крайней мѣрѣ, начнется судъ и надъ цѣлою вселенною. *Полунощи же вопль бысть*, говоритъ Господь, указывая на второе свое пришествіе, *се женихъ грядетъ, исходите во срътвеніе!* (Матт. XXV, 6). »

Теперь авторъ раскрылъ всѣ стороны своего разсужденія въ порядкѣ и соразмѣрности ихъ между собою. Каждую сторону въ частности развилъ съ надлежащею подробностію. Такъ, напр. въ послѣдней части онъ указалъ не только тѣ суды Божія, которые совершались прежде, но и тѣ, которые еще имѣютъ совершиться въ полночь. А потому сочиненіе это отличается полнотою изложенія своего предмета. За тѣмъ опъ дѣлаетъ переходъ къ заключенію своего сочиненія, и излагаетъ самое заключеніе слѣдующимъ образомъ:

« Въ какой сторонѣ свѣта ляжетъ тѣло мое на покой смертный? Но гдѣ бы это ни случилось, ты, бѣдная оболочка души моей, пробудись и встанешь на судъ, въ виду Бога твоего и всей вселенной. О каковѣй тогда часъ и день, егда сядетъ Судія на престолѣ страшномъ! » (Перех.)

« А ты, миролюбецъ, и не думаешь объ этомъ часѣ! И можешь быть, въ эту ночь безопасно предаешься сну, или затѣваешь дѣла темнѣе ночи, или шлѣешь за полночь. Прокляти бездѣльные дѣла твои, и вачни живнѣ порядочную и благочестивую. Вставай въ полночь благословлять Бога за данное тебѣ бытіе. Если же трудно тебѣ подниматься рано, то лучше спи, только не грѣши. Помяни, что *единою лежитъ человеку умерети, потому же суды* (Евр. IX, 27). »

« За что, какъ не за грѣхи и нечестіе? »

»

Изъ этого разбора ясно, что сочиненіе написано въ порядкѣ, соразмѣрности и съ надлежащею полнотою. Всѣ мысли въ цѣль, всѣ факты ощутительно относятся къ одной главной мысли: «за чѣмъ вѣнчанный Пророкъ поднимался въ полночь на слово-слово?» А потому сочиненіе сіе имѣетъ и художественную цѣльность.

Практическія занятія:

- 1) Разборъ расположенія сочиненій съ указаніемъ въ нихъ единства, порядка, стройности, полноты и цѣлости, сначала—а) изустный въ классѣ, а потомъ б) письменный на дому.
  - 2) Составленіе собственныхъ изустныхъ и письменныхъ расположеній и цѣлыхъ сочиненій коротенькихъ, съ соблюденіемъ изложенныхъ законовъ о сочиненіи.
- б) о вѣнчанномъ построеніи сочиненія, или о его частяхъ.

Число частей въ полномъ сочиненіи.

Полное литературное произведеніе слагается изъ слѣдующихъ пяти частей: приступа, предложенія, раздѣленія, изслѣдованія и заключенія.

Эти части—общія всѣмъ сочиненіямъ, какъ прозаическимъ, такъ и поэтическимъ. И они не выдуманы древними, а вытекаютъ сами собою изъ природы нашего ума, изъ внутренняго построенія сочиненія, и потому они и составляютъ существенную его принадлежность, вѣнчанную форму.

О приступѣ.

Приступъ, или вступленіе, введеніе есть первая часть сочиненія. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы приготовить духъ самого писателя, и особенно слушателей или читателей его къ главному предмету сочиненія, или къ изслѣдованію о немъ. А потому нельзя опредѣлять, когда и какъ должно составлять приступъ, и какія мысли должны войти въ составъ его. Это зависитъ отъ усмотрѣнія писателя, отъ предмета сочиненія, отъ точки зрѣнія на предметъ,

отъ рода сочиненія, отъ его случая, цѣли и другихъ обстоятельствъ. Но, во всякомъ случаѣ, хорошъ приступъ бываетъ тогда, когда онъ самымъ простымъ и естественнымъ образомъ приводитъ читателей или слушателей къ предмету сочиненія. Иногда же сочиненіе бываетъ и безъ приступа, какъ разсужденіе Карамзина: « О любви къ отечеству и народной гордости », которое начато прямо съ предмета.

О предложеніи.

Предложеніе составляетъ вторую часть сочиненія. Въ немъ предлагается на разсмотреніе вопросъ, взятый для сочиненія, или главная мысль сочиненія. Мысль эта должна быть выражена кратко, точно и совершенно ясно. Главная мысль, выраженная такимъ образомъ, называется предложеніемъ *открытымъ*.

О предложеніи скрытомъ.

Но во многихъ сочиненіяхъ главная мысль не высказывается прямо и голословно. А между тѣмъ, она присуща во всемъ произведеніи, какъ жизнь въ растеніи, или какъ душа въ тѣлѣ, и легко можетъ быть указана въ каждомъ отдѣленіи сочиненія. Въ такомъ случаѣ предложеніе называется *скрытымъ*, и не составляетъ особой части сочиненія.

О раздѣленіи.

Третью часть сочиненія называютъ раздѣленіемъ. Въ немъ или показываются различныя части главной мысли сочиненія, или определяются тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ писатель будетъ разсматривать предметъ свой. Таково слѣдующее раздѣленіе въ сочиненіи Карамзина: « О любви къ отечеству и народной гордости: »

« Любовь къ отечеству бываетъ троякая: физическая, нравственная и политическая. » Здѣсь указываются разные стороны одного и того же чувства — любви къ отечеству.

Законы, опредѣляющіе достоинство раздѣленія.

Раздѣленіе бываетъ хорошо тогда, когда оно а) согласно съ законами нашего ума, излагаемымъ въ логикѣ, б) сообразно съ

существомъ предмета и е) когда выражено бываетъ кратко, точно и ясно.

Раздѣленіе также бываетъ *скрытое* и *открытое*. Если писатель открыто выражаетъ раздѣленіе, то оно или соединяется съ предложениемъ, или — съ приступомъ, или — же стоитъ отдѣльно отъ другихъ частей. Но иногда писатель, составивъ раздѣленіе для себя, не высказываетъ его нарочито, словами, а тайно слѣдуетъ ему, при изложеніи своего предмета. Въ такомъ случаѣ раздѣленіе называется *скрытымъ*, и уже не составляетъ части сочиненія.

Обо изслѣдованіи.

Четвертую часть сочиненія составляетъ изслѣдованіе или изложеніе. Это — самая важная, самая существенная, и потому самая обширная часть во всякомъ произведеніи. Въ ней, смотря по роду сочиненія, развивается различнымъ образомъ предметъ, взятый для сочиненія. Въ описаніяхъ — онъ описывается, въ сочиненіяхъ философическихъ — доказывается и т. п.

О частяхъ изслѣдованія.

Въ небольшихъ сочиненіяхъ изслѣдованіе состоитъ изъ одной части. Но тамъ, гдѣ предметъ разсматривается обширный, и разбирается съ различныхъ сторонъ, — тамъ изслѣдованіе само слагается изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей.

Въ такомъ случаѣ, въ каждой части изслѣдованія строго раскрывается одна какая-либо совершенно особая сторона предмета сочиненія. Такъ въ приведенномъ выше разсужденіи: « Полночь » изслѣдованіе состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ частей. Въ одной — доказывается, какъ видимая природа побуждаетъ человѣка къ молитвѣ въ полуночное время; въ другой — указывается причина этому въ самой природѣ человѣка; въ третьей — въ событіяхъ міра духовнаго и наконецъ въ четвертой — въ судьбахъ Божественнаго Промысла.

Все эти отдѣльныя части изслѣдованія должны служить къ полному и совершенному развитію главнаго предмета сочиненія.

О заключеніи.

Пятую и послѣднюю часть сочиненія составляет заключеніе. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы облегчить слушателю или читателю усвоеніе предмета сочиненія, и чтобы самому сочиненію, раздробленному на части, придать характеръ произведенія единичнаго, цѣлаго и оконченнаго. А потому содержаніе заключенія всегда должно соответствовать мыслямъ, изложеннымъ въ предыдущихъ частяхъ. Но бывають сочиненія, не только поэтическія, но и прозаическія, безъ заключенія, каковы напр. многіе разговоры Платона, философа Греческаго.

О переходахъ отъ одной части сочиненія къ другой.

Всѣ указанныя части сочиненія излагаются на письмѣ отдѣльно одна отъ другой. Но на дѣлѣ они должны имѣть между собою самую строгую связь и единство. А для этого между ними употребляются, такъ сказать, промежуточные части, которыя называются *переходами*.

Опредѣленіе перехода.

Переходомъ въ сочиненіи называется посредствующая мысль, связывающая между собою двѣ отдѣльныя его части, или два доказательства, два факта, поставленные вмѣстѣ и т. п.

Роды его.

Переходы бывають двухъ родовъ: открытые и скрытые.

О переходѣ открытомъ.

Открытый переходъ есть тотъ, въ которомъ писатель или прямо объявляетъ, о чемъ онъ будетъ говорить далѣе, и почему объ этомъ именно, а не о другомъ (переходъ простой), или — что гораздо лучше — искусно выражаетъ словами связь предыдущаго съ послѣдующимъ (переходъ искусственный). Переходы послѣднлаго рода у древнихъ занимали мѣсто между риторическими фигурами.

Примѣромъ открытаго перехода служить слѣдующее мѣсто изъ похвального слова Карамзина Императрицѣ Екатерицѣ II. Въ одномъ отдѣленіи этого слова ораторъ раскрылъ любовь Екатерины къ добру. Въ другомъ ему нужно было показать Ея мудрую прощительность. Переходомъ отъ перваго отдѣленія ко второму служить слѣдующая мысль: но сія «геройская ревность къ добру соединялась въ Екатерицѣ съ рѣдкимъ прощаніемъ, которое представляло. Ей всякое дѣло, всякое начпаніе на самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ.»

О переходахъ скрытыхъ.

Скрытые переходы бывають тогда, когда окончаніе одной части прямо связывается съ началомъ другой, или когда слѣдующая часть сочиненія сама собою вытекаетъ изъ предыдущей. Въ такомъ случаѣ мѣсто перехода занимаетъ какое—нибудь слово соединительное или заключительное.

Напр. пусть въ изслѣдованіи сочиненія будетъ доказана мысль, что человекъ созданъ по образу Божію и по подобію. Тогда заключеніе можно начать прямо такимъ образомъ: такъ человекъ долженъ подражать Богу, уподобляться Ему своею правдивостію. Здѣсь переходъ скрытъ подъ заключительною частицею — такъ.

Общій законъ касательно употребленія частей въ сочиненіи.

Чтобы сочиненіе было художественнымъ произведеніемъ въ — отношеніи ко внѣшнему своему построенію, для сего не годится *при-сочинять* къ нему, по произволу, тѣ или другія части, составляющія, безъ всякаго соображенія съ существомъ предмета. Части эти, составляющія внѣшнюю форму сочиненія, должны вытекать и развиваться сами собою изъ предмета сочиненія, и соответствовать внутреннему его устройству, какъ стволъ и вѣтви дерева развиваются изъ зерна, и соответствують внутренней природѣ растенія. Подъ этимъ только условіемъ внѣшнее построеніе сочиненія будетъ явленіемъ органическимъ и художественнымъ.

Для примѣра художественнаго построенія сочиненія разложимъ на части разсужденіе Карамзина: «О счастливѣйшемъ времени жизни.»

Разсужденіе состоитъ изъ четырехъ частей: 1) приступа, 2) предложенія, 3) изложенія и 4) заключенія.

1) *Приступъ*. Здѣсь авторъ *сперва* опровергаетъ мнѣнія: а) Цицерона, хвалившаго старость, б) Ж. Ж. Руссо, предпочитавшаго другимъ возрастамъ младенчество и в) оптимистовъ, увѣрившихъ, что въ мірѣ все прекрасно. *Потомъ* излагаетъ свои мысли, что въ мірѣ нѣтъ блага, нѣтъ счастья, и слова эти имѣютъ значеніе только относительное: благо есть то, что лучше другого; счастье — то, когда одному лучше, нежели другому. Отсюда вопросъ о предметѣ разсужденія принимаетъ, по мысли автора, такой видъ: «какой возрастъ можно назвать счастливейшимъ *по сравненію?*»

2) *Предложеніе*. На вопросъ этотъ сочинитель отвѣчаетъ *прежде* отрицательно: не юность, *потомъ* положительно: мужество. О старости и младенствѣ здѣсь уже не говорится; потому что выше авторъ не призналъ ихъ счастливыми. Слѣд. выборъ остался между юностью и мужествомъ.

3) *Изложеніе*. Въ немъ мысль автора подкрѣпляется тремя доказательствами, взятыми изъ области *нравственной*, изъ жизни *обыкновенной* и изъ *умственной* жизни человѣка, а потому изложеніе состоитъ изъ *трехъ* особыхъ отдѣленій.

Въ *первомъ* — говорится, что «нравственность человѣка за 30 лѣтъ, не пылающаго, подобно юности, страстями, не только замѣняетъ удовольствія юности, но и возвышаетъ цѣну его жизни.» Слѣдовательно *мужество счастливѣе юности*.

Во *второмъ* отдѣленіи — доказательство представлено въ видѣ живой и одушевленной картины, гдѣ сравниваются *житейскія* удовольствія человѣка за 30 лѣтъ съ удовольствіями юности, и показано очевидное превосходство первыхъ.

Въ *третьемъ* отдѣленіи говорится, что въ мужескомъ возрастѣ разумъ и другія силы бывають воицѣ развиты, создаютъ творенія совершеннѣйшія, в творецъ ихъ наслаждается истинною и заслуженною славой.

4) *Заключение*. Оно вполне соответствует предыдущим частям, и есть следствие главного предложения. Главное предложение: мужество счастливей юности. А потому (следствие из него), дни счастливой юности! Я не жалю о томъ, что вы прошли: по теперешней возрастъ мужества моего я желать бы продлить, сколько можно, долѣе, если бы былъ владыкою жизни и смерти.

Практическія занятія:

- 1) Разобрать изустно въ классѣ нѣсколько сочиненій со стороны ихъ внѣшняго построенія.
- 2) Назначить сдѣлать на дому такой же письменный разборъ.
- 3) Дать тему, чтобы воспитанники обдумали ее, и могли изустно въ классѣ изложить о ней свои мысли, съ соблюденіемъ законовъ о внутреннемъ и внѣшнемъ построеніи сочиненій.
- 4) Назначить письменное упражненіе такого же рода.
- 5) Принять навсегда за правило выкать, при чтеніи сочиненій, въ ихъ внутреннее и внѣшнее построеніе, и въ собственныхъ упражненіяхъ руководствоваться данными правилами о сочиненіи.

3) О ВЫРАЖЕНІИ СОЧИНЕНІЯ.

Опредѣленіе.

Выраженіемъ въ сочиненіи называется художественное изображеніе мыслей словами. Иначе — это называется еще языкомъ сочиненія, рѣчью, словеснымъ выраженіемъ, и даже, въ общемъ смыслѣ, слогомъ сочиненія.

а) О РАЗЛИЧНЫХЪ РОДАХЪ РѢЧИ, ПО ЕЯ ДОСТОИНСТВУ.

Рѣчь, какъ художественное изображеніе мыслей словами, бываетъ въ сочиненіяхъ трехъ родовъ: 1) *стихотворная*, 2) *прозаическая* и 3) *средняя* между той и другою.

1) *О рѣчи стихотворной.*

Рѣчь стихотворная отличается отъ прозаической своимъ *ритмомъ*, или по-русски сказать — *ладомъ*. Принявъ за основаніе какую-нибудь стопу, имѣющую въ себѣ отъ двухъ до трехъ слоговъ съ удареніемъ на одномъ изъ нихъ, писатель, слѣдуя особымъ законамъ музыкальности языка, строго соблюдаетъ гармоническое сочетаніе сихъ стопъ, какъ въ каждой повѣстической строчкѣ или стихѣ, такъ и въ цѣломъ стихотвореніи. Это-то основное качество стихотворной рѣчи и называется *ритмомъ* или *ладомъ*.

Такою рѣчью написано слѣдующее предсмертное сочиненіе Пушкина:

МОЛИТВА.

Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлѣтать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольшихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ.
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ,
 Во дни печальные Великаго поста.
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста,
 И падшаго свѣжить невѣдомою силой:
 Владыко дней моихъ! духъ празности упылой,
 Любопачалія, змѣи сокрытой сей,
 И празнословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мов, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Здѣсь за основаніе принята стопа, состоящая изъ двухъ слоговъ съ удареніемъ на второмъ, напр:

О́тцы | пу́стын | никъ | и же | ны не | пороч | ны.

Эта стопа называется *ямбомъ*, и повторяется въ каждой строчкѣ до конца сочиненія. И какъ въ первомъ стихѣ такихъ стопъ взято — шесть, такъ и въ послѣдующихъ въ каждомъ — по шести.

2) О рѣчи прозаической.

Прозанческая рѣчь, напротивъ, не имѣетъ этого искусственнаго, стихотворнаго лада. Слово—*проза*, происшедшее, вѣроятно, отъ греческаго: *πρῶτον*, что значитъ—впередъ, далѣе, означаетъ рѣчь *свободную*, въ которой слова соединяются одно съ другимъ, слѣдуя не соразмѣрному повторенію удареній, а естественному или логическому соединенію между собою понятій, или выражаемыхъ. Оттого въ прозѣ нельзя находить одинаковости разстоянія удареній. Напр:

«Аббатъ Сугерій продолжалъ заниматься науками. Не ранѣе 1,103 года явился ошъ придворѣ Короля Филиша (Французскаго). Дружба, соединявшая его съ Наслѣдникомъ престола (Лудовикомъ), и обширныя знанія доставили ему тотчасъ положеніе и вліяніе, не соответственныя его лѣтамъ и происхожденію. Сверхъ богословія, составлявшаго главный предметъ изученія въ монастырскихъ школахъ, Сугерій обладалъ основательными свѣдѣніями въ философіи, риторикѣ, и—что было тогда весьма рѣдко—хорошо зналъ исторію своего народа. Крѣпкая память его равно хранила тексты Св. Писанія и отрывки изъ классическихъ писателей, особенно Горация, читанныхъ имъ въ ранней молодости. Въ болѣе зрѣлыя годы, онъ читалъ почти исключительно творенія Отцевъ Церкви и книги, относившіяся къ Церковной исторіи. Краснорѣчіе его было увлекательно. Но онъ не довольствовался, какъ большая часть его собратьевъ, употребленіемъ латинской рѣчи. Онъ заботился объ изяществѣ и правильности роднаго языка. *Sermo Cicero*, говоритъ о немъ восторженнѣйшій современникъ.»

Т. Грановскій (Т. I, стр. 296).

Необходимое замѣчаніе относительно различія прозы и стиховъ, и ихъ употребленія въ литературу.

Изъ предыдущаго видно, что проза и стихи (а не поэзія), будучи противопоставлены другъ другу, не суть какіе-нибудь роды сочиненій, какъ прежде, да и нынѣ перѣдко различаютъ ихъ между собою. Основываясь исключительно на различномъ сочетаніи словъ, они, очевидно, и составляютъ *только* два различныя рода рѣчи,

выраженія въ сочиненіяхъ. Изъ нихъ — стихи въ старинныхъ иностран-ныхъ и отечественной литературахъ употреблялись и въ прозаичес-кихъ, особенно — въ сочиненіяхъ, такъ называемыхъ, *дидактичес-кихъ*. Нынѣ они употребляются только для выраженія поэтичес-кихъ созданій искусства. А рѣчь прозаическая издревле, можно сказать, въ одинаковой степени принята какъ въ прозаическихъ, такъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ литературы.

О рѣчи, занимающей средину между прозою и стихами.

Но есть и такая рѣчь въ сочиненіяхъ, которая занимает сре-дину между прозою и стихами. Жуковский въ одномъ письмѣ своемъ опредѣляетъ ее такъ: «повѣсти для юношества (которыя онъ на-иѣревался издать особо) будутъ писаны или ямбами безъ рифмъ, или моимъ сказочнымъ гексаметромъ, совершенно отличнымъ отъ гексаметра гомерическаго, — и этотъ слогъ долженъ составлять *средину* между стихами и прозой, т. е. не быть прозаическими стихами, быть однако столько — же простымъ, какъ проза, такъ, чтобы рассказъ, не смотря на затрудненія метра, являлся, какъ прос-тая, непринужденная рѣчь.» Такая рѣчь встрѣчается еще у насъ въ сочиненіяхъ Пушкина, напр. въ сказкѣ «О рыбахъ и рыбкѣ и проч.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующее начало изъ сказки Жуковского о Царѣ Берендѣѣ:

Жилъ былъ Царь Берендѣй, до колѣнъ борода. Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласіи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было Царю то прискорбно.
Нужда случилась Царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ Царицей, в восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяць въ исходѣ, когда онъ
Къ Царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ,
Въ знойный день, отдохнуть разсудилъ. Разбилъ палатку;
Душно стало Царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Какъ быть, что дѣлать? А плохо приходится; вотъ онъ рѣшился
Самъ объѣхать все поле; а вѣсь попадется на счастье

Гдѣ—побудь ключъ. Поѣхалъ, и видитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ положъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ
Плаваеъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ—не тутъ-то
Было! ковшикъ прочь отъ руки. За яптарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой, хватаетъ
Ковшикъ; по ручка, проворно вилля и вправо и влѣво.
Только что дразнить Царя, и никакъ не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хватъ его разомъ справа в лѣва—
Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка, прыгнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Постой же! (подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя, и, не долго собираясь,
Издно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть..... и напился вдоволь...

Практическія замѣтки:

- 1) Разборомъ примѣровъ объяснить различные роды рѣчи.
  - 2) Указать какое-нибудь прозаическое или поэтическое со-
чиненіе съ тѣмъ, чтобы воспитанники, въ формѣ упражне-
нія, представили письменно разборъ внутренняго и внѣш-
няго его состава, и объяснили бы *сравнительно*, какою
рѣчью оно написано.
- б) о различныхъ родахъ рѣчи, по внутреннему ея составу.

По внутреннему своему составу, рѣчь также бываетъ трехъ
родовъ: отрывистая, періодическая и смѣшанная.

о рѣчи отрывистой.

Что такое отрывистая рѣчь?

Отрывистая или не періодическая рѣчь есть та, которая слагается
изъ однихъ только краткихъ предложій, и въ которой періодовъ
почти не бываетъ.

ПРИМѢРЪ.

Такою рѣчью написано слѣдующее изображение « Украинской ночи » у Гоголя.

« Знаете-ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядятъ мѣсяць. Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе. Горитъ и дышитъ огнь. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ, и прохладно—душень, и пологъ нѣги, и движеть океанъ благоуханій. Чудесная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кипули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все живо, все торжественно. А на душѣ, и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Чудная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ—все ожгло: и лѣса, и пруды, и степи. Сыщется величественный громъ украинскаго селова, и чудится, что и мѣсяць заслушался его посреди неба. Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село... Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны.

Степи умоляли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами инухъ только хатъ, запоздавая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

О достоинствѣ и употребленіи рчи отрывистой.

Достоинство рчи, состоящей изъ однихъ краткихъ предложений, заключается въ томъ, что она сообщаетъ выраженію краткость, движение, быстроту, живость и силу. А потому рчь эта и употребляется больше тамъ, гдѣ выражается чувство писателя — живое и сильное, напр. въ письмахъ, разговорахъ, описаніяхъ, размышленіяхъ и т. п.

О РЪЧИ ЛАКОНИЧЕСКОЙ.

Высшую степень отрывистой рѣчи составляетъ рѣчь *лаконическая*. Она названа лаконическою, потому, что впервые замѣчена была въ языкѣ лаконцевъ или лакедемонцевъ. Характеристическую черту ея составляетъ необыкновенная сжатость и сила предложений. Таково слѣдующее классическое выраженіе одной лакедемонянки, которая, вручая мечъ сыну своему, идущему на войну, сказала: *aut hoc, aut in hoc*. У насъ отрывистая рѣчь встрѣчается, по преимуществу, въ пословицахъ и поговоркахъ, напр: или или, или пропасть; свой глазъ—алмазъ, чужой — стеклышко. Впрочемъ, и въ литературѣ немало можно находить примѣровъ рѣчи отрывистой.

Вотъ замѣчательное въ семъ отношеніи мѣсто изъ сочиненія Жуковскаго: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ,» написаннаго авторомъ послѣ отдачи Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, въ бытность его въ Московскомъ Ополченіи:

«..... Довѣренность къ Творцу!
 Чтобъ ни было — Неизрядой
 Вести насъ къ лучшему концу
 Стезей непостыжливой.
 Ему, друзья, отважно влѣдь!
 Прочь, низкое! прочь, злоба!
 Духъ бодрый на дорогѣ бѣды,
 До самой двери гроба;
 Въ высокой долѣ — простота;
 Нежадность — въ наслажденьѣ;
 Въ союзѣ съ ровнымъ — правота,
 Въ могущество — смиренье.
 Обѣтъ — вѣщность; чести — честь;
 Покорность правой власти;
 Для дружбы — все, что въ мѣрѣ есть;
 Любви — весь пламень страсти;
 Утѣха — скорбя; просьбѣ — дань;
 Погибелъ — спасенье;

Могущему пороку — брань,
Безсмысленному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье;
Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — упованье.

(Сжизоты. Т. I, стр. 297).

Изъ этого приѣра видно, что лаконическая рѣчь, при своей сжатости и силѣ предложеній, имѣетъ еще — на своей сторонѣ преимущество красоты изображенія. Посему древніе относили ее, хотя и не справедливо, къ фигурамъ риторическимъ, происходящимъ отъ недостатка словъ, каковы: *умолчаніе* и *безсоюзіе*. Въ существѣ дѣла, эти фигуры суть не что иное, какъ лаконизмы, или лучшіе приѣры лаконической рѣчи.

Практическія занятія:

- 1) Разобрать нѣсколько сочиненій, написанныхъ отрывистою рѣчью. При чемъ повторить практически грамматическую теорію о предложеніяхъ, о правильномъ ихъ составѣ, съ объясненіемъ употребленія знаковъ пренизанія въ предложеніяхъ и въ цѣлой рѣчи.
- 2) Назначить упражненіе для изложенія его рѣчью отрывистою, съ соблюденіемъ всѣхъ грамматическихъ правилъ о предложеніяхъ.

О РѢЧИ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ.

Опредѣленіе.

Рѣчь періодическая слагается изъ однихъ только періодовъ, и въ ней или весьма рѣдко попадаются предложенія, или и вовсе ихъ не бываетъ внѣ періодическаго устройства.

ПРИМѢРЪ.

Приѣромъ рѣчи періодической можетъ служить начало слѣдующаго « Слова, » сказаннаго, по освященіи храма явленія Божіей

Матери Преподобному Сергію, въ Свято-Троицкой Сергіевской Лаврѣ, 27 Сентября, 1842 года.

«Благодатію всесвятаго и всеосвящающаго Духа, совершилось нынѣ священное обновленіе сего храма, созданнаго прежде насъ въ честь и память явленія Пресвятыя Владычицы пашен Богородицы Преподобному и Богоносному отцу нашему Сергію, *чему очевиднымъ свидѣтелемъ былъ и Преподобный Михей, во благоуханіи святыни здѣсь почивающій.* Праведно было память сего благодатнаго событія почтить освященнымъ храмомъ, *хотя, впрочемъ, и вся обитель сія есть памятникъ сего чуднаго посѣщенія; потому что* вся судьба ея, въ продолженіи двухъ вѣковъ, есть исполненіе обѣтованія небесной Посѣдательницы: *не отступна буду отъ мѣста сего.*»

«Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ предметамъ, которые означены памятникомъ: *то, прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву.* Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обители святыни, свидѣтелей праотческаго и современнаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъзираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась—было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже, и тѣмъ же богата сокровищемъ, т. е. Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его Лаврѣ: *но* при всемъ томъ, желалъ бы узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, послѣдовавшее потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, *когда* въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, *но* сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Откройте мнѣ дверь тѣсной келліи, *чтобы* я могъ воздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Пре-

подобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророческихъ, чудотѣйственныхъ. *Дайте* мнѣ облобызать прагъ ея съней, который истертъ ногами Святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стоны Царицы Небесныя. *Укажите* мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которая въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергіи, и, въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрузъ согнивающего хлѣба. *Посмотрѣлъ* бы я, какъ, позже другихъ посаженный въ сей пустышѣ, Преподобный Никоиъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. *Послушалъ* бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова. *Взглянулъ* бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: *только* закрыто временемъ, или заключено въ слухъ величественныхъ зданій, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. *Откройте* мнѣ ковчегъ; *покажите* сокровище: оно непохатно и неистощно: *изъ него, безъ ущерба его, можно* заимствовать благо потребное; *напр. безмолвіе молитвы, престогу жизни, смиреніе мудрости.* »

« Иль это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія? О, если-бы мы достойны были болѣе очищеннымъ окомъ ума созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта духовнаго, *а не* въ представленіяхъ только собственнаго воображенія! Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ, нежели любомудрствовать противнымъ ему образомъ. »

« Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго: но не града же искать пришли вы сюда; *слѣдственно* пришли вы искать пустыни. *Если* она нѣсколько закрыта, *тѣмъ* внимательнѣе падлежитъ ее искать. *Если* шумъ житейской молвы не вдалекѣ слышенъ: *тѣмъ* нужнѣе заграждать отъ него слухъ. *Если* образы суетнаго міра движутся предъ лицемъ пустыни: *тѣмъ* ревностиѣе должно намъ предвзвѣсывать себѣ предъ очами образъ чистаго пустынножителства и постоянно на него взирать, и съ нимъ сообразовать житіе наше. »

Высокопрпосв. Филаретъ, Митрополитъ Московскій.

Отличіе отъ рѣчи отрывистой.

Періодическая рѣчь существенно отличается отъ рѣчи отрывистой: ибо отрывистая— состоитъ изъ однихъ предложений, въ основаніи которыхъ лежитъ сужденіе, а періодическая — изъ періодовъ, въ основаніи которыхъ скрывается другая форма нашего мышленія, известная подъ именемъ синлогизмовъ. Поэтому между періодическою и отрывистою рѣчью существуетъ въ словесности такое же различіе, какое находится въ логикѣ между сужденіемъ и умозаключеніемъ.

О достоинствѣ и употребленіи рѣчи періодической.

Рѣчь, составленная изъ однихъ періодовъ, уступая отрывистой въ краткости, силѣ, быстротѣ и движеніи, имѣетъ передъ нею и свои преимущества. Они заключаются въ полнотѣ и круглости выраженія мыслей, а также — въ благозвучіи особаго рода, известномъ у древнихъ подъ именемъ *lymetus oratorius* — ораторскаго размѣра. Поэтому Цицеронъ, опредѣляя достоинство періода, говоритъ: «составлять періоды мы недавно научились. Древніе, «подобно нашимъ неученымъ современникамъ, не умѣли давать «своему слову *полноты* и *круглости*; у нихъ составъ рѣчи заключался въ двухъ, трехъ, а иногда — и въ одномъ словѣ.» Поэтому же, съ другой стороны, рѣчь періодическая больше всего встрѣчается въ ученыхъ сочиненіяхъ и въ рѣчахъ ораторскихъ.

Образцы періодической рѣчи.

Образцы изящной, классически — обработанной періодической рѣчи можно видѣть въ литературѣ нашей, по преимуществу, въ сочиненіяхъ Ломоносова, Карамзина и Высокопресвящ. Филарета, Митрополита Московскаго.

Практическія упражненія:

- 1) Разобрать въ приведенномъ примѣрѣ и въ другихъ сочиненіяхъ составъ періодической рѣчи. При семъ повторить съ воспитанниками известную имъ изъ грамматики теорію

періода и его различныхъ видовъ, съ показаніемъ употребленія въ нихъ знаковъ препинанія.

- 2) Назначить воспитанникамъ сдѣлать выборъ періодовъ изъ какихъ-нибудь сочиненій, прозаическихъ и стихотворныхъ.
- 3) Назначать сперва писать, потомъ сказывать изустно коротенькія сочиненія, изложенныя рѣчью періодическою.
- 4) Дѣлать переложенія рѣчи отрывистой въ періодическую и — періодической въ отрывистую.

О рѣчи смѣшанной.

Опредѣленіе.

И отрывистая и періодическая рѣчь, встрѣчаясь рѣдко въ чистомъ своемъ видѣ, служатъ, такъ сказать, только элементами рѣчи смѣшанной, которая слагается изъ предложеній и періодовъ, по возможности, въ равной мѣрѣ.

О достоинствѣ, употребленіи и примѣлахъ рѣчи смѣшанной.

Отсюда смѣшанная рѣчь — полнѣе и совершеннѣе предыдущихъ формъ выраженія. Она, совмѣщая въ себѣ достоинства и періодической и отрывистой рѣчи, даетъ писателю болѣе способовъ для выраженія его мыслей и чувствованій, и свойственна сочиненіямъ всякаго рода. Поэтому Цицеронъ не совѣтуетъ «писать всегда круглыми періодами, а часто и раздѣлять ихъ на многіе отдѣльные періоды и точки» т. е. предложенія. Поэтому же смѣшанная рѣчь составляетъ нынѣ употребительнѣйшій способъ выраженія мыслей. Примѣры ея — не рѣдкость: ихъ можно находить у всѣхъ писателей.

ОБЪ ОБЩИХЪ СВОЙСТВАХЪ РѢЧИ ИЛИ ВЫРАЖЕНІЯ.

Различіе ихъ.

Слово человѣческое можно и должно разсматривать въ трехъ отношеніяхъ: 1) въ грамматическомъ отношеніи, какъ составное начало языка, на которомъ мы говоримъ и пишемъ; 2) въ логи-

ческомъ или умственною, какъ знакъ, дарованный намъ Богомъ для выраженія нашихъ мыслей, и 3) въ отношеніи эстетическомъ, какъ образъ предмета и его звукъ. Отсюда происходятъ слѣдующія свойства выраженія или рѣчи: 1) грамматическія, 2) логическія и 3) эстетическія.

Общее замѣчаніе объ ихъ основаніи и названіи.

Ясно, что всѣ эти свойства выраженія основываются прямо на понятіи о словѣ человеческомъ и его качествахъ, и называются *общими*, потому, что онѣ свойственны всѣмъ языкамъ и всякой рѣчи—прозаической и стихотворной, отрывистой, периодической и смѣшанной.

1) О ГРАММАТИЧЕСКИХЪ СВОЙСТВАХЪ РѢЧИ.

Понятіе и роды ихъ.

Грамматическія свойства рѣчи основываются на выполненіи въ сочиненіяхъ грамматическихъ правилъ языка. Они суть: а) правильность и б) чистота выраженія.

а) О ПРАВИЛЬНОСТИ РѢЧИ.

Въ чемъ она состоитъ?

Правильность рѣчи состоитъ въ употребленіи словъ (т. е. въ ихъ изъясненіи, согласованіи, разстановкѣ и правописаніи), согласно съ законами языка, излагаемыми въ грамматикѣ.

Примѣры неправильности, поясняющіе предыдущее правило.

Не только посредственные, часто и даровитые писатели, незнакомые съ грамматическими тонкостями языка, погрѣшаютъ противъ правильности выраженія. У насъ такія погрѣшности можно находить даже въ сочиненіяхъ Державина, Крылова, Грибоедова и особливо Гоголя.

Примѣромъ могутъ служить здѣсь слѣдующія ошибки противъ грамматики, взятая изъ рецензій А. Измайлова на басни Крылова:

«Безсильному не смѣйся,
И слабого обдѣть *не мочи*:
Мстятъ сильно иногда безсильные враги.
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.»

(*Левъ и Комаръ*!).

«Бѣда, коль пироги начнеть *печи сапожникъ*.
А сапоги точать *пирожникъ*,
И дѣло не пойдетъ на ладъ.»

(*Шука и котъ*!).

«*Глади-тко* насъ, какъ мы махнемъ?
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ.»

(*Обозъ*!).

«Плоды невѣрія ужасны *таковы*!»

(*Безбожники*!).

«Спустившись, *законоецъ*, изъ облачныхъ вершинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.»

*Указаніе грамматическихъ ошибокъ въ приведенныхъ при-
мѣрлахъ.*

Здѣсь ошибки находятсѣ: а) противъ измѣненія словъ—въ словахъ: *мочи*, которое не имѣетъ повелительнаго наклоненія, и *печи*; ибо въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ нѣтъ окончанія на *чи* въ неопредѣленномъ наклоненіи; б) противъ согласованія; ибо *гладить*—глаголъ средний, и не требуетъ послѣ себя винительнаго падежа, какъ здѣсь, и в) противъ словозначенія; ибо слова: *таковы*—употреблено въ смыслѣ такъ; *изъ*—въ значеніи движенія сверху, а не снизу, какъ слѣдовало-бы. Но эти ошибки еще не такъ замѣтны въ прекрасномъ языкѣ Крылова, и извиняются, такъ называемую, *литическою* вольностію. А сколько тягчайшихъ ошибокъ встрѣчается въ произведеніяхъ другихъ писателей!

Какъ называются въ наукѣ погрѣшности противъ грамматики?

Такія погрѣшности противъ грамматическихъ правилъ языка назрѣвше приняты въ литературѣ называть *солецизмами* (*), а въ литературѣ современной ихъ называютъ просто *безграмотностію*, и сочиненія, или богатыя — безграмотными сочиненіями.

Что способствуетъ къ пріобрѣтенію правильности выраженія?

Къ пріобрѣтенію правильности выраженія способствуетъ главнымъ образомъ практическое изученіе законовъ грамматики и примѣненіе ихъ къ упражненію въ сочиненіяхъ. Но, съ другой стороны, известно, что не грамматика предписываетъ правила писателямъ, а, напротивъ, правила грамматическія выводятся изъ сочиненій образцовыхъ. Поэтому, для пріобрѣтенія правильности рѣчи, требуется еще особенное, нарочитое изученіе образцовыхъ писателей, отличающихся отчетливымъ знаніемъ отечественнаго языка, и умѣньемъ — пользоваться имъ.

Историческое развитіе правильности рѣчи, и ея образцы въ нашей литературѣ.

Въ нашей литературѣ Ломоносовъ первый создалъ своими трудами правильность рѣчи; его теоріей и примѣромъ пользовались всѣ писатели наши до Карамзина. Въ новѣйшее же время Карамзинъ возжегъ у насъ новый свѣтильникъ грамматической правильности и точности выраженія. Сочиненія его и нѣкоторыхъ вышедшихъ авторовъ (Ив. Давыдова, Плетнева, Греча, Гончарова и др.) должны быть образцами правильной рѣчи. За тѣмъ правильности

(*) Солонъ построилъ на островѣ Сициліи городъ Солонъ или Солонсъ, и населилъ его Аевянами. Сѣдѣвшіе въ туземцами, эти Аевяне съ теченіемъ времени утратили аттическія свойствъ своего языка, и стали говорить или по аттически, или по сицилійски, а своимъ особеннымъ языкомъ — солецизмами. Особенно погрѣшали они противъ аттическаго изрѣчія въ соединеніи и расположеніи словъ. Отсюда и вообще погрѣшности противъ грамматическаго употребленія словъ грамматики стали называть *солецизмами*.

этой у насъ много способствовали въ послѣднее время грамматическіе труды Греча, Востокова, Прот. Г. П. Павскаго и Императорской Академіи Наукъ.

Случаи, въ которыхъ писатель обязывается отступать отъ правильности выраженія.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда писатель обязывается отступать не только отъ истинной, но и отъ истинной правильности выраженія.

Отступленія, допускаемыя для красоты и силы рѣчи, и примѣры ихъ.

Сюда относятся: *во первыхъ* — разумныя отступленія отъ общихъ правилъ рѣчи, допускаемыя народомъ и писателями классическими, во имя ея силы, живости и красоты. Папр.

« Множество трупіемъ своимъ услади поле Полтавское, множество въ плѣнь захвачены. »

Ф. Прокопючъ.

Здѣсь подлежащее — множество стоитъ въ единственномъ, а сказуемый — услади, захвачены — во множественномъ числѣ; значить, нѣтъ правильнаго, грамматическаго согласованія подлежащаго съ сказуемымъ. Но это отступленіе отъ правильности только мнимое: тутъ есть согласованіе въ числѣ, но согласованіе (*κτὰ πλῆθος*) по смыслу. Такое согласованіе очень часто допускается у писателей, когда число предметовъ, понимаемыхъ подъ словомъ, слышнѣе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ грамматическое его число.

Таковы же еще и слѣд. отступленія отъ правильности рѣчи:

Отрочи порфирородно

« Въ царствѣ сѣверномъ рождень (а не рождено).

Родился (а не родилось). и въ тужь мигуту

Перестала ревать борей.

Державинъ.

Долгорукій съ Голохвастовымъ *первые* надъ гробомъ Св. Сергія поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы слѣды въ осадѣ безъ измѣны.

Карамзинъ.

Чудное видѣніе кончилось, остался *одинъ* Бородинскій *памятникъ* съ Багратионовымъ гробомъ, *озаряемые* яснымъ небомъ.

Жуковский.

Сужденіе о силѣ отступленіяхъ.

Всѣ подобныя, *видимыя* только, отступленія, равно какъ и тѣ, кои допускаются пѣтическою вольностію, не составляютъ содецязма или грамматической ошибки; напротивъ, они украшаютъ рѣчь, а потому называются технически — *грамматическими фигурами*, и служатъ предметомъ такъ называемаго *красиваго синтаксиса* (*).

Отступленія, допускаемыя для сохраненія правдоподобія.

Во вторыхъ къ закопнымъ уклоненіямъ отъ грамматической правильности относятся тѣ случаи, въ которыхъ изображается лицо, говорящее искаженнымъ русскимъ языкомъ. Художественное правдоподобіе требуетъ, чтобы въ сочиненіи были сохранены тогда, вопреки законамъ правильности, всѣ ошибки выраженія, слышныя въ его устахъ. Пригѣровъ таковаго отступленія можно находить весьма много въ *надьяніяхъ нашихъ народныхъ сочиненій*.

Практическія упражненія:

- 1) Нужно читать сочиненія, отличающіяся неправильностію рѣчи, показывать, въ чемъ состоитъ неправильность, и какъ слѣдовало бы сказать правильно.
- 2) Сличать съ предыдущими сочиненіями сочпенія, написанныя правильно грамматически, объясняя, въ чемъ состоитъ эта правильность, и почему то или другое сказано правильно.

(*) Смотри о красивомъ синтаксисѣ и его фигурахъ въ «Начертаніи Русскаго синтаксиса» П. Перельскаго. Москва. 1847 года.

- 3) Воспитанники должны обращать на будущее время особенное вниманіе на правильность выраженія.
- 4) Разбирать въ классѣ, какъ можно больше, ученнческія упражненія, и слѣдить въ нихъ, по преимуществу, за грамматическими ошибками.
- 5) Сочиненія называть изустныя и письменныя такія, которыя были выше указаны. Можно также называть теперь коротенькія письма, разговоры, описанія — въ видахъ приготовленія воспитанниковъ къ усвоенію сочиненій сего рода.

б) чистота рѣчи.

Въ чемъ состоитъ чистота рѣчи?

Чистота рѣчи состоитъ въ употребленіи словъ и выраженій, принадлежащихъ только языку отечественному, и принятыхъ какъ въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей, такъ и въ разговорѣ истинно — образованнаго общества.

О словахъ и выраженіяхъ, нарушающихъ чистоту рѣчи.

Отсюда чистоту рѣчи нарушаютъ слова: 1) славянскія, 2) древне-русскія и устарѣлыя, 3) слова новосоставленныя, 4) простонародныя и областныя и 5) слова иностранныя.

1) О СЛОВАХЪ И ВЫРАЖЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ.

Какимъ образомъ слова и выраженія славянскія вошли въ Русскій языкъ?

Въ нашемъ отечествѣ издревле употреблялись два языка: Церковно-славянскій, бывший до XVIII вѣка исключительно языкомъ книжнымъ, и Русскій, употреблявшійся въ жилой, изустной рѣчи нашихъ предковъ. Въ XVIII вѣкѣ, Ломоносовъ, отделивъ Церковно-славянскій языкъ отъ Русскаго, сдѣлалъ сей послѣдній языкомъ книжнымъ, *литературнымъ*. Тогда нѣкоторые славянскія слова вошли въ составъ новаго книжнаго языка цѣлкомъ, или съ

какимъ-нибудь пзмѣненіями, напр. глава—голова, градъ—городъ, иравій — муравей и т. п.; а другія—совсѣмъ не вошли въ него, напр. око, лапта, вергать, разверзать, зѣло и т. п. Но писатели, слѣдуя теоріи и примѣру Ломоносова (см. разсужд. его о пользѣ чт. кн. церк), допускаяшаго употребленіе славянскихъ словъ, особенно въ такъ называемомъ *высокомъ* слоgѣ, стали вносить ихъ, уже безъ всякаго разбора, въ русскую литературную рѣчь, и довели это дѣло до совершенной крайности. Такъ А. С. Шишковъ, противодѣйствуя строенію русской рѣчи Карамзина, не дѣлалъ никакого различія между Славянскимъ и Русскимъ языкомъ: для него и послѣдователей его школы всякія славянскія слова были хороши, потому только, что они славянскія. Въ сочиненіи своемъ: «О старомъ и новомъ слоgѣ» онъ, въ противоположность иностраннымъ реченіямъ, предлагалъ къ употребленію слѣдующія славянскія слова: вертъ, гобзованіе, вешцевать. Но, очевидно, употребленіе такихъ словъ безъ всякаго разбора вредятъ чистотѣ рѣчи.

Примѣръ ихъ употребленія.

Возьмемъ, для примѣра, начало рѣчи, сказанной А. С. Шихковымъ, при открытіи Бесѣды Любителей Русскаго слова, въ 1841 году.

«Самое главное достоинство человѣка, говоритъ онъ въ началѣ рѣчи, причина всѣхъ его превосходствъ и величій, есть слово, — сей даръ небесный, вдохновенный въ него, вытѣтъ съ душою, устами самого Создателя. Какое великое благо пріобрѣтеніе изъ сего священнаго дара! Умъ человѣческій, посредствомъ снанаго, вознесся до толпкой вышоты, что сталъ созерцать предѣлы всего міра, позналъ совершенство своего Творца, увидѣлъ съ благоговѣніемъ Его премудрость, и воскурилъ предъ Нимъ жертву богослуженія. Поставимъ человѣка подѣ животнаго, и сравнимъ ихъ состоянія. Почти во всемъ составѣ своемъ, они сходны между собою: оба рождаются, растутъ, старѣются, живутъ и умираютъ..... Но, при толь одинакихъ свойствахъ и общихъ пметвахъ, колпко различны! Одни совокупились въ сонмы, народы, построили грады, корабль, взвѣ-

слять воздухъ, исчислилъ песокъ, изслѣдовалъ высоту небесъ и глубину водъ. Другой скитается, разсѣанъ, по дебрямъ, по лѣсамъ, и, при всей своей силѣ, крѣпости и свирѣпствѣ, страшится, попируется безсильнѣйшему себя творенію.... Откуда сіе чудное преимущество? Какимъ образомъ отъ движущагося медленно по землѣ не успѣваетъ утекать быстрый елень, ниже улетать крылатая птица? Богъ сотворилъ человѣка бѣднымъ, слабымъ, но далъ ему даръ слова; тогда нагота его покрылась великолѣпными одеждами; бѣдность его превратилась въ обладаніе всеми сокровищами земными; слабость его облеклась въ броню силы и твердости. Все ему покорилось: онъ повелѣваетъ всеми животными, борется съ вѣтромъ, спорить съ огнемъ, разверзаетъ каменныя нѣдра горъ, наводняетъ сушу, осушаетъ глубину. Таковъ есть даръ слова, или то, что разуждемъ мы подъ именемъ *языка и словесности*. Если бы Творецъ, во гнѣвѣ своемъ, отнялъ отъ насъ оный; тогда бы все исчезло: общежитіе, науки, художества, и человѣкъ, лишась величія своего и славы, сдѣлался бы самое несчастное и бѣднѣйшее животное.»

Здѣсь, безъ всякой литературной причины и цѣли, употреблены разныя слова и выраженія славянскія, каковы: даръ *одохновенный*, до *толикой высоты*, *воскурилъ жертву богослуженія*, *имство*, совокупился въ *сонмы*, построилъ *грады*, *взвѣсилъ воздухъ*, *исчислилъ песокъ*, *изслѣдовалъ высоту и глубину*, *елень*, *ниже*, *слабость облеклась въ броню силы и твердости*, *разверзаетъ каменныя нѣдра горъ* и проч. Все эти слова и выраженія могли бы быть замѣнены здѣсь реченіями чисто—русскими, которыя придали бы языку болѣе понятливости и красоты.

Какъ называется ненужное и бесполезное изъ употребленіе, составляющее недостатокъ рѣчи?

Такое ненужное и бесполезное употребленіе словъ и выраженій славянскихъ вредитъ чистотѣ рѣчи въ сочненіяхъ, и составляетъ недостатокъ ея, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ *славянизма*.

2) О СЛОВАХЪ И ВЫРАЖЕНІЯХЪ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ И УСТАРѢЛЫХЪ.

О происхожденіи ихъ въ языкъ.

Въ языкѣ слова и выраженія отъ пзмѣненія посптій народа, и, даже въ слѣдствіе долговременнаго употребленія своего (*usus verbi tyranicus*), перѣдко старѣютъ, такъ сказать, умпраютъ, и выходятъ изъ употребленія.

ПРИМѢРЪ.

Чтобы видѣть это, разберемъ, для прижѣра, опредѣленіе слова: «*Любовь*,» взятое изъ «*Таблицы главныхъ добродѣтелей*,» написанной Богдановичемъ для дѣтей.

«*Любовь*, говорятъ писатель, въ прямомъ ея разумѣнн, есть та добродѣтель, къ которой сама природа убѣдительною образомъ насъ призываетъ, и которую Спаситель достойно нарекъ главною христіанскою добродѣтелію. Въ общежитіи любовь имѣетъ столько разнообразныхъ дѣйствій, и столь разныхъ наименованій, сколько могутъ быть различны, въ разныхъ отношеніяхъ, чувства челоуѣка благовоспитаннаго. Наиболѣе отличается она въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ: относительно къ Богу — она есть высочайшая степень благодарности и благоговѣнія; относительно къ родителямъ — она есть крайняя степень почитательнаго уваженія; относительно къ благотворителямъ — она есть чувство справедливой обязанности, показующей несомнѣнную мету взаимныхъ нашихъ добротвореній; относительно къ дѣтямъ — она есть ближайшая и надежнѣйшая мета вседневныхъ въ жизни попеченій и устройствъ; относительно къ Государю и отечеству — она есть охотное собственностей жертвованіе, если долгъ службы того востребуетъ; относительно къ челоуѣчеству — она есть доброхотство и добротвореніе всюду, гдѣ только можемъ мы ко благу способствовать».

(Т. I, стр. 349 по изд. Смирд.).

Разборъ прижѣра.

Въ то время, когда жилъ и писалъ Богдановичъ (1743—1803 г.), всѣ слова и выраженія этого сочиненія были въ употребленіи

въ языкѣ, и не вредили чистотѣ его. Но въ отношеніи къ пынѣшему состоянію нашего языка и литературы, многія изъ нихъ уже устарѣли, вышли изъ употребленія, и замѣнены новыми понятіями. Таковы слѣдующія слова и выраженія: въ прямомъ ея *разумнѣнїи* (нынѣ смыслѣ); *достойно нарекъ* (справедливо назвасть); въ общежитіи любовь имѣетъ столько разнообразныхъ дѣйствій и *столь* (нынѣ столько) разныхъ *наименованій* (названій), сколько могутъ быть различны, въ разныхъ отношеніяхъ, *чувствій* (чувствованія) чловѣка благовоспитаннаго; *относительно къ Богу* (въ отношеніи къ Богу); она есть *крайняя* степенъ (нынѣ высшая степенъ) *почтительнаго уваженія* (нынѣ искреннѣйшаго уваженія); несомнѣнная *мета* взаимныхъ нашихъ *добротвореній* (нынѣ цель благодѣяній); *охотное собственностей жертвованіе* (нынѣ добровольное пожертвованіе собственности) и друг...

Какъ называется ненужное употребленіе ихъ въ языкѣ?

Такія слова и выраженія, вышедшія изъ языка, если употребляются въ немъ, безъ всякаго основанія и нужды, также составляютъ недостатокъ чистоты выраженія, который называется въ наукѣ *архаизмомъ* (отъ *archaios*—древній, старій,—архаизмъ—древнее слово, устарѣлое выраженіе).

3) О СЛОВАХЪ И ВЫРАЖЕНІЯХЪ НОВОСОСТАВЛЕННЫХЪ.

О происхожденіи этихъ словъ, и появленіи ихъ въ литературѣ.

Но если одни изъ словъ устарѣвають, и выходятъ изъ живого языка—изустнаго и письменнаго; за то, вмѣсто ихъ, съ развѣтленіемъ понятій народа, возникаютъ слова и выраженія совершенно *новыя* и *возобновленныя*, — возобновленныя т. е. такія, которыя устарѣли—было, во потомъ опять вошли въ употребленіе. У насъ слова новыя особенно стали появляться со времени Петра Великаго. Разительнымъ примѣромъ вторженія ихъ въ языкъ служить «Слово о мудрости, благоразуміи и добродѣтели» Тредиаковскаго. Тамъ—много словъ, которыя теперь получили право гражд-

данства въ литературѣ, каковы: естественность, разумность, чувственность, дѣятельный, достовѣрный, очертаніе, общество, предметъ и т. п. Равнымъ образомъ, въ эпоху Карамзина, у насъ были приняты публичкою, и остались въ языкѣ слова: трогательный, занимательный, милый, будущность, вліяніе, переворотъ, развитіе, уточенный, сосредоточить и др. И нынѣ перѣдко встрѣчаются слова и выраженія новыя и возобновленные, напр: рассчитывать на милость, на покровительство, развѣдка, вм. рекогносцировка и проч. Но ненужное и бесполезное употребленіе такихъ словъ также вредитъ чистотѣ рѣчи, и составляетъ ея недостатокъ. За чѣмъ напр. говорить: послѣдш, произвольство, желательство, стоячесть, бѣлость, ячество, побудка, обличіе, когда у насъ есть слова: слѣдствіе, произволь, желаніе, стойкость, бѣлизна, эгоизмъ или самолюбіе, инстинктъ, физиономія? Особенно нехороши такія слова, когда они составлены бывають не по законамъ Русскаго языка, и употребляются вопреки общепринятымъ своимъ понятіямъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ прихвровъ:

« Умножь способности животныхъ въ человѣкѣ образумляются. »

« Животныя не суть растенія, а составляютъ особое царство; потому что они имѣють еще свою чувственную жизнь, въ нихъ господствующую, которою оживлено, *обчувствлено* все ихъ тѣло, и приводится въ произвольное движеніе, чего нѣтъ въ растеніяхъ. »

« Языкъ, независимо отъ достоинства историческаго или поэтическаго, есть неперсчерпаемый ключъ открытій. По *его походкѣ*, можно узнать ходъ просвѣщенія и *хватъ идей* (la portée des idées) каждаго народа, ровесника подсудимому сочинителю; по приѣмамъ слога — *касту* и характеръ автора. »

Марлинскій.

Здѣсь слова: *образумляются, обчувствлено* — новыя, в составлены вопреки законамъ языка. А выраженія: *походка слога, хватъ (объемъ) идей, подсудимый* (разсматриваемый) *сочинитель, каста* автора — не новыя, но приняты въ *новомъ* значеніи, противномъ общепринятымъ ихъ понятіямъ.

Наукословное названіе недостатка, происходящаго отъ ихъ употребленія.

Употребленіе такихъ словъ, очевидно, вредитъ чистотѣ языка, и составляетъ недостатокъ ея, называемый въ наукѣ *неологизмомъ* (отъ νέος и λόγος, — неологизмъ — новое, возобновленное слово).

4) О СЛОВАХЪ И ВЫРАЖЕНІЯХЪ ПРОСТОНАРОДНЫХЪ И ОБЛАСТНЫХЪ.

Опредѣленіе и примѣры ихъ.

Кромѣ словъ славянскихъ, устарѣлыхъ и новосоставленныхъ, есть еще въ языкѣ нашемъ слова и обороты рѣчи: а) *простонародные*, употребляющіеся, почти исключительно, въ необразованномъ классѣ общества и б) *областные*, встрѣчающіеся только на одномъ какомъ-либо отечественномъ партѣи (напр. малоросійскомъ, бѣлорусскомъ и пр.), или — въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ и областяхъ нашихъ, напр: Московской, Калужской, Курской, Орловской и др. Таковы слѣдующія слова изъ простонародныхъ: надувать *вм.* обманывать, балагурить, калякать — *вм.* разговаривать, рассказывать, голякъ *вм.* бѣдный, ничего не плущій человекъ, вѣстимо дѣло *вм.* извѣстно, съ-изновѣсти *вм.* неожиданно и пр. Изъ областныхъ: багрець *вм.* шелковая ткань краснаго цвѣта (Иркутск. Томск.), безотный *вм.* лишвшійся отца (Арханг.), безчередца *вм.* нарушеніе череды, порядка (Волог.), поважать т. е. дѣлать поблажку (Курск.), привычный т. е. привычный (Архан. Шенк.), трапезникъ т. е. церковный староста (Вятск.), кагавецъ т. е. ночникъ для освѣщенія избы (Курск. Орл. Брян. Ся. Росл.), паробокъ *вм.* работникъ (Мин. Моз.) колотыринокъ — мелочный торговецъ, который щепитъ при торговлѣ копейку (Моск. Повг. Пѣиз.) и друг.

Объ изданіи областныхъ словъ.

Примѣчаніе. Въ отношеніи къ разработкѣ областныхъ словъ у насъ есть прекрасный « Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря, » 1852 г. изданный II отд. Императорской Академіи

Наукъ. Въ этомъ опытѣ помѣщены три рода реченій: а) слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нерѣдко искаженныя до крайности, или измѣненныя, и слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частью вѣрно сохраненныя, частью измѣненныя; б) слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа, и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ заветною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею, и, наконецъ, в) слова, которыя родились, въ слѣдствіе повлгій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей челоѣка природы, и отъ особенныхъ занятій народа. Всѣхъ такихъ словъ собрано 18,011. При каждомъ словѣ показаны: его грамматическія измѣненія, разныя его значенія, употребленіе, и губерніи, въ которыхъ оно употребляется.

Объ употребленіи народныхъ и областныхъ словъ въ литературу.

Слова народные и областныя въ Русской словесности и литературѣ всегда употреблялись. Но въ наукѣ, со времени Ломоносова, образовался было литературный предразсудокъ, по которому употребленіе ихъ допускалось только въ слогѣ *низкомъ*, и то съ крайнею разборчивостію, чтобы «не унизить достоинства краснорѣчиваго произведенія.» (*) Языкъ, въ которомъ такія слова часто встрѣчались, назывался языкомъ *низкимъ*, *площаднымъ*. Но, въ новѣйшее время, сочиненіями Крылова, Гривбоѣдова и Пушкина совершенно узаконена необходимость ввести въ литературу слова народные и областныя.

Объ употребленіи ихъ, составляющемъ недостатокъ чистоты рѣчи, и названія этого недостатка.

Впрочемъ, ненужное и бесполезное употребленіе этихъ словъ также вредитъ чистотѣ языка, и составляетъ ея недостатокъ, называемый въ отношеніи къ словамъ простонароднымъ *вульгаризмомъ* (отъ *vulgus* — простой народъ, вульгаризмъ — простонародное слово), а въ отношеніи къ реченіямъ областнымъ — *провин-*

(*) См. Ломоносова: «О пользѣ кв. церк.» и Рижскаго — «Опытъ Ритор», стр. 16, изд. 1808 г.»

циализмом (provincialis — областной, губернский, провинциализм — областное, губернское слово).

Здѣсь же можно упомянуть о словахъ и выраженіяхъ *особенныхъ*, принятыхъ только въ *известномъ* сословіи или кружкѣ общества, напр: въ языкѣ педантовъ — ученыхъ, въ разговорѣ такъ называемаго свѣтскаго общества (фешенебельный міръ, большой свѣтъ, высокосвѣтскій человѣкъ, денди, фатъ, левъ, франтъ, человѣкъ *du somme il faut* и проч.), въ кругу военномъ, купеческомъ, мѣщанскомъ (любезнѣйшій; почтеннѣйшій, хозяйникъ — говорится къ покупателямъ, почини дороже денегъ и т. п.), въ обществѣ школьномъ, какъ напр. въ школахъ говорятъ: чваниться, важничать, куражиться, попользоваться книжечкой, закилять что-нибудь, стульгуть, шумящіе, аудиторъ и проч.

Когда не должно, и когда можно употреблять эти слова?

Такія слова, будучи достояніемъ небольшого кружка, очевидно, не могутъ имѣть права на всеобщее употребленіе въ литературѣ. Въ одномъ только случаѣ и позволительно пользоваться ими, когда рѣчь идетъ о предметахъ известнаго сословія или общества.

Такъ, въ одномъ сочиненіи, поэтъ (гребенка), описывая присутствіе учителя въ классѣ, говоритъ:

« Не смотря на многолюдство толпы, въ компаніи не было ни брика, ни чего такого, что, на школьномъ нарѣчій, называется шумомъ. »

Здѣсь школьное слово: « шумъ » употреблено ксатати. Но было бы противно чистотѣ языка вносить такія выраженія въ литературу, безъ всякаго основанія, какъ въ слѣдующихъ случаяхъ, встречающихся въ сочиненіяхъ Марлинскаго:

« Онь принадлежитъ къ полку такихъ людей, которые говорятъ много пустого. »

Или еще: « врагъ подкрадывается подъ душу, а мы спимъ. Совѣсть или разумъ кричитъ: «слушай!» а намъ гнѣвъ поднять

голову. Бѣда, наконецъ, застаеъ насъ въ расплохъ, и мы, давай, плакаться на судьбу! Воля у человѣка не *часовой*, а *въстовой*, вѣчно на побѣгушкахъ для его прихотей, и никогда, или почти никогда, для пользы.»

5) О СЛОВАХЪ И ВЫРАЖЕНІЯХЪ ИНОСТРАНЦЫХЪ.

Причины или появленія въ языкъ.

Ежели два или три народа сходятся между собою на политической дорогѣ, то народъ менѣе образованный, или даже и болѣе образованный, но подчиненный владычеству необразованнаго, заимствуетъ отъ него его слова, выраженія, образъ рѣчи, и вносить ихъ въ свой языкъ, въ свою словесность. Такъ въ нашъ отечественный языкъ, въ IX и X столѣтіи, и еще гораздо ранѣе, вошло множество словъ греческихъ, каковы всѣ названія церковной утвари и церковныхъ должностей: риза, потиръ, епископъ, протопресвитеръ, діакопъ и т. п. Такъ, въ послѣдствіи времени, появились у насъ слова татарскія, персидскія, арабскія, польскія, латинскія, пѣмецкія, голландскія, англійскія и особливо французскія. Было время, когда нашъ, самъ по себѣ прекрасный, языкъ представлялъ, и въ литературѣ, и въ разговорѣ, смѣсь различныхъ нарѣчій, такъ, что Императрица Екатерина II, указомъ (1783 года, учреждая Россійскую Академію, постановила для нея особеннымъ правиломъ заботиться «о вычищеніи и обогащеніи Русскаго языка и словесности.» Но и въ ближайшей, даже современной намъ, литературѣ весьма нерѣдко встрѣчаются разныя слова и обороты рѣчи иностранныя.

Примѣръ употребленія въ Русскомъ языкъ иностранныхъ словъ и выраженій.

Таковы а) слѣдующія слова: апогея совершенства, величественная поза, фаштомъ, руина, мапериться, авантюжничать и друг.

и б) цѣлыя выраженія: «Какъ бы то ни было, выраженіе страстей *кажутся быть* (*videtur esse*) первымъ языкомъ чело-
вѣковъ (Муравьева Ч. II, стр. 211)». Это оборотъ рѣчи чисто-латинскій.

« Народъ твой не позналъ оттого ни рапы, ни тяжести, *во еже дивитися міру* ('Εν τῷ θαυμάζεισθαι) — выраженіе греческое.

- Хоть я и не пророкъ, но, *видя*
- Мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется.
- *Пророчество*, почти всегда, *ни въ удасться* ».

Крыловъ (Плотичка).

Это выраженіе французское.

- Я все получилъ чрезъ (durch) моего брата. »
- Онъ былъ *весь атманіе*. »

Мирлинскій

Эти обороты рѣчи нѣмецкіе.

Объ употребленіи ихъ, составляющемъ недостатокъ чистоты рѣчи, и какъ этотъ недостатокъ называется?

Очевидно, что употребленіе иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи — совершенно безъ всякой причины, нужды и дѣля, болѣе всего вредятъ и духу народа и чистотѣ языка. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, у насъ слышатся слова: утрировать, жуировать, вонжировать, катастрофа, моральный, національный, резонный и другія, когда есть для выраженія ихъ понятій свои чисто-русскія названія: преувеличивать, наслаждаться, путешествовать, перевернуть, нравственный, пародный, разумный?... Такое употребленіе иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи составляетъ недостатокъ чистоты выраженія, и называется различно, смотря потому, откуда берутся эти выраженія: они называются *галлцизмами*, если берутся изъ языка французскаго, *германизмами*, если — изъ нѣмецкаго, *латинизмами* — изъ латинскаго, *полокизмами* — польскаго и т. п.

Общее названіе есть въ вышеозначенныхъ недостаткахъ чистоты выраженія.

Вообще же ненужное и бесполезное употребленіе въ языкѣ словъ и выраженій устарѣлыхъ, новосоставленныхъ, областныхъ, пародныхъ и иностранныхъ — принято называть въ литературѣ

барбаризмом (*), варварством языка: ибо они действительно искажают красоту и достоинство языка, уродуют его.

Можно-ли, и почему нельзя безусловно отвергать употребленіе въ литературѣ всякъхъ рассмотрѣнныхъ выше словъ и выраженій?

Впрочемъ, нельзя безусловно, безъ всякаго ограниченія, отвергать употребленіе въ литературѣ словъ и оборотовъ рѣчи славянскихъ, устарѣлыхъ, вновь составленныхъ, простонародныхъ, областныхъ и иностранныхъ. Иначе—мы впадемъ въ другую противоположную крайность, называемую въ наукѣ *пуризмомъ* (отъ латин. *purus* чистый, — *пуризмъ* — излишняя чистота).

О ПУРИЗМѢ, или излишней чистотѣ рѣчи.

Сущность пуризма.

Пуризмъ состоитъ въ томъ, что нѣкоторые писатели ни подъ какимъ предлогомъ не принимаютъ въ свой языкъ, не только реченій иностранныхъ, но даже — и отечественныхъ, устарѣлыхъ и повосоставленныхъ, пародныхъ и областныхъ, а стараются всё понятія въ своихъ сочиненіяхъ выразить одними словами *чисто-литературными*.

Сужденіе о немъ.

Пуризмъ есть крайность, противная здравому вкусу, вредная и для языка, который она убожить, и — для сочиненій, у которыхъ отнимаетъ многія средства къ пріятному, точному и изящному выраженію мыслей, — и потому дѣлаетъ рѣчь ихъ темною, сухою, вялою и безжизненною.

(*) Греки называли *варварами* всѣхъ народовъ, которые были не-Греки, а слова ихъ, появившіяся въ Греческомъ языкѣ, называли *варварскими* словами. Въ словесности обобщили этотъ терминъ, и стали называть *барбаризмами* всякія слова, иностранныя и отечественныя, нарушающія чистоту рѣчи.

*Прежнее литературное названіе пуризма, и писатели,
отличавшіеся имъ.*

Однако-же, такой языкъ, въ прежнее время, назывался у насъ *благороднымъ*, въ противоположность слогу низкому, площадному. Пуристами у насъ были, по преимуществу, Сумароковъ и Княжичинъ. Послѣдній, подражая французскимъ писателямъ въ чистотѣ (пурпзмъ) языка, помѣстилъ въ одной сценѣ «Росслава» всѣ *высокія* слова, разсѣянные въ разныхъ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Вольтера. А въ отношеніи къ словамъ иностраннѣмъ, и отчасти новосоставленнымъ—большими пуристами у насъ были: Князь А. Шибковъ и Шаховскій.

Какое же именно употребленіе словъ славянскихъ, устарѣлыхъ и другихъ воспрещается въ наукѣ?

Чтобы не впасть въ пуристическую крайность, наука воспрещаетъ только ненужное и бесполезное употребленіе словъ, не относящихся прямо къ литературѣ. А ненужными и бесполезными они бываютъ тогда, когда въ литературномъ языкѣ есть свои слова для выраженія понятій, или означаемыхъ, и когда они, по точности, ясности и красотѣ выраженія, стоятъ ниже словъ литературныхъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ употреблять ихъ и можно и должно.

А) Случаи, въ которыхъ эти слова вообще могутъ быть употребляемы.

1) Слова и обороты рѣчи устарѣлые, новосоставленные, простонародные, областные и иностранные часто сами собою входятъ въ составъ языка. «Новыя, мыслию одушевленные, слова, говоритъ Карамзинъ, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ и обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не дѣемъ, а принимаемъ ихъ (Рѣч. 3 Дек. 1818 г.).» Такъ вошли въ нашъ языкъ многія слова устарѣлыя, напр: *исконный*, *супостать*; новосоставленные, напр: *предметъ*, *выдуманннй Тредіаковский*, *промышленность* — *Карамзинскій*, *современность*, *впечатлѣніе*, *одушевленіе*, *туземецъ*, *мѣстность*, *пароходъ*, *чугунка* и проч.; изъ простонародныхъ и областныхъ: не въ мого-

ту, захоустье, святки, вирши; изъ иностранныхъ: фактъ (*factum*), введенный П. Полевымъ, всѣ названія церковныхъ должностей и вещей, разные термины изъ наукъ и искусствъ, какъ-то: поэзія, исторія, архитектура, журналъ и проч. Само собою разумѣется, что такія слова, принятая духомъ (геніемъ) языка, никто не можетъ изгонять изъ употребленія.

2) Нерѣдко, слова нелитературныя означаютъ такія понятія, для которыхъ нѣтъ соответствующаго выраженія въ языкѣ литературномъ. Таковы названія мѣстныхъ предметовъ, находящихся только въ одной губерніи или области, какъ въ Сибири: тундра, буранъ, жила золота и т. п. Ясно, что употребленіе такихъ словъ въ литературѣ, не только нужно, «но и законно, какъ говоритъ Кн. П. Вяземскій; ибо на нѣтъ и суда нѣтъ». Прекрасно разсуждаетъ объ этомъ и Гораций въ своемъ сочиненіи: «*de arte poetica*:» «если бы случилось кому описывать что-нибудь тайное и сокровенное въ вещахъ, и для сего потребовалось бы изобрѣсти слова новыя, неизвѣстныя древнимъ обитателямъ Рима: то можно дозволить употребленіе сихъ словъ, лишь бы только оно не простиралось за предѣлы благоразумія..... И для чего мнѣ запрещать это, когда языкъ Эпіція в Катона обогатилъ нашу отечественную рѣчь, и далъ многимъ вещамъ новыя названія? *Nos licebat et semper licebit.*»

3) Часто бываетъ, что слова старыя, повыл, народныя, областныя и иностранныя точнѣе, яснѣе и изящнѣе выражаютъ дѣло, чѣмъ реченія, принятая уже въ литературѣ. Лучше, напр. по старинному сказать: наговоры, навѣты, наважденія, чѣмъ употребить нынѣшнія слова: ковы, коварство. Или—какъ прекрасны, напр. слѣдующіе эпитеты (прилагательныя), взятые изъ народной Русской поэзіи: подъ *ходячими* облаками, ко веснѣ, ко *разливной*, безъ чаду *кудривова*, муравьеще *кипучее* и т. п.! Конечно, и такія слова могутъ и должны быть употребляемы въ языкѣ литературномъ, безъ вреда его чистотѣ.

Б) Случаи, въ которыхъ могутъ быть употребляемы въ частности: а) слова славянскія и древне-русскія.

Въ частности — слова славянскія и древне-русскія могутъ быть употребляемы въ сочиненіяхъ религіознаго и историческаго

содержанія. Въ первыхъ — потому, что они приближаютъ рѣчь писателя къ языку, на которомъ существуютъ у насъ Божественныя истины. Какъ, напр. хорошо въ этомъ отношеніи слѣдующее выраженіе одного проповѣдника: «да ревнуетъ христіанинъ въ благоувѣтливости и любви къ принымъ!» А въ сочиненіяхъ историческихъ славянскія и древне-русскія слова потому особенно должны быть приняты, что они часто характеризуютъ народъ, его взглядъ на вещи, его жизнь и природу. Такъ, въ новѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ, самозванецъ Лжедмитрій называется, по выраженію того времени, *сосудомъ дьявола*; или—еще встрѣчаются выраженія: *старина*—въ смыслѣ прежняго, историческаго направленія эпохи, *бить челомъ* королю, *нарядъ*—въ смыслѣ постановки и устройства войска, *безнарядье*—въ смыслѣ войска неустроеннаго. Слова, нынѣ непонятныя, должны быть объяснены, какъ, напр. у Карамзина: «не заплатилъ-ли я ему *выхода*, или парской пошлины (т. IV, стр. 179)?»

б) *слова протонародныя и областныя.*

Далѣе — слова протонародныя и областныя могутъ, и должны быть употреблены, особенно тогда, когда говорится о предметахъ протонароднаго и областного быта, когда рѣчь влгается въ уста простого, необразованнаго человѣка, или прибывшаго изъ одной области въ другую съ своимъ особымъ нарѣчіемъ, и, наконецъ, когда сочиненіе имѣетъ цѣль *популярную* (popularis народный), назначается для массы народош, для извѣстнаго края, губерніи Русской. Такъ, въ «Бесѣдахъ сельскаго священника къ прихожанамъ,» читаются слѣдующія протонародныя слова: «мы должны молиться Богу *денно и ночью*; мы родились въ православной *вѣрѣ*, а не въ *бусурманской и жидовской*.» Такія выраженія составляютъ украшеніе сочиненій популярныхъ, и гораздо понятнѣе и убѣдительнѣе для народа, чѣмъ слова: день и ночь, еврейская религія, языческая вѣра.

Условіе, подъ которымъ употребленіе вышеозначенныхъ словъ не составляетъ барбаризма.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ употребленіе словъ славянскихъ, устарѣлыхъ, народныхъ, областныхъ и иностранныхъ, избавляя

писателя отъ пуристической крайности, въ тоже время не вредить и чистотѣ выраженія, а потому и не составляетъ барбаризма рѣчи. Нужно только смотреть, чтобы эти слова *оригинальны* входили въ составъ письменнаго языка, соединились бы съ нѣмъ внутреннею живою связію, а посему — и самому употребленію ихъ нужно учиться у нашихъ образцовыхъ писателей: Карамзина, Пушкина, Жуковскаго, Грибоедова, Крылова, Кольцова и другихъ.

ПРИМѢРЪ.

Примѣромъ такого прекраснаго употребленія словъ въ рѣчи можетъ служить слѣдующій монологъ Пушкина изъ «Бориса Годунова»: »

«Еще одно, последнее сказанье,
И летопись окончена моя:
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтельствъ меня Господь поставилъ,
И книжному искусству вразумилъ.
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный,
Зажжетъ и оны, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья переписатьъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу;
Своихъ царей великихъ помнятъ
За ихъ труды, за славу, за добро.
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.»

ОСОБОЕ ЗАМѢЧАНІЕ О СЛОВАХЪ МИЕОЛОГИЧЕСКИХЪ.

О появленіи міеологическихъ понятій въ литературѣ христіанскихъ народовъ.

Что касается до иностранныхъ словъ и выраженій, относящихся къ міеологіи греко-римской, каковы: Фебъ, Аполлонъ, Минер-

ва, Музы, Олимпъ, Парнасъ и т. п.: то, въ литературѣ христіанскихъ народовъ, они появились впервые въ XIII вѣкѣ, въ Италіи, когда тамъ стали съ особеннымъ фанатическимъ уваженіемъ изучать старинныхъ латинскихъ писателей, особенно Виргилія.

О появленіи ихъ въ Русской литературѣ.

Въ нашей литературѣ мнѳологическія понятія въ первый разъ встрѣчаются въ описаніи Мамаева побойща, въ слѣдующей фразѣ: «сія повѣдай, о Уранъ, како случился брань на Дону.» Въ половинѣ прошлаго столѣтія, у Ломоносова, особенно у Державина, названія древнихъ греко-римскихъ божествъ являются во всей своей классической важности.

ПРИМѢРЫ ИХЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ.

Напр. стихотвореніе «Рѣшмыслу» начинается у Державина слѣдующимъ обращеніемъ къ Музѣ:

«Веселоправная, младая,
Нелицемерная, простая,
Подруга Флаккова, и дщерь
Природой давнаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь,
О муза, славить Рѣшмысла.»

Или въ стихотвореніи на победы Екатерины II надъ Турками, 1772 года, читаемъ слѣдующее:

- Со ужасомъ молвъ вселенная впираеть.
- Какъ падшу Грецію Минерва подымаеть. •
- Румянцевъ, какъ перуць, по Туркамъ разразился;
- Какъ древле Юпитерь гигантовъ поразилъ;
- Такъ, подъ Кагуломъ, олъ взиря разгромилъ. •
- Гряди, гряди, о рокъ, и орлею рукою
- Возстанъ Палеологъ, поверженный луной! •

Но и самъ Ломоносовъ, одаренный умнымъ чутьемъ, чувствовалъ уже всю несообразность подобныхъ понятій съ нашими вѣрваніями и познаніемъ, и потому въ героической поэмѣ своей: «Петръ Великій» онъ слѣдуетъ обращенію къ Премудрости Божіей:

«Къ тебѣ я вопію, Премудрость Безконечна,

Пролей свой лучъ ко мнѣ.....»

А Пушкинъ въ «Опѣгигѣ» сталъ употреблять мнѳологическія имена въ шутовскомъ тонѣ, и, съ тѣхъ поръ, они потеряли всю литературную важность.

Сужденіе объ употребленіи мнѳологическихъ словъ.

И въ самомъ дѣлѣ, имена и понятія мнѳологическія могутъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда рѣчь идетъ о мнѳологіи, какъ предметѣ историческомъ, а затѣмъ и не нужно и предосудительно употреблять ихъ. Ибо сами по себѣ мнѳологическія слова не имѣютъ никакого значенія, и суть слова, въ собственномъ смыслѣ, пустыя: ни Аполлона, ни Музы—нѣтъ, и никогда не было. Употреблять же ихъ для означенія другихъ предметовъ, напр. побѣдителя называть Марсомъ, мудрую государиню—Минервой,—нѣтъ нужды, и противно ясности выраженія: для этого лучше брать точныя названія, понятныя для всѣхъ. Накопецъ, употреблять изъ подражанія классической греко-римской литературѣ—неправильно. Здѣсь истинное подражаніе должно состоять въ томъ, чтобы мы точно такъ же выражали въ сочиненіяхъ свои истинно—религіозныя понятія, какъ греки и римляне высказывали свои заблужденія. А потому, вмѣсто ничего незначащаго обращенія къ Аполлону и Музамъ, намъ слѣдуетъ обращаться къ Богу, къ Его безконечной премудрости, которая одна можетъ вразумить насъ; вмѣсто никогда не существовавшей судьбы, исповѣдывать судьбу Божію, которыхъ, по выраженію Псалмопѣвца, *бездна многа*; вмѣсто пустого рока, призывать Промыслъ Господа, управляющій нашею жизнію и т. п.

2) О ЛОГИЧЕСКИХЪ СВОЙСТВАХЪ РѢЧИ.

Опредѣленіе и роды ихъ.

Логическія свойства рѣчи суть тѣ, которыя основываются на понятіи о словѣ человеческомъ, какъ орудіи для выраженія мы-

слей, и отъ которыхъ зависить ясность и понятливость ихъ въ сочиненіи. Такихъ свойствъ два: а) точность и б) ясность рѣчи.

а) о точности рѣчи.

Опредѣленіе.

Точность рѣчи состоитъ въ совершенномъ соответствіи словеснаго выраженія съ мыслию выражаемою.

ПРИМѢРЪ ТОЧНОСТИ.

Таковъ слѣдующій отрывокъ изъ сочиненія Гр. М. М. Сперанскаго: « О правдѣ. »

« Совѣсть есть чувство нравственнаго добра и зла. Разумъ понимаетъ ихъ различіе: онъ знаетъ, что способствуетъ первообразнымъ союзамъ, и что ихъ нарушаетъ, но совѣсть одна можетъ ихъ чувствовать. »

« Совѣсть имѣетъ двѣ главныя силы: силу сужденія и силу возмездія; она судитъ нравственность каждаго дѣла, и, по суду сему, сопровождаетъ его или удовольствіемъ или скорбію. »

« Нѣтъ движенія воли, нѣтъ тайнаго желанія, ни сокровеннаго намѣренія, въ коихъ бы, при первомъ ихъ образованіи, не участвовали разумъ и совѣсть. Разумъ вопрошаетъ: сообразно-ли намѣреніе цѣли, можетъ-ли желаніе совершиться, будетъ-ли оно полезно или вредно? Совѣсть испытуетъ, сообразно-ли оно долгу, обязанностямъ первообразныхъ союзовъ? По сему испытанію, она не только различаетъ вообще нравственное добро отъ зла, но и опредѣляетъ чувствомъ своимъ съ точностію степень добра, и каждому степени назначаетъ свое мѣсто. »

« Сей образъ дѣйствія совѣсти, по коему она опредѣляетъ нравственное достоинство каждаго движенія воли, уравниваетъ его цѣну съ существомъ его, и потому распредѣляетъ удовольствія и угрызенія, есть ея правда. »

Указаніе этого свойства рѣчи въ приведенномъ примѣрѣ.

Здѣсь мысли о правдѣ совѣсти выражены самымъ точнымъ образомъ; ибо каждое понятіе высказано тѣмъ самымъ словомъ, ко-

торое для него и существует в языкъ; въ каждомъ предложениі слова расположены въ такомъ порядкѣ, въ какомъ понятіа ихъ слѣдовали одно за другимъ въ представленіи сочинителя; всякая мысль выражена полно и опредѣленно, такъ, что нельзя нигдѣ указать ни недостатка, ни излишества въ словахъ, которые бы дѣлали мысль неточною по выраженію.

Случаи, въ которыхъ выраженіе бываетъ неточно, и примѣры ихъ.

Изъ предыдущаго понятно 1) то, въ какихъ случаяхъ выраженіе бываетъ неточно, и 2) что нужно, со стороны писателя, для соблюденія точности.

1) Выраженіе неточно бываетъ, тогда, когда писатель употребляетъ слова *несобственными* — въ отношеніи къ выражаемой мысли, напр. слова отрицательныя, неопредѣленныя, двусмысленныя и т. п. Таково слѣдующее опредѣленіе исторіи: «Исторія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.» Здѣсь многія слова взяты *несобственными*: *священная книга* въ нѣкоторомъ смыслѣ (неопредѣленно), и, въ тоже время, книга *главная, необходимая*; *скрижаль откровеній и правилъ* (какихъ?); *завѣтъ* (чего?) *предковъ къ потомству*. Оттого это описаніе красиво, но неточно, и не даетъ опредѣленнаго понятія о томъ, что такое-исторія.

2) — въ томъ случаѣ, когда въ рѣчи не достаетъ словъ и цѣлыхъ предложений для полнаго и опредѣленнаго выраженія мысли. Напр.

«Или тамъ, куда летить
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрыть?»

Въ этихъ стихахъ не достаетъ словъ и предложений для опредѣленія рѣченія: *желаннаго*, и выраженіе выходитъ неточно.

3) — въ томъ, когда употребляются слова и дѣлыя предложенія, лишнія въ отношеніи къ выражаемому понятію и мысли. Напр. «Есть люди, обладающіе характеромъ положительнымъ, практическимъ, дѣловымъ, житейскимъ, расчетливымъ (последнія четыре прилагательныхъ лишнія). Такіе люди не любятъ теоретическихъ тонкостей, не пускаются въ умозрѣнія, не вдаются въ отвлеченности (здѣсь два предложенія лишнія). Имъ нужна истина опытная, осязасмая, непосредственно соприкасающаяся съ жизнію, — истина, примѣненіе которой очевидно.» Здѣсь не-точность зависить отъ употребленія лишнихъ словъ и предложеній, и составляетъ недостатокъ выраженія, называемый *многословіемъ* и *тавтологіей* (тожесловіемъ).

Наконецъ, 4) — въ томъ случаѣ, когда неправильно употребляются самыя формы выраженія мыслей: напр. предложенія восклицательныя, вопросительныя, отрицательныя и др. строятся такъ, что не выражаютъ никакой определенной мысли или бар-твы. Напр.

«Чѣмъ опять душа полна?»

Что опять въ ней пробудилось?»

Что съ тобой къ ней возвратилось,

Прелестная весна?»

Эти вопросительныя предложенія, будучи превращены въ прямыя или повѣствовательныя, не даютъ никакой положительной мысли.

2) Что нужно для соблюденія точности рѣчи?

Для соблюденія точности рѣчи нужно: а) по преимуществу, употреблять слова *собственные*, т. е. такія, которыя и существуютъ въ языкѣ для выраженія известныхъ только понятій и предметовъ, каковы: языкъ, сердце, рука, книга, птица и проч. Но почти каждое слово имѣеть, по употребленію въ языкѣ, разныя значенія, напр: каждый человекъ имѣеть *душу*; этотъ человекъ безъ *души*; я отъ всей *души* уважаю умныхъ и добродѣтельныхъ: онъ безъ *души* отъ такихъ людей; этотъ человекъ-*душа*. Посему, и при употребленіи собственныхъ словъ, нужно избирать

тѣ значенія ихъ, которыя ближе подходятъ къ выражаемому понятію. Изъ словъ же въ выраженной *несобственно* нужно брать, для точности рѣчи, такія, которыя отличаются общеупотребительностію и общепонятностію.

б) Для соблюденія точности рѣчи, должно стараться каждую мысль сочиненія выражать внятно, опредѣленно, безъ недостатка въ словахъ и предложеніяхъ, но и безъ излишества ихъ: ибо каждая мысль имѣетъ свои опредѣленные границы, внѣ которыхъ ея выраженіе становится *источнымъ*.

и в) — нужно самые способы (формы) выраженія составлять такъ, чтобы они прямо, а не стороною только, высказывали мысли автора.

Образцы точности.

Въ повѣстной нашей литературѣ, Ломоносовъ и Карамзинъ первыя подали примѣръ точности выраженія. За ними точностію особенно отличаются творенія Высокопресв. Филарета, прозаическія статьи Жуковскаго, сочиненія И. Давыдова, Плетнева, Сперанскаго и друг.

б) о ясности рѣчи.

Опредѣленіе.

Квинтиллианъ, Римскій риторъ, опредѣляетъ ясность рѣчи такъ: « рѣчь должна быть ясна и понятна даже и невнимательнымъ слушателямъ, и такъ дѣйствовать на нихъ умъ, какъ солнечный свѣтъ дѣйствуетъ на зрѣніе, безъ всякаго напряженія съ нашей стороны. Поэтому должно стараться не о томъ, чтобы всякій понималъ насъ, но чтобы нельзя было не понять. »

Примѣры ясности рѣчи.

Примѣромъ ясности выраженія могутъ служить слѣдующія два сочиненія:

1) ВЪИЧАНІЕ ГОДУНОВА НА ЦАРСТВО.

« Борись вѣчался на царство еще пышнѣе и торжественнѣе Осодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго патрі-

арха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда царь, осѣненный деищицею Первосвятителя, въ порывѣ живого чувства, какъ-бы забывъ уставъ церковный, среди литургіи, воззвалъ громогласно: «Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго» — и, тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію послѣднюю народу:» тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности во храмѣ; бонре славословили монарха, народъ плакалъ. Увѣряють, что новый Вѣнцесосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви и преданности, тогда-же произнесъ и другой важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ, и единственно удалить ихъ въ пустыни Сибирскія. Однимъ словомъ, никакое царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало, сильѣе Борисова, на воображеніе и чувство людей. Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ, изъ рукъ Метиславскаго, Борпсъ въ коронѣ, съ державою и скиптромъ сѣвшилъ въ царскую палату занять мѣсто варяжскихъ князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственнымъи благодѣніями праздновать сей великій день.»

Карамзинъ.

2) ЛАРЧИКЪ.

«Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ.
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто вѣзться.
Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдавакой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрець.
Взглянуть на ларчикъ, онъ сказалъ: — «ларецъ съ секретомъ.
«Такъ; онъ и безъ замка;
«А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
«Не смѣйтесь такъ изподтишка!
«Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою:
«Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою.»
Вотъ за ларецъ принялся оцъ:

Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ухахъ лишь только отдается;
« Не тутъ, не такъ, не тамъ! » Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но, наконецъ, усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И какъ открыть его никакъ не догадался,
А ларчикъ просто открывался.

И. Крыловъ.

Указаніе ясности рѣчи въ приведенныхъ примѣрахъ.

Здѣсь въ обоихъ сочиненіяхъ все ясно и понятно: и предметъ сочиненія, и его развитіе, и языкъ, служащій орудіемъ икъ выраженія. Могутъ быть для нѣкоторыхъ неясными слова, въ отдельности взятые, напр: механика, утварь Моноахова и др. Но и всякія другія слова также трудно въ подробностяхъ опредѣлять, напр: мудрость, трудъ, умиленіе и проч. Однако-жь, въ цѣломъ они не препятствуютъ ясности рѣчи, о которой здѣсь говорится.

Отъ чего происходитъ темнота рѣчи?

Темнота рѣчи происходитъ отъ двухъ причинъ: либо отъ неуясненія предмета сочинителемъ, либо отъ излишней привязанности его къ выраженіямъ изысканнымъ, темнымъ, требующимъ объясненія.

Примѣры темноты рѣчи, и указаніе причинъ, отъ которыхъ она произошла.

• Хаоса бытность доврешу
Изъ недръ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ самомъ Ты освавалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ встаетъ. .... »

Здѣсь темнота произошла отъ непонятія поэтомъ образа созданія міра, который (образъ), по Апостолу, составляетъ тайну христіанскаго ученія. А въ слѣдующемъ примѣрѣ причиною темноты должно признать страсть автора къ изысканнымъ и неуѣзнымъ, научнымъ выраженіямъ:

«Первый моментъ мышленія есть движеніе средостремительное (воспріятіе), моментъ страданія. Второй моментъ мышленія есть сличеніе законовъ духовной сущности съ данными явленія. Это моментъ собственно мышленія: здѣсь движеніе средостремительное уравнивается движеніемъ средобѣжнымъ, страданіе — воздѣйствіемъ. Третій моментъ мышленія есть тотъ, въ коемъ духъ созерцаетъ явленіе, какъ мысль, какъ бытіе, уже сознательное, понятое. Это моментъ средобѣжный — мнута побѣды.»

Въ этомъ отрывкѣ опредѣляются три разныя степени мышленія. При изысканномъ образѣ выраженія, для насъ эти степени непонятны: что такое мышленіе, какъ движеніе средостремительное, потомъ уравниваемое движеніемъ средобѣжнымъ, и, наконецъ, какъ движеніе средобѣжное? Что значитъ это сличеніе законовъ духовной сущности въ данными явленія? Что значитъ созерцать явленіе, какъ мысль, какъ бытіе, уже сознательное, понятое? Совершенно не ясно! Но скажи сочинитель это же самое просто, безъ затѣй: «что мы сперва страдательно воспріимаемъ впечатлѣнія «отъ предметовъ; потомъ, на основаніи впечатлѣній, свободно «мыслимъ о предметахъ, по законамъ нашего разсудка, составляемъ «о нихъ понятія, сужденія, умозаключенія, и, такимъ образомъ, «наконецъ, приобретаемъ о нихъ правильное и ясное познаніе,» скажи такъ, — и дѣйствія нашего мышленія были бы совершенно ясны.

Разныя степени темноты рѣчи.

Темнота рѣчи бываетъ двухъ степеней: или представляетъ пустой наборъ словъ, въ которомъ нѣтъ никакой мысли, и тогда называется *галиматією* (la galimatias), беземыслицею, пустословіемъ, или же — мысль есть, но она высказана неясно и непонятно, какъ въ слѣдующихъ стихахъ:

ПРИМѢРЪ.

« Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И, что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой.
Отечества умножить славу,
И влице укрѣпить державу.
Сидиши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облакаешь свѣтомъ.
И что прекрасно только лѣтомъ,
Ты вѣчно сдѣлай мастерствомъ. »

Домоносовъ (Поэв. ода 10).

Здѣсь, въ четырехъ послѣднихъ стихахъ, мысль высказана неясно.

Что требуется для ясности рѣчи?

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что для ясности рѣчи нужны: ясное и раздѣльное понятіе о предметѣ сочиненія и навыкъ писать просто, какъ мыслимъ и говоримъ. Кто хорошо понимаетъ, и выражаетъ мысли, какъ понимаетъ, тотъ не будетъ темнымъ;

3) ОБЪ ЭСТЕТИЧЕСКИХЪ СВОЙСТВАХЪ ВЫРАЖЕНІЯ.

Понятіе о красѣ.

Эстетическія (*αισθησις*; — чувство, въ особенности—чувство изящнаго, *αισθητικὸς*; — направляющійся чувству изящнаго, изящный, прекрасный) свойства рѣчи суть тѣ, которыя основываются на понятіи объ эстетическомъ началѣ языка, и отъ которыхъ происходятъ изящество, или красота выраженія въ сочиненіяхъ.

Выводъ и указаніе ихъ.

Каждое слово въ языкѣ есть образъ и вмѣстѣ звукъ; образъ—потому, что изображаетъ понятіе о предметѣ или самъ предметъ; звукъ—потому, что, подобно тону музыкальному, звучитъ въ воздухѣ, и часто выражаетъ собою звуки изображаемыхъ предме-

товъ, напр: громъ, свистъ, статья..... Отсюда эстетическихъ свойствъ рѣчи два: а) изобразительность и б) благозвучіе.

а) ОБЪ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ.

Определение изобразительности рѣчи.

Изобразительность есть такое качество рѣчи, по которому словами изображается самый образъ предмета, такъ, что этотъ предметъ, или его образъ живо и картинно напечатлѣвается въ воображеніи читателя, и даже—какъ бы представляется предъ его глазами: иначе качество это называется живописью и еще—картинностію рѣчи.

Какихъ условій требуетъ изобразительность, или живопись рѣчи?

Живопись рѣчи требуетъ слѣдующихъ условій :

1) *Естественности* изображенія. Она заключается въ томъ, чтобы словами представить предметъ совершенно вѣрнымъ его природѣ, согласнымъ или съ законами дѣйствительнаго его бытія, или съ общимъ родомъ, съ его идеей, какъ это требуется въ сочиненіяхъ поэтическихъ. Скупой представленъ Гоголемъ въ лицѣ Плюшкина естественно. И здѣсь естественность заключается въ согласіи изображенія съ родомъ или идеей скупого человека: ибо въ изображеніи собраны въ одно стройное цѣлое качества и признаки, несомѣстимые въ одномъ лицѣ, но, по частямъ, свойственные всѣмъ скупицамъ.

2) Живопись рѣчи требуетъ ясности и определенности картины. Для сего нужно, чтобы писатель вполне описывалъ свои образы и лица, ясно и отчетливо рисовалъ ихъ обликъ, такъ, чтобы читатели видѣли ихъ, какъ видимъ мы предметы въ природѣ, при ясномъ свѣтѣ.

3)—*стройности*, чтобы главный предметъ картины выставленъ былъ на первомъ планѣ, на виду, а его второстепенныя части—на второмъ мѣстѣ, и какъ бы въ тѣни, для освѣщенія только главнаго сюжета.

4) — *соотвѣтствія* картины съ мыслию, которую она изображаетъ, и наоборотъ — *соотвѣтствія* мыслей и чувствованій съ изображаемыми предметами.

И наконецъ, 5) — *живости* изображенія. Эта особенность — самая важная, и состоитъ въ томъ, чтобы представить предметъ въ единичномъ образѣ, или во многихъ лицахъ, событіяхъ и картинахъ, но до того живыхъ, до того одушевленныхъ, до того похожихъ на дѣйствительность, что, кажется, только отсутствіе составныхъ (химическихъ) частей матеріи мѣшаетъ этимъ словеснымъ изображеніямъ быть дѣйствительно — живыми предметами. Жуковский, опредѣляя достоинства изящнаго изображенія предмета, говоритъ: «что (я) называю дарованіемъ поэта? Воображеніе, представляющее предметы живо (живость), и съ самой пріятельной стороны, способность изображать предметы для другихъ приличными имъ красками (естественность), и такъ, чтобы они представлялись имъ съ такою ясностію (ясность), съ какою и намъ самимъ представляются.»

Примѣръ живописнаго изображенія, представленный съ разборомъ.

Примѣромъ живописнаго изображенія можетъ служить описаніе Загоскина: «Кремль.»

Здѣсь изображается: «Московский Кремль», какъ онъ представляется зрителю, гдѣто, въ поздній вечеръ, при ясномъ лунномъ свѣтѣ. Описаніе начинается прямо съ того, какимъ авторъ хочетъ парировать свой предметъ. «Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпнѣе нашъ Кремль, въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя зоря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаешь своимъ кроткимъ свѣтомъ небеса и всю землю!» Далѣе, показавъ слегка условія, при которыхъ Кремль можетъ явиться наблюдателю во всемъ своемъ величій и красотѣ, сочинитель изображаетъ окружающіе его предметы. «позднѣе вечеромъ, вы никого не встрѣтите въ Кремль; часу въ одиннадцатомъ ночи, въ немъ раздаются одни только рѣдкіе *ошики* и *мѣрные* шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ

проѣзжающія кареты, кричатъ пзвошники, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, певитный говоръ всего замоскворѣчья какъ-будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого». Здѣсь описываются второстепенные предметы, и потому они представлены въ тѣни, чтобы ярче и выпуклѣе нарисовать главный предметъ, который слѣдуетъ даѣе: «вотъ пабѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу, густая тѣнь легла на все замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и весь дома подернулся туманомъ (это описаніе такъ естественно, какъ-бы списано было съ натуры). Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ по прежнему, и позлащенный крестъ Ивана-Великаго горитъ яркой звѣздою въ вышнѣи. Поглядите вокругъ себя, какъ строило и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ петлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ Московскихъ (живо, картинно).» За симъ показывается, какоо дѣйствіе производитъ на душу это созерцаніе величія, святости и красоты Кремля: оно отрываетъ насъ отъ земли, умиляетъ сердце, и наполняетъ его спокойствіемъ и миромъ; оно напомиаетъ намъ о миновшихъ судьбахъ нашего отечества, и возноситъ душу нашу туда, гдѣ не стацутъ уже дѣлать людей на поколѣнія и народы, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни плача, ни страданій..... Эти мысли и чувствованія совершенно соотвѣтствуютъ картинѣ описываемаго предмета. Самое описаніе Кремля и тѣхъ чувствованій и мыслей, которыя возбуждаетъ онъ, какъ главный предметъ сочиненія, стоить въ пемѣ, на первомъ мѣстѣ, на виду. Сочиненіе оканчивается слѣдующимъ совѣтомъ: «Испытайте это сами, приите въ Кремль попоаже вечеромъ, и если вы еще по вовсе отвыкли бесѣдовать съ самими собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вѣрно скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вы не станете досадовать, если послушаетесь меня, и побываете въ Кремлѣ: потому что онъ, при лучномъ свѣтѣ, такъ прекрасенъ, что вы должны непремѣнно это сдѣлать, хотя изъ любви къ прекрасному.»

Что способствует живописи рѣчи?

Живопись рѣчи способствуетъ тоже самое, что и живопись картины: это—представленіе предметовъ въ образахъ, созданныхъ воображеніемъ и оживленныхъ фантазією (образность изображенія), и разрисовка ихъ цвѣтами и красками, имъ свойственными (собственно живопись). Папр.

« А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыльхъ, согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти;
Она хочеть руку ту простерти,
Для хлѣба отъ тебя куска. »

Державинъ.

Здѣсь живость рѣчи заключается въ образномъ представленіи предмета. Но этотъ образъ, можно сказать, *дагеротипный*: онъ не раскрашенъ цвѣтными и живописными изображеніями, какъ «Павлинь» того же поэта въ слѣдующемъ описаніи:

« Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья,
Со разсыпной бахромою
Позады чешуйной груди кажетъ,
Какъ пѣкші круглый, дивный щитъ!
Лазурно — связи — бирюзовы
На каждого кощъ пера,
Тѣнисты круги, волны новы,
Струи алата и сребра:
Наклонять — изумруды блещуть!
Повернеть — яхонты горять!
.....
Гдѣ ступить — радуга играетъ!
Гдѣ стаетъ — тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ,
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ.
А велика-ли добродѣтель
Въ ея и сердца и души?»

Здѣсь павлинь изображается самыми блестящими и великолѣпными красками, таковы: *чернозелены перья въ искрахъ, со разсыпною бахромой чешуйная грудь, лазурно-сизо-бирюзовые тѣнистые круги, золото, серебро, изумруды* блещутъ, *яконты* горять, *радуги играютъ, лучи* вокругъ, сила и паренье *орлиныя, трубный* голосъ, *лебединое* пѣніе. Всѣ эти краски преувеличены, но предметъ тѣмъ не менѣе представляетъ живописно.

Что, въ частности, способствуетъ живописи рѣчи?

Въ частности, живописи выраженія способствуютъ особенныя, риторическія обороты рѣчи, извѣстные подъ именемъ *фигуръ и тропевъ*.

О РИТОРИЧЕСКИХЪ ФИГУРАХЪ (*).

О двухъ способахъ изображенія мыслей и предметовъ, и, въ частности, о способѣ изображенія фигуральною.

Есть два противоположныхъ способа изображенія мыслей и предметовъ: способъ *обыкновенный*, простой, естественный, изображающій вещи такъ, какъ они есть. Напр. мы видимъ, что всѣ люди умираютъ, и, желая развить эту мысль, говорить: «смерть есть общій удѣлъ всѣхъ людей: и цари, и богачи, и люди, отличающіеся красотой, возвышеннымъ умомъ, непобѣдимою силою также умираютъ, какъ и простые смертные». Это образъ выраженія—простой, обыкновенный. И есть способъ выраженія *особенный*, отступающій отъ обыкновеннаго, простого изложенія, представляющій мысли и предметы въ болѣе лучшемъ и прекрас-

*) Здѣсь фигуры названы *риторическими*—въ отличіе отъ фигуръ грамматическихъ, о которыхъ было упомянуто въ отдѣлѣ о правильности рѣчи. Грамматическія фигуры относятся къ грамматикѣ, и здѣсь будетъ сказано только о фигурахъ риторическихъ.

нѣйшемъ видѣ. Такъ Державинъ ту же мысль, что смерть есть удѣлъ всѣхъ людей, представлялъ иначе — въ образѣ живого и движущагося существа:

« И бледна смерть на всѣхъ глядитъ:
Глядитъ на всѣхъ, — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумяры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И..... точить лезвее косы. »

Такой способъ выраженія называется *фигуральнымъ*.

Появленіе о фигурахъ.

Отсюда фигуры (отъ лат. *figura*, а по греч. *εἰμα*) называются особенные, изящные или красивые обороты мыслей и словъ, отступающіе отъ обыкновеннаго простаго выраженія.

Какія фигуры способствуютъ изобразительности рѣчи?

Изобразительности рѣчи способствуютъ, по преимуществу, слѣдующія фигуры, происходящія отъ особенной силы и дѣятельности воображенія:

1) *Олицетвореніе*, въ которомъ отвлеченнымъ понятіямъ, или предметамъ неодушевленнымъ дается образъ челоуѣка, или видъ другого какого-нибудь существа.

2) *Одушевленіе*, или лучше, *оживотвореніе*, въ которомъ бездушнымъ предметамъ приписываются дѣйствія, свойственныя существамъ мыслящимъ и чувствующимъ.

Примѣръ этихъ фигуръ.

..... « Въ каждомъ зернышкѣ тихо и смиро
Спитъ невидимкой малютка — зародышъ. Долго онъ, долго
Спитъ какъ въ лѣлкѣ, не ѣсть, и не пить, и не шкелеть, доколѣ

Въ рыхлую землю его не положить, и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ, и сосеть, какъ младенецъ,
Сокъ изъ родного зерна, и растеть, и псвидимо зрѣеть;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находить.
Что-же?..... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ! — «Какъ бы
провѣдать,
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, творится?» Ташкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли.....»

Жуковский (Т. II, стр. 253).

Разборъ примѣра.

Здѣсь поэтъ изображаетъ прозябеніе (*germinatio*) растенія. Предметъ изображенія — неодушевленный. Но воображеніе поэта осуществило его въ образѣ младенца—малютки, и *оживотворило*, придавъ ему дѣйствія, свойственныя младенцу: ибо этотъ младенецъ — зародышъ сначала сидитъ въ зернѣ, какъ въ люлкѣ, потомъ, согрѣтый теплотою, просыпается, сосеть сокъ изъ зерна, выползаетъ изъ пеленъ, роется въ глубь (корни пускаетъ); наконецъ, почувствовать, что подъ землею ему скучно и тѣсно, и желая провѣдать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, выползаетъ изъ земл. Здѣсь соединены двѣ фигуры вмѣстѣ: олицетвореніе и одушевленіе.

3) *Обращеніе*, въ которомъ писатель, олицетворяя и одушевляя предметы, обращаетъ къ нимъ свою рѣчь, какъ будто бы они могутъ слышать и понимать его. Сюда-же относятся: *возрошеніе*, *восхищеніе*, *умоленіе*, *желаніе* и *заимословіе*.

Примѣръ этихъ фигуръ.

Примѣромъ можетъ быть здѣсь, «Плачь» Ярославны, супруги Игоря, князя Сѣверскаго, переложенный литературнымъ размѣромъ изъ «Слова о полку Игоревѣ.»

« Въ Путыхъ плачетъ Ярославна

Зарей на городской стѣнѣ (слѣдуетъ заимословіе):

- О рѣка (обращ.)! отдай мнѣ друга;
- На волнахъ его лелѣй (ужоленіе),
- Чтобы грустная подруга
- Обняла его скорѣй;
- Чтобы я боль не видалъ
- Въспыхъ ужасовъ во снѣ;
- Чтобы я слезъ къ нему не слалъ
- Спнимъ моремъ на зарѣ. »

Въ Путевѣхъ плачетъ Прославна

Зарей на городской стѣнѣ (опять замословіе):

- Солнце, солнце, ты сіяешь
- Всѣмъ прекрасно и светло (поклѣпаніе)!
- Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
- Войско друга моего (вопрошеніе)?
- Жажда злукъ съ тетивами
- Насушила въ ихъ рукахъ.
- И печаль колчанъ съ стрѣлами.
- Заложила на плечахъ. »

И тихо въ теремъ Прославна

Уходитъ съ городской стѣны.

И. Козловъ.

4) *Изображеніе*, въ которомъ предметъ или происшествіе представляется такъ наглядно, картинно и живо, какъ будто бы мы действительно видимъ его передъ своими глазами. Напр: « И Екатерина на тронѣ! Красота въ образѣ воинственной Паллады! Вокругъ блестящіе ряды героевъ! .... пламя усердія въ груди ихъ! .... передъ Нею свѣщенныи ужасъ и геній Россіи! .... она-равель на мужество, богиня шествуетъ, — и слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый! »

О ТРОПАХЪ.

Понятіе о различныхъ значеніяхъ словъ, и объ употребленіи ихъ въ значеніи несобственныхъ, переносныхъ.

Каждое слово въ языкѣ имѣетъ нѣсколько значеній: одно-собственное, а другія—несобственные, переносныя. Такъ, напр. царь

означаетъ влaстителя народа, голова — высшюю часть тѣла чело-
вѣческаго, каменный — составленный изъ твердой массы матерiи и
т. п. Это — значенiя собственныя. Но когда мы говоримъ: орелъ
есть царь птицъ, этотъ челоуѣкъ не имѣетъ своей головы, у него
сердце каменное: то беремъ тѣже слова въ переносномъ значе-
нiи, не въ собственномъ: ибо орелъ называется царемъ не въ томъ
смыслѣ, чтобы онъ правилъ другими птицами, а въ томъ, что онъ
смѣлѣе и лучше ихъ; челоуѣкъ называется безголовымъ не по-
тому, чтобы не имѣлъ своей головы, а потому, что руководствует-
ся чужимъ, не своимъ умомъ; сердце называютъ каменнымъ не
оттого, чтобы оно составлено было изъ твердой, окаменѣлой массы
матерiи, а потому, что у нѣкоторыхъ людей оно бываетъ, какъ
камень, нечувствительно. На этомъ употребленiи словъ въ пере-
носномъ ихъ значенiи основываются всѣ тропы.

Определение тропы.

А потому тропомъ (отъ *τρέπω* обращаю, *τρέπος* — образъ, оборотъ)
называется такой оборотъ рѣчи, въ которомъ слова переносятся
отъ собственнаго ихъ значенiя къ несобственному.

Основанiе и главные роды троповъ.

Слова переносятся отъ собственнаго значенiя къ несобствен-
ному или по *подобiю*, или по *качеству*, или по *количеству*, или
по *противоположности*. Поэтому главныхъ троповъ всего че-
тыре, а именно:

1) Метафора.

Если слово переносится отъ собственнаго значенiя къ не-
собственному по *подобiю*; то тропъ называется *метафорой*
(отъ *μετά* и *φέρω*, — *μετάφορα* перенесенiе). Въ метафорѣ слова
переносятся 1) отъ неодушевленнаго предмета къ одушевленному;
2) отъ одушевленнаго къ неодушевленному, 3) отъ одушевленнаго
къ одушевленному и 4) отъ неодушевленнаго къ неодушевленному.
Напр. юность есть весна жизни. Здѣсь метафора заключается въ
словѣ: весна. Весною называется *собственно* время года, состоя-

щее изъ трехъ мѣсяцевъ: марта, апрѣля, мая. Но въ приведенномъ примѣрѣ слово: весна перенесено отъ этого собственнаго значенія къ другому, несобственному, по подобію. Веснѣ подобна юность: ибо, какъ весна есть самое лучшее и пріятное время года, такъ юность есть лучшее и пріятнѣйшее время жизни; какъ весною засѣваютъ поля, чтобы наслаждаться плодами ихъ въ послѣдующія времена года; такъ и въ юности насаждаются сѣмена ученія, добродѣтели, чтобы въ послѣдующихъ возрастахъ получить отъ нихъ добрые плоды. На этомъ подобіи и составилась метафора: юность есть весна жизни.

2) *Метанимія.*

Если слово переносится отъ собственнаго значенія къ несобственному по *качеству*, т. е. по внутренней, вынословной связи между понятіями; то тропь называется *метаниміей* (отъ *μετά* и *ἀνομα* переименованіе). Въ метаниміи 1) причина ставится вмѣсто дѣйствія, 2) орудіе, матеріалъ—вмѣсто вещи, или произведенной, 3) предыдущее—вмѣсто послѣдующаго, 4) содержащее—вмѣсто содержимаго, и наоборотъ.

ПРИМѢРЫ.

Геній Карамзина произвелъ переворотъ въ нашей литературѣ. Здѣсь причина (геній) взята вмѣсто дѣйствія (сочиненія), которыми произведенъ литературный переворотъ.

Или въ стихотвореніи къ «Волгѣ» читаемъ:

• Я слышала Каспія съдого
Пророческій, громовый гласъ:
Страшитесь, Персы, рока злого!
Идетъ, идетъ царь силъ на васъ!
Его и Югъ и Нордъ трепещеть.
Оль тысящамъ перуны мещеть,
Затмилъ Луну и Льва сразилъ.
Вземлите шумъ: се Волжски волны
Несутъ его, гордыни полны!
Увы, Дербентъ ..... идетъ царь силъ! •

Дмитріевъ.

«Югъ и Нордъ трепещеть» вмѣсто народы, занимающіе эти части, т. е. содержащее-вмѣсто содержимаго; «Онь тысящми перуны медеть;» Перуны въ мѣтѣологии считается богомъ, причиною громовъ,—значить причина взята вмѣсто дѣйствія; «Затмилъ Луну и Льва сразилъ;» Луна — гербовый знакъ Турціи, — Левъ — Швеція, слѣдовательно — знакъ вмѣсто означаемаго.

3) Синекодоха.

Если слово переносится отъ одного значенія къ другому по объему или по количеству, то тропъ называется *синекодохой* (отъ *σύν* и *δέχομαι*, — *συνεκοδοή* — догадка, угадываніе). Въ синекодохѣ родъ и видъ, видъ и недѣлимое, общее и частное, цѣлое и часть, множественное и единственное, извѣстное число и неизвѣстное полагаются одно вмѣсто другого, переносятся отъ одного понятія къ другому.

ПРИМѢРЪ.

«На камняхъ розовыхъ твоихъ,
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко зелень мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла;
И по гранитному одру.
Свѣтло бѣжитъ ручей серебристый,
И лѣсъ прохладой душистой
Съ востока вѣетъ по утру.»

Баратынскій.

Указаніе синекодохы въ примѣръ.

«На камняхъ твоихъ» — вмѣсто на твоей землѣ, т. е. одна часть взята вмѣсто всего цѣлаго; «весна игриво засвѣтлѣла» вм. игривые лучи солнца, т. е. общее вм. частнаго; «мохъ ярко зеленѣеть» — развивается вм. всѣ растенія, т. е. видъ вмѣсто рода; «птичка весело запѣла» вм. птички, т. е. единственное число поставлено вмѣсто множественнаго; «лѣсъ вѣетъ прохладой» вм. всѣ растенія, т. е. частное — вмѣсто общаго.

4) Иронія.

Если слово, имѣющее определенное значеніе въ языкѣ и рѣчи, употребляется въ смыслѣ *совершенно противоположномъ сему значенію*; то тропь называется *ироніей* ('Εἰρωνεία), что значитъ насмѣшка.

Примѣры, и указаніе въ нихъ ироніи:

« Мнѣ лекарь говорилъ: итъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что не доволенъ ипой!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ завяжетъ. »

Ио. Дмитриевъ.

Здѣсь иронія заключается въ словахъ: « конечно, думалъ я, никто того не скажетъ ». Лекарь употребилъ ихъ въ томъ смыслѣ, что всѣ больные у него выздоравливаютъ, и, слѣдовательно, не могутъ быть не довольны имъ, а авторъ употребилъ ихъ въ смыслѣ *противномъ*: не скажетъ никто потому, что всѣ пациенты лекаря умираютъ, а мертвые не говорятъ.

« Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача, и сямъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вбецъ и бармы Мономаха! »

Здѣсь слово: « честь » употреблено Шуйскимъ о Борисѣ Годуновѣ въ *смыслѣ безчестья*.

Объ иперболѣ и аллегоріи, и ихъ отношеніи къ главнымъ тропамъ.

Къ главнымъ четыремъ тропамъ относятся еще, какъ вѣдомственія ихъ: а) *ипербола* и б) *аллегорія*.

а) *Ипербола.*

Если предметъ, имѣющій свое определенное значеніе, изображается или въ *видѣ чрезмѣрно преувеличенномъ*, или въ *образѣ слишкомъ уменьшенномъ*; то тропь называется *иперболой* (ἵπερβολή—отъ ἵπερ и βάλω перебрасываю). Таково слѣдующее преувеличенное изображеніе Суворова:

« Вихрь полунощный, летит богатырь.
Тьма отъ чела, съ посвиста — пыль;
Молніи отъ взоровъ бѣгутъ впереди.
Дубы грядою лежать позади;
Ступить на горы — горы трещать,
Ляжить на море—бездны кипятъ;
Граду коснется — градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ бросаетъ. »

Здѣсь въ иперболическомъ видѣ представлены метафоры: « летитъ богатырь, какъ вихрь », « молніи отъ взоровъ его бѣгутъ впереди » и проч. Слѣдовательно, эта ипербола относится къ метафорѣ.

Возьмемъ еще басню Крылова: « Любопытный ».

« Пріятель дорогой здорово! Гдѣ ты былъ? »
— « Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ, отъ удивленья,
Повѣришь-ли? не станеть ни умънья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ, подлинно, что тамъ чудеса палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Казлвкп, мушки, таракашки!
Однѣ, какъ изумрудъ, другія, какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, меньше булавочной головки! »
— « А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я, чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ? »
— « Да развѣ тамъ онъ? » — « Тамъ. » — « Ну, братецъ, вв-
новать;
Слона-то я и не приметилъ. »

Здѣсь предметы представлены—одни въ видѣ очень уже уменьшительномъ, а другіе — въ преувеличенномъ. Папр.

« Какія крохотны коровки!
Есть, право, меньше булавочной головки! »

Такой коровки нѣтъ; это микроскопическое изображеніе.

«А видѣлъ-ли слова? Какой собой на взгляд!»

Я, чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ!»

Здѣсь слово представлено въ иперболическомъ видѣ въ противоположность слишкомъ микроскопическимъ мошкамъ и коровкамъ.

«Слова то я и не примѣтилъ.»

Басня оканчивается провически отъ соединенія словъ, выражающихъ понятія, противоположныя по своей величинѣ: «Любопытный былъ въ Куисткамерѣ, видѣлъ тамъ самыя микроскопическія произведенія природы, по не примѣтилъ между ними слова». Отсюда иперболы этой басни относятся къ проиіи.

Такимъ образомъ, ипербола не есть особый тропъ, а только особый видъ главныхъ троповъ: ибо опъ представляетъ въ увеличительномъ или микроскопическомъ видѣ либо метафору, либо сннебдоху, либо проію.

б) *Аллегорія.*

Если не одно слово, а цѣлая рѣчь переносится отъ собственнаго значенія къ несобственному или по подобію, какъ въ метафорѣ, или по качеству, какъ въ меташміи; то тропъ называется *аллегоріей* (*ἄλλος* иной и *ἀγορεύω* — рѣчь, сказаніе, — *ἀλλεγορία*) или иносказаніемъ.

Роды ея.

Аллегорія бываетъ *чистая*, когда всѣ слова въ рѣчи употребляются въ переносномъ значеніи, и *смѣшанная*, въ которой слова бывають и въ собственномъ значеніи.

Какова должна быть аллегорія?

Хорошая аллегорія должна быть правдоподобна, и находиться въ самомъ строгомъ характеристическомъ соответствіи съ мыслію или предметомъ, которые изображаются въ ея формѣ.

Важность ея.

Аллегорія составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ родовъ словесной красоты: ибо въ ея формѣ излагаются цѣлыя сочиненія: басни, сказки и перѣдко статьи прозаическія.

Примѣромъ аллегорическаго изображенія можетъ служить басня Крылова: «Гуси».

«Предлипною хворостяной

Мужикъ гусей гвалъ въ городъ продовать;

И, правду истину сказать,

Не очень вѣжливо честить свой гуртъ гусиной:

На барыши съѣздить къ базарному онъ дню

(А гдѣ до прибыли коснется,

Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).

Я мужика и не вию;

Но гуси иначе объ этомъ толковали,

И, встрѣтятся съ прохожимъ на пути,

Вотъ какъ на мужика пѣяли:

«Гдѣ можно насъ, гусей, несчастіе найти?

Мужикъ такъ намъ помыкаетъ,

И насъ, какъ будтобы простыхъ гусей, гоняетъ;

А этого не смыслить неучъ сей,

Что онъ обязанъ намъ почетомъ,

Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,

Которымъ некогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:

Тамъ даже праздники намъ въ честь учреждены!»

— «А вы хотите быть за что отличены?»

Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки.....» «Знаю,

И все читалъ; но вѣдать я желаю,

Вы сколько пользы принесли?»

— «Да наши предки Римъ спасли!»

— «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»

— «Мы? ничего!» «Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?

Оставьте предковъ вы въ покое:

Нигъ по дѣламъ была и честь,

А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

Разборъ примѣра по правиламъ аллегоріи.

Смыслъ этой аллегоріи слѣдующій: «есть люди знатнаго происхожденія, которые лично не имѣютъ никакихъ достоинствъ и заслугъ; а между тѣмъ, они ропщутъ на свою судьбу, если нахо-

дятся въ низкой долѣ, требуютъ себѣ отъ другихъ почета и отличія за то только, что старинные предки ихъ оказали важныя услуги отечеству. » Баснописецъ изображаетъ такихъ людей аллегорически, подъ видомъ гусей, жалующихся на свою участь, зависящую отъ жужжа, и требующихъ себѣ почтенія и отличія за то, что предки ихъ спасли Римъ, какъ говорить баснословное преданіе. Сравненіе этихъ двухъ смысловъ показываетъ: а) что здѣсь аллегорія основывается на подобіи людей гусьямъ, и, слѣдовательно, есть не что иное, какъ видоизмѣненіе метафоры; б) что всѣ слова въ этой аллегоріи употреблены въ переносномъ значеніи, — значить, это аллегорія чистая; в) что гуси, происшедшіе отъ тѣхъ, которые спасли Римъ, могли бы быть отличены отъ другихъ гусей, — и потому аллегорія сама по себѣ правдоподобна; г) между гусьями и людьми безъ личныхъ достоинствъ, гордящимися своими предками, находится самое строгое характеристическое соотвѣтствіе, — значить аллегорія хороша, художественна.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ О РИТОРИЧЕСКИХЪ ФИГУРАХЪ И ТРОПАХЪ.

Объ историческомъ и психологическомъ началѣ фигуръ и троповъ.

Фигуры и тропы суть выраженія, свойственныя собственно поэтической рѣчи, въ которой они и явились первоначально; въ прозу они вошли уже въ послѣдствіи, когда прозаическая рѣчь поднялась выше обыкновеннаго разговора, и стала приближаться къ поэзіи, по красотѣ выраженія. Слѣдовательно, начало фигуръ и троповъ скрывается въ художественныхъ способностяхъ писателя; они произошли отъ особеннаго одушевленія, особенной силы и дѣятельности разума, воображенія и чувства, и потому также необходимы, также закопши въ языкѣ, какъ и слова собственныя.

О значеніи фигуръ и троповъ въ рѣчи.

Тропы и фигуры составляютъ изобразительность, красоту рѣчи. Фигуры больше способствуютъ представленію предметовъ въ образахъ — изобразительности собственно; а тропы придаютъ изображенію краски и цвѣты. Часто бываетъ, что и одна фигура,

одинъ тропь, какая-нибудь метафора скрашиваетъ однообразное, сухое изложене; но, болышею частію, они являются вмѣстѣ, переплетаются другъ съ другомъ, и составляютъ цѣлый рядъ красивыхъ словъ и выраженій, цѣлую рѣчь излщную.

Въ какомъ случаѣ они хороши, изящны, и въ какомъ—нѣтъ?

Впрочемъ, они бываютъ хороши, красивы тогда, когда соотвѣтствуютъ своему предмету, когда естественнo сами собою выливаются изъ души писателя, и органически входятъ въ составъ рѣчи. Въ противномъ же случаѣ, фигуры и тропы бываютъ натянуты, неестественны, и, вмѣсто украшенія, безобразятъ и вредятъ и рѣчь сочиненія.

Примѣръ худого трона.

Таково слѣдующее мѣсто изъ «Мулла-Пуръ» Марлипскаго.

«Сколькоихъ людей заклеили бы мы стыдомъ, вмѣсто того, чтобъ парить въ похвалы, если бъ узнали, на какой закваскѣ пекутъ они свои добрыя дѣла! Но Провидѣніе великій химикъ; Оно кипититъ и очищаетъ въ горнилѣ своемъ всѣ частныя замыслы, всѣ расчеты, для того, чтобы отлить изъ нихъ общее благо въ прекрасную форму.»

Здѣсь метафоры: «парить въ похвалы», «печь добрыя дѣла на закваскѣ» — слишкомъ изысканны и неестественны. Слово «химикъ» и дѣйствія, ему приписываемыя, неидутъ въ отношеніи къ Божественному Провидѣнію и Его дѣламъ.

Отъ чего происходятъ дурныя фигуральныя обороты рѣчи, и какъ они называются въ наукѣ?

Такіе фигуральныя обороты рѣчи происходятъ отъ злоупотребленія языкомъ троповъ и фигуръ. Древніе очень хорошо понимали это, и потому худые тропы называли словомъ *катахрисисъ* (*καταχρησις* отъ *καταχρησμι*), что и значитъ собственно злоупотребленіе.

Практическія упражненія, собственно для троповъ и фигуръ:

- 1) Разборомъ примѣровъ объяснить въ классѣ различіе между рѣчью прозаическою и поэтическою.

- 2) Показать, что тропы и фигуры суть особенныя выраженія, свойственныя рѣчи поэтической.
- 3) Разборомъ приѣтровъ, особенно поэтическихъ, уяснить предыдущія правила о фигурахъ и тропахъ, ихъ происхожденіи, значеніи, употребленіи и различныхъ видахъ.
- 4) Заставить воспитанниковъ повторить разобранный приѣтръ пзустно, или на бумагѣ.
- 5) Пазпачать имъ самимъ краткія поэтическія сочиненія для такоготоже разбора.

б) О БЛАГОЗВУЧИИ.

Опредѣленіе.

Благозвучіе есть такое свойство рѣчи, которое происходитъ отъ гармоническаго пріятнаго для слуха соединенія слоговъ, словъ и выраженій въ рѣчи.

О благозвучіи, или музыкальности стиховъ.

Въ стихахъ музыкальность рѣчи основывается на гармоническомъ соединеніи слоговъ высокихъ и низкихъ, опредѣляемомъ законами стихосложенія, которые разсматриваются подробно въ пѣтвкѣ.

Могутъ-ли быть приводимы стихи въ прозаической рѣчи?

Чтоже касается до рѣчи прозаической, то въ ней, для разнообразія, живости и красоты, могутъ быть приводимы стихи, отдѣльно отъ прозаическаго текста, если они, по содержанію своему, подходятъ къ предмету сочиненія.

Примѣры употребленія стиховъ въ прозаической рѣчи.

Приѣтры такого употребленія стиховъ собственнаго произведенія и чужихъ нерѣдко встрѣчаются въ прозаическихъ стагьяхъ Карамзина, А. Пзмайлова, Батюшкова и другихъ писателей. Батюшковъ въ статьѣ: «О поэтѣ и поэзіи», сказавши о силѣ первыхъ впечатлѣній природы и воспитанія на человѣка, продолжаетъ:

« Если первыя впечатлѣнія столь сильны въ сердцѣ каждаго человѣка, если не изглаживаются во все теченіе его жизни: то тѣмъ болѣе они должны быть сильны, и сохраять неуывдаемую свѣжесть въ душѣ писателя, одареннаго глубокою чувствительностію.

• Утѣшно вспомнить подъ старость дѣтскіе лѣты,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!.... »

« Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великихъ писателей; то, безъ сомнѣнія, могли бы найти въ ихъ твореніяхъ слѣды первыхъ, всегда сильныхъ ощущеній. Сердце имѣетъ свою особенную память. »

Въ другомъ мѣстѣ, говоря « о прогулкѣ въ Академію Художествъ, » Батюшковъ пишетъ:

« Время (прогулки) было прекрасное. Ни малѣйшій вѣтерокъ не струналъ поверхности величественной, первой рѣки въ мірѣ, и я привѣтствовала мысленно богиню Невы словами поэта (Пушкина):

• Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей здѣсь славно,
И тѣпсты острова. »

« Великолѣпныя зданія, позлащенные утреннимъ солнцемъ, ярко отражались въ чистомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: « какой городъ! какая рѣка! »

Почему, въ самомъ теченіи прозаической рѣчи, не могутъ быть допущены ни стихотворный размѣръ, ни рима?

Въ самомъ же теченіи рѣчи прозаической не должно быть ни стихотворнаго размѣра, ни римы, которыя, однако же, встрѣчаются у писателей, привыкшихъ къ стихотворству, какъ напр. у Ломоносова, Жуковскаго, Пушкина, Марлинскаго и др. Напр. у Пушкина читаемъ:

— — — — —
• Германъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца.
— — — — —
• Онъ имѣлъ сильныя страсти. »

Это стихи дактило-хорейческіе.

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Императрицы Елисаветы говоритъ: « Тамъ плаватели, покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе вспоминаютъ, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ. » Здѣсь слова: вспоминаютъ и препровождаютъ, будучи поставлены на концѣ предложеній, образуютъ риму — созвучіе окончаній.

Размѣръ и римы не хороши въ прозаическихъ сочиненіяхъ, потому что нарушаютъ ровность и музыкальное теченіе прозы. Прекрасно говорить о семъ одинъ отечественный писатель, хорошо знакомый съ своими и иностранными сочиненіями: « никогда никакая проза не замѣнитъ памъ поэзіи, но только для выраженія мечты, а не дѣйствительности. Дѣйствительность такъ разнообразна, что ей не въ пору ни одинъ размѣръ. Тамъ, гдѣ слово должно римоваться съ мыслию, созвучіе — ребяческая игрушка (Марлинскій). »

1) О благозвучіи самаго перваго и низшаго рода.

Собственно же благозвучіе, по крайней мѣрѣ, благозвучіе самаго простаго и низшаго рода, состоитъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, въ стройномъ, гармоническомъ, пріятномъ для слуха соединеніи между собою буквъ гласныхъ и согласныхъ, а также — въ соединеніи словъ, различныхъ по различію и числу слоговъ, и по своему грамматическому устройству и измѣненіямъ.

Чѣмъ нарушается музыкальность сего рода?

А потому музыкальность сего рода нарушается:

1) стеченіемъ многихъ одинаковыхъ буквъ гласныхъ и согласныхъ. Напр. при пріятномъ препровожденіи времени, онъ не оставляетъ и исправнаго прохожденія своихъ обязанностей. Такое стеченіе буквъ совершенно противно духу Русскаго языка, и составляетъ недостатокъ благозвучія, называемый *монотоніей* (однозвучіемъ).

2) — употребленіемъ сряду нѣсколькихъ словъ одинаковыхъ по звукамъ, по числу слоговъ, по грамматическому устройству и измѣненіямъ, а — также и частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же

словъ. Такова, напр. слѣдующая надпись къ портрету одного плохого стихотворца:

« Се Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ в онъ,
Выспрь, быстро, какъ птица царь, порхъ вверхъ на Геликонъ!
Се ляхъ, одъ, притчъ творца, Музь читателя, Графова,
Кой поле унестрилъ Россійска красна слова! »

Такое употребленіе слоговъ и словъ также противно духу Русскаго языка, и составляетъ недостатокъ музыкальности рѣчи, называемый *какофоніей* (худозвучіемъ).

2) *О гармоніи звукоподражательной, и различныхъ ея родахъ.*

Другой, болѣе высшій родъ благозвучія составляетъ, такъ называемая, *гармонія звукоподражательная*. Писатель звуками слоговъ и словъ выражаетъ не только звуки предметовъ, о которыхъ пишетъ, но и движеніе ихъ, скорое или медленное. Напр.

Э Х О.

« Реветь-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поеть-ли дѣва за холмомъ,
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты впемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и вазовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,
И шлешь отвѣтъ.
Тебѣ же пѣтъ отзыва..... Таковъ
И ты поэтъ!..... »

Пушкинъ.

Здѣсь поэтъ звуками слоговъ и словъ выражаетъ: ревъ звѣря, звуки трубы, рога, грохотъ и раскаты грома.

Или въ баснѣ: « Дубъ и трость » Пв. Дмитриева говорится:

« Вдругъ завыва
Отъ сѣвера гроза и небо помрачиза:

Ударилъ грозный вѣтръ, — все рушить и валить,
Летить, кружится листь, трость гнется, дубъ стоять.
Вѣтръ пуще воужасъ, изъ всей ударилъ мочи, —
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесь едва не досягалъ.....
Упалъ!»

Здѣсь словами выражается движеніе предметовъ скорое и медленное.

Скорое: « Ударилъ грозный вѣтръ, — все рушить и валить,
Летить, кружится листь, трость гнется, дубъ стоять.

Медленное: Вѣтръ пуще воужасъ, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесь едва не досягалъ,.....
Упалъ!»

Или еще у Крылова:

« Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ,
На тысячу ладовъ тинулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекъ свирѣлю отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался..... »

Здѣсь звуками словъ неподражаемо изображаются и звуки итїія соловья, и ихъ быстрота и медленность.

Наконецъ, гармонія звукоподражательная состоитъ въ томъ, когда писатель, будучи весь погруженъ во внутреннія явленія своей души, — въ свои мысли и чувствованія, не старается сосредоточить ихъ около одной, определенной мысли, но передаетъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они являются въ его сердечной глубинѣ, во всей ихъ искренности и безыскусственности, — и передаетъ, притомъ, такими звуками и тонами, которые показываютъ характеръ его мыслей и чувствованій — веселый или грустный, печальный. Таковы слѣдующія два стихотворенія Огарева:

1) ИСПОВѢДЬ.

« Мой другъ! тебѣ хотѣлъ бы я
Сказать, что душу мучить;

И знаю, исповѣдь моя
Тебѣ вѣдь не наскучить.
Да только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ я вспыхну.
Займется духъ, и я молчу,
И головой поникну.
А все бы я сказалъ тебѣ,
Люблю или ненавижу.
Какъ я не вѣрю судьбѣ,
Какъ мало въ жизни вижу.....
Да стыдно жаловаться мнѣ.
А въ томъ, что какъ-то чудно
Живеть въ душевной глубинѣ,
Мнѣ высказаться трудно.»

Здѣсь поэтъ не подводитъ своихъ мыслей и чувствованій подъ логическія формы нашего ума, а высказываетъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они волновали его душу. «Я хотѣлъ бы, мой другъ, сказать тебѣ, что мучить мою душу.» Логически слѣдовала бы далѣе такая мысль: но не могу сказать по такой-то причинѣ.... А въ стихотвореніи говорится другое, что внушено сердцемъ: «я знаю, что моя откровенность тебѣ не наскучить. Да только хочу «лишь сказать, какъ лице мое вспыхнетъ, займется духъ, и я «опять поникну головой и молчу» и проч. Эти мысли и порядокъ ихъ прямо вылились не изъ ума, а изъ сердца писателя, и такіа сочиненія понятны бываютъ только чувству, и мало говорить уму.

2) ЗВУКИ.

«Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ.
Звукъ несется съ каиникъ—то стремленьемъ,
Звукъ откуда—то льется вокругъ.
Сердце за шкии стремится тревожно,
Хочетъ за шкии куда-то летѣть.
Въ эти минуты растаять бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.»

Это сочиненіе есть чисто-музыкальная мелодія въ словахъ.

Характеръ звукоподражательной гармоніи послѣдняго рода.

Во всѣхъ произведеніяхъ подобнаго рода не бываетъ часто отчетливой послѣдовательности въ мысляхъ, замѣчается недостатокъ художественной отдѣлки, блеска въ выраженіяхъ. Но за то, въ нихъ нѣтъ ничего придуманнаго, присочиненнаго: они выливаются изъ души писателя сами собою, непосредственно, и такъ, какъ сложились въ его сердцѣ.

Необходимость и образцы звукоподражательной гармоніи.

Гармонія звукоподражательная основывается на такъ называемыхъ звукоподражательныхъ словахъ, существующихъ во всѣхъ языкахъ. А потому она составляетъ необходимое свойство литературы, и встрѣчается какъ въ поэтическихъ, такъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ всякаго рода. Изъ поэтовъ особенно отличаются этою гармоніею: Пушкинъ, Лермонтовъ, Батюшковъ и Огаревъ. Изъ прозаиковъ ее можно находить, по преимуществу, въ сочиненіяхъ Карамзина. Такъ, въ Исторіи Государства Россійскаго, изображая царствованіе Іоанна IV, Исторіографъ сперва рисуетъ его тихо, спокойно, величественно, по потомъ вдругъ дѣлается суровымъ, мрачнымъ, порывистымъ. Таковъ былъ самый предметъ его изображенія!

3) Въ чемъ заключается самая высшая степень благозвучія?

Высшая степень музыкальности рѣчи заключается въ соразмѣрности между частями предложеній и періодовъ, а также — въ стройномъ сочетаніи между собою самыхъ предложеній и періодовъ въ цѣлой рѣчи.

На что нужно обращать вниманіе въ благозвучіи этого рода?

При семъ построеніи предложеній и періодовъ, нужно обращать особенное вниманіе на разстаповку въ нихъ, такъ называемаго, ораторскаго или логическаго ударенія. Логическимъ или ораторскимъ называется не то удареніе, которое есть на каждомъ словѣ (это удареніе грамматическое), а то, которое стоитъ на главномъ

словъ въ рѣчи, и опредѣляетъ смыслъ ея. Впрочемъ, оно всегда совпадаетъ съ удареніемъ грамматическимъ. Пужло стараться, чтобы это ораторское удареніе стояло на такомъ словѣ и въ такомъ предложени, которыя господствуютъ надъ другими, и чтобы, такимъ образомъ, оно правильно, гармонически уравновѣшивало бы части предложеній и періодовъ между собою.

Какъ узнается это благозвучіе?

Благозвучіе этого рода чувствуется нами, и при простомъ чтеніи сочиненій про себя, не вслухъ. Но вѣсѣ и опредѣленнѣе оно узнается при произношеніи. Слова и предложенія, не имѣющія ораторскаго ударенія, произносятся скоро и быстро: а тѣ, на которыхъ стоитъ это удареніе, произносятся медленно, протяжно, и съ особеннымъ повышеніемъ голоса. Такое произношеніе одни попятія и предложенія усиливаетъ, а другія ослабляетъ, и, такимъ образомъ, даетъ слуху нашему ощущать музыкальность рѣчи.

Въ какихъ сочиненіяхъ оно существуетъ, и какія имѣетъ названія?

Благозвучіе сего рода существуетъ и въ прозѣ, также, какъ и въ поэзіи. Но у древнихъ оно называлось ораторскимъ размѣромъ *patheticus oratoricus*, потому, что тогда размѣръ этотъ встрѣчался больше въ ораторскихъ рѣчахъ, и что риторы разсматривали его собственно въ отношеніи къ краспорѣчію ораторскому. Нынѣ ораторскій размѣръ называется также *плавностію* рѣчи.

Примѣръ плавности.

Примѣромъ плавности можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ проповѣди объ одеждѣ:

Обычая изыщию заботливость объ одеждѣ, проповѣдникъ говоритъ: «Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелы, чтобы собрать съ нихъ тонкій духовный медъ, если зрѣяще природы не приносятъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь: изберите себѣ другое высшее зрѣяще, возвысьте духъ вашъ, и воззрите не на образъ и тѣнь истинны, но на самое лице ея, на красоту несоз-

дашную, на цвѣтъ совершенства; возарите, члены тѣла Христова, на Главу свою, и всмотритесь пристально, пристануть-ли Ей любимыя ваши украшенія. Какая несообразность! Глава во ясляхъ на соломѣ, а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, ищете, а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣбїи! Глава орошается кровавымъ потомъ, а члены умащаются и обливаются благовонїями! Со Главы падаютъ слезы, а члены жемчугъ остипаютъ! Глава въ терніи, а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностію, а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости, и, думая самъ себя придать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живой образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія, а члены любятъ поконяться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности, вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала! Но да не возлагаютъ уста мои дѣль человѣческихъ! Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопріистойностію обличіе обычаевъ, которымъ, однакожь, послѣдовать неблагопріистойностію не почитается.»

Высокопресвѣтл. Филаретъ.

Погрѣшности противъ ораторскаго размѣра.

Погрѣшности противъ ораторскаго размѣра происходятъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) — тогда, когда одна изъ частей предложенія и періода бываетъ значительно больше другой. Таковъ—слѣдующій періодъ, составляющій начало похвального слова Ломоносова Императрицѣ Елисаветѣ: «Если бы, въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который, подъ благословенною державою Всемилостивѣйша Государыни нашей, покоющіяся многочисленныя толпы народа торжествуютъ и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій Престолю возшествїи, возможно было нать, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты тозкой, съ которой бы мы могли обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ воско-

дящаго и до заходящаго солнца непрерывно повторяющіяся восклицанія, и воздухъ наполняющія импнованіемъ Елисаветы: коль радостное, коль красное, коль великолѣпное позорище намъ бы открылось!»

Исключеніе изъ предыдущаго правила.

Впрочемъ, здѣсь разумѣется соразмѣрность не-матеріальная между частями и членами предложеній и періодовъ, состоящая въ равномъ количествѣ словъ и строкъ, а логическая, т. е. соразмѣрность въ мысляхъ. И потому, напр. если первая часть предложенія или періода будетъ и обширна по выраженію, заключать въ себѣ много условій, а вторая—кратка по выраженію, но сильна по своему значенію и смыслу, или наоборотъ; то рѣчь не можетъ быть признана чуждою благозвучія.

Таково, напр. слѣдующее мѣсто изъ « Слова въ Великій пятокъ: »

« Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь свою проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи таинъ природы, ставъ у гроба сего, и дай отчетъ! Если ты право правишь слово истины, не скрывая ее въ неправдѣ (Римл. 1, 18.) ни своего, ни обществешаго мнѣнія, если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу Величайшаго Свидѣтеля и Творца истины, лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ земныхъ цѣлей, если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную, если плоды твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращенія умовъ, возмущеніе совѣстей, если ты готовъ издѣваться надъ истинною, потому, что она, какъ Іисусъ передъ Иродомъ, кажется страшною: то удались отъ сего гроба, — святое буйство (1 Кор. 1, 23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода! »

Проеванг. Инокентій.

2) — когда предложенія и періоды, въ отдѣльности разсматриваемые, бывають слишкомъ длинны, и отъ того затруднительны и для понятія, и для произношенія.

Накопецъ, 3) самая важная погрѣшность противъ благозвучія рѣчи бываетъ тогда, когда въ ней недостаетъ соразмѣрности между цѣлыми предложеніями и періодами, и рѣчь становится оттого запутанною, — что, впрочемъ, встрѣчается только въ ученическихъ этюдахъ, и никогда, или почти никогда, въ сочиненіяхъ литературныхъ.

О средствахъ къ приобрѣтенію благозвучія.

Музыкальность вообще зависитъ отъ врожденнаго намъ чувства гармоніи, и отъ музыкальнаго развитія нашего слуха. Но такъ какъ всякій человекъ, хотя въ малой мѣрѣ, имѣетъ въ себѣ чувство гармоніи, то и всякій писатель, по мѣрѣ сего чувства, можетъ приобрѣсти навыкъ къ благозвучію рѣчи. Средствами для этого служатъ: 1) тщательное изученіе свойства звуковъ и словъ отечественнаго языка, 2) частое, громкое чтеніе и внимательное слушаніе такихъ сочиненій, которыя признаются образцами благозвучія, 3) громкое чтеніе собственныхъ упражненій и наблюденіе надъ плавностію рѣчи въ нихъ, и, наконецъ, 4) нарочитое критическое изслѣдованіе благозвучія въ чужихъ и собственныхъ произведеніяхъ.

Прим. Практическія занятія касательно чистоты, точности, ясности, изобразительности и благозвучія рѣчи должны быть соответственны тѣмъ, кои указаны въ статьѣ о правильности рѣчи. При семъ, письменныя упражненія могутъ быть назначаемы теперь слѣдующимъ образомъ: указать цѣлое сочиненіе какого-нибудь автора, отличающееся тѣми или другими свойствами, или недостатками рѣчи, напр. изобразительностію, темнотою и т. п. Написать что-нибудь о язвѣ, характерѣ твореній этого автора, потомъ, какъ бы для примѣра, разобрать самое твореніе; и если оно имѣетъ недостатки: неправильность, темноту; то исправить его, передѣлать, представить всѣ мысли правильно, ясно, чисто. Наконецъ, сдѣлать общее заключеніе о сочинителѣ и разобранномъ сочиненіи.

О СЛОГѢ (ВЪ СОБСТВЕННОМЪ СМЫСЛѢ), КАКЪ ХАРАКТЕРЪ ВЫРАЖЕНІЯ ИЛИ РѢЧИ.

Историческое ученіе о слогѣ.

Древніе, греки и римляне, а въ-слѣдъ за ними и ученые позднѣйшаго времени, слогомъ или стилемъ называли вообще образъ выраженія мыслей словами, и раздѣляли слогъ на три рода: на *высокій, средній* и *низкій*. Ломоносовъ внесъ это ученіе въ нашу словесность, и съ тѣхъ поръ оно повторялось у насъ съ различными измѣненіями.

Взглядъ на это ученіе.

Но слогъ, въ собственномъ смыслѣ понимаемый, не есть только образъ выраженія мыслей словами: это будетъ рѣчь, выраженіе сочиненія, а не слогъ. Первый высказалъ эту мысль, положилъ основаніе правильному ученію о слогѣ М. Сперанскій, будучи, въ 1792 году, профессоромъ въ Санктпетербургской Духовной Академіи. Но это ученіе только нынѣ получило надлежащее и полное развитіе.

Опредленіе слога.

Если прочесть внимательно нѣсколько сочиненій одного и того-же рода, и объ одномъ и томъ-же предметѣ, написанныхъ разными писателями (напр. «о счастьи» Карамзина и «кто истинно-добрый и счастливый человекъ?» Жуковского), хотя бы современными другъ другу: то можно легко увидѣть, что эти сочиненія, при общемъ складѣ своемъ, характеристически отличаются одно отъ другого и во взглядѣ на предметъ, и въ развитіи его, и въ образѣ выраженія или рѣчи.

Отсюда слогъ или стиль есть личный, *характеристическій* образъ выраженія мыслей словами, свойственный только тому или другому писателю, и, съ перваго взгляда, отличающій его сочиненія отъ произведеній прочихъ писателей.

Литературный фактъ, объясняющій опредѣленіе.

Когда, въ 1830 году, баронъ Дельвигъ началъ издавать Литературную Газету; то Пушкинъ печаталъ въ ней свои стихи и статьи прозаическія, безъ подписи имени. Однакожъ, читатели по слогу узнавали автора. Были и такіе примѣры, что писатели подписывали подъ своими статьями, вмѣсто собственнаго имени, нѣсколько буквъ, изъ которыхъ любопытство читателей могло бы составить имя извѣстнаго литератора (напр. Пушкина, барона Брамбеуса), и ему приписать сочиненіе. Но знакомые съ произведеніями *извѣстныхъ* писателей, опять по слогу, угадывали, что сочиненія, подписанныя буквами ихъ названій, рѣшительно не принадлежать имъ.

О различіи между слогами и рѣчью.

Изъ предыдущаго ясно, что рѣчь и слогъ различаются между собою. Рѣчью въ сочиненіи называется вообще выраженіе мыслей словами—въ порядкѣ, правильно, ясно, чисто, точно и, пожалуй, пріятно. Это — *общее* у всѣхъ сочиненій и писателей. Но слогъ есть характеръ рѣчи, складъ выраженія, свойственный только тому или другому писателю, и отличающій сочиненія его отъ сочиненій прочихъ писателей. Это — *частное, особенное, личное* у каждаго писателя.

Отъ чего зависитъ слогъ у писателей, и какіе главные роды его?

Слогъ, какъ и талантъ, есть природное дарованіе Божіе, и зависитъ отъ степени и силы способностей писателя и отъ характера ихъ развитія. А какъ главныхъ способностей въ душѣ человека три: умъ, воображеніе и чувство: то, по преобладанію одной изъ этихъ способностей, и слогъ бываетъ троякій: философическій, или слогъ ума, изобразительный, или слогъ воображенія и живописный, или слогъ сердца.

Слогъ философическій.

Слогъ философическій есть слогъ мыслей. Онъ состоитъ въ отвлеченномъ изображеніи предмета, въ строго-логическомъ раз-

вѣтїя и построенїи мыслей. Правильность, чистота, ясность и особенно точность выраженїя суть главные и существенныя его качества. О красотѣ выраженїя писатель-философъ не заботится, и только изрѣдка позволяетъ себѣ умѣренную изобразительность и благозвучїе. Приемъ флософическаго слога можетъ служить представленный выше отрывокъ « О правдѣ совѣсти » Сперанскаго.

Слозь изобразительный.

Слозь изобразительный есть слогъ воображенїя, фантазїи. Онъ состоитъ въ живомъ, картишномъ изображенїи предмета, въ стройномъ соединенїи частей изображенїя, въ художественной отдѣлкѣ каждой особой части, или картины. Образность представленїя, живопись рѣчи составляютъ главное и существенное его качество, а точность и благозвучїе выраженїя стоятъ на второмъ планѣ.

Примѣромъ слога изобразительнаго у насъ служатъ сочиненїи Батюшкова. Вотъ что говорить о немъ одинъ замѣчательный критикъ нашего времени: « у насъ привыкли удивляться языку Батюшкова, и особенно его благозвучїю: но это второстепенное его достоинство. Надобно болѣе удивляться зотчеству его картишъ, полнотѣ ихъ, и царствующей въ нихъ гармонїи, искусству выставлать на-показъ замѣчательнѣйшия черты предметовъ, отбѣняя ихъ съ необыкновенною точностїю, растворяя ихъ, въ тоже время, свѣжею, юношескою жизненностїю.... Батюшковъ-полный властелинъ своихъ изображенїи; онъ не набрасываетъ только, но рисуетъ и оканчиваетъ ихъ, и, какъ поэтъ-живописецъ, онъ, и по рисунку, и по колориту, справедливо, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей литературѣ (Никитенко) ».

Слозь живой, или одушевленный.

Слозь живой, или одушевленный зависитъ отъ особенной теплоты сердца у писателя. Въ немъ сочинитель не заботится о доказательности предмета, о строго-логической послѣдовательности мыслей, но любить, по преимуществу, образы, или картины; только эти картины не имѣютъ у него опредѣленности, яркости и полноты, и мелькаютъ, какъ китайскїи тѣни, или туманныя призраки.

Музыкальное же построение рѣчи, стройность предложеній и періодовъ, благозвучіе языка составляютъ главное его достоинство. Образцомъ этого слога служатъ у насъ сочиненія Жуковскаго: «изъ-подъ его пера, говоритъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ критиковъ нашего времени, каждое слово выходитъ одушевленнымъ звукомъ, приноситъ сердцу еще неиспытанное ощущеніе, и увлекаетъ въ какой-то новый міръ невыразимой прелести.»

О различныхъ видоизмѣненіяхъ главныхъ родовъ слога.

Впрочемъ, здѣсь указаны только главные роды слога. Но они у каждаго даровитаго писателя прѣютъ свои оттѣнки и свойства. Отсюда видоизмѣненія слога также безконечны и разнообразны, какъ и писатели: ибо у каждаго замѣчательнаго писателя непременно есть свой слогъ, свои особенности рѣчи.

Не измѣняютъ-ли предметы творчества склада писателей?

Читая произведенія одного и тогоже писателя о разныхъ предметахъ, мы находимъ, что слогъ его бываетъ нѣсколько различенъ, по различію предметовъ и сочиненій. Но предметы *существенно* не измѣняютъ слога писателей, а только придаютъ ему разные оттѣнки. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ отечественной литературы: «измѣняя предметы творчества, нельзя-ли для каждаго изъ нихъ создать и новый слогъ?..... Сямо собою разумѣется, что разнородные предметы вызываютъ много разнообразія и въ ихъ проявленіи. Свѣтъ и тѣнь, движеніе и неподвижность, страсть и хладнокровіе, грація и дикость никогда у истиннаго поэта не окажутся въ одинаковыхъ краскахъ. Онъ сообщитъ имъ все, чѣмъ запечатлѣна ихъ природа. Но, въ тоже время, надъ этою картинною, неполною столь разнородныхъ красокъ, тѣней и выраженія, останется общій характеръ его душевной силы, его умионастроенія. Совокупность этихъ неизмѣнныхъ признаковъ творчества его выразитъ для насъ то, что мы привыкли называть его слогомъ (Плетневъ).» (*).

(*) Извѣст. Акад. Наукъ Т. I, л. 10, стр. 157 — 158.

О слоге народномъ.

Какъ человекъ, въ отдельности взятый, такъ и цѣлый народъ, разсматриваемый, какъ отдельная собирательная личность, имѣетъ свой особый складъ выраженія, составляющій его слогъ. Такимъ образомъ, у каждаго народа, живущаго своею самостоятельною жизнью, есть свой слогъ, отличающій его литературу отъ произведеній другихъ націй. Качества этого слога заключаются въ изображеніи жизни—въ духѣ характера и языка своего народа. Осязательнымъ же отличіемъ его служатъ, такъ называемые, *идиоматизмы* языка. У насъ представителями народности въ слогѣ, по преимуществу, признаются: Пушкинъ, Грибоедовъ, Крыловъ, Кольцовъ, Гоголь и Даль. Въ ихъ твореніяхъ русская природа, русская душа, русскій характеръ, русскій языкъ отражаются со всѣми своими особенностями, хотя не у всѣхъ въ одинаковой чистотѣ и красотѣ.

Замѣчаніе о практическихъ занятіяхъ относительно слога.

Такъ какъ слогъ зависитъ отъ способностей писателя, и есть, какъ сказано, природный даръ; то слогу учить нельзя. Онъ образуется съ лѣтами, въ слѣдствіе естественнаго характеристическаго развитія дарованій, отъ совокупнаго дѣйствія на насъ образованія, и, въ особенности, отъ чтенія книгъ и упражненія въ сочиненіяхъ. Поэтому здѣсь нужно только:

- 1) Показать на избранныхъ примѣрахъ всевозможныя различія слога, объясняя притомъ— а) коренныя причины этихъ различій и б) существенныя ихъ черты, или признаки.
- 2) Дать учащимъ нѣсколько примѣровъ разныхъ родовъ слога, съ тѣмъ, чтобы они разобрали по одному примѣру, показывая, какой въ немъ слогъ, отъ чего онъ такой, а не другой, и какія его особенныя свойства.
- 3) Предоставить имъ самимъ выбрать примѣры слога изъ книгъ, или прочитанныхъ, и разобрать ихъ. Тогда они будутъ имѣть надлежащее понятіе о слогѣ, и его различныхъ видахъ.

4) О РАЗЛИЧНЫХЪ ФОРМАХЪ СОЧИНЕНИЙ.

Определение и указание формъ.

Формами сочинений называются различные способы ихъ изложения, общіе всѣмъ произведеніямъ, какъ прозаическимъ, такъ и поэтическимъ.

Сочинитель, размышляя о предметѣ, можетъ излагать свои мысли и чувства, или въ видѣ рѣчи одного лица, или въ видѣ бесѣды одного лица къ другому отсутствующему, или въ видѣ бесѣды между двумя и болѣе лицами, другъ другу присутствующими, или, наконецъ, можетъ соединять вмѣстѣ всѣ предыдущіе виды изложения. Отсюда происходятъ четыре главныя формы изложения сочиненій: 1) монологическая, 2) эпистолярная, или письменная, 3) діалогическая, или разговорная и 4) смѣшанная, состоящая изъ соединенія предыдущихъ формъ (*).

Объясненіе опредѣленій.

Монологъ, письмо, разговоръ и смѣшанный способъ изложения мыслей не суть сочиненія, или какіе — либо роды сочиненій. Они не различаются ни между собою, ни отъ другихъ сочиненій, ни по содержанию, ни по объему содержания, ни по цѣли, какъ различаются въ этомъ отношеніи разные роды и виды сочиненій. Это — суть только различныя формы сочиненій, или различныя способы ихъ изложения. Ибо каждый, отдѣльно взятый, родъ и видъ сочиненія непременно излагается, либо въ формѣ монологической, либо въ видѣ письма, либо въ разговорѣ, или же, наконецъ, въ формѣ смѣшанной. Наконецъ, эти формы изложения — общи всѣмъ произведеніямъ литературы не только прозаическимъ, но и поэтичес-

---

(*) О формѣ рѣчи смѣшанной другіе не упоминаютъ, хотя она фактически существуетъ въ литературѣ. Но, вмѣсто того, находятъ форму *официальную*, и сюда же причисляютъ еще *ораторскую рѣчь*. Форма официальная, очевидно, есть видъ своего рода, т. е. изложения эпистолярнаго, не можетъ логически стать въ ряду прочихъ формъ, и не принадлежитъ литературѣ, а рѣчь ораторская, какъ увидимъ, есть особый родъ сочиненія, а не форма.

къмъ: такъ, напр. поэзія лирическая больше излагается въ формѣ монологической, драматическая—всегда въ видѣ разговора и т. п.

1) О ФОРМѢ ИЗЛОЖЕНІЯ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ.

Опредѣленіе.

Если сочинитель излагаетъ свои мысли и чувствованія въ видѣ бесѣды, или рѣчи *однаго* лица, то такой способъ изложенія называется *монологическимъ* (отъ греч. *μόνος* — одинъ и *λόγος* — слово).

Различныя виды этой формы.

Монологическая форма сочиненій имѣетъ свои виды: иногда писатель излагаетъ мысли въ видѣ рѣчи своей собственной, иногда же заставляетъ рассказывать, *вмѣсто* себя, другое какое-нибудь постороннее лицо. Напр.

«Трезвонили къ утруни, я поспѣшилъ къ Софійскому Собору (въ Новгородѣ), и съ невольною робостію переступилъ его порогъ. Въ предѣлѣ Рождества Богоматери, поклонился я мощамъ перваго епископа Никиты и святаго князя Мстислава, витязя земли Новгородской. Руки его, долго владѣвшія мечемъ за Святую Софію, упокоились крестообразно на богатырской груди, которая была цитомъ Новгороду. Святитель и витязь, другъ противъ друга, на порогѣ Собора—какая чудная, неодолимая стража! Далѣе я приложился къ рацѣ князя Владиміра Ярославича, основавшаго Святую Софію и Кремль, его матери Анны и князя Феодора, юнаго брата Святаго Невскаго, и котораго смерть застигла въ самый день брака и увѣнчала инымъ вѣнцомъ. Ставъ противъ аявона, я окинулъ взоромъ весь соборъ отъ Кореунскихъ вратъ сквозь Царскія догорнигомѣста, взглянулъ на икону Христа Божіей Премудрости, посмотрѣлъ въ куполь, гдѣ панисеанъ Господь Вседержитель, держащій судьбы Новгорода въ сжатой десницѣ, отъ разжатія которой долженъ онъ пасть по преданіямъ народнымъ, вспомнилъ, что я стою одинокій посреди столькихъ вѣковъ въ Святой Софій, и позабылъ все прочее.»

А. Муравьевъ. (Очеркъ Новгорода)

Здѣсь сочинитель излагаетъ мысли въ видѣ рѣчи своей собственной.

Сужденіе о достоинствахъ формы монологической, и ея употребленіи въ литературу.

При составленіи сочиненія, писатель, естественно, мыслить и чувствуетъ о предметѣ *однимъ*, самъ съ собою. Поэтому и монологъ есть прямая, естественная, ни откуда не заимствованная, и, такъ сказать, *психологическая* форма сочиненій. Онъ первый явился въ литературу, онъ равно принятъ во всѣхъ сочиненіяхъ, и во все времена былъ способомъ изложенія наиболѣе распространеннымъ и употребительнымъ.

2) О ФОРМѢ ИЗЛОЖЕНІЯ ЭПИСТОЛЯРНОЙ, ИЛИ ПИСЬМЕННОЙ.

Опредѣленіе.

Если сочинитель излагаетъ свои мысли и чувства въ видѣ ~~речи~~ ~~отсутствующему~~; то этотъ способъ ~~можетъ способствовать~~: а) ~~благоуразумно~~ (отъ греч. *ἐπιστολή* еривилъ относительно письма вообще, б) ясное сознание ~~письменнымъ~~ сочиненій, въ которыхъ находятся между собою корреспондента, знакомство съ литературою писемъ, и въ особенности — чтение хорошихъ писемъ въ томъ родѣ, къ которому относился бы письмо, задуманное нами.

Образцы писемъ общежительныхъ.

Въ нашей литературѣ образцами хорошихъ общежительныхъ писемъ служатъ: 1) письма Ломоносова къ И. И. Шувалову, меценату тогдашняго времени. По слогу они устарѣли; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ соединяютъ въ себѣ, можно сказать, почти все достоинства. Особенно замѣчательно письмо о Рихманѣ, въ которомъ содержится описаніе прекрасной смерти этого профессора, сдѣлавшагося жертвою науки, составленное Ломоносовымъ съ мыслию, чтобы «сей случай не былъ перетолкованъ противъ

вую рѣчь. Но, съ другой стороны, письмо и не можетъ строго удерживать за собою характера изустной бесѣды; болѣе или менѣе оно должно приближаться къ искусственной рѣчи литературной. Отсюда главнымъ правиломъ письма признается слѣдующее: «пиши, какъ говоришь, но съ такимъ условіемъ, чтобы разговоръ твой приближался къ хорошей, красивой письменной рѣчи.»

Частнѣйшія его свойства.

Изъ этого общаго правила само собою вытекаютъ и слѣдующія частныя свойства письма: а) *искренность* въ мысляхъ и чувстваваніяхъ, б) *естественность*, и даже нѣкоторая *свобода* въ расположеніи и языкѣ письма, такъ, чтобы оно, будучи искусно написано, казалось не сочиненнымъ, а составленнымъ, какъ бы безъ всякаго приготовленія, в) *живость*, которая приправляетъ письмо оригинальными мыслями, неожиданными сравненіями и противоположеніями, употребленіемъ свидѣтельствъ, стиховъ и краткихъ разговоровъ, украшаетъ письмо картинami, животворитъ и соგრѣваетъ чувствами, и, наконецъ, г) *приличіе*, по которому сочинитель письма обязанъ въ мысляхъ и словахъ сообразоваться ~~самимъ собою и съ своими отношеніями~~ ^{и Мстислава, витязя земли Нов-} ель ихъ возрастомъ, ~~званіемъ~~ ^{долго владѣвшія мечемъ за Святую Софію,}

крестообразно на богатырской груди, которая была ~~стѣною~~ Новгороду. Святитель и витязь, другъ противъ друга, на порогѣ Собора—какая чудная, неодолимая стража! Далѣе а приложился къ ракт князя Владиміра Ярославича, основавшаго Свя- тую Софію и Кремль, его матеря Анны и князя Феодора, юнаго брата Святаго Невскаго, и котораго смерть застигла въ самый день брака и увѣчала князь въидомъ. Ставъ противъ амвона, и оки- нулъ взоромъ весь соборъ отъ Корсунскихъ вратъ сквозь Царскія догорняго мѣста, взглянулъ на икону Христа Божіей Премудрости, посмотрѣлъ въ куполь, гдѣ написанъ Господь Вседержитель, дер- жащій судьбы Новгорода въ сжатой десницѣ, отъ разжатія которой долженъ онъ пасть по преданіямъ народнымъ, вспомнилъ, что а стою одинокій посреди столькихъ вѣковъ въ Святой Софій, и по- забылъ все прочее.»

ихъ отличалось особенною краткостію и острою, на подобіе вышнихъ нашихъ записокъ. Такія письма, имѣющія предметомъ своимъ частные случаи жизни переписывающихся лицъ, называются *общежительными*, и составляютъ самый первый и самый низшій родъ письменной формы изложенія.

О ихъ значеніи.

Общежительныя письма не относятся собственно къ литературѣ. Но если въ нихъ раскрывается жизнь какого-нибудь замѣчательнаго историческаго лица, его развитіе, дѣятельность, характеръ, отношеніе къ обществу: то они становятся драгоценною собственностію литературы. «За десятокъ такихъ писемъ (Ломоносова), говорятъ Н. Полевой, охотно бы уступили мы какую-нибудь неизвѣстную оду Ломоносова. Тутъ говорятъ его душа и сердце, тутъ дышетъ Ломоносовъ—человѣкъ». Такими, дѣйствительно, и сдѣлались у насъ, въ последнее время, многія общежительныя письма замѣчательныхъ людей нашего отечества.

А потому къ успѣху въ ^{эти письма общежительныя} можетъ способствовать: а) благоразумное влгъ относительно письма вообще, б) ясное ^{располагать} ^{со} обращеніе, въ которыхъ находятся между собою корреспондентъ знакомство съ литературою писемъ, и въ особенности — чтеніе хорошихъ писемъ въ томъ родѣ, къ которому относилось бы письмо, задуманное нами.

Образцы писемъ общежительныхъ.

Въ нашей литературѣ образцами хорошихъ общежительныхъ писемъ служатъ: 1) письма Ломоносова къ Н. И. Шувалову, мѣцпату тогдашняго времени. По слогу они устарѣли; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ соединяютъ въ себѣ, можно сказать, почти всѣ достоинства. Особенно замѣчательно письмо о Рихманѣ, въ которомъ содержится описаніе прекрасной смерти этого профессора, сдѣлавшагося жертвою науки, составленное Ломоносовымъ съ мыслию, чтобы «сей случай не былъ перетолкованъ противъ

« Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ! »

За нимъ слѣдуетъ то, что касается собственно Батюшкова, именно: « Хотя и поздно, но тѣмъ не менѣе искренно благодарю Васъ за ваше дружеское письмо, которое мы, друзья ваши, нѣсколько разъ читали съ живымъ удовольствіемъ. »

Послѣ сего, коснувшись напекомъ содержанія этого письма о Пошпетѣ и любви Батюшкова къ старинѣ, Карамзинъ продолжаетъ: « а Васъ люблю еще болѣе старины и всѣхъ памятниковъ, между которыми вы гуляете и тѣлою и душою. Но прошу не сказывать того антикваріямъ. Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя и любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души, свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите стихами-ли, прозой-ли, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтеть, и плодомъ будетъ милое дитя съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя: поэма, какой не бывало на Святой Руси. Такъ-ли, мой добрый поэтъ? Говорю съ улыбкой, но безъ шутки. »

Изложивши все, что касалось личности Батюшкова, первого эпизодъ продолжаетъ о себѣ: « по Святислава, витязя земли Новгородъ сказать вѣтъ ~~вѣтъ~~ владѣвшія мечемъ за Святую Софію, Мы благолюбно стообразно на богатырской груди, которая была ~~чѣмъ~~ ~~чѣмъ~~ Новгороду. Святитель и витязь, другъ противъ друга, на порогъ Собора — какая чувшая, неодолимая стража! Далѣе я приложился къ рабѣ князя Владиміра Ярославича, основавшаго Святую Софію в Кремль, его матери Анны и князя Феодора, юнаго брата Святаго Невскаго, и котораго смерть застигла въ самый день брака и увѣнчала нимъ вѣнкомъ. Ставъ противъ амвона, я окинулъ взоромъ весь соборъ отъ Кореунскихъ вратъ сквозь Царскія догорнаго мѣста, взглянулъ на икону Христа Божіей Премудрости, посмотрѣлъ въ куполь, гдѣ писанъ Господь Вседержитель, держащій судьбы Новгородъ въ сжатой десницѣ, отъ разжатія которой долженъ онъ пасть по преданіямъ народнымъ, вспомнилъ, что я стою одинокій посреди столькихъ вѣковъ въ Святой Софій, в позабылъ все прочее. »

А. Муравьевъ. (Очеркъ Новгородъ)

нымъ при написаніи ихъ: ибо письмо, небрежно составленное, и даже только переписанное, съ одной стороны можетъ оскорбить чувства самаго преданнаго намъ друга, а съ другой — остаться вѣчнымъ памятникомъ нашего воспитанія, ума и характера, не къ чести не только нашей, но и другихъ, которые имѣютъ къ намъ отношеніе — какъ-то: нашихъ родителей, воспитателей и т. п.

Можно-ли дать еще какія-либо общія и вѣрныя правила для нихъ?

За-тѣмъ, по различію переписывающихся лицъ, ихъ обстоятельствъ, взаимныхъ отношеній между собою, и по безконечному разнообразію самыхъ писемъ общежительныхъ, нельзя установить для нихъ какихъ-либо общихъ, и притомъ вѣрныхъ и рѣшительныхъ правилъ. Въ этихъ правилахъ всегда будетъ не доставать личности, т. е. указанія на то, какъ звѣстному лицу слѣдовало бы писать къ другому, при ихъ взаимно — личныхъ отношеніяхъ между собою.

Что способствуетъ къ успѣху въ искусствѣ письменномъ?

А потому къ успѣху въ искусствѣ письменномъ лучше всего можетъ способствовать: а) благоразумное примѣненіе къ дѣлу правилъ относительно письма вообще, б) ясное сознаніе тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся между собою корреспонденты, в) знакомство съ литературою писемъ, и въ особенности — чтеніе хорошихъ писемъ въ томъ родѣ, къ которому относилось бы письмо, задуманное нами.

Образцы писемъ общежительныхъ.

Въ нашей литературѣ образцами хорошихъ общежительныхъ писемъ служатъ: 1) письма Ломоносова къ Н. И. Шувалову, медепату тогдашняго времени. По слогу они устарѣли; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ соединяютъ въ себѣ, можно сказать, почти всѣ достоинства. Особенно замѣчательно письмо о Рихманѣ, въ которомъ содержится описаніе прекрасной смерти этого профессора, сдѣлавшагося жертвою науки, составленное Ломоносовымъ съ мыслию, чтобы «сей случай не былъ перетолкованъ противъ

прѣращенія наукъ.» 2) Письма Фонъ-Визина къ родителямъ, къ И. П. Елагину и къ Я. П. Булгакову; впрочемъ она не отличаются надлежащею правльностью и обработкою. Лучшія между ними — письма къ И. П. Елагину. 3) Письма Императрицы Екатерины II: они отличаются искренностью мыслей, легкостью и простотою изложенія. 4) Изъ новѣйшихъ писателей—хороши письма гр. М. М. Сперанскаго, Батюшкова и др. Но лучше всѣхъ, ихъ у насъ писали Карамзинъ, Жуковский и Гоголь. Таковы, напр. письма Жуковскаго: 1) писанное по поводу назначенія его въ наставника къ Наслѣднику, 2) письмо къ г-жѣ Зонтагъ, 3) письмо къ графу Уварову о переводѣ Одессы, и другія, обнаруженныя, послѣ его смерти, въ 1853 году.

О ЗАПИСКАХЪ.

Отличіе ихъ отъ писемъ.

Отъ писемъ должно отличать записки, составляющія особый видъ житейской корреспонденціи. Въ нихъ излагается одно какое-либо обстоятельство, по большей части, совершенно неожиданное и случайное, напр.: приглашеніе друга къ себѣ, извѣстіе о посылкѣ, о полученіи чего-нибудь, о смерти и т. п.

Составъ записки.

Въ запискахъ пишущій часто не дѣлаетъ формальнаго обращенія къ другому лицу, и о себѣ говоритъ въ третьемъ лицѣ. Самое обстоятельство записки излагается кратко и просто. Хорошіи синонимы, ловкій эпитетъ, остроумное выраженіе составляютъ все украшеніе ихъ. Записки пишутся только къ людямъ извѣстнымъ, или коротко знакомымъ.

ПРИМѢРЪ.

«Г. N. посылаетъ узнать о здоровьи П. А. Р—аго, и вѣдетъ съ тѣмъ считаетъ обязанностію дружбы увѣрить его въ искренней своей преданности къ нему.»

Такова же записка Грибоѣдова къ Булгарину:

« Ура! любезный другъ! мои желанія и предчувствія сбылись! Карсъ взятъ штурмомъ! Читай реляцію, и проповѣдай ее всенародно. Это столько чести приносить войску в Генералу, что нельзя Русскому сердцу не прыгать отъ радости. Унасъ здѣсь всё отъ славы съ-ума сходятъ ».

Практическія упражненія:

- 1) Прочитать въ порядкѣ общежительныя письма означенныхъ выше писателей. При семъ, кромѣ общаго разбора, показать: а) разныя формы обращенія, употребляемыя въ письмахъ, по различію лицъ переписывающихся, и б) объяснить особенныя правила правописанія, свойственныя только письмамъ.
- 2) Назначить самимъ воспитанникамъ чтеніе писемъ, чтобы они подобнымъ образомъ разбирали и учили ихъ себѣ.
- 3) По образцу прочитанныхъ и понятыхъ писемъ, заставлять воспитанниковъ а) въ классѣ на доскѣ, или на бумагѣ карандашемъ, составлять и б) на дому писать небольшія письма къ родителямъ, знакомымъ и друзьямъ такимъ образомъ: а) къ родителямъ: описать свои занятія, увѣрить въ добротѣ своего поведенія и ученія, просить, чтобы они писали о себѣ и о знакомыхъ, просить ихъ благословенія и молитвъ и проч. б) къ брату, сестрѣ, дядѣ, бабушкѣ и т. п. написать ко дню рожденія, именинамъ: поздравить ихъ, припомнить имъ, что они для васъ сдѣлали, написать, чего вы имъ желаете, и что бы вы хотѣли для нихъ сдѣлать, если бы могли; с) къ друзьямъ, сверстникамъ написать о своихъ занятіяхъ, о книгѣ, которую вы читали, о вашихъ новыхъ знакомствахъ, съ кѣмъ вы особенно дружны, какъ проводите время и т. п.
- 4) Заставлять прочитывать въ-слухъ составленные въ классѣ письма, указывать достоинства и недостатки и исправлять ихъ.

2) О ПИСЬМАХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ.

Другой родъ писемъ составляютъ письма литературныя. Такъ названы они потому, что въ нихъ излагаются предметы литературныя, напр: описаніе явленій природы, изображеніе человѣка, даже цѣлаго общества людей, развитіе какой-либо дѣльной и полезной мысли, разборъ сочиненія и т.п. У Грековъ не было писемъ сего рода. Уже Римляне, которые были вообще большіе мастера—писать письма, усовершенствовали письменную форму рѣчи, и изъ общечитія перенесли ее въ литературу: въ формѣ писемъ они стали излагать прозаическія и стихотворныя сочиненія. По всей вѣроятности, это усовершенствованіе эпистолярной формы и ея перенесеніе въ литературу произошло въ первомъ вѣкѣ предъ Р. Х. Цицеронъ въ одно изъ писемъ своихъ къ Цезарю говоритъ: *genere novo-sum litterarum ad te usus*. Гораций въ формѣ посланія изложилъ цѣлую поэму дидактическую о стихотворномъ искусствѣ (*de arte poetica*). Сенека—философъ въ формѣ писемъ развилъ многія нравственно—поучительныя мысли стоической философіи. Лукіанъ, сатирическій писатель 11 в. по Р. Х., своими письмами изобразилъ намъ въ живою картинѣ умственное и нравственное состояніе современнаго ему Греческаго общества. Такимъ образомъ письменная форма рѣчи изъ общечитія перешла въ литературу, сдѣлалась формою литературною.

О письмѣ, какъ формѣ изложенія, общей всемъ сочиненіямъ.

Письмо есть форма рѣчи общая всемъ сочиненіямъ какъ прозаическимъ, такъ и поэтическимъ. Въ поэзіи литературныя письма называются, въ отличіе отъ прозаическихъ, *посланіями, эпистолами (epistola)*, и просто—письмами. Но они не составляютъ отдѣльнаго рода, или вида поэтическихъ сочиненій, а только форму ихъ изложенія: ибо въ формѣ эпистолъ пишутся разныя поэтическія сочиненія и эпическія и лирическія; даже письмо входитъ часто въ составъ драмы.

Таково слѣдующее посланіе Гвидича къ Н. А. Крылову, приглашавшему его ѣхать въ чужіе края:

• Надежды юности, о милая мечты!
И тщетно васъ въ груди молодой лелѣять!
Вы не сбылись! Какъ лѣтніе цвѣты,
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ.
Свершень предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ и сердце безъ желаній!
Куда-жь, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
'Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней утчасть, назадъ не прилѣтаютъ.
Другъ! ни за тридцать земель
Вновь не найти весны сердечной.

Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизни мы снова разцвѣтемъ?
О другъ! отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастьемъ бѣжа подъ небо нѣтъ чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизнь лучшей цвѣтъ,
И счастье душъ прямое. •

Здѣсь изображаются чувствованія и мысли поэта о невозвратимой утратѣ молодости: значить, это-сочиненіе лирическое; но оно только изложено въ формѣ письма къ другу, по поводу приглашенія ѣхать въ чужіе края.

По какимъ законамъ пишутся письма литературныя?

Литературныя письма пишутся по законамъ того рода сочиненій, которыя излагаются въ ихъ формѣ. Такъ, если въ формѣ письма пишется прозаическое сочиненіе, и притомъ описаніе; то оно подчиняется условіямъ прозаическихъ описаній. Но если излагается поэтическое произведеніе, и притомъ эпическое; то оно должно слѣдовать законамъ эпоса.

Отличительный характеръ литературныхъ писемъ отъ общежительныхъ и отъ тѣхъ сочиненій, которыя излагаются въ ихъ формѣ.

При семъ, литературныя письма, по образу своего изложенія, отличаются и отъ общежительныхъ писемъ и отъ сочиненій, ко-

торыя излагаются въ ихъ формѣ. Литературныя письма назначаются не для одного лица, а для цѣлой массы читателей; поэтому въ нихъ писатель, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, устраняетъ всякія личныя отношенія, существующія въ перепискѣ, и занимается исключительно описаніемъ избраннаго предмета : отсутствіе личности составляетъ отличительную черту литературнаго письма отъ общежительнаго. Но, съ другой стороны, раскрывая предметъ свой по правиламъ избраннаго рода сочиненія, онъ смягчаетъ изложеніе его особенными условіями письма, и, такимъ образомъ, литературныя письма отаичаются и отъ тѣхъ родовъ сочиненій, которыя въ формѣ ихъ излагаются.

Примѣромъ литературнаго письма можетъ служить слѣдующее письмо **Ө. Н. Ганки**:

Августа 8, село Цуриково.

» Я видѣлъ ужаснѣйшую картину, — я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе Лпсабона не могло быть ужаснѣе. 4 числа непріятель устремился къ Смоленску, и встрѣчилъ, подъ стѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5 числа, съ ранней зари до поздняго вечера, 12 часовъ, продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ нѣста, дрались, какъ львы. Французы, или, лучше сказать, Поляки, въ бѣшеномъ изступленіи, лѣзли на стѣны, ломались въ ворота, бросались на валы, и, въ безчисленныхъ рядахъ, тѣснились около города, по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, утомленный противоборствіемъ нашихъ, Шаполсонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Злодѣи тотчасъ исполнили приказъ изверга Тучи божь, гранаты, огненныхъ идеръ полетѣли на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обвивались пламенемъ, и — все, что можетъ горѣть, запылало!... Опламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ. багровыя зори, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женщ и дѣтей, цѣлый народъ, упاداющій на колѣни, съ воздѣтыми къ небу руками, — вотъ что представлялось глазамъ нашимъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце!... Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки Русскихъ шли

въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный ряд подводъ тянулся съ ранеными.

Въ глубокіи еумерки, выпесли изъ города икону Смоленскія Божія Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе; блескъ пожаровъ освѣщаль опое. Между тѣмъ, черно-багровое облако дыма зашло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку и ужасъ къ ужасу. Смѣтеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей своихъ. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы Смоленскъ взятъ было непременно 5 числа; однакожъ, Русскіе отстояли его грудью, и городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано, о превратность судьбы!... то, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно... Главнокомандующій ивѣлъ на то причины. Теперь Смоленскъ есть огромная гора пепла; окрестности его суть окрестности Везувія, послѣ изверженія. Наши носѣтшию отступаютъ къ Дорогобужу; но сей-часъ, т. е. 8 числа къ вечеру, приостановились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся, и завтра будутъ драться! Злодѣи берутъ однимъ многолюдствомъ.» Вооружайтесь всѣ, вооружайся всякъ, кто только можетъ» гласить, наконецъ, Главнокомандующій въ послѣдней прокламаціи своей. Итакъ народная война!

Его Императорсково Высочество Константинъ Павловичъ, усердно раздѣляющій съ войскомъ труды и опасности сего бурнаго времени, былъ свидѣтелемъ кровопролитнаго боя и страшнаго пожара Смоленскаго. Съ душевнымъ прискорбіемъ вздралъ Онъ на разрушеніе одного изъ древѣйшихъ городовъ своего отечества. Жители Смоленска неутѣшны. Несчастія ихъ неописанны. О, другъ мой! сердце твое облилось бы кровію, если бъ ты увидѣлъ злополучіе моея родины. Но судьбы Вышняго неиспытанны: пусть разрушаются грады, пылаютъ села, истребляются дома, исчезаетъ спокойствіе мирныхъ дней; по пусть сія жертва крови и слезъ, сіи стоны народа, текущіе въ облака, вмѣстѣ съ куреніемъ пожаровъ, умноствуютъ, наконецъ, разгнѣванныя Небеса!

Пусть постраждутъ области, но спасется отечество! Вотъ общій голось душъ, вотъ искренная молитва всѣхъ Русскихъ сердець!»

Здѣсь описывается взятіе Смоленска непріателемъ, въ 1812 году. Описаніе изложено въ формѣ письма къ другу. Но въ письмѣ авторъ совсѣмъ не касается личныхъ отношеній своихъ къ нему. Онъ занимается только описаніемъ сдачи Смоленска, слѣдуя законамъ художественнаго описанія. Однакожъ, строго — литературное изложеніе оное смягчаетъ искренностію, естественностію, легкостію, живостію и простотою письменной формы.

О такъ называемыхъ письмовникахъ, и ихъ значеніи.

Письмовники, книги, заключающія въ себѣ собранія различныхъ писемъ, явились, въ нашей литературѣ, довольно рано. Первымъ опытомъ въ этомъ родѣ было доселѣ неизвѣстное ученымъ сочиненіе самобратій Лихудовъ, подъ названіемъ: «*О способѣ (мзложокіа) различныхъ родовъ писемъ*», существующее въ рукописи на Греческомъ языкѣ. (*) Въ немъ сначала излагаются общія понятія о письмѣ, его частяхъ, о написаніи мѣста и времени письма, объ адресахъ писемъ. Потомъ, раздѣливши роды писемъ, по родящъ рѣчи, на *доказательный, совѣщательный и судебный*, Лихуды разсматриваютъ каждый родъ, въ отдѣльности, съ его подраздѣленіями. Примеровъ приведено много. Нѣкоторые изъ нихъ составлены самими Лихудами: но большая часть ихъ взята изъ переписки Св. Отцевъ Церкви и писателей языческихъ. За тѣмъ слѣдовали у насъ: «*Пріклады, како пишутся комплименты*», явившіеся въ началѣ XVIII вѣка. Это былъ Польско-Славяно-Русскій переводъ какого-то цѣмечкаго письмовника. Съ тѣхъ поръ письмовниковъ издавалось у насъ не мало. Въ нихъ помѣщаются: 1) правила для писемъ разнаго рода, 2) примѣры писемъ, сочиненныя на правила самими

(*) Полное заглавіе рукописи таково: «*Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου, κατηγοριῶν καὶ ἀπορίας συντάξεως καὶ διαρθεύσεως εἰς τρία βιβλία. Περὶ τῶν λοιπῶν καὶ ποικιλῶν διδακτικῶν, καὶ θεολογικῶν τῆς ἀνατολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἁγίας μυστικῆς ἐκκλησίας κυρίου Ἰωαννίου καὶ Σωφρονίου Ἀυταδίου τοῦ Λιχουδίου, ἀπὸ τῆς περιφέρειᾶς Νέστον Κεφαλονίας, καὶ ἐκδόσεως παρὰ τοὺς ὄντας (т.е. о способѣ изложенія) различныхъ родовъ писемъ*. Составлено въ вопросѣхъ и отвѣтахъ, расположено на три книги и преподано учениками и мудрейшими учителями и богословами великой Святой, восточной Церкви Христовой самобратими господномъ Іованниемъ и Свифроніемъ Лихудами, уроженцами съ острова Кефалоніи). Единственная рукопись сего письмовника находится въ библиотекѣ С. Петербургскаго Петропавловскаго Кафедральнаго Собора, № 46.

составителями писемовниковъ и 3) хрестоматіи писемъ, выбранныхъ изъ лучшихъ писателей. Таковъ у насъ, изданный въ 1850 г. «*Полный писемовникъ*» Маркова. Писемовники, какъ отдѣльныя монографіи науки, могли бы быть полезны для читателей, но до сихъ поръ у насъ еще нѣтъ такого писемовника.

О литературѣ писемъ въ нашемъ отечествѣ, и о замѣчательнѣйшихъ писателяхъ ихъ.

Въ повѣйшее время, литературныя письма получили такой объемъ, что въ формѣ ихъ излагаются разныя сочиненія, прозаическія и поэтическія, и даже цѣлыя науки. И въ нашей словесности нѣтъ недостатка въ письмахъ сего рода. Ихъ писали разные поэты и прозаики отъ Ломоносова и Фонъ-Визина до писателей настоящаго десятилѣтія. Въ формѣ ихъ излагали разныя сочиненія, и прозаическія и поэтическія, историческія и философическія, эпическія и лирическія. Но лучше всѣхъ у насъ въ прозѣ литературныя письма Карамзина, Жуковскаго, Ф. Глинки и Гоголя.

О письмахъ Карамзина.

Карамзинъ оставилъ намъ: «*Письма Русскаго Путешественника*», составляющія третью часть его сочиненій кромѣ Исторіи. Онъ писалъ ихъ къ друзьямъ, по случаю пребыванія своего за границею. Первое письмо написано изъ Твери, отъ 18 Мая 1789 года, а послѣднее—изъ Кронштадта, черезъ восемнадцать мѣсяцевъ послѣ начала путешествія. Путешествовалъ онъ по Германіи, Швейцаріи, Англій и Франціи, и описывалъ въ своихъ письмахъ природу, просвѣщеніе, искусства, нравы, свиданія и разговоры съ учеными людьми этихъ странъ. Поэтому письма Карамзина относятся къ описанію путешествій, и суть письма литературныя. По внутреннему характеру своему, они отличаются чувствительностію (сантиментальностію) и патриотизмомъ. Слогъ писемъ правильный, точный, легкій, пріятный и увлекательный.

О письмахъ Жуковскаго.

У Жуковскаго есть письма какъ описательныя, такъ и дидактическія, или ученныя. Изъ описательныхъ весьма замѣчательны,

по изяществу своего изложения: 1) Рейнскій водонадъ, 2) Рафаэлева Мадонна, 3) Воспоминаніе о торжествѣ 30 Августа 1834 года. Изъ дидактическихъ писемъ образцами могутъ служить для слѣдующія: 1) Письмо изъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы. Авторъ письма назвалъ себя Стародумомъ, и подъ этимъ псевдонимомъ, любимымъ въ нашей литературѣ со времени Фонъ-Визина, скрылъ тогда свое настоящее имя. Въ этомъ письмѣ Стародумъ, въ прекрасной формѣ, изложилъ свои понятія не только о хорошемъ нравственномъ изданіи періодическомъ, но в вообще—о человѣкѣ и писателѣ, о жизни, посвященіи в литературѣ. 2) Письмо о поэтѣ и поэзіи, напечатанное въ 1848 году. Въ этомъ письмѣ авторъ разсуждаетъ о томъ, что такое художникъ или поэтъ, что есть искусство и, въ частности, поэзія, и кто изъ поэтовъ осуществилъ вполне свое призваніе? Чтобы видѣть духъ и достоинства изложенія этого письма, прочитаемъ изъ него слѣдующій отрывокъ:

«Что-же, спросить, неужели поэтъ долженъ ограничиться однимъ гимномъ Богу, в всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ Бога и человечества? Отвѣтъ простой: не произнося имени Бога, не знай Его, вѣрь Ему, иди къ Нему, веди къ Нему. Тогда, чтобы ни встрѣтилось на пути твоёмъ твоему откровенному оубу,—высокое или мелкое, прекрасное или безобразное,—в чтобы ни было это встрѣченное, многозначущее или легкое, забавное или мрачное, все оно, прошедъ чрезъ твою душу, получить ся характеръ, не изменивъ въ тоже время и своего собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направлению . . . . Но свободный въ выборѣ предмета, онъ не свободенъ отделиться отъ него самого себя. Что скрыто внутри его души; то будетъ вложено тайно, безизмѣренно, и даже противоположно въ его созданіе: что онъ самъ, то будетъ и его созданіе. Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, нечистые или чудовищные, онъ представлялъ намъ, какъ художникъ; но в самое святое подѣйствуетъ на насъ, какъ отравы, когда оно выльется намъ изъ сосуда души отравленной. Съ благодарностію сердца укажу на Карамзина, котораго непорочная душа прошла по землѣ, какъ ангелъ свѣта, и отъ котораго осталось отечеству въ созданной имъ Исторіи вѣчное завѣщаніе на вѣру въ

Бога, на любовь ко благу и правдѣ, на благоговѣніе предъ вѣтъ высокими и прекрасными.»

О письмахъ О. Глинки.

«Письма Русскаго офицера» — О. Глинки о войнѣ 1812 года отличаются необыкновенною живостию и красотою изложенія. Изъ нихъ особенно хорошо приведенное выше письмо, отъ 8 Августа, написанное въ селѣ Цуриковѣ, о разрушеніи Французами Смоленска.

О письмахъ Гоголя.

Наконецъ, весьма замѣчательно у насъ собраніе писемъ Гоголя, подъ названіемъ: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Гоголь выбралъ и издалъ эту переписку съ тою мыслию, какъ самъ сознается, «чтобы» искупить бесполезность всего, прежде имъ написаннаго и напечатаннаго». Переписка состоитъ изъ предисловія, завѣщанія и писемъ къ разнымъ лицамъ. Въ содержаніи писемъ, особенно въ завѣщаніи, встрѣчаются мысли левѣрыя и самолюбивыя; но слогъ ихъ представляетъ много образцовъ пламеннаго, одушевленнаго поэтическаго краснорѣчія.

Объ образцахъ писемъ духовнаго содержанія.

Изъ писемъ духовнаго содержанія образцовыми можно назвать: «Письма Святоторца къ друзьямъ своимъ о Святой горѣ Афонской» Архим. Серафима (изд. 3-е 1857 года). Письма сія описываютъ Афонъ во вѣхъ отношеніяхъ, и отличаются замѣчательною содержанія, глубоко-вѣрнымъ взглядомъ на жизнь христіанскую и, въ частности, на бытъ иноковъ, и написаны языкомъ простымъ, весьма яснымъ и, въ тоже время, пріятнымъ и увлекательнымъ.

Прим. Практическія занятія здѣсь должны соответствовать тѣмъ, которыя указаны въ отдѣлѣ о письмахъ общепитательныхъ. Для облегченія сочиненія литературныхъ писемъ на дому, лучше всегда назначать писать ихъ сперва по подражанію какому-либо примѣру, хорошо разобравшему, потомъ — согласно съ объясненіемъ изустнымъ, которое сдѣлаетъ наставникъ и, наконецъ, самостоятельно. Матерію для

литературных писемъ нужно брать изъ круга понятій, доступныхъ воспитанникамъ. Можно также назначить какое-нибудь монологическое сочиненіе изложить въ формѣ письма.

3) О ФОРМѢ ИЗЛОЖЕНІЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ, ИЛИ РАЗГОВОРНОЙ.

Опредѣленіе.

Если писатель излагаетъ въ сочиненіи свои мысли и чувства въ видѣ живой, изустной бесѣды между двумя и болѣе лицами; то этотъ способъ изложенія называется *диалогическимъ* (отъ греч. *dialogos*—диалогъ, разговоръ), или разговорнымъ, и самое сочиненіе называется *разговоромъ*.

Таково у насъ сочиненіе Карамзина: «О счастья.» Собственно, это—разсужденіе: ибо въ немъ разсуждается о томъ, въ чемъ состоитъ счастье, и какъ можно сдѣлаться счастливымъ. Но мысли свои на эту тему авторъ излагаетъ подъ видомъ устнаго разговора между двумя лицами, изъ коихъ одно названо Филалетомъ, а другое Мелодоромъ. Поэтому и самое сочиненіе названо разговоромъ.

Первоначальная исторія диалогической формы сочиненій.

Подобно письму, разговоръ есть собственно общежительная форма рѣчи. Но она, почти съ самаго начала словесности, внесена въ литературу, сдѣлалась формою литературною. Поэзія явилась на свѣтъ прежде прозы. Но въ твореніяхъ Гомера, отца поэзіи, мы видимъ уже форму разговорную. Въ отношеніи къ прозѣ, Аристотель первымъ диалогистомъ почиталъ Александра Θεоскаго. Но догадываются, что Епихармъ и Зеиоль Елейскій употребляли разговорную форму, еще прежде Александра. Какъ бы то ни было, только діалогъ съ особеннымъ усердіемъ былъ обработываемъ въ Греціи, и подъ перомъ извѣстнѣйшаго философа Платона (*) получилъ необыкновенную гибкость, искусственность и всесторонность. У Ряляигъ, которые, мною хожомъ сказать, бы-

(*) Въ нашемъ отечествѣ многіе изъ его разговоровъ превосходно переведены и объяснены Проф. С. Петербургской Духовной Академіи В. Н. Карповичъ.

ли большіе мастера говорить, Цицеронъ, изъ подражанія Грекамъ, облекъ свои разсужденія о разныхъ философическихъ предметахъ въ разговорную форму, подъ названіемъ: «*Disputationes Tusculanae*». Сами Св. Отцы и Учители Церкви Христіанской употребляли разговорную форму для своихъ сочиненій. Таковъ разговоръ Св. Іустина мученика съ Трифономъ: » *Объ истиннѣ Христіанскаго закона*», писанный къ Помпею. А Св. Григорій Великій, по разговорной формѣ своихъ сочиненій, получилъ и названіе *Двоеслова*. Такимъ образомъ разговорная форма рѣчи утвердилась въ литературѣ.

О разговоръ, какъ формѣ изложенія, общей всемъ сочиненіямъ.

Разговоръ есть форма рѣчи, общая всемъ сочиненіямъ, какъ прозаическимъ, такъ и поэтическимъ. Въ прозѣ его привыкли употреблять, по преимуществу, въ сочиненіяхъ философическихъ, въ разсужденіяхъ объ истинахъ ума, о предметахъ науки. Но онъ также можетъ быть употребляемъ, и дѣйствительно употребляется съ успѣхомъ, и въ другихъ сочиненіяхъ, не исключая рѣчи ораторской. Такъ знаменитый описатель отечественной войны А. Михайловскій-Данилевскій изобразилъ, въ видѣ разговора между Императоромъ Александромъ I-мъ и Полковникомъ Мишо донесеніе о занятіи Французами Москвы, въ 1812 году, подъ заглавіемъ: «*Черты изъ жизни Государа Императора Александра Павловича.*» И въ поэзіи разговорная форма господствуетъ не въ одной драмѣ, но употребляется и въ другихъ сочиненіяхъ, какъ лирическихъ, такъ и эпическихъ, хотя, большею частію, въ соединеніи съ формою монологическою.

Отъ чего зависитъ, главнымъ образомъ, красота разговора?

Такъ-какъ разговоръ есть форма рѣчи, общая всемъ сочиненіямъ, то изящество, или красота его не зависитъ, или мало зависитъ отъ предмета и содержанія его, а, главнымъ образомъ, зависитъ отъ таланта и искусства писателя изображать дѣйствующія лица, отъ порядка и изложенія разговора.

О лицахъ дѣствующихъ въ разговорѣ.

Дѣствующія лица въ разговорѣ бываютъ различны: или вымышленныя, какъ Филалетъ и Мелодоръ въ упомянутомъ разговорѣ Карамзина, или дѣйствительныя, какъ въ разговорѣ Батюшкова: «Вечеръ у Каштеміра.» Здѣсь разговаривающими лицами представлены: Каштеміръ, Русскій посланникъ въ Парижъ и писатель, Монтескье — Французскій ученый, авторъ «Духа Законовъ» и «Переводскихъ писемъ» и третье лицо — нѣкто Аббатъ В. Но не хорошо представлять въ разговорѣ, вмѣсто лицъ, отвлеченныя понятія, какъ, напр. добродѣтель и порокъ, или — какъ въ разговорахъ А. С. Шликова «О словесности» взяты, вмѣсто лицъ, начальныя буквы Русскаго алфавита: А и Б. Отъ этого разговоръ терять существенныя свои качества: живость и правдоподобіе.

О РАЗГОВОРАХЪ ВЫМЫШЛЕННЫХЪ.

Опредѣленіе.

Если въ разговорѣ выводятся лица вымышленныя, дѣйствительныя, то онъ называется вымышленнымъ, фантастическимъ разговоромъ. Равнымъ образомъ, если лица, хотя бы и дѣйствительныя, представляются разговаривающими за гробомъ, въ царствѣ мертвыхъ: то разговоры называются также вымышленными, фантастическими, разговорами мертвыхъ.

Исторія и образцы разговоровъ вымышленныхъ, и разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ.

Разговоры вымышленные появились впервые во второмъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, послѣ того, какъ діалогъ сталъ упадать въ литературу. Происхожденіемъ своимъ они обязаны Лукіану, сатирическому писателю II вѣка. Такъ у него, въ одномъ разговорѣ, представлены разговаривающими: добродѣтель, силлогизмъ и философы. А въ разговорахъ мертвыхъ, онъ застаряваетъ разговаривать людей различныхъ временъ и странъ. Всѣ разговоры Лукіана отличаются нравственнымъ содержаніемъ, краткостію и некуствомъ изложенія. Изъ которыхъ же нѣзъ нихъ представляютъ образцы совершенства, и достойны занять первое мѣсто послѣ разговоровъ Платона. Таковъ, напр. разговоръ въ царствѣ мерт-

выхъ между Диогеномъ и Александромъ Македонскимъ. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вымышленные разговоры и, въ частности, разговоры мертвыхъ были въ большомъ употребленіи, какъ въ западныхъ, такъ и въ нашей отечественной литературѣ. У насъ много писаль оригинальныхъ Русскихъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ М. П. Муравьевъ. Онъ былъ наставникомъ Великихъ Князей Николая Павловича (въ послѣдствіи Государя Императора) и Константина Павловича, и писаль разговоры въ царствѣ мертвыхъ, для того, чтобы живые начертать въ юной памяти Ихъ историческія лица знаменитыхъ мужей, особливо Великихъ Князей и Царей Русскихъ. Въ каждомъ разговорѣ онъ рѣшаетъ какую-либо истину, или политическую, или нравственную, и, какъ будто невольно, знакомитъ читателей съ Рюрикомъ, Ольгою, Владиміромъ, Карломъ Великимъ, Кантеміромъ и другими лицами. Каждое лицо говорить приличнымъ ему языкомъ.

Примѣръ разговора въ царствѣ мертвыхъ.

Въ примѣръ можно привести здѣсь М. Н. Муравьева разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Святославомъ и Ярополкомъ.

Въ началѣ разговора, стоитъ эпиграфъ, выражающій его содержание: » человекъ слабый, не имѣющій твердости въ разумѣ, повинуется побужденіямъ, которыя онъ получаетъ отъ другихъ, и, не будучи злодѣемъ отъ природы, можетъ сдѣлать величайшія преступленія, если окружающіе его суть порочные люди. » За цѣмъ слѣдуетъ самый разговоръ:

Святославъ. » Сынъ мой, Ярополкъ! такъ скоро! ... Но я вижу раны въ груди твоей. Конечно, шлъ ты на мѣстѣ битвы, сражаясь за отечество. Какой непріятель пыталъ удары твои, Болгарь, кичливый Грекъ, или дикій Печенѣгъ? »

Ярополкъ. » Увы, родитель мой! я стыжусь, и не смѣю возвести глазъ моихъ на тебѣ. Но ты знаешь, знаешь несчастія, которыя постигли послѣ тебя неблагоразумныхъ дѣтей твоихъ. Я лишень жизни рукою измѣнника, въ междуособной войнѣ, предъ храпномъ брата моего Владиміра. Я достоинъ былъ смерти, ибо первый въ отечествѣ моемъ возжегъ слабую и трепещущую рукою пламеникъ междуособія. Олегъ! ... я не могу произнести имени сего! »

Свят. » Олегъ, котораго природа даровала тебѣ въ вѣжнѣйшіе друзья, и протѣвъ котораго ты дерзнулъ дѣйствовать, какъ противъ непріятеля, конечно, не самъ собою, но побужденіемъ злобнаго Свѣцельда, — Олегъ не сохраняетъ въ разсужденіи тебя ни малѣйшаго памятозлобія. Блаженство, вкушаемое имъ здѣсь, наградило его съ избыткомъ за трату несовершенныхъ и преходящихъ увеселеній временной жизни. Все его безпокойство состояло въ неизвѣстности, увидѣть ли здѣсь тебя съ собою. Съ восхищеніемъ разсказывалъ онъ о твоёмъ раскаяніи, слезахъ, отчаяніи, когда въ первый разъ пораженъ ты былъ ужаснымъ зрѣніемъ тѣла его, извлеченнаго изъ-подъ труновъ убитыхъ Древлангъ, тѣспившихся на мосту, предъ Овручемъ. Ты бросился на хладныя остатки его, и, омывая слезами, вопилъ: » Любезный братъ! какъ могу я жить послѣ тебя, обремененный виною смерти твоей? Мнѣ, мнѣ должно было умереть, котораго жизнь будетъ вѣчнымъ угрызениемъ. Не могу терять свѣта, который я отпалъ у моего дражайшаго Олега! »

Проп. » Я говорилъ себѣ, и послѣ испыталъ. Желѣзо убійцы, прекратившаго жизнь мою, прекратило мое мученіе. Я не былъ рожденъ ненавидѣть. Каждый день, препровожденный мною, послѣ сего страшнаго происшествія, былъ днемъ казни и сокрушенія. Умереть стоить лучше, нежели жить съ худою совѣстію, чувствовать себя злодѣемъ. »

Свят. » Ты былъ только слабъ. Ты не имѣлъ твердости, безъ которой нѣтъ добродѣтели. Чужая злоба привела тебя къ совершенію мрачнѣйшаго злодѣянія, которое похитило счастье цѣлой твоей жизни. Величайшее несчастіе для человѣка, несравненно большее для правителей государства, есть неимѣть своего собственнаго ума и начертанія, благоразумнаго и добродѣтельнаго, и повиноваться побужденію другихъ, безъ выбора и разсужденія. »

Объ изображеніи дѣйствующихъ лицъ въ разговорѣ.

Если въ разговорѣ выводятся на сцену лица вымышленныя, то требуется, чтобы сочинитель каждое изъ нихъ сдѣлалъ представителемъ вѣстнаго народа, и вѣстнаго класса людей, чтобы разговаривающее лицо имѣло свой опредѣленный характеръ и взглядъ на вещи, и въ бесѣдѣ съ другими держалось бы своихъ понятій о предметѣ. Если же въ разговорѣ изображаются лица

дѣйствительно—существовавшія, историческія; то нужно, чтобы каждое изъ нихъ оставалось вѣрнымъ своему характеру, понятіямъ и даже приемамъ рѣчи. Однимъ словомъ: въ разговорѣ требуется *художественное* во всѣхъ отношеніяхъ воспроизведеніе лицъ разговаривающихъ.

О числѣ лицъ въ разговорѣ.

Число лицъ опредѣлить для разговора нельзя, какъ это прежде дѣлалось. Но во всякомъ случаѣ, должно опасаться, чтобы въ немъ не было лицъ излишнихъ, а тѣмъ болѣе безцѣльныхъ. Поэтому, въ опредѣленіи числа лицъ, нужно сообразоваться съ матеріею разговора, и выводить ихъ столько, сколько будетъ требовать того содержаніе и развитіе его.

О порядкѣ и языкѣ разговора.

Лучшій порядокъ разговора—тотъ, когда писатель, пригнѣная къ лицамъ разговаривающимъ, излагаетъ ихъ бесѣду такъ, какъ бы они на самомъ дѣлѣ говорили, слѣдуя естественному ходу размышленія. Языкъ разговора долженъ быть простъ, живъ, сообразенъ съ предметомъ и—что важнѣе всего—съ личностію разговаривающихъ лицъ.

Общее замѣчаніе объ условіяхъ разговорной формы.

Вообще требуется, чтобы форма разговора, такъ сказать, сама собою выливалась изъ его содержанія, и изъ характера дѣствующихъ лицъ, и составляла бы съ ними одно нераздѣльное цѣлое. Подъ этимъ только условіемъ, разговоръ будетъ произведеніемъ занимательнымъ и художественнымъ, хотя бы матерія его была самая пустая и обыкновенная.

О формахъ изложенія разговора.

Въ общепитіи употребляются два вида разговоровъ: или мы сами ведемъ разговоръ, или только передаемъ бесѣду, которую слышали. Въ первомъ случаѣ—дѣло начинается прямо съ рѣчи одного изъ разговаривающихъ. А во второмъ—разсказчикъ предварительно объясняетъ обстоятельства разговора, какъ-то: мѣсто, время, случай, цѣль, характеръ разговаривающихъ лицъ. Эти ви-

ды, или формы разговора перенесены и въ литературу. И здѣсь діалогичность иногда прямо открываетъ разговоръ рѣчью одного изъ разговаривающихъ лицъ: такъ начать разговоръ Карамзина: «О счастіи.» Иногда же онъ прежде описываетъ обстоятельства разговора: такъ начать разговоръ Жуковского: «О критикѣ.» Въ среднѣхъ и концѣ рѣчи, разговоръ допускаетъ также разныя объясненія со стороны автора. Первая форма изложенія разговора перенесена въ литературу философомъ Платономъ, и потому называется *Платоновою*, а послѣдняя—Цицерономъ, и потому называется *Цицеровою*.

Что способствуетъ къ успѣху въ разговорѣ?

Къ успѣху въ разговорной формѣ сочиненій способствуютъ: чтеніе и изученіе лучшихъ сочиненій разговорныхъ, и, въ особенности, изученіе живого, изустнаго разговора въ умномъ и истинно-образованномъ обществѣ. Жуковский говоритъ: «удивленіе дѣлаетъ писателя глубокомысленнымъ: въ обществѣ пріучается онъ размышлять быстро, и, наконецъ, заимствуетъ въ немъ искусство украшать легкими и пріятными выраженіями самыя глубокія свои мысли.»

Исторія и образцы разговорной формы въ нашемъ отечествѣ.

Наши отечественные писатели извѣстнѣе любили употреблять въ сочиненіяхъ разговорную форму. Она встрѣчается въ лѣтописи преп. Нестора. Въ духовныхъ училищахъ, въ XVII и XVIII в. цѣлыя науки излагались въ формѣ диспутовъ, или спорныхъ разговоровъ. Разговоры писались и происходили у нихъ на публичныхъ экзаменахъ, и многіе были изданы въ свѣтъ. Но въ литературу, и притомъ въ чистомъ своемъ видѣ, разговорная форма явилась у насъ, въ XVIII вѣкѣ. Писатели перенесли ее на свою почву изъ литературы западныхъ народовъ. Въ первый разъ, разговорная форма встрѣчается у насъ въ учебномъ журналѣ Академіи Наукъ, издаваемомъ Миллеромъ, подъ названіемъ: «Ежемесячныя сочиненія.» Здѣсь были разговоры, большею частію, переводные, и не много оригинальныхъ, написанныхъ по иностраннымъ образцамъ. Въ содержаніи ихъ развивались идеи нравственно-филосо-

фическія. Въ ближайшее къ намъ время, разговорами занимались также многіе писатели. Но лучшими признаются: 1) изъ иностранныхъ: два разговора, переведенные Жуковскимъ изъ Нѣмецкаго писателя Энгеля, подъ названіемъ: а) «Смерть» и б) «Свѣтскій философъ.» Въ первомъ — изображается скорбь и отчаяніе отца, лишившагося семейства, но спасительными совѣтами друга возвращающагося къ утѣщенію. Во второмъ — раскрываются философическія понятія для свѣтскихъ людей. Оба разговора, по красоте и пріятности слога, считались въ свое время образцовыми, такъ, что Карамзинъ, во время путешествія за границу, посѣщавшій Берлинскихъ ученыхъ и литераторовъ, хотѣлъ видѣть и Энгеля, сочинителя «Свѣтскаго философа» и «мимика». 2) Изъ разговоровъ же оригинальнѣйшихъ у насъ образцовыми считаются: а) «О счастьи» Карамзина, б) «О древностяхъ Новгородскихъ» — Евгенія, Митрополита Кіевского, в) «Вечеръ у Кантемира» Батюшкова и г) «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ» Высокопресв. Филарета, Митрополита Московскаго. Сверхъ того, немало превосходныхъ разговоровъ помѣщено въ духовныхъ журналахъ, какова, напр. «Бесѣда священника съ прихожаниномъ, у котораго сынъ распутный,» помѣщенная въ Воскресномъ Читаніи (г. III, стр. 425—432). Нынѣ разговорная форма рѣдко встрѣчается въ чистомъ своемъ видѣ, и больше только — въ однихъ драматическихъ сочиненіяхъ, которымъ она усвоена, а разговоръ въ царствѣ мертвыхъ совѣтъ вышелъ изъ употребленія, и едва ли когда опять вьется въ литературу.

Практическія занятія:

- 1) Прочитать и разобрать нѣсколько лучшихъ разговоровъ; при семъ обратить вниманіе, между прочимъ, и на особенности правописанія, употребляющіяся только въ письменномъ разговорѣ.
- 2) Назначить переложить, или даже воспроизвести какой-нибудь разговоръ изъ книгъ Св. Писанія, какъ воспроизведенъ, напр. въ Воскресномъ Читаніи разговоръ Спасителя съ Никодимомъ и другіе.

- 3) Подобнымъ образомъ, можно воспроизводить разговоры изъ сочиненій писателей, напр. изъ басенъ Крылова и т. п.
- 4) Дать какое-нибудь монологическое сочиненіе, чтобы воспитанники переложили его въ разговорную форму.
- 5) Развить въ классѣ какую-нибудь мысль въ разговорной формѣ, съ тѣмъ, чтобы воспитанники обработали и изложили этотъ разговоръ на бумагѣ.
- 6) Дать тему и образецъ, чтобы воспитанники на данную тему составили разговоръ по данному образцу.

4) О СМѢШАННОЙ ФОРМѢ СОЧИНЕНІЙ.

Какая форма сочиненій называется смѣшанною?

Сочиненія не всегда излагаются въ одной какой-либо формѣ—монологической, письменной, или разговорной. Часто бываетъ такъ, что въ одномъ и томъ же сочиненіи писатель употребляетъ и монологическое изложеніе, и разговорную форму, и письмо. Это встрѣчается равно и въ прозаическихъ, и поэтическихъ сочиненіяхъ, особенно—въ повѣстяхъ, разсказахъ, басняхъ и т. п. Такая форма изложенія называется *смѣшанною*; ибо она слагается изъ соединенія различныхъ формъ.

Разумѣется, каждая изъ этихъ формъ, входя въ составъ сочиненія, подчиняется своимъ условіямъ и законамъ. Письмо должно быть составлено по правиламъ письма, разговоръ долженъ выполнить условія разговора. Но, сверхъ того, все эти формы, взятыя, должны естественно вытекать изъ самаго предмета сочиненія, находиться между собою въ строгое соответствіе и гармонію, и составлять одно оцрапченное цѣлое. При этомъ только условіи, смѣшанная форма будетъ формою излщною, или художественною.

ЧАСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отношеніе частной Словесности къ общей, и предметъ ея.

Изъ всего, пройденнаго доселѣ, видно, что общая Словесность разсуждаетъ о сочиненіи *вообще*, и именно о томъ, по какимъ всеобщимъ законамъ пишется всякое сочиненіе какъ прозаическое, такъ и поэтическое, и какія существуютъ общія формы для изложенія различныхъ родовъ сочиненій. Напротивъ, частная Словесность разбираетъ, *въ частности*, разные роды и виды сочиненій, опредѣляетъ законы, которымъ подлежитъ эстетическая сторона того или другого рода, и указываетъ тѣ формы, которыя принимаютъ на себя разные сочиненія. Итакъ частнѣйшее изслѣдованіе родовъ и видовъ сочиненій, ихъ законовъ и формъ, составляетъ предметъ и содержаніе частной Словесности.

О самоглавнѣйшихъ и существеннѣйшихъ родахъ сочиненій.

Указаніе ихъ.

Всѣхъ родовъ и видовъ сочиненій, при современномъ развитіи литературы, очень много. Но, по едержанію своему и по степени красоты словесной или художественности, они раздѣляются, главнымъ образомъ, на два существеннѣйшіе и главнѣйшіе рода— на сочиненія *прозаическія* и *поэтическія*.

Если разобрать два сочиненія, одно—прозаическое, другое—относящееся къ поэзи: то окажется, что между ними, какъ между видами одного и тогоже рода, есть неизбѣжное сходство, а есть величайшая разница.

О сходствѣ между прозаическими и поэтическими сочиненіями.

Сходство между прозаическими и поэтическими произведеніями заключается, во первыхъ, въ цѣли: ибо и поэтъ и прозаикъ стремятся въ своихъ сочиненіяхъ къ одному—къ изображенію истины

и, во вторыхъ, въ средствахъ: ибо и поэзія и проза стараются представить истину въ формѣ жизни, сочетать ее съ живыми фактами и явленіями. Сходство сіе простирается до того, что, на *известной* степени своего совершенства, проза и поэзія соприкасаются между собою, и хотя другъ друга не уничтожаютъ взаимнымъ тождествомъ, но тѣмъ не менѣе кажутся *какъ бы* безразличными. Отсюда-то, въ прежнія времена, въ литературѣ бывали, и нынѣ иногда возникаютъ, недоразумѣнія на счетъ того, куда отнести, къ какой категоріи причислить то или другое твореніе, къ прозѣ или къ поэзіи.

О различіи ихъ.

Но, при указанномъ сходствѣ, проза и поэзія видѣютъ между собою и величайшее различіе. Только, слѣдуетъ твердо замѣтить, различіе сіе не заключается въ стихотворствѣ, въ выраженіи мыслей стихами: ибо стихи, будучи противопоставлены выраженію прозаическому, составляютъ только родъ рѣчи, а не сочиненія (*). Лукрецій, писатель Римскій, въ звучныхъ и плавныхъ стихахъ, развилъ философическое ученіе о природѣ вещей. Однакожъ, сочиненіе его, не смотря на прекрасную стихотворную форму, принадлежитъ прозѣ. И сколько есть нынѣ стиховъ, подъ которыми скрывается сочиненіе самое прозаическое! Съ другой стороны—басни Эзопа, сказки и народныя быльи, идилліи Геспера, поэмы Фенелона, многіе поэтическіе рассказы и большая часть сочиненій драматическихъ являются въ формѣ рѣчи прозаической. И однакожъ, всѣ они, увлекая насъ прелестью поэтическаго вымысла, строго принадлежатъ поэзіи. И сколько есть нынѣ высокихъ и прекрасныхъ созданій поэтическаго искусства, которыя облечены и существуютъ въ прозаической формѣ! Такихъ образцовъ, различіе между прозаическими и поэтическими сочиненіями, дѣйствительно, не заключается въ стихотворствѣ. Это замѣтилъ еще въ свое время наблюдательный Аристотель, Греческій философъ: « историкъ и поэтъ не тѣмъ различаются,

---

(*) См. выше стр 53 — 56.

что говорить однимъ мѣрною рѣчью, а другою немѣрною: сочиненія Геродота можно бы переложить въ метры, и все-таки въ метрахъ, какъ и безъ всякихъ метровъ, это — была бы исторія. Различаются же они тѣмъ, что одинъ излагаетъ *случившееся*, а другой — что *можетъ случиться*. »

Итакъ, чѣмъ же именно различаются между собою прозаическія и поэтическія произведенія?

Различаются они между собою, главнымъ и существеннымъ образомъ:

1) по своему *содержанію*. Ибо въ сочиненіяхъ прозаическихъ заключается содержаніе *дѣйствительное*, т. е. въ нихъ предметъ, взятый для сочиненія, изображается такъ, какъ онъ *дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ* существуетъ. Слѣд. точность, *реальная* истинность содержанія составляетъ существенное качество прозаическихъ сочиненій. Въ поэзіи, напротивъ, заключается содержаніе не дѣйствительное, а *идеальное*, т. е. въ ней или *идея* поэта осуществляется въ живыхъ образахъ, почерпнутыхъ изъ міра дѣйствительнаго, или, наоборотъ, предметъ, дѣйствительно существующій, представляется въ *идеальныхъ* образахъ, созданныхъ творческимъ воображеніемъ поэта. И значитъ, *идеальная* истинность содержанія составляетъ существеннѣйшую стихію сочиненій поэтическихъ. Вотъ почему Жуковский опредѣляетъ поэзію такъ: « это есть возвышеніе существеннаго къ идеальному, изображеніе идеальнаго. »

2) по *способу развитія* содержанія въ сочиненіяхъ. Прозаикъ во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ или описываетъ, или объясняетъ, или доказываетъ избранный предметъ, действуя больше всего на умъ своихъ слушателей или читателей. Оттого сочиненія его всегда отличаются болѣе или менѣе *отвлеченностію* изображенія. Поэтъ, напротивъ того, показываетъ свой предметъ въ живыхъ и яркихъ образахъ, или картинахъ, действуя, по преимуществу, на воображеніе и чувство своихъ читателей. Оттого *картинность, наглядность*, такъ сказать, *выпуклость* изображенія составляютъ существенное отличіе поэзіи.

Наконецъ, 3) проза и поэзія различаются между собою и по языку сочиненій. Въ слогѣ прозаика логическія свойства рѣчи господствуютъ надъ всѣми другими, и изобразительность составляетъ тамъ высшее достоинство языка. Въ поэтическихъ созданіяхъ, напротивъ, эстетическія свойства рѣчи берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ логическими, а благозвучіе рѣчи, гармонія стиха въ нихъ—высшее качество. Это различіе въ слогѣ простирается до такихъ мелочей, что часто поэтическія сочиненія, особенно изложенныя въ стихотворной формѣ, вовсе не терпятъ нѣкоторыхъ словъ и фразъ, тогда-какъ въ прозѣ они или составляли бы совершенство, или, по крайней мѣрѣ, не нарушили бы красоты языка, каковы, напр. всѣ, такъ называемые, ученые термины.

Теперь, для примѣра, разберемъ два сочиненія, прозаическое: «Описаніе Рафаэлевой Мадонны» и поэтическое: «Выборъ креста», оба принадлежащія Жуковскому.

1) О П И С А Н І Е.

«Въ Богоматери, говоритъ писатель, идущей по небесамъ, не првятво никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на Ное, тѣмъ болѣе кажется, что Она приближается. На лицѣ Ея ничто не выражено, т. е. на немъ нѣтъ выраженія *помятаго*, имѣющаго *опредѣленное имя*; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже—чувство, но чувство уже перешедшее за границу земного, свѣд. мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ Ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ чловека всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для Неа уже нѣтъ случая—все совершилось); но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ, вѣкуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ Младенца; но руки Ея смиренно и свободно служатъ Ему престолу: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе Сидящаго. И Онъ, какъ Царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ.»

2) ВЫБОРЪ КРЕСТА.

• Усталый шелъ крутой горою путникъ:
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ овъ скаламъ горы тащился,
И, наконецъ, достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами.
На край небесъ склонившагося солнца:
Свершивъ свой путь, великое свѣтло
Последними лучами озарило.
Прощаясь съ нѣмъ, полузаснувшій мѣръ.
И былъ покой повсюду песказанный!
Утѣшенный вдвѣиеть такимъ,
Сталъ страпникъ на колѣна, прочиталъ
Вечернюю молитву, и потомъ
На благовониюмъ лонѣ муравы
Простерся. И сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сповиднѣмъ
Былъ духъ его въ брѣвныя, тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждою твердь небесъ,
Подножіемъ Господнимъ ногу земля.
И къ Господу воскликнулъ онъ: « Отець!
Не отворотись во гнѣвъ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшная души
Я исповѣдаю передъ Тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ:
Но тяжестью не всѣ кресты равны:
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моятъ
Онъ слабакъ. Облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, и моя душа
Погвбиеть ». Такъ въ безсмыслии онъ Бога

Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ, и его умчало
На высоту неодолимой силой.
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
«**Передъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны: какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми**». И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было нелегко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ;
Другой тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ: рѣзали
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слить изъ золота, но за то
И не въ подъемъ, какъ золото. И словачь,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотрѣть,
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, нмъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ не легокъ онъ, правда, — былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то, какъ-будто
По жеркъ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришлось по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: «**Господи! позволи мнѣ
Взять этотъ крестъ**». И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ неслъ.»

(Т. VI, стр. 331 — 333)

Эта высоко-правоучительная повѣсть въ литературномъ отношеніи имѣетъ сходство съ предыдущимъ описаніемъ. Пбо у нихъ одна общая цѣль: тамъ — изобразить Мадонну истинно такъ, какъ

она написана Рафаэлем; здесь — высказать главную мысль повести во всей ее правде и истинѣ. Однакож у нихъ и средства для сего: это—образы, почерпнутые изъ міра явленій, это—слово человеческое, со всеми своими разнообразными цвѣтами и красками.

Но, при общемъ сходствѣ, есть между ними важное литературное различіе. Ибо въ первомъ сочиненіи заключается содержаніе *дѣйствительное*, т. е. во первыхъ — описывается явленіе, фактъ, дѣйствительно существующій, и во вторыхъ описывается такъ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ является, безъ всякой идеализаціи, безъ всякихъ, такъ сказать, прикрасъ поэтическихъ. Во второмъ сочиненіи раскрывается высоко-нравственная мысль, « что безкопечно-Премудрый и Благій Промыслъ Божій испосылаетъ человѣку только такіа испытанія въ жизни, какія онъ можетъ перенести, и что потому нужно переносить ихъ благодушно, съ покорностію и безъ ропота », — мысль, въ высшей степени, дѣйствительная и истинная. Но содержаніе его не дѣйствительное, а *идеальное*: этотъ усталый путникъ, умолявшій Всевышняго облегчить тяжесть его страданій, не есть тотъ или другой человѣкъ, тамъ или въ другомъ мѣстѣ жившій, либо еще живущій; это есть — идеаль челоуѣка вообще, созданный творческимъ воображеніемъ поэта и оживленный его фантазіей.

И какое опять между обоими сочиненіями различіе въ способахъ развитія содержанія! Въ первомъ — поэтъ описываетъ Мадонну, показывая ея черты, свойства, выраженія и т. п. Во второмъ — онъ представляетъ свою мысль въ живыхъ и яркихъ образахъ, впечатлительно дѣйствующихъ на воображеніе и чувство. Таковъ, напр. самый образъ путника, — такова и слѣд. картина вечера :

« Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца :
Свершивъ свой путь, великое свѣтло
Последними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полужаснувшій міръ.
И былъ покой повсюду песказанный! »

И какое, наконецъ, различіе между ними въ самыхъ словахъ и выраженіяхъ! Въ первомъ сочиненіи Мадонна описывается логическии, отвлеченными понятіями, каковы: *движеніе, понятное выраженіе, определенное имя* и т. п. Во второмъ — каждое почти слово есть образъ, картина, одушевленный звукъ, каковы: *крутая гора, гладкія скалы, усталый путникъ, равнина, облитая лучами, склонившися на край небесъ солнце, молящійся на колыняхъ странникъ, миротворящій сонъ* и т. п.

Отсюда первое сочиненіе есть прозаическое, второе — поэтическое.

Практическія зачатія:

- 1) Разобрать взуство, какъ можно болѣе, приѣровъ прозаическихъ и поэтическихъ, для показанія ихъ сходства и различія.
- 2) Назначать воспитанникамъ дѣлать разборъ на домъ, съ тѣмъ, чтобы они представляли свои труды въ формѣ сочиненій.

Раздѣленіе частной Словесности.

Такимъ образомъ, главныхъ и существеннѣйшихъ родовъ сочиненій — два: прозаическія и поэтическія. Посему и частная Словесность, подобно общей, раздѣляется на двѣ части: въ первой говорится о сочиненіяхъ прозаическихъ, во второй — о поэтическихъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ЧАСТНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

О сочиненіяхъ прозаическихъ.

Какое сочиненіе называется прозаическимъ?

Прозаическимъ, какъ видно изъ предыдущаго, называется такое сочиненіе, въ которомъ заключается содержаніе *дѣйстви-*

тельное, въ противоположность идеальному, составляющему стихію поэзіи.

Какою рѣчью пишутся прозаическія сочиненія, и отсюда неточность въ названіи ихъ прозаическими.

Прозаическія статьи являются иногда и въ стихотворной одеждѣ, для пріятнѣйшаго и легчайшаго чтенія и усвоенія ихъ. Гораций, поэтъ времянь Римскаго Императора Августа, изложилъ въ стихахъ ученіе о поэтическомъ искусствѣ. Поэпа, Англійскій писатель, въ стихотворной формѣ развилъ ученый трактатъ о чловѣкѣ. Въ прошломъ и въ началѣ пятнадцатаго вѣка, въ нашихъ школахъ, самые учебники преподавались стихами. Конечно, это уже крайность, литературное заблужденіе. Но нѣтъ никакого основанія отказывать въ болѣе прекрасной оболочкѣ другимъ прозаическимъ явленіямъ, которыя, по содержанію своему и по искусству автора, способны принять ее. Собственно же, прозаическимъ сочиненіямъ принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, всеобщимъ употребленіемъ въ-начала усвоена, форма выраженія — свободная, прозаическая. Отъ этой-то формы выраженія они получили и названіе прозаическихъ, а не наоборотъ, не рѣчь названа прозаическою отъ сочиненій. Слѣд. слово проза, какъ и большая часть ученыхъ терминовъ, неточно характеризуетъ извѣстный родъ сочиненій, а указываетъ только на случайное ихъ качество — на образъ выраженія, на рѣчь, которою они пишутся.

Какая проза служитъ предметомъ Словесности?

Проза имѣетъ двѣ разныя степени совершенства. Есть проза, безыскусственная прозаическая письменность, какую пишутся, обыкновенно, разныя записки по предметамъ житейскихъ нуждъ, какъ то: подряды, контракты, и всѣ вообще бумаги дѣловыя. И есть проза изящная или художественная, называемая иначе краснорѣчьею. Предметомъ первой части частной Словесности служитъ собственно проза изящная или краснорѣчіе.

Что такое краснорѣчіе по словопроизводству?

Слово — *краснорѣчіе* происходитъ отъ словъ: *красный*, что, въ старинномъ нашемъ языкѣ, между прочимъ, значило: изящный

художественный, и *речь*, что значитъ слово, языкъ. А потому краснорѣчіе, по словопроизводству, означаетъ красую, изящную или художественную рѣчь. И выраженія: изящная проза, художественная рѣчь, краснорѣчіе совершенно тождественны между собою.

О краснорѣчїи въ отношенїи къ сочиненїямъ.

Въ сочиненїяхъ проза изящная, или краснорѣчіе зависитъ не отъ предмета и не отъ познанія его. Здѣсь она происходитъ отъ большаго или меньшаго одушевленія писателя своимъ предметомъ, отъ искренняго и глубокаго сочувствія къ нему; а потому Квинтиллианъ, и за нимъ всѣ прочіе словесники единодушно признаютъ сердце источникомъ краснорѣчія. Заключается же оно въ особенной красотѣ, выразительности и силѣ слога, и обнаруживается всегда въ движенїи, которое сочиненіе краснорѣчивое или изящное производитъ въ душѣ слушателя или читателя: ибо оно, какъ выразились древніе, убѣждаетъ умъ, плѣняетъ воображеніе, трогаетъ сердце, и наклоняетъ самую волю и дѣятельность человѣка къ добру. Поэтому краснорѣчіе не составляетъ исключительной принадлежности рѣчи ораторской. Оно должно быть и во всякомъ другомъ хорошемъ, какъ прозаическомъ, такъ и поэтическомъ, сочиненїи.

Примѣромъ краснорѣчивой или изящной прозы можетъ служить слѣдующее описаніе добродѣтели, взятое изъ проповѣди Преосвящ. Анастасія Братановскаго на погребеніе Бецкаго.

«Добродѣтель, съ которой стороны ни воззрѣмъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено-ли оно къ Богу? На нежъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана своему Создателю. Обращено-ли оно къ человѣку? На нежъ сіяютъ сіи сердечныя мысли: се ближій мой! я люблю его, яко самого себя. Обращено-ли оно на грудь свою? На нежъ зрится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ: азъ есмь церковь Бога живаго; прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлехъ своихъ. — Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе: она благовѣстна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или

паче—Богъ; да будетъ истина и правда ея, яко полудие, яко совершенства Бога! Она величественна въ порфирѣ; она и въ рубящахъ любезна. Преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на шивѣ при ралѣ. Достохвальна во храмѣ у священнаго алтари; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшеиъ-ли добродѣтелию умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предиріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія, дабы повергнуться предъ Нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія, дабы прославить премудрость Его. Знаетъ совершенства Господа своего, дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. Любитель мудрости уже есть нѣчто больше, нежели человекъ, который иногда предъ очами высокоумія является презрѣніе праха; но когда, при мудрости, сіяетъ душа ея красотою добродѣтели, не есть-ли онъ, яко Ангель Божій?

Воодушевлено-ли добродѣтелию сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, челоуколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ, мврио, яко утрення заря. Его страсти не раздрають, не влекутъ въ шлѣпъ рабства чувственной прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно. Оно обращаетъ на себя взоръ Сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и неизобразимое удовольствіе суть или знаменіемъ уже присутствующаго въ немъ Божества, или вѣстивкамп приближенія Его по обѣщанію: *имляй заповѣди Моя и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя, и азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ*, глаголетъ Спаситель.

Сопутствуетъ-ли добродѣтель но степенямъ счастья, на которое возводитъ промысль Вышняго? Тогда власть и могущество для приобѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть, яко матерія крылія для птенцевъ невосперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ, или мужества, коего трепещетъ не менѣе высокоумный врагъ, какъ и лукавый порокъ, или великодушія, столь же терпѣливо переносящаго уда-

ры напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды, или ревности къ вѣрѣ и закону, или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю. — Сип опыты добродѣтели не суть плодъ воображенія и мечты. »

Начало и краткая исторія прозы, понимаемой въ смыслъ сочиненій.

Проза изящная или краснорѣчіе явилось въ первый разъ въ Греціи, и уже послѣ сочиненій поэтическихъ. Утверждаютъ, будто бы икто Ферендъ, жившій сто лѣтъ спустя послѣ Гомера, первый началъ писать прозою. Но фактически извѣстно, что проза получила свое начало за 600 лѣтъ до Рождества Христова, и уже спустя около трехъ столѣтій послѣ того, какъ существовали на свѣтѣ сочиненія Гомера. Въ нашемъ отечествѣ, краснорѣчіе явилось прежде всего подъ перомъ духовныхъ писателей въ ихъ церковныхъ поученіяхъ. Его можно находить въ сочиненіяхъ древнихъ нашихъ проповѣдниковъ, и особенно у позднѣйшихъ, какъ-то: Святителя Дмитрія Ростовскаго, Стефана Иворскаго, Феофана Прокоповича, Гедова Кривовскаго и другихъ. Ломоносовъ, отдѣливъ Русскій языкъ отъ Церковно-славянскаго, положилъ сочиненіями своими основаніе нынѣшней литературной изящной прозѣ или краснорѣчію. Каразинъ Исторією Государства Россійскаго преобразовалъ книжное краснорѣчіе Ломоносова, и былъ изобрѣтателемъ у насъ новой, чистой, легкой, изящной прозы. Слѣдующіе за нимъ писатели: Жуковский, Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь возвели нашу прозаическую рѣчь на высшую степень изящества или художественности, даже сообщали ей элементъ поэтической.

Древнее и нынѣшнее названіе ученія о прозѣ.

Та часть Словесности, въ которой раскрывается ученіе о прозѣ вообще, о различныхъ родахъ, видахъ и формахъ прозаическихъ сочиненій, и о законахъ, по которымъ они пишутся, въ древности называлась *Риторикою*, а нынѣ, съ пзмѣненіемъ сущности, объема и взгляда на предметы риторическіе, справедливѣе называется *Теорією прозаическихъ сочиненій*.

О главнѣйшихъ родахъ прозаическихъ сочиненій.

Выводъ и названіе ихъ.

Человѣкъ разсматриваетъ предметы, и разсуждаетъ о нихъ съ двухъ сторонъ: или со стороны *внѣшней*, описывая ихъ очевидныя свойства и пережты, или со стороны, по преимуществу, *внутренняго* ихъ смысла и значенія. Отсюда всѣ сочиненія изящной прозы разделяются на два главные рода: на *историческія* и *ученыя* или *философическія*.

О смѣшанномъ родѣ историко-философическихъ сочиненій.

Впрочемъ, бывають случаи, когда авторъ соединяетъ въ сочиненіи своемъ оба взгляда — и историческій и дидактическій. Такія сочиненія составляютъ родъ *смѣшанный*, и могутъ быть названы *историко-философическими*, или *учено-историческими*. Конечно, при дальнѣйшемъ движеніи литературы, и этотъ родъ сочиненій можетъ рѣзко отдѣлиться отъ своихъ составныхъ началъ, организоваться въ одно стройное цѣлое, и получить самостоятельное бытіе въ литературѣ и наукѣ. Но, въ настоящее время, въ немъ беретъ всегда рѣшительный перевѣсъ либо историческое, либо дидактическое начало, и такимъ образомъ смѣшанный родъ сочиненій принимаетъ положительный характеръ либо исторіи, либо произведенія философическаго. Посему, не придавая ему отдѣльнаго изслѣдованія, мы въ правѣ разсуждать только о сочиненіяхъ историческихъ и ученыхъ.

1) О СОЧИНЕНІЯХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Опредѣленіе.

Историческими, въ общемъ смыслѣ, называются такія сочиненія, въ которыхъ художественно изображаются внѣшнія явленія и пережты міра и жизни.

Раздѣленіе историческихъ сочиненій.

Разсматривая вещи со стороны внѣшней, мы или описываемъ ихъ, какъ она являются намъ въ пространствѣ, или повѣствуемъ о тѣхъ пережтиахъ, которымъ онѣ подвергались въ теченіи из-

вѣтнаго времени. Отсюда историко-прозаическія сочиненія раздѣляются на два главные вида: на *описательныя* и *повѣствовательныя*.

О смѣшанномъ родѣ историческихъ сочиненій.

Но бываютъ сочиненія, гдѣ оба показанные взгляда соединяются между собою, гдѣ изображаются вмѣстѣ и явленія предмета въ пространствѣ и пережъны, случившіяся съ нимъ во времени. Такія сочиненія составляютъ родъ *смѣшанный*, и называются, обыкновенно, *историческими описаніями*. Впрочемъ, по недостатку въ нихъ самостоятельнаго развитія, но преимущественному преобладанію того или другого элемента, и ихъ справедливѣе причисляютъ либо къ описаніямъ, либо къ исторіи.

А) О СОЧИНЕНІЯХЪ ОПИСАТЕЛЬНЫХЪ ВООБЩЕ.

Опревленіе и характеристическія названія описаній.

Описаніемъ называется такое сочиненіе, въ которомъ художественно изображается какой-либо предметъ природы, такъ, какъ онъ является въ пространствѣ, въ одинъ извѣстный, опредѣленный моментъ времени. По художественному своему элементу, описанія иначе называются *изображеніями* или *картинами*. Такова картина Финляндіи Батюшкова. Въ ней авторъ описываетъ вѣдшій видъ, природу Финляндіи, и описываетъ такъ, какъ онъ видѣлъ ее, во время своего тамъ пребыванія. Отчего сочиненіе его относится къ описаніямъ. Но онъ изображаетъ свой предметъ наглядно, картинно, художественно; поэтому описаніе называютъ *картинною Финляндіею*.

О ЗАКОНАХЪ ОПИСАНІЙ.

Общіе законы описаній касаются: 1) ихъ темы, 2) содержания, 3) расположенія, 4) выраженія и 5) формъ изложенія.

1) О темѣ описаній.

Темою описанія всегда бываетъ какой-либо предметъ или явленіе, существующее и дѣйствующее въ пространствѣ, и взятое

либо изъ міра фізическаго, либо изъ міра нравственнаго, напр: затмѣніе солнца, описаніе Троицкой Лавры, изображеніе чело-вѣка благоразумнаго и проч.

2) О содержаніи описаній.

Описывать предметъ значить изображать его положеніе, части и свойства. А потому въ составъ содержанія описаній, обыкновенно, входятъ: а) изображеніе мѣста, времени и положенія, въ которомъ находилось описываемое явленіе, б) описаніе его частей, свойствъ и признаковъ, наружныхъ и внутреннихъ, существенныхъ и случайныхъ, и, наконецъ, в) представленіе обстоятельствъ описываемаго явленія предшествующихъ, сопутствующихъ и слѣдующихъ за нимъ.

Иногда, впрочемъ, бываютъ и такія описанія, гдѣ сочинитель изображаетъ не самый предметъ, а только свои впечатлѣнія, и уже посредствомъ ихъ даетъ понятіе о предметѣ описываемомъ. Таково описаніе: «*Иерусалимъ*» Муравьева. Здѣсь авторъ почти не занимается Иерусалимомъ, а описываетъ тѣ чувстваванія, которыя «возпалали его душу при появленіи святого града». Тѣмъ не менѣе, мы чувствуемъ, понимаемъ и узнаемъ, по его описанію, что такое—Иерусалимъ.

Объ условіяхъ касательно содержанія описаній.

Отъ содержанія описаній требуются слѣдующія условія:

1) *Точность изображенія*: нужно, чтобы въ описаніи представлены были тѣ именно обстоятельства, свойства и признаки предмета, какіе въ немъ *дѣйствительно* есть, чтобы такимъ образомъ сочненіе было столько же вѣрнымъ изображеніемъ своего предмета, сколько хорошій портретъ вѣренъ своему оригиналу. Точностію прозаическое описаніе отличается отъ поэтическихъ картинъ, въ которыхъ описываемый предметъ отстунаетъ отъ дѣйствительности, и *восходитъ* до идеальнаго представленія.

2) *Характеристика*: нужно, чтобы сочинитель описывалъ свой предметъ свойствами и признаками *характеристическими*,

пля, хотя и случайными, но такими, которые бы выражали его натуру.

Наконецъ, 3) *полнота*, т. е. чтобы въ описаніи были изображены, по возможности, всё главныя и существенныя стороны описываемаго явленія, чтобы читатель могъ, такимъ образомъ, ясно и отчетливо отличить это явленіе отъ всёхъ другихъ.

3) О расположеніи описаній, и главный законъ ея.

Какъ располагать свойства и признаки описываемаго предмета, на это нельзя дать какихъ-либо общихъ и неизменныхъ правилъ. Разборъ сочиненій описательныхъ показываетъ, что ихъ можно располагать различными образомъ, и что это болѣе зависитъ отъ искусства писателей, нежели отъ правилъ или законовъ науки. Впрочемъ, замѣчено, что болѣе всего слѣдуютъ въ этомъ отношеніи порядку, указываемому природою описываемаго явленія, и что это есть одно изъ лучшихъ правилъ расположенія описаній. Только нужно во всякомъ случаѣ соблюдать одно непремѣнное условіе при семъ: чтобы главныя и существенныя свойства описываемаго предмета были раскрыты подробно, и поставлены на первомъ планѣ, а свойства и признаки второстепенныя были изображены въ некоторыхъ только чертахъ, и представлены, какъ бы въ тѣни. Этотъ законъ расположенія описаній цыцъ, обыкновенно, называется *перспективною* сощпенія.

4) О выраженіи или языкъ описаній.

Достоинство выраженія или слога описаній состоитъ главнымъ образомъ въ изобразительности, которая требуетъ оживить предметъ, представить его столько яснымъ, нагляднымъ и осязательнымъ, какъ будто бы онъ находился предъ глазами своихъ слушателей или читателей, такъ, чтобы читатель не только легко могъ представить себѣ образы, нарисованныя авторомъ, но и чувствовалъ бы въ нихъ природу самаго предмета. «Когда Батюшковъ рлеуетъ тѣло, говоритъ одинъ изъ нашихъ критиковъ (Шкитенко), оно дышетъ; когда воздухъ, онъ такъ благоухающъ,

что имъ хочется дышать. » Таково должно быть въ отношеніи къ слогу или выраженію истино-литературное описаніе!

5) *О формахъ изложенія описаній.*

Сочиненія описательныя принимаютъ на себя всѣ четыре формы изложенія: монологическую, письменную, разговорную и форму смѣшанную.

Когда употребляются эти формы?

Форма монологическая и письменная употребляется для описаній всякаго рода, и въ особенности— для изображенія явленій внѣшнихъ. Такъ «Воспоминаніе о торжествѣ 30 Августа 1834 г.», гдѣ описывается постановленіе Александровской колонны на площади Зимняго Дворца въ С. Петербургѣ, изложено Жуковскимъ въ письмѣ. Форма разговорная исключительно годна только для описанія предметовъ міра нравственнаго, и особенно— для изображенія понятій и свойствъ какого-либо характера. Наконецъ, форма смѣшанная употребляется тамъ, гдѣ міръ физическій и нравственный описываются вмѣстѣ. Такъ описанія Русской природы и Русскаго быта, содержащіяся въ сочиненіи Тургенева, подъ заглавіемъ: «Записки охотника», изложены, почти всѣ, въ формѣ смѣшанной— монологической съ разговорною. Природа описывается монологически, міръ нравственный характеризуется посредствомъ разговора.

В) О РАЗЛИЧНЫХЪ РОДАХЪ И ВИДАХЪ ОПИСАНІЙ.

1) Различіе описаній въ отношеніи художественномъ.

По красотѣ словесной или художественности, описанія бывають двухъ родовъ: *простыя* и *художественныя*.

а) **О простыхъ описаніяхъ.**

Опредѣленіе.

Описанія простыя суть тѣ, въ которыхъ излагаются логически свойства и признаки вещи правильно, ясно и точно, безъ всякаго

искуства и красоты, какъ въ географіи описываются города, въ наукахъ естественныхъ—физическіе инструменты, растенія, животныя и т. п. Цель сихъ описаній состоитъ только въ томъ, чтобы дать вѣрное понятіе о предметѣ, частяхъ, его назначеніи и употребленіи, потому они и не допускають къ себѣ художественнаго элемента.

О значеніи простыхъ описаній, и правило для нихъ.

Простыя описанія не имѣють отдѣльнаго самобытнаго существованія, какъ особый видъ сочиненія, а входятъ въ составъ большихъ сочиненій, какъ часть ихъ: посему, равно-какъ и по недостатку въ нихъ эстетическаго начала, они не принадлежать литературѣ. Но они существуютъ, какъ ученическій этюдъ, какъ первоначальное упражненіе въ отдѣлѣ сочиненій описательныхъ. Въ этомъ видѣ они, для правильности изложенія, допускають риторическое расположеніе, состоящее изъ частей: *начала, середины и конца*. Впрочемъ, и эти описанія, а тѣмъ болѣе описанія художественныя, могутъ быть и безъ частей.

Переходъ отъ простыхъ описаній къ художественнымъ.

Для примѣра, разберемъ описаніе Жуковскаго: «Рейцскій водопадъ:»

«Онъ поразилъ меня, говоритъ поэтъ, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе Швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія; то онъ не имѣеть ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху видишь всю рѣчку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою въ пѣнныхъ туманѣхъ.» Вотъ полное описаніе водопада! Оно не дѣйствуетъ ни мало на чувство и воображеніе, и только уму даетъ понятіе о томъ, что такое Рейцскій водопадъ. Слѣд. это описаніе простое, не-художественное.

«Но, продолжаетъ поэтъ, разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлерей, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ; лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все терлеть образъ: мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, поднимаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу, и, встрѣчаясь, разсыпаются въ дребезги, — словомъ, картина неописанная.» Здѣсь описывается тотъ же водопадъ, но онъ изображается со стороны *эстетической*, представляется въ картинѣ, дѣйствующей на воображеніе в чувство читателя. Вотъ — описаніе художественное!

б) Объ описаніяхъ художественныхъ.

Отличіе ихъ отъ простыхъ описаній.

Поэтому, художественныя описанія отличаются отъ простыхъ тѣмъ, что они плѣняютъ воображеніе читателя картинностію своихъ изображеній, и возбуждаютъ въ немъ живое сочувствіе, даже— чувство самаго предмета.

Таково слѣдующее живописное изображеніе пашествія варваровъ на древнюю пашу Св. Церковь, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ составленное однимъ изъ отцевъ Церкви:

«Ужасается духъ мой, когда смотрю на гибельные слѣды разрушенія, постигшаго нашу вѣкъ. Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, каждый день проливается кровь христіанская между Константинополемъ и Альпами. Суровые варвары: Готы и Сарматы, Кванды и Алавы, Гунны, Вандалы и Маркоманвы на всемъ этомъ пространствѣ производятъ опустошеніе, грабежъ и насиліе. Сколько почтенныхъ людей, посвятившихъ себя Богу, сколько чистыхъ и непорочныхъ душъ поругано ими! Епископы увлечены въ позор-

ный плѣтъ, пресвитеры преданы мечу, и всѣ прочіе чины разныхъ церковнослужителей разсыяны; храмы Божіи опрокинуты; алтари Христовы превращены въ стойла; святыя мощи мучениковъ выкопаны изъ гробовъ. По всѣмъ странамъ раздается плачь, повсюду слышны стоны, вездѣ виднѣ образъ смерти.

Казалось, одинъ востокъ не чувствовалъ всеразрушающихъ ударовъ: его тревожили только слухи о распространяющихся ужасахъ. Но вотъ, съ дикихъ вершинъ Кавказа, устремились на югъ уже не Аравійскіе, а сѣверныя волки, и быстро пронеслись по странамъ востока. Сколько обитателей сдѣлалось ихъ жертвою! сколько рѣкъ смѣшано съ кровію человѣческою! Аптіохія уже въ осадѣ у нихъ; прочимъ народамъ угрожаетъ ихъ оружіе; страхъ оковалъ Аравію, Финикіянъ, Палестину и Египеть. Нѣтъ! если бы я имѣлъ тысячу языковъ и тысячу устъ, если бы, притомъ, и голосъ мой былъ звученъ, какъ труба; я и тогда былъ бы не въ состояніи исчислить всѣ роды казней, непосланныхъ на насъ карающихъ Промысломъ.»

Блаж. Иеронимъ.

Раздѣленіе ихъ.

Художественныя описанія различаются *во первыхъ* по своей сложности и *во вторыхъ* по содержанію.

1) О РАЗЛИЧІИ ОПИСАНІЙ, ПО ИХЪ СЛОЖНОСТИ.

а) О простомъ, немногосложномъ описаніи.

Если предметъ простъ, немногосложенъ, или писатель изображаетъ его не вполнѣ, а только съ одной какой-либо стороны: то сочиненіе называется *собственно* описаніемъ..

Таково описаніе Лермонтова: «Утро въ Пятигорскѣ:»

«Вчера, а пріѣхалъ въ Пятигорскъ, занялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы, облака будутъ спускаться до моей кровли. Цыпче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ издѣланиѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешень смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ

иногда усыпает мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бѣшту снѣжетъ, какъ «последняя туча разсѣванной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною нестрѣтетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ, дальше, амонтеатромъ грозятся горы, все снѣге и туманитѣ, а на краю горизонта тишится серебряная цѣнь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ.... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо спитъ — чего бы, кажется, больше? за чѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?.... Однако пора. Пойду къ Елисаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.»

Главнѣйшіе виды смѣхъ описаній.

Виды этихъ описаній такъже многочисленны, какъ различны предметы и точки зрѣнія, съ которыхъ можно ихъ описывать. Такъ въ нихъ: а) характеризуется какое-нибудь время подробности историческихъ обстоятельствъ (хронографія), б) изображается одна какая-нибудь живописная мѣстность: гора, садъ, лѣсъ и проч. (топографія), в) описывается какой-нибудь предметъ, его состоявіе, явленіе, событіе, съ нимъ случившееся (ипотипозисъ), г) изображается одинъ виѣшній видъ лица (просопографія), или — одинъ внутрешній его свойство (зооцеа), и, наконецъ, д) показывается либо одно сходство, либо одно различіе, или вѣтствіе и сходство и различіе между двумя предметами (параллель).

Для примѣра подобнаго рода описаній, приведемъ слѣдующее сравненіе Карамзина съ Ломоносовымъ:

«Если бы надобно было сравнить съ кѣмъ-нибудь Карамзина, мы сравнили бы его съ Ломоносовымъ. Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ Ломоносовъ остановился, кончилъ то, что Ломоносовъ началъ. Подвигъ того и другого былъ равно великъ, важенъ, огроменъ въ отношеніи къ Россіи. Ломоносовъ засталъ

ствіи языка Русскаго смѣшанныя, неустроенныя; литературы не было. Напитанный изученіемъ писателей Латинскихъ, онъ умѣлъ раздѣлить стихіи языка, привести въ порядокъ, образовывать первоначальную литературу Русскую, училъ грамматикѣ, риторикѣ, писалъ стихи, былъ ораторомъ, прозаикомъ, историкомъ своего времени. После него до Карамзина, въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, было сдѣлано весьма немого. Карамзинъ, замѣтимъ странную случайность, родившійся въ самый годъ смерти Ломоносова, образованный изученіемъ писателей Французскихъ, пропитанный современнымъ просвѣщеніемъ Европы, которое было рѣшительно все французское, перенесъ пріобрѣтенное имъ въ родную почву, и сильнымъ, дѣлательнымъ умомъ своимъ двинулъ впередъ своихъ современниковъ. Подобно Ломоносову, чрезвычайно разнообразный въ своихъ занятіяхъ, Карамзинъ былъ грамматикомъ, стихотворцемъ, романистомъ, историкомъ, журналистомъ, политическимъ писателемъ. Едва-ли найдемъ какую-либо отрасль современной литературы, на которую онъ не имѣлъ бы вліянія: самыя ошибки его были поучительны, заставляя умы другихъ шевелиться, производя недоумѣнія, споры, изъ коихъ являлась истина. Такъ дѣйствовалъ Карамзинъ!»

Н. Полевой.

О литературномъ значеніи силъ описаній.

Описанія, *собственно* такъ называемыя, могутъ быть, по положенію своему, изящны, художественны: но, по краткости своего содержанія, они не имѣютъ въ литературѣ самостоятельнаго значенія, какъ виды сочиненій. Въ ряду другихъ произведеній, они—тоже, что въ живописи пейзажи и разные ученическіе втѣды, и потому, подобно нимъ послѣднимъ, они, по большей части, входятъ въ составъ большихъ, сложныхъ описаній.

б) Объ описаніи сложномъ.

Сложнымъ описаніе бываетъ тогда, когда въ немъ изображается предметъ обширный, или, хотя не обширный, но изображается со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. Эти описанія получаютъ разныя названія, смотря по цѣли ихъ и по дру-

гямъ какимъ-либо причинаемъ. Такъ у насъ: «Очерки Кавказа» Марлинскаго описаніе сложное: въ немъ изображается предметъ обширный—цѣлый Кавказъ въ различныхъ его отношеніяхъ. Но все описаніе названо *Очерками* оттого, что Кавказъ изображается въ немъ въ главныхъ только чертахъ своихъ.

Практическія занятія:

- 1) Прочитать и разобрать нѣсколько простыхъ описаній, и заставить одного воспитанника повторить ихъ изустно, а другого—письменно изложить на доскѣ.
- 2) Указать воспитанникамъ нѣсколько описаній для упражненія на домъ, съ тѣмъ, чтобы они умѣли въ слѣдующій классъ разсказать ихъ содержаніе, и указать ихъ совершенства и недостатки.
- 3) Назначать ученикамъ темы для составленія описаній въ классѣ—на доскѣ и на бумагѣ, и для устнаго ихъ изложенія, а также назначать темы и на домъ для обстоятельнаго изложенія письменнаго. Описывать кратко, и больше предметы мѣстные, напр: церковь, рѣку, садъ, церковный праздникъ. Особенно полезно назначать темы изъ Св. Писанія, каковы: ночь, въ которую Господь нашъ Иисусъ Христосъ преданъ, утро, въ которое Онъ воскресъ, Страшный судъ и т. п.

2) О РАЗЛИЧИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ОПИСАНІЙ, ПО ИХЪ СОДЕРЖАНІЮ.

Виды ихъ, и правила для нихъ.

По содержанію, художественныя описанія раздѣляются на слѣдующіе виды, каковы :

- 1) Описаніе природы, или міра физическаго. Здѣсь сочиненіе посвящается, главнымъ образомъ, изображенію какихъ-либо явленій природы — небесныхъ, или земныхъ. А человекъ и другіе предметы, имѣющіе отношеніе къ главному, изображаются на вто-

ромъ илаиѣ. Такъ, напр. описывая бурю, сочинитель можетъ представить въ тѣпн своей картины слѣды ея разрушенія, и человека въ борьбѣ съ опасностями жизни.

2) Описаніе искусствъ, занимающихъ среднцу между міромъ физическимъ и нравственнымъ, каковы произведенія ваянія, живописи и т. п. Здѣсь сочинитель стремится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы изобразить въ полномъ свѣтѣ красоту, части и свойства своего предмета. А обстоятельства его происхожденія, личность скульптора, живописца и все прочее занимають въ этомъ описаніи второе мѣсто.

3) Описанія міра нравственнаго. Въ такихъ описаніяхъ сочинитель старается всячески представить въ полномъ, живомъ и одушевленномъ образѣ описываемое **лицо?** его-свойства, состояніе и дѣйствія. А природа, среди которой онъ поставленъ, время и другія обстоятельства являются тутъ на второмъ планѣ, и служатъ только его обеташовкою. Описанія предметовъ изъ міра нравственнаго иначе называются *характеристиками*.

О Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А Х ъ .

Виды ихъ.

Характеристики бываютъ: а) *общія* и б) *частныя*.

а) *Общія*—изображаютъ нравственный образъ не одного лица, а цѣлаго общества, цѣлаго рода людей, имѣющихъ одинакія свойства. Въ этихъ описаніяхъ, вообще довольно скучныхъ, для живости хорошо брать и ставить другъ съ другомъ въ параллель характеры противоположныя. Такова у насъ характеристика Карамзина: «Чувствительный и хладнокровный.»

б) *Частная* характеристика изображаетъ какое-либо отдѣльное лицо, взятое или изъ исторіи, или изъ современнаго общества. Поэтому частныя характеристики называются иначе *историческими*.

Такое слѣдующее изображеніе нравственныхъ свойствъ Госюда нашего Иисуса Христа:

«Нравственные качества Господа нашего Иисуса Христа представляют намъ въ Немъ совершеннѣйшій образецъ всѣхъ добродѣтелей. Онъ первый осуществлялъ въ жизни своей то, чему училъ другихъ, и высочайшая нравственность Евангельская кажется еще выше въ Его собственномъ примѣрѣ. Что можетъ быть глубже Его самоотверженія? — Эта нестяжательность, по которой Онъ, во все время служенія Своего, не имѣлъ *идъ главы поклонити* (Матѣ. VIII 10); это смиреніе, простиравшееся до того, что Онъ умылъ ноги собственнымъ ученикамъ (Іоан. IV, 4—15), и отклонился отъ вѣнца царскаго, который однажды насильно хотѣли возложить на Него Іудеи (Іоан. VI, 15); эта изумительная протость, терпѣніе, великодушіе, съ какими переносилъ Онъ клеветы и преслѣдованія отъ своихъ враговъ, претерпѣлъ поруганія, ослѣванія, заушеніе и біеніе предъ Своею смертію, наконецъ, эта самая смерть мучительнѣйшая и поноснѣйшая, которую, однакожь, Онъ вкусилъ добровольно и совершенно невинно, ради другихъ—гдѣ найдешь ты во всей исторіи человечества подобныя черты?—А Его любовь къ Богу?—*Скидохъ съ небесе*, говорилъ онъ о Себѣ, *не да творю волю мою, но волю пославшаго Мнѣ Отца* (Іоан. VI, 36); *да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю* (Іоан. XIV, 31). И вся жизнь Его была посвящена на исполненіе этой Святѣйшей воли, всѣ дѣла Его были направлены къ тому, чтобы научить людей познанію Единаго Истиннаго Бога, научить ихъ прославлять Отца Небеснаго добрыми дѣлами (Матѣ. V, 16), чтобы основать и утвердить на землѣ царство Божіе (Марк. 1, 14—15). Въ этомъ одномъ исполненіи воли Отца Онъ находилъ для Себя истинное брашніе (Іоан. IV, 34),—*для сего смирилъ Себе, послушливъ бывъ, даже до смерти, смерти же крестныя* (Филлп. II, 8). Какова была Его любовь къ людямъ? Онъ подъялъ необъятные труды для просвѣщенія ихъ свѣтомъ Евангелія, переходилъ съ мѣста на мѣсто, проповѣдывалъ, убѣждалъ, обличалъ, терпѣлъ огорченія и преслѣдованія. Для доказательства Своего божественнаго посольства, Ему надлежало творить чудеса, и Онъ всѣ эти чудеса совершалъ, преимущественно, для вспоможенія несчастнымъ: целѣялъ больныхъ, давалъ зрѣніе слѣпымъ, служъ прока-

женныхъ, благодѣтельствуя всѣмъ (Дѣян. X, 38). Самую же крайнюю степень любви Своей къ людямъ Онъ являлъ на крестѣ, на который взошелъ единственно для спасенія ихъ, и гдѣ, среди величайшихъ страданій, молился Отцу за своихъ распинателей и враговъ (Іоан. III, 16; Лук. XXIII, 34). При такихъ величайшихъ совершенствахъ, Господь Іисусъ вовсе былъ чуждъ даже малѣйшихъ недостатковъ. Не только, по свидѣтельству Его учениковъ, *Онъ грѣха не сотвори, ни обрѣтается лъсть во устѣхъ Его* (1 Пет. II, 22; 1 Іоан. I, 5), но и самые злые враги Его не могли ни въ чемъ обличить Его. Архіерои, старцы и весь сонмъ искали лжесвидѣтельствъ на Іисуса, *яко да убіють Его*, и не нашли (Матѣ. XXVI, 59). Іуда, коротко знавшій жизнь своего Учителя, предалъ Его, и раскаялся, что предалъ кровь неповинную (Матѣ. XXVII, 4). Пилать внимательно изслѣдовалъ всѣ клеветы и обвиненія Іудеевъ на Іисуса, и сказалъ вслухъ самимъ клеветникамъ: *никоележе обрѣтаю вины въ челоуцьцѣ семъ* (Лук. XXIII, 4); *неповинень есмь въ кровѣ праведника сего: вы узрите* (Матѣ. XXII, 24). Такая совершеннѣйшая святость и безгрѣшность Господа Іисуса, вовсе несвойственная людямъ въ ихъ настоящемъ падшемъ состояніи (Рим. V, 12), указываетъ намъ въ нашемъ Спасителѣ болѣе, чѣмъ челоуьба, указываетъ по-истинѣ во челоуьчившагося Сына Божія, какъ Онъ Самъ благоволилъ называть Себя.»

Превосв. Макарій, Епископъ Тамбовскій.

Особенныя условія, требуемыя при составленіи характеристики.

Изъ этого примѣра видно, что, для художественнаго воспроизведенія какого-нибудь характера—общаго, или частнаго, требуются слѣдующія особенныя условія:

1) Изображаемый характеръ долженъ быть *истиненъ*, т. е. во первыхъ, совершенно согласенъ съ природою описываемаго лица, и при томъ, во вторыхъ, сообразенъ съ тѣми условіями мѣста, времени, народности, общественнаго и частнаго быта, среди которыхъ онъ образовался и дѣйствовалъ.

А для сего — 2) писатель долженъ предварительно изучить его, — долженъ подмѣтить въ немъ свойства не только существенныя, рѣзкія и живыя, но и несущественныя, даже, по видимому, малозначущія, лишь бы онѣ выражали собою сущность характера.

3) Найти такой моментъ въ жизни описываемаго лица, когда у него вдругъ вырывается наружу все, что прежде глубоко таилось въ груди, и что изображаетъ его со стороны характеристической.

4) Представить то впечатлѣніе, какое предметъ изображаемый производитъ на другихъ своимъ характеромъ. Такъ Гомеръ характеризуетъ въ Илиадѣ Елену, жену Менелая, тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела она появленіемъ своимъ на Троянскихъ старцевъ.

Наконецъ, 5) чтобы характеристика не вышла общимъ мѣстомъ, отвлеченнымъ только понятіемъ, для сего нужно изъ всѣхъ разрозненныхъ и, по видимому, противорѣчащихъ свойствъ лица, создать образъ живой, характеръ цѣлостный, крѣпко связанный одною общею мыслию, которая его проникаетъ.

Какъ называется этотъ способъ изложенія характеристики?

Такой способъ построенія характеристики называется *синтетическимъ* (соединительнымъ): ибо онъ соединяетъ частныя свойства предмета въ одно цѣлое, въ одинъ художественный образъ. Такъ написана характеристика: «Александръ Великій» Грановскаго.

«Всматриваясь пристальнѣе въ лице Александра, нельзя не замѣтить, что природа соединила въ немъ самыя противоположныя между собою свойства: математическую точность ума и пламенное воображеніе поэта, крѣпкую волю мужа съ юношескою мягкостію и впечатлительностію. Наканунѣ битвы, онъ хладнокровно вычислялъ всѣ условія кровавой игры, но въ рѣшительный часъ онъ становился горячимъ бойцомъ, и бѣдался въ стѣчу, какъ любимцы его, Гомерическіе герои. Мистическія вѣрованія Азіи и строгая наука Европы находили въ немъ равное сочув-

ствіе. Здѣсь не мѣсто вычислять все сдѣланное имъ для успѣховъ нашего знанія. Достаточно будетъ напомнить о его постоянной связи съ Аристотелемъ, которому онъ присылалъ всякаго рода пособія для его изслѣдованій. Въ самую трудную пору его жизни, во время Пидѣйскаго похода, мысль его не была исключительно занята предстоявшими опасностями. Онъ писалъ въ Вавилонъ, чтобы ему выслали оттуда книгъ для чтенія, въ особенности трагиковъ и философовъ.»

О психологическомъ анализѣ, употребляемомъ въ характеристикахъ.

Но есть и другой способъ характеризовать личности, обратный первому. Онъ состоитъ въ томъ, что писатель дѣльный, сложный характеръ тщательно раздробляетъ на его простѣйшія, составныя части, и, такимъ образомъ, даетъ о немъ понятіе не только ясное, но и раздѣльное. Этотъ родъ характеристики называется *психологическимъ анализомъ*, и употребляется скорѣе въ большихъ сочиненіяхъ, чѣмъ въ отдѣльныхъ описаніяхъ.

Объ исторіи характеристикъ.

Отъ древнихъ дошло до насъ одно сочиненіе подъ названіемъ. «*Ἠθικοί χαρακτήρες*», т. е. Нравственные характеры. Сочинителемъ ихъ признаютъ Тиртама Теофраста, Греческаго философа, жившаго въ IV вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія (392 — 286), бывшаго ученикомъ Платона и Аристотеля, и послѣ Аристотеля сдѣлавшагося главою, такъ называемой, Перипатетической школы. Характеры его составляютъ не большое сочиненіе, въ которомъ изложено 27 характеристикъ. И всѣ эти характеристики изложены способомъ аналитическимъ.

» Вотъ, для примѣра, характеръ «Гордеца».

«Гордецъ, если спросить его о комъ-нибудь: «кто это?» отвѣчаетъ: «не безыконой меша!» Обратится къ нему съ рѣчью, не отвѣчаетъ. Если продаетъ что-нибудь, не скажетъ покупателю, за сколько продаетъ вещь, а самъ спрашиваетъ: «а чего стоитъ?»»

Пришлютъ къ нему въ знакъ уваженія гостинецъ на праздникъ, онъ отвѣчаетъ: « я отвѣдать не подумая ». Онъ не прощаетъ, если кто ненарочно толкнетъ его, запачкаетъ, наступитъ ему на ногу. Если его попросятъ пособить какому-нибудь бѣдняку: то онъ сперва скажетъ, что не даетъ, а потомъ самъ принесетъ, но отдавая скажетъ: « проподай мои деньги! » Споткнувшись на дорогѣ, готовъ проклинать камень. Ждать кого-нибудь долго ни за что не согласится. На пиру гордецъ не поетъ, не говоритъ рѣчей, даже Богу не молится. »

Характеры Теофраста пользовались, и доселѣ пользуются, большою извѣстностію. Изъ подражателей его особенно извѣстенъ Французъ Ла-Брюйеръ. Въ сочиненіи своемъ: « *Les caractères de Theophraste, traduits du Grec en français avec les caractères ou moeurs de ce siècle* » онъ перевелъ характеры Теофраста, и по образцу его сдѣлалъ свое знаменитое описаніе характеровъ и нравовъ времени Людовика XIV. Сочиненія Теофраста и Ла-Брюйера переведены у насъ на Русскій языкъ.

О литературномъ значеніи характеристикъ.

Характеристики, не смотря на свою важность и значеніе, рѣдко бывають предметомъ особыхъ сочиненій. Какъ особое сочиненіе, у насъ замѣчательны въ этомъ родѣ: « Четыре историческія характеристики » Граровскаго. По большей же части, характеристики входятъ въ составъ другихъ сочиненій, какъ то: исторій, біографій, похвальныхъ рѣчей и т. п. У насъ весьма замѣчательны, по художественности своего изложенія, характеристики, содержащіяся въ « Исторіи Гоеударства Россійскаго » Карамзина. а также — многія характеристики прескншихъ отечественныхъ писателей, помѣщенные въ ихъ жизнеописанія (*).

Практическія занятія:

- 1) Прочитать лучшія изъ характеристикъ, и показать, какъ онѣ составлены.

(*) Лучшія изъ этихъ характеристикъ см. въ 1 ч. Хрест. Галахова, стр. 233-338.

- 2) Заставить вѣкоторыя изъ прочитанныхъ и разобранныхъ характеристикъ повторить изустно въ классѣ, а другія изложить дома на бумагѣ.
- 3) Составить, вмѣстѣ съ учениками, въ классѣ, изустно, или на доскѣ, какую-нибудь характеристику лица, извѣстнаго имъ изъ историческихъ уроковъ, напр: Ликурга, Солона, Перикла и друг.
- 4) Назначать темы для составленія характеристикъ а) общихъ, напр: святого, праведнаго, мученика, благоразумнаго и др. и б) историческихъ— о лицахъ Священной Исторіи — по библейскимъ сказаніямъ, о святыхъ Православной церкви — по Четьи-Минеямъ, о лицахъ Гражданской исторіи—по историческимъ лекціямъ.
- 5) Предоставить ученикамъ самимъ избрать темы, и, по разсмотрѣніи темъ, назначить лучшія изъ нихъ для характеристикъ.

4) До сихъ поръ говорено было объ описаніяхъ явленій природы, предметовъ искусства и міра нравственнаго. Но есть, наконецъ, и такія описанія, гдѣ природа, искусство и человѣкъ изображаются вмѣстѣ, и составляютъ одну цѣлую, художественную картину. Тутъ, въ описаніи различныхъ предметовъ, должны господствовать совершенная гармонія и соразмѣрность. Таковъ, напр. въ «Запискахъ Охотника» Тургенева рассказъ подъ названіемъ: «Бѣжинъ лугъ.» Въ немъ сначала художественно описывается самый лугъ, а потомъ характеристически представляется картина ночного препровожденія времени на этомъ лугу сельскихъ мальчиковъ, занимающихся пастищемъ животныхъ. Такія описанія могутъ быть названы *смѣшанными*.

Овъ описаніи путешествій.

Отношеніе ихъ къ предшествующему роду описаній и содержаніе.

Къ *смѣшаннымъ* описаніямъ принадлежать, по преимуществу, описанія путешествій: ибо въ нихъ путешественникъ можетъ из-

ображать все—и природу, и искусства, и обитателей тѣхъ странъ, по которымъ онъ путешествуетъ.

Виды описанія путешествій.

Впрочемъ, не всегда путешествія имѣютъ и могутъ имѣть такое содержаніе. И какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ въ литературѣ принято различать ихъ на слѣдующія особенныя видоизмѣненія, зависящія отъ цѣли путешественника и отъ его преимущественнаго расположенія къ такимъ, или другимъ предметамъ.

О путешествіяхъ ученыхъ.

Во первыхъ, есть путешествія *спеціальныя*, имѣющія цѣлю изслѣдовать мѣстность известной страны въ предначертанномъ ученомъ отношеніи: астрономическомъ, географическомъ, этнографическомъ и т. п. Такія путешествія начались у насъ со времени ПЕТРА Великаго. Первое изъ нихъ совершено было, по указу Государя, въ 1717 году, Готтлибомъ Шоберомъ, по берегамъ Каспійскаго моря и нѣкоторымъ частямъ Кавказа. Съ тѣхъ поръ было очень много путешествій, особенно въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ II, АЛЕКСАНДРА I и НИКОЛАЯ I. Многіе и описывали свои путешествія. Замѣчательнѣйшія изъ сочиненій сего рода можно найти въ изданіи Императорской Академіи Наукъ (1818—1825 годовъ), подъ названіемъ: «Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи». Вообще же, спеціальныя путешествія, въ томъ числѣ и *морскія*, какъ особенный отдѣлъ ихъ, составляютъ болѣе достояніе науки, чѣмъ искусства, и потому называются еще путешествіями *учеными*.

О путеописаніяхъ художественныхъ.

Второго рода путеописанія бываютъ *общія*, или *художественныя*. Въ нихъ туристъ, не имѣя никакой частной цѣли, старается изобразить свое странствованіе прекрасными живыми красками, и потому эти путешествія болѣе принадлежать литературѣ, чѣмъ наукѣ. Древніе, Греки и Римляне, *любили* путеше-

ствовать по разнымъ странамъ для пріобрѣтенія познаній. Но у нихъ почти пять путешествій, за исключеніемъ двухъ сочиненій Анахарсеса, написанныхъ въ половинѣ IV вѣка до нашего лѣтосчисленія. Въ нашей литературѣ общія описанія путешествій явились довольно рано, въ началѣ XII столѣтія. Первымъ произведешемъ въ этомъ родѣ былъ: «*Паломникъ Даниила мниха: сказаніе о пути, иже есть къ Іерусалиму, и о градѣхъ, и о самоу градѣ Іерусалимѣ, и о мѣстѣхъ честныхъ, иже около града, и о церквяхъ святыхъ.*» Даниилъ, игуменъ Русскія земли, совершилъ свое путешествіе въ 1113—1115 годахъ. Съ того времени, до начала XVIII вѣка, у насъ насчитывается около 40 путешествій. Въ нихъ описываются разные страны, но больше — Іерусалимъ, святая земля, куда издревле любилъ ходить на богомолье благочестивый народъ Русскій. Авторы ихъ были люди разнаго сословія, но больше — царскіе послы и духовныя особы. Писались онѣ почти все па одинъ ладъ, Русскимъ языкомъ съ значительною примѣсью Церковно-Славянскаго. Въ XVIII вѣкѣ, Фольг-Визницъ изложилъ свое путешествіе за границу въ новомъ родѣ. Но его «*Письма*», въ формѣ которыхъ изложено путешествіе, остались безъ всякихъ послѣдствій для литературы. Новое начало нашей путеописательной литературѣ положено Карамзинимъ. «*Онъ первый, говоритъ Булгаринъ, Письмами Русскаго Путешественника, научилъ насъ описывать наши странствія легко и пріятно.*»

О нынѣшнемъ различіи художественныхъ путеописаній.

Нынѣ художественныя путешествія рѣзко различаются на два рода. Въ однихъ путешественникъ занимается, по преимуществу, изящнымъ изображеніемъ вѣдшихъ предметовъ, не касаясь тѣхъ впечатлѣній, кои возбуждаются этими предметами (путешествія объективныя, предметныя). Такія сочиненія называются просто — путешествіями, описаніями путешествій, живописными путешествіями. Таково «*Путешествіе по Саксонской Швейцаріи*» Жуковскаго. Въ другихъ — путешественникъ, по преимуществу, старается высказать свои личныя впечатлѣнія, свои мысли и чувстваванія, возбуждаемые предметами, встрѣчающимися на пута

(путешествія субъективныя, личныя). Такія описанія путешествій болѣе извѣстны подъ именованіемъ: «путевыхъ записокъ, мыслей, впечатлѣній, очерковъ» и т. п. Таковы у насъ слѣдующія особенно-прекрасныя сочиненія: «Мысли о православіи при посѣщеніи Русской Святцыи» А. П. Муравьева и «Изъ Рима во Іерусалимъ» гр. П. Адлерберга.

Въ чемъ состоитъ задача современнаго искусства въ отношеніи къ описанію путешествій?

Задача же современнаго искусства въ отношеніи къ описанію путешествій состоитъ въ томъ, чтобы учное путешествіе сдѣлать вмѣстѣ и художественнымъ, и, при описаніи вѣдшихъ предметовъ путешествія, умѣть въ прекрасной соразмѣрности высказать и свои душевныя впечатлѣнія.

О замѣчательнѣйшихъ описаніяхъ путешествій въ нашей литературѣ.

Въ настоящее время, у насъ вышло и выходитъ много новыхъ путешествій. Всякій дѣльный человекъ, странствовавшій по Россіи, или въ чужіе края, считаетъ какъ бы обязанностию разсказать другимъ, хотя въ краткомъ очеркѣ, то, что онъ видѣлъ, что испыталъ, что перемышлялъ в переживаніи за дорогу. Но замѣчательнѣйшими изъ путешествій признаются: 1) Письма объ Испаніи В. П. Боткина и 2) Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя, В. Яковлева. Тѣ и другія отличаются новостію взгляда на предметы, уже извѣстныя, занимательностію разсказа, картинностію изображеній, и даже—художественностію обработкою языка. 3) Путешествіе В. А. Гончарова въ Японию на Русскомъ «регатѣ»: «Шмелда», въ 1852 и послѣдующихъ годахъ. Это путешествіе напечатано отрывками въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Оно отличается естественностію, вѣрностію, подробностію, полнотою и занимательностію описаній, юмористическимъ изложеніемъ, и написано языкомъ простымъ, но весьма правильнымъ, показывающимъ въ авторѣ глубокое знаніе отечественнаго нарѣчія, живымъ и изобразительнымъ. При чтеніи путешествій г. Гончарова забываешь свое мѣсто, свое занятіе, и, кажется,

самъ, вмѣстѣ съ авторомъ, странствуешь по тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ описываетъ (*). 4) Путешествія А. Н. Муравьева и 5) путешествія А. С. Порова. Послѣднія заключаютъ въ себѣ: а) путешествіе по Святой Землѣ въ 1835 г. б) путешествіе по Египту и Вудіи и в) путешествіе къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Обиліе любопытныхъ данныхъ, релігіозный высоко-правдивый духъ, замѣчательная теплота чувства, и, наконецъ, живое, правильное и увлекательное изложеніе суть свойства этихъ послѣднихъ путешествій. Онѣ — и полезны, и интересны, и назидательны.

Въ образецъ слога описанія путешествій приведемъ отрывки изъ статей г. В. Яковлева, подъ названіемъ: «Римъ.»

І.

Р И М С К І Я К А Т А К О М Б Ы .

« Не вдалекѣ отъ стѣнъ Рима, посреди зелѣнющей пустыни, я увидѣлъ церковь Св. Севастіана, построенную надъ катакомбами. Церковь не велика, по основаніе ея относятъ къ первымъ вѣкамъ Христіанства. Это — одна изъ семи базиликъ Римскихъ. И вошелъ въ храмъ, какихъ въ Римѣ не мало. Некуство блистало въ немъ своимъ отсутствіемъ. Только совершенная пустыня придавала зданію какую-то торжественность. Мои одинокіе шаги звучно повторялись эхомъ подъ сводами. Явился прѣстарѣлый монахъ въ черной одеждѣ. Онъ угадалъ мое желаніе посѣтить катакомбы, и тотчасъ же показалъ мнѣ планъ подземнаго города: этотъ тайный Римъ, съ тысячами своихъ переулковъ, имѣетъ нѣсколько миль въ окружности.

Монахъ повелъ меня въ боковую капеллу, гдѣ указалъ бѣсть Св. Севастіана; потомъ зажегъ двѣ восковыя свѣчи: большую подаль мнѣ, маленькую оставилъ себѣ. Тяжелый ключъ щелкнулъ въ замкѣ, изъ отворившейся двери повѣяло могильною сыростью, и мы стали спускаться по влажнымъ ступенямъ въ подземелье. Тусклое мерцанье двухъ свѣчъ насилу боролось съ под-

(*) Путешествіе г. Гончарова составляютъ слѣдующія статьи: 1) Отъ Кроунгага до м. Андерга, 2^а Мандала, 3) на шель Доброй Надежды, 4) Русскіе въ Швецію въ 1853—1854 г. 5) Сянгшуръ, 6) Аякъ и др.

земнымъ мракомъ. Почти ощупью, а слѣдовалъ за монахомъ по лабиринту галлерей, прорытыхъ въ вулканической почвѣ; эти подземные ходы мѣстами довольно высоки, но такъ узки, что по нимъ съ трудомъ идутъ двое рядомъ, и переплетаются между собою до такой степени, что опасно было бы пускаться туда безъ опытнаго проводника.

Въ стѣнахъ, по обѣимъ сторонамъ галлерей, я разглядѣлъ три, мѣстами четыре яруса могилъ, т. е. углубленій, куда вставлялись саркофаги; эти ниши закладывались камнемъ, или мраморной плитой съ барельефомъ. Посреди тысячъ могилъ безъименныхъ, я встрѣчалъ нѣкоторыя съ надписями: ими погребеннаго начертано на саркофагѣ, или плитѣ, прикрывавшей гробницу. Чаше всего я видѣлъ монограмму I. X. съ пальмовою вѣтвю, изображеніе креста, или агнца. Но встрѣчалась и монограмма язычества—D. M. (Dīs Manibus)... Находили и такія плиты, на которыхъ съ одной стороны была надпись христіанская, съ другою — языческая. Все это достаточно показываетъ, что катакомбы служили кладбищемъ и язычникамъ и христіанамъ, сперва однимъ, а впоследствии другимъ.

Понятно, что Христіане, во время преслѣдованія, находили въ этихъ тайникахъ естественное убѣжище: уваженіе Римлянъ къ могиламъ дѣлало это убѣжище безопаснымъ. Здѣсь поборники новаго ученія имѣли свои тайныя собранія; здѣсь, въ темнотѣ, при слабомъ свѣтѣ лампы, они секретно отправляли богослуженіе, которое еще почиталось оскорбленіемъ Олимпу, и хоронили собратьевъ, претерпѣвшихъ смерть за свои вѣрованія. Отсюда, изъ этихъ мрачныхъ криптовъ выходили проповѣдники, которыхъ не устрашали ни преторія и мечъ, ни циркъ и львиныя пасти. И новая вѣра скоро охватила полміра.

Мы прошли только нѣсколько улицъ этого подземнаго Рима: весь лабиринтъ обойти невозможно; нужно имѣть ариаднину нить, чтобы не заблудиться. Рассказываютъ, что когда-то нѣсколько семинаристовъ забралось туда, и уже не возвращались. Шыче уже рѣдко кто пытается проникнуть во все глубины этого лада-

ла; планы его далеко не полны, и только небольшая часть показывается путешественникамъ.

Послѣ утомительной подземной прогулки, наконецъ мы стали подыматься вверхъ по лѣстницѣ. Скоро монахъ потушилъ свою свѣчу, и сталъ отмыкать тяжелую дверь. Какъ пррплекателемъ показался мнѣ этотъ мутный дневной свѣтъ, который печально лежалъ на почернѣвшихъ ступеняхъ. Мы вошли въ церковь освѣтъ съ противоположной стороны. Я отблагодарилъ своего проводника, и торопливо вышелъ на патертъ. Какимъ наслажденіемъ показалось мнѣ—вдохнуть струю теплаго, мягкаго іюньскаго воздуха! Горячій свѣтъ солнца обнялъ меня такъ хорошо; съ дѣтскимъ восторгомъ побѣжалъ я по трапѣ, въ которой громко голоспали кузнички.»

II.

Р и м с к и я ц е р к в и .

«Римъ, столица Папъ, городъ церквей и монастырей. Гдѣ бы вы ни поселились, повсюду будете слышать католическій колокольный звонъ. Куда бы вы ни пошли, вамъ не миновать церкви, часовни, или хоть изображенія Мадонны. Въ ишыхъ кварталахъ только и видите, что храмы, да монастыри. Но это — очаранъ безъ паствы. Въ часы службы, вы найдете въ огромномъ храмѣ одшюкаго патера и его аколитовъ, да развѣ какого-нибудь монаха, и въ этой мертвой тишинѣ разслышите легкій стукъ его четокъ, шопоть его молитвы.

Церкви въ Римѣ, какъ и во всей Итали, настоящіе музеи. Въ часы свободные отъ службы, въ каждой изъ нихъ показываютъ вамъ картины, статуя, или фрески великихъ мастеровъ, древніе мраморы, языческія саркофаги съ барельефами вакханалій, и даже античныя мраморныя ванны, въ которыхъ покоятся многіе кардиналы.

Но особенно поражаетъ васъ въ этихъ церквахъ множество фигуръ, вовсе неурчастныхъ католицизму. На гробницахъ найдете всевозможныя аллегорическія статуи, фантастическихъ животныхъ

и т. п. Часто въ барельефахъ, фрескахъ религіознаго содержанія, встрѣчаются фигуры чисто инопологическія. Не говорю уже о простыхъ орнаментахъ: между шпши являются гротески, вовсе неумѣстные въ храмѣ. Самые правдивѣншыя сюжеты, изваяншыя въ храмахъ, или нарисованныя въ манускриптахъ молитвенниковъ, отъ прямѣн забавныхъ и неприличныхъ подробностей, утрачиваютъ весь свой серьезный характеръ.»

III.

ЛАТЕРАНСКІЙ СОБОРЪ.

«Недалгій звонъ колоколовъ напомнилъ мнѣ, что вблизи отъ меня Латеранскій соборъ, главная базилика всего католицизма, *мать и глава всѣхъ церквей города и міра*, какъ гласитъ латинская надпись, повторенная на обонхъ фасадахъ базилики. Она призывала къ своему годовому празднику: это былъ Певновъ день.

Латеранскій соборъ стоитъ на краю Рима, у самой городской стѣны. Пять дверей ведутъ въ соборъ. Крайняя справа, Porta Santa, закладена, и открывается черезъ каждыя двадцать пять лѣтъ, при празднованіяхъ католическаго юбилея. Колоссальная средняя дверь вся бронзовая; на створахъ ея цѣтъ ипъакихъ украшеній, кромѣ кессоновъ и крушыхъ гвоздей, но эти створы древнѣ всей базилики, древнѣ самаго католицизма: они остались отъ Сатурнова храма. Этой дверью Папы вступаютъ въ соборъ, гдѣ въ первый разъ саются на свой тронъ.

Соборъ былъ убранъ по праздничному. Мраморныя колонны одѣты малиновымъ дамасомъ съ галунами. Посерединѣ церкви была выстроена широкая аллея гвардейцевъ въ медвѣжьихъ шапкахъ; они опирались на ружья со штыками. Раззолоченный готическій престоль, возвышающійся на порфирныхъ столбахъ, окружали офицеры гвардіи юбилей, въ ботфоргахъ, въ красныхъ мундирахъ съ золотомъ, и въ мѣдныхъ шапкахъ съ конскими хвостами.

Органъ молчалъ, пѣлъ пѣвчіе, какъ это принято въ присутствіи Папы. Папа сидѣлъ на тронѣ за престоломъ, въ бѣлой шелковой одеждѣ, вышитой золотомъ. По обѣ стороны трона сидѣли

кардиназы въ своихъ бѣлыхъ шапкахъ. Священнодѣйствовали одинъ изъ кардиналовъ. Папа слушалъ миссу, изрѣдка читалъ молитвы.

Сквозь пунсовые гардины оконъ надалѣ на мраморъ и позолоту, на колоссальныя статуи Апостоловъ, на изображенія Пророковъ розовый цвѣтъ, точно отъ утренней зари.

Публика, тѣснившаяся за рядами солдатъ и колоннъ, была въ непрерывномъ движеніи; церковное пѣніе слышалось точно сквозь шумъ близкаго моря. Иностранцы любопытствовали видѣть Папу, кардиналовъ; Римляне толковали между собою о реформахъ Пія IX-го. Образовались группы, не принимавшія никакого участія въ церемоніи. Италіяны вообще обличаютъ много равнодушія къ успѣхамъ католицизма. »

Практическія упражненія:

- 1) Прочитать и разобрать отрывки изъ путешествій Анахарсиса, и изъ повѣстныхъ сочиненій, выше указанныхъ.
- 2) Назначать на домъ чтеніе сочиненій Муравьева, Норова и другихъ, какія есть въ библіотекѣ заведенія, и спрашивать изустное повтореніе прочитаннаго.
- 3) Можно даже назначать воспитанникамъ описаніе путешествій на родину, или съ родины, во время отпуска изъ заведенія.
- 4) Часто, въ канікулярное время, воспитанники предпринимаютъ путешествія къ чудотворнымъ иконамъ, ко Святымъ мощамъ, въ благочестивыя монашескія обители и т. п. Хорошо назначать описывать эти путешествія, но не прежде, какъ во второй годъ риторическихъ занятій.

Б) О СОЧИНЕНІЯХЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫХЪ ВООБЩЕ.

Опредѣленіе.

Повѣствованіемъ или исторіею (отъ греч. *ιστορία* рассказъ, повѣствованіе), въ обширномъ смыслѣ, называется такое сочи-

неніе, въ которомъ предметъ изображается въ его развитіи, въ его переходахъ изъ одного состоянія въ другія.

Отличіе повѣствованія отъ описанія.

Отсюда повѣствованіе весьма строго отличается отъ описаній. Нбо описаніе представляетъ предметъ въ пространствѣ, и только въ одномъ какомъ-либо неподвижномъ его состояніи, безо всякаго отношенія его къ предшествующему и послѣдующему его бытію. «Значитъ, описаніе, какъ изображеніе одного момента, или положенія предмета, есть часть въ отношенія къ повѣствованію, какъ изображенію нѣсколькихъ состояній въ ихъ преемственномъ ходѣ, въ ихъ хронологической связи. Свяжите въ одно органическое цѣлое описанія отдѣльныхъ моментовъ, выдетъ исторія; раздробите исторію на нѣсколько отдѣльныхъ изображеній, каждое изъ нихъ будетъ описаніемъ (*).»

Возьмемъ, для примѣра, «Финляндію». Батюшковъ изобразилъ ее въ одномъ только опредѣленномъ состояніи, какъ онъ видѣлъ эту страну, во время своего въ ней пребыванія, и его сочиненіе вышло описаніемъ. Но представь онъ, вмѣсто этого, хронологическій рассказъ о перемѣнахъ, которыя происходили въ Финляндіи въ ея историческомъ развитіи, — и его сочиненіе было бы повѣствованіемъ, или исторіей Финляндіи.

Общая правила для всѣхъ повѣствовательныхъ сочиненій.

Историческія сочиненія, подобно описательнымъ, должно разсматривать: 1) со стороны основной ихъ мысли, 2) содержанія, 3) расположенія и 4) слога или выраженія.

1) Обь основной мысли сочиненій историческиххъ.

Историкъ не долженъ нарушать значенія фактовъ и событій, подводя ихъ подъ свои идеи, произвольно имъ взятыхъ въ основаніе сочиненія. Факты и событія историческія сами собою предполагаютъ идею, или общую мысль, какъ разрозненные члены жи-

(*) Курзь теоріи Словесности Чистякова, Ч. II, стр. 168.

вого организма предполагаютъ въ немъ душу. Посему, историкъ обязанъ вывести идею изъ круга событій, составляющихъ объемъ его предмета, и ее положить въ основаніе своего сочиненія.

2) О содержаніи сочиненій историческихъ.

Въ содержаніи историческихъ сочиненій излагается рядъ событій, составляющихъ развитіе и жизнь человѣка. Поэтому историкъ долженъ, прежде всего, собрать свѣдѣнія о своемъ предметѣ самыя подробныя и обстоятельныя. А для сего ему нужно изучить всевозможныя, такъ называемыя, историческіе источники, какъ изустныя, куда относятся: пѣсни, сказки, народныя преданія и т. п. такъ и письменныя, каковы: лѣтописи, государственныя акты и проч., такъ, наконецъ, и вещественныя, какъ-то: памятники, гробницы, монеты, зданія, оружіе, произведенія искусства и т. п.

Объ исторической критикѣ.

По очень часто, между подлинными историческими источниками, попадаются памятники подложные, называемые иначе историческими мистификаціями. Такъ, въ Александрійской школѣ, при концѣ древней Греціи, появились ложные оракулы Зороастра, гимны Ороея, династіи Манетона. Да и въ подлинныхъ историческихъ источникахъ, не рѣдко встрѣчаются сказанія, не заслуживающія довѣренности. Можно-ли, напр. повѣрить тому, будто-бы Олегъ, правитель Руси послѣ Рюрика, приплывши къ берегамъ Греціи, поставилъ тамъ свои суда на колеса (какъ говорится въ лѣтописи), и сплюю вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ, шелъ съ флотомъ къ Константинополю?... Поэтому, чтобы собрать свѣдѣнія достоверныя, заслужающія исторію долженъ пользоваться историческими источниками, подъ руководствомъ, такъ называемой, исторической критики, которая опредѣляетъ подлинность историческихъ памятниковъ и достоверность содержащихся въ нихъ событій. У древнихъ этой критикѣ пребыло: Геродотъ, Фукидидъ, Титъ Ливій и др. при написаніи своихъ исторій, руководствовались врожденнымъ каждому человѣку чувствомъ истины, при различеніи достоверныхъ со-

бытіи отъ исторической жи. Ее создалъ уже величайшій историкъ нашего времени Бартольдъ Георгъ Шибуръ. Въ нашемъ отечествѣ строго-методическое направленіе исторической критикѣ далъ Августъ Людвигъ Шаецеръ, который поэтому и почитается отцемъ ея. Въ отношеніи же къ исторіи Церкви Русской критика всѣми усиліями своими обязана трудамъ Высокопреосв. Евгенія, митрополита Кіевского, Преосв. Филарета, епископа Харьковскаго и Преосв. Макарія, епископа Тамбовскаго.

О нуждѣ для историка наукъ вспомогательныхъ, особенно хронологіи и географіи.

Кромѣ того, историкъ долженъ прибѣгать и ко вспомогательнымъ историческимъ наукамъ, особенно-къ *хронологіи*, чтобы представить происшествія въ яспомъ, правильно и раздѣльно въ порядкѣ, и къ *географіи*, въ обширномъ смыслѣ этого слова, чтобы объяснить то могущественное вліяніе, какое природа имѣла на ходъ историческихъ событій и обратно. Такъ въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева природою Русской государственной области объясняются многія историческія событія Россіи. И вотъ примѣръ такого объясненія:

«Задолго еще до начала нашего лѣтосчисленія, знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцемъ Исторіи, постигъ сѣверные берега Черпаго моря. Вернымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей бессмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, итскольکو разъ племена смѣнялись одніе другими, образовалось могущественное государство; но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.»

Здѣсь изложено общій законъ, замѣченный Геродотомъ, что природа Русской государственной области всегда имѣла вліяніе на ходъ историческихъ ея событій. Далѣе объясняется, въ частности, какъ, подъ вліяніемъ природы, образовалась обширность

Русскаго Государства , однообразіе его частей и крѣпкая связь между ними:

« Предъ нами, пишетъ историкъ, обширная равнина: на огромномъ пространствѣ отъ Бѣлаго моря до Черваго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго, путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ, возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности , ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ одинаковость въ нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, одинаковость нравовъ, обычаевъ, вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновения; одинакія потребности указываютъ и одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было разноплеменно ея народонаселеніе , рано или поздно станетъ областью одного государства : отсюда понятна обширность Русской государственной области , однообразіе ея частей и крѣпкая связь между ними. »

3) О различныхъ способахъ расположенія сочиненій историческихъ, и объ употребленіи этихъ способовъ.

Нашедши основную мысль, и собравши подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о предметѣ, историкъ долженъ подумать о расположеніи сочиненія. Въ исторіи извѣстны два главные способа расположенія:

а) *Хронологическій* или повѣствовательный, — способъ самый простой и самый древній. Слѣдуя ему, писатель изображаетъ событія по *порядку времени*, предоставляя самому читателю отыскивать для нихъ причины , подводитъ ихъ подъ общіе законы, и выводитъ изъ нихъ слѣдствія. Этотъ способъ узаконенъ теоріею Квинтиліана, который сказалъ, что исторія « *scribitur ad narrandum, non ad probandum.* »

б) Способъ *прагматическій*, по которому историческія событія располагаются по *внутренней связи между собою*. Въ жизни человѣческой каждое происшествіе есть слѣдствіе прошедшаго и вмѣстѣ зародышъ будущаго. Въ опредѣленіи этой причин-

ной связи между событиями и заключается сущность прагматического изложения историй.

Оба эти способа могут быть по-одиночкѣ употребляемы въ томъ или другомъ историческомъ сочиненіи, смотря по его объему, содержанію и дѣлу. Такъ, напр. способъ хронологическій можетъ быть допущенъ въ простомъ историческомъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ одно какое-либо происшествіе. Но лучше и законнѣе всего соединить хронологическій способъ расположенія историй съ прагматическимъ. Въ такомъ видѣ составлена у насъ: «Русская Исторія» Устрялова.

4) *О слогѣ историческихъ сочиненій.*

Въ отношеніи къ выраженію, для историческихъ сочиненій недостаточно одного живого и увлекательнаго разсказа о событіяхъ. Писатель-историкъ обязанъ, такъ сказать, заставить историческихъ лицъ и событія развиваться и дѣйствовать передъ нашими глазами, такъ, чтобы мы какъ бы предъ собою видѣли живую картину прошедшаго времени. Такой способъ изложенія называется *драматическимъ* (отъ греч. *δραμα* дѣйствіе), т. е. какъ бы *въ самомъ дѣйстви* показывающаго читателю историческихъ лицъ и происшествія. Нынѣ это драматическое изложеніе составляетъ необходимое условіе слога историческихъ сочиненій.

Что способствуетъ такому изложенію исторіи?

Такому изложенію исторіи способствуютъ, въ частности: а) картинное изображеніе живости событій, б) художественное воспроизведеніе дѣйствующихъ лицъ, ихъ характеровъ, положенія и взаимныхъ отношеній—и, наконецъ, в) живое, яркое и, такъ сказать, *движущееся* представленіе самыхъ дѣйствій историческихъ. Въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина такимъ слогомъ изложено: «Покореніе Казани» въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Практическія занятія:

- 1) Читая въ классѣ историческіе отрывки изъ исторій: Карамзина, Преосвящ.: Филарета и Макарія, Устряло-

па и Соловьёва, объяснив изложенныя выше правила объ исторіи. При семъ познакомить воспитанниковъ съ законами и результатами исторической критики.

- 2) Непременнѣо назначать такое же чтеніе па домъ, съ тѣмъ, чтобы воспитанники сами обсудили прочитанное, и, при повтореніи урока, могли рассказать его содержаніе, и примѣрами объяснить общія правила объ историческихъ сочиненіяхъ.

О РАЗЛИЧНЫХЪ РОДАХЪ И ВИДАХЪ СОЧИНЕНІЙ ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

Первоначальное, простое различіе историческихъ сочиненій.

Историческія сочиненія, подобно описанію, раздѣляются прежде всего на *простыя* и *сложныя*.

1) О простомъ историческомъ сочиненіи.

Опредѣленіе и составъ его.

Въ простомъ историческомъ сочиненіи раскрывается, по порядку своего развитія, одно какое-либо замѣчательное происшествіе. Въ немъ начало событія составляетъ и *начало* сочиненія, самое событіе — *завязку*, а конецъ — *развязку* его.

Въ образецъ сего рода сочиненій приведемъ изъ «Журнала для дѣтей» г. Чистякова рассказъ, подъ названіемъ: «Разрушеніе Іерусалима.»

Въ *началѣ* рассказа описывается положеніе, въ которомъ находился Іерусалимъ предъ разрушеніемъ. «Это было семьдесятъ лѣтъ спустя, послѣ Рождества Христова. Іерусалимъ окруженъ былъ тогда тройною стѣною съ трехъ сторонъ. а съ той стороны, гдѣ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и такъ былъ неприступ-

пень, онъ защищался только одною стѣною. Вершины стѣнъ покрыты были множествомъ башенъ, а по краямъ ихъ величественнымъ, узорчатымъ гребнемъ тапулись огромные зубцы.

Съ сѣверной стороны находился царскій дворецъ, блиставшій пышествомъ архитектуры и роскошью. Золото, серебро, мраморъ разныхъ цвѣтовъ и породъ, колонны, балдахны, портики, сады, цвѣтники, прозрачные пруды, фонтаны изъ бронзовыхъ фигуръ — все это дѣлало его волшебнымъ жилищемъ.

По самое большое чудо зодчества и великолѣпнѣя составлялъ Иерусалимскій храмъ. Величественныя переходы между различными частями храма поддерживались прекрасными мраморными огромной величины колоннами. Потолокъ и стѣны были покрыты чуднымъ кипариснымъ деревомъ, выточенымъ и выполованнымъ такъ, что оно блистало, какъ металлъ. Девять дверей, даже петли ихъ, были все покрыты пластинами золота и серебра, а десятая — Коринфскою мѣдью, которая цѣнилась дороже золота и серебра. На позолоченной стѣнѣ у двери, ведущей во храмъ, висѣли, величиною въ ростъ человѣка, золотыя виноградныя лозы съ листьями и кистями. Крыша храма была унизана золотыми иглами такъ часто, что на нее не могла сѣсть ни одна птица.»

Въ завязкѣ изображается поводъ и самый ходъ разрушенія. «Жители Иерусалима, не желавшіе подчиняться владычеству Римлянъ, своихъ завоевателей, навлекли на себя ихъ негодованіе. Титъ, сынъ Римскаго императора Веспасіана, подступилъ къ стѣнамъ, но надѣялся, что Евреи добровольно сдадутся. Однажды, когда онъ, объѣзжая Иерусалимъ, соображалъ, съ которой стороны напасть удобнѣе, въ друга его Неопита пустили стрѣлой, и ранили ему плечо. Это раздражило Тита. Разорвавъ предмѣстья, и устроивъ террасы, чтобы удобнѣе дѣйствовать орудіями, Римляне поставили ихъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ и начали ими бить въ стѣны. Этотъ злобѣщій стукъ навелъ на осажденныхъ ужасъ. Въ городѣ поднялся шумъ и крикъ. Одни малодушно вопили, другіе хватались за оружіе и призывали къ оружію, тѣ бѣжали со стѣнъ, тѣ на стѣны. А самые смѣлые, у которыхъ мужество воспламенялось по мѣрѣ опасностей, многочисленными дружинами высилали изъ воротъ, подбѣжали къ стѣнобитнымъ

орудіямъ, сбѣли съ нихъ крыши, начали рубить связи и поджигать горючими веществами. Одна дружина осажденныхъ ворвалась даже въ самый лагерь Римлянъ. Римляне готовы были даже уступить имъ.

Но они превосходили Евреевъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ. Подвигая свои башни къ стѣнамъ Іерусалима ближе и ближе, они бросали на защищающихся тучи стрѣлъ, кошіи и камней. Вскорѣ первая стѣна рушилась, и Римляне заняли проломъ.

Когда, послѣ жестокаго боя, и на второй стѣнѣ одна башня упала: то одинъ Еврей, по имени Касторъ, съ десятью товарищами, находясь на стѣнѣ, сталъ умолять Тита, чтобы онъ прекратилъ бой и вступилъ въ переговоры. Титъ согласился на это. Въ видахъ начала къ переговорамъ, послали къ Кастору одного Еврея, сдававшагося Римлянамъ. Но лишь только онъ подошелъ, въ него пустили камень: Еврей отшатнулся, и камень убило одного Римскаго солдата. Оказалось, что это—былъ обманъ. Римляне, раздраженные такимъ наглѣмъ въроломствомъ, на другой день разбили вторую стѣну, и часть города, называвшаяся новымъ городомъ, досталась въ руки побѣдителей.

Но едва заняли они этотъ городъ, какъ Еврейскія войска, воспользовавшись тѣснотою улицъ и знаніемъ мѣстности, неизвѣстной Римлянамъ, напали на плѣхъ съ разныхъ сторонъ и начали вѣстрѣблять. Осажденные побѣдители хотѣли—было бѣжать, но бѣжать было нельзя. Между ними поднялся отчаянный крикъ: по помочъ изъ лагеря также не могли имъ. И Титъ, самъ находившійся въ городѣ, прекрасными распоряженіями своими едва могъ мало-по-малу вывести свои войска изъ засады. Четыре дня снова продолжалась осада, Римляне опять вломались въ городъ, и Титъ велѣлъ разрушить всю стѣвверную часть его, а на башняхъ, обращенныхъ на южную, еще незавоеванную, поставилъ стражу.

Будучи увѣренъ въ дальнѣйшемъ успѣхѣ осады, Титъ не торопился разбивать третью стѣну, хотѣлъ дать отдыхъ своимъ войскамъ, и страхомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ. Для сего онъ выстроилъ свои войска въ виду Евреевъ: ряды пѣхоты стояли, какъ металлическія стѣны; кавалерія была на прекрасныхъ ло-

шадяхъ; сбруя ихъ блистала серебромъ и золотомъ; войска заняли большое пространство. Самые смѣлые изъ осажденныхъ смутились, при видѣ этой великолѣпной картины. Замѣтивъ впечатлѣніе, Титъ еще разъ отправилъ къ нимъ для переговоровъ служившаго въ Римскомъ войскѣ Еврея Іосифа Флавія, какъ потому, что онъ могъ говорить съ осажденными на ихъ родномъ языкѣ, такъ и потому, что, зная нравы ихъ, онъ скорѣе могъ тронуть ихъ. Іосифъ, выбравъ мѣсто повыше, откуда могли бы слышать его изъ Іерусалима, но на такомъ разстояніи, чтобы до него не могла долетать стрѣла, началъ говорить, приводилъ всѣ доводы къ сдачѣ, и, наконецъ, тронутый самъ до глубины души, залился слезами. Изъ многочисленной толпы, слушавшей его, одни смѣялись надъ нимъ, другіе осыпали укоризнами и угрозами, даже пускали въ него стрѣлы, а многіе, почувствовавъ справедливость его убѣжденій, тайкомъ уходили изъ города. Титъ давалъ имъ волю идти, куда захотятъ, и селиться, гдѣ вздумаютъ.

Желаніе выбраться изъ Іерусалима было слѣдствіемъ самой жестокой крайности: жители терпѣли страшный голодъ. Сначала все вздорожало до неимовѣрной степени, такъ, что богатые люди платили золотомъ за кусокъ дурного хлѣба, даже за блокъ прѣлага сѣна. Потомъ никто не сталъ продавать. Пошли страшныя насилія, грабежи, убійства. По улицамъ валялись трупы убитыхъ и умершихъ отъ голода. Въ городѣ и за городомъ былъ убійственный сиродъ.

Однажды Титъ, объѣзжая стѣны, увидѣвъ повсюду тлѣющіе трупы Евреевъ, брошенные со стѣнъ, ужаснулся, и, чтобы прекратить бѣдствія народа, рѣшился разрушить послѣднюю стѣну, и приступомъ взять городъ.

Черезъ двадцать одинъ день, окончивъ всѣ прѣготовительныя работы, Римляне начали приступъ. Происходило много отчаянныхъ битвъ. Римляне не разъ бывали въ большой опасности. Но искусство ихъ взяло верхъ: башня Антонія рухнула, въ послѣдней стѣнѣ сдѣлавъ проломъ, Римляне вошли въ городъ, а Евреи сосредоточились въ твердыхъ храмахъ, и оттуда стали защищаться, какъ изъ крѣпости. »

За сямъ слѣдуетъ *развязка*, въ которой изображается конецъ событія и его послѣдствія. «Послѣ разныхъ схватокъ, Римляне, не могли вытѣснить изъ храма Евреевъ, били тарапани въ стѣны шесть дней сряду, но отъ стѣнъ отвалилось только нѣсколько камней, а совсѣмъ разбить ихъ оказалось невозможнымъ. Прибѣгли къ послѣднему средству: взялись за огонь, начали поджигать храмъ. Одинъ Римскій солдатъ взявъ горящую головню, велѣлъ себѣ поднять, и въ золотое окно бросилъ ее въ то мѣсто, откуда былъ ходъ къ строеніямъ, окружавшимъ храмъ. Тотчасъ загорѣлось, и огонь быстро началъ охватывать храмъ. Евреи подняли ужасный крикъ и вопль: имъ жаль было своей вѣковой святыни, и не оставалось больше никакой надежды ко спасенію.

Когда Титу сказали, что храмъ горитъ, говорятъ, онъ бросился тушить пожаръ; но солдаты, не слыша, или не слушая его приказаній, все болѣе и болѣе поджигали. Видя неминуемую гибель храма, Титъ захотѣлъ взглянуть на его внутренность, и, вмѣстѣ съ главнѣйшими предводителями войска, вошелъ во Святаѣ Святыхъ. Какъ ни много слышалъ онъ о великолѣпін храма, но былъ пораженъ его богатствомъ и блескомъ. Между тѣмъ пламя стало распространяться съ большою силою. Солдаты не щадили ни пола, ни возраста. Вооруженные и безоружные равно падали подъ ихъ безпощадными ударами. Всѣ жители Иерусалима, обратясь къ горящему храму, рыдали. Ихъ вопли, крикъ убиваемыхъ и бьющихся, трескъ падающихъ балокъ, колоннъ и камней, шипѣніе и свистъ пламени отдавались въ горахъ за Иорданомъ. Это былъ плачь Иерусалимской земли о погибели дѣтей своихъ и запустѣніи на мѣстѣ святѣ.

Изъ солдатъ и жителей, взятыхъ въ плѣвъ, многіе были истреблены, многіе проданы въ неволю, остальные распушены.

Изъ предводителей Еврейскихъ Симонъ долженъ быть идти за триумфальной колесницей Тита, при въздѣ его въ Римъ, а Иоаннъ осужденъ на вѣчное заключеніе.

Римскія войска, разграбивъ все, что попало въ городѣ, самый городъ сожгли и разрушили до основанія. Такъ исполнилось пророчество Спасителя: *не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится* (Мо. XXIV, 2.). »

О содержаніи простыхъ историческихъ сочиненій, и названія ихъ.

Изъ соображенія содержанія этого и другихъ подобныхъ разсказовъ видно, что въ простыхъ историческихъ сочиненіяхъ излагается одно какое-либо происшествіе, и именно: указывается время происшествія, мѣсто и предметъ его, причины и поводъ къ нему, важность событія, описывается въ подробностяхъ самое событіе, дѣйствующія лица, ихъ характеры, положеніе, рѣчи, разговоры, изображается конецъ событія и его слѣдствія. Называются же эти сочиненія собственно *повѣствованіемъ*, или, какъ нынѣ справедливѣе принято, *историческимъ* (въ отличіе отъ поэтическаго) *разсказомъ*.

О достоинствѣ разсказа, и его значеніи въ литературѣ.

Историческій разсказъ есть первоначальная, самая простая и удобопонятная форма повѣствованія. А потому, въ видѣ разсказовъ, можетъ быть изложена для всѣйшаго понятія цѣлая исторія. Таковы у насъ: «Бесѣды пресвитера съ дѣтьми прихожанъ пѣз Священной Исторіи Ветхаго Завѣта» и «Исторія Россіи въ разсказахъ» — Ишмовой.

Практическія занятія:

- 1) Прочитать съ разборомъ нѣсколько разсказовъ изъ Бесѣдъ пресвитера (Муретова) и Исторіи — Ишмовой.
- 2) Дать воспитанникамъ подобныя сочиненія для чтенія и разбора на домъ.
- 3) По разобраннѣмъ примѣрамъ, назначать имъ составленіе разсказовъ изъ Свящ. Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта по Библии, изъ Всеобщей Исторіи — со словъ наставника Исторіи и т. ц.
- 4) Заставлять писать разсказы а) на дому, б) въ классѣ на доскѣ и на бумагѣ, и в) составлять и излагать ихъ изустно.

II) О СЛОЖНЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ.

Определение и раздѣленіе ихъ.

Въ сложныхъ историческихъ сочиненіяхъ раскрывается не одинъ фактъ, какъ въ простомъ повѣствованіи, а цѣлый рядъ происшествій, составляющихъ жизнь или *одного* лица, или *цѣлаго* общества человеческого. Въ первомъ случаѣ сочиненіе называется *Біографіей*, а въ второмъ — *Исторіей*.

1) О БІОГРАФИИ.

Виды ея.

Біографъ или описываютъ жизнь *другого* лица, или *свою* собственную. Въ первомъ случаѣ сочиненіе называется *собственно* біографіей, а во второмъ — *автобіографіей*.

а) О БІОГРАФИИ СОБСТВЕННО.

Біографія (отъ *βίος* жизнь и *γραφία* пишу) значитъ *жизнеописание*, и есть такое историческое сочиненіе, въ которомъ раскрывается рядъ событій, составляющихъ жизнь какого-нибудь человека, наложенныхъ не имъ самимъ, а другимъ лицомъ постороннимъ.

Составъ содержанія въ біографіи.

1) Жизнь каждаго человека неизмѣнно слагается изъ трехъ элементовъ: а) изъ свойствъ, общихъ у него съ всѣмъ человечествомъ, б) изъ началъ, свойственныхъ ему, какъ члену известнаго народа и общества, и, наконецъ, в) изъ стихій, составляющихъ исключительную его особенность, его *личность*. Біографъ обязанъ поднѣсти и выставить въ своемъ жизнеописаніи всѣ эти элементы въ ихъ совокупности.

2) Съ другой стороны, каждый человекъ живетъ въ известное время и въ известномъ мѣстѣ. Каждый періодъ времени, всякая мѣстность имѣютъ свои отличительныя особенности. И какъ поня-

тія, духъ времени и черты мѣстности оказываютъ свое дѣйствіе на физическія и нравственныя силы и дѣятельность человека: такъ часто бываетъ наоборотъ, люди производятъ взаимодѣйствіе на свою эпоху, и даже—измѣняютъ самый видъ природы. Біографъ долженъ описывать жизнь человека въ ея взаимодѣйствіи съ мѣстомъ и эпохою.

3) Событія въ жизни каждаго человека можно раздѣлать на внѣшнія, видимыя другими, каковы: исполненіе обязанностей званія, службы и т. п. и внутреннія, куда принадлежатъ наши мысли, чувствованія, стремленія, цѣли, извѣстныя одному только внутреннему нашему человеку. Біографъ долженъ изучить и представить во взаимной связи и внутреннюю и внѣшнюю сторону жизни человѣческой.

Объ изложеніи біографіи.

Наконецъ, чтобы біографія не вышла произведеніемъ безхарактернымъ, состоящимъ изъ хронологическаго перечня служебныхъ занятій описываемаго лица, для сего біографъ долженъ въ многообразіи событій воспроизвести намъ самую личность человека, нарисовать живо его нравственный образъ, раскрыть идею его жизни, такъ, чтобы описываемое лицо такъ же рѣзко отличалось отъ другихъ своимъ характеромъ и судьбою, какъ въ самой жизни мы различаемъ другъ отъ друга.

Образцы біографіи.

Наша литература не богата біографіями, и между ними—хорошихъ въ литературномъ отношеніи очень немногихъ. Замѣчательны: а) біографія: «Александръ I» Греча, б) «Генерала Котляревскаго,» гр. Соллогуба и в) «Платона, Митрополита Московскаго» Снегирева. Но лучшая, въ полномъ смыслѣ, образцовая біографія принадлежитъ князю Вишнякову, подъ названіемъ: «Фонъ-Вишнякъ.» Она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ историческаго и біографическаго труда.

О ВИДОИЗМѢНЕНІЯХЪ БІОГРАФІИ.

а) О некрологѣ.

Опредѣленіе.

Некрологъ (отъ греч. νεκρός и λόγος) значитъ слово объ умершемъ, и есть такое біографическое сочиненіе, въ которомъ содержится извѣстіе о смерти какого-либо лица, сопровождаемое краткими характеристическими очерками его жизни и дѣятельности.

Правила для некролога.

Некрологъ не можетъ, какъ увидимъ изъ примѣра, состоять изъ одного сухого перечня служебныхъ обязанностей человѣка, какъ, большею частію, пишутся эти сочиненія. Въ немъ писатель, опустивъ разныя, хотя бы и замѣчательныя подробности изъ жизни описываемаго лица, умѣстными только въ біографіи, долженъ представить читателямъ художественно главную характеристику его жизни и дѣятельности. При семъ историческая достовѣрность налагаетъ на писателя непремѣнный долгъ *правдиво* изобразить его личность, не прикрашая изображенія своего ложными риторическими фразами, и съ другой стороны—не скрывая самыхъ его недостатковъ. Пишутся некрологи въ тонѣ скорбномъ (элегическомъ), и языкомъ простымъ, но живымъ и одушевленнымъ.

Примѣромъ некролога можетъ служить сочиненіе И. И. Давыдова, подъ названіемъ: «Памяти ординарнаго Академика В. А. Жуковскаго отъ 11 отдѣленія Императорской Академіи Наукъ». Этотъ некрологъ начинается скорбнымъ обращеніемъ къ В. А. Жуковскому.

«Миръ праху твоему, незабвенный товарищъ и наставникъ! Взывай насъ и семейство твое отъ горести къ созерцанію твоихъ заслугъ и добродѣтелей; а мы почтимъ тебя соревнованіемъ и доблестями твоими, и заслугами, и твореніямъ литературнымъ. Об-

разъ прекрасной души вѣченъ и безсмертенъ : мы сохранимъ его въ воспоминаніи о трудахъ и твореніяхъ твоего безсмертнаго духа!

«Императорской Академіи Наукъ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности можетъ-ли при семъ случаѣ безмолвствовать, можетъ-ли не выразить чувствованій своихъ, при потерѣ знаменитаго Академика, украшенія своего, славы народной? Посвятимъ же , (*) мм. гг. академическую бесѣду нашу, первую послѣ горестнаго извѣстія о кончинѣ Василія Андреевича, памяти его, какъ Академика, образователя художественно-поэтическаго Русскаго языка и художественно-народной словесности.

Вторая половинна минувшаго и первая текущаго столѣтія представляютъ намъ *три степени* развитія и совершенствованія языка и словесности: на первой степени *книжный Русскій языкъ отдѣляется отъ Церковно-Славянскаго*; на второй — *книжный языкъ сливается съ Русскимъ народнымъ языкомъ*, и появляется художественная словесность; на третьей — *образуется и языкъ и словесность художественно-народная*. Представителями этихъ трехъ степеней всѣ Русскіе признають *Ломоносова, Карамзина и Жуковскаго*. И все это совершилось въ одно столѣтіе!»

Далѣе, показавъ заслуги Ломоносова и Карамзина отечественному языку и словесности, авторъ некролога разсматриваетъ Жуковскаго, какъ *образователя поэтическаго, художественнаго народнаго языка*, опредѣляя, въ частности, что вынесъ онъ изъ мѣста своего воспитанія, какъ трудился для совершенія образованія своего, и что онъ внесъ въ сокровищницу нашего языка.

Все сочиненіе заключается слѣдующимъ образомъ: «п этого великаго писателя и нашего сочлена-Академика не стало! Что го-

---

(*) Этотъ некрологъ былъ произнесенъ во II Отдѣленіи Академіи Наукъ, и потому въ немъ допущено обращеніе къ слушателямъ. Печат. въ «Извѣстіяхъ» II отд. за 1852 г.

ворю я? Духъ его оставилъ храмину свою, слыше ему временно дарованную, и отлетѣлъ въ другой лучшій міръ; но въ памятникѣ, самимъ имъ созданномъ, въ его твореніяхъ поэтическихъ онъ пребудеть всегда съ нами. Благословимъ память этого знаменитаго Русскаго писателя его же прекрасными словами:

« О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*,
Но съ благодарностію — *были*. »

в) О *біографическихъ очеркахъ и словаряхъ*.

Подобно некрологу, отъ біографіи, въ строгомъ смыслѣ, должнo отличать біографическіе очерки и разныя историческіе и біографическіе словари. Нынѣ эти сочиненія во всѣхъ литературахъ получили значительное развитіе. Въ *очеркахъ* кратко и бѣгло, но характеристически и литературно раскрывается вся жизнь и дѣятельность описываемаго лица. Это, можно сказать, біографіи въ сокращенномъ видѣ. Таковы у насъ: «Сказаніе о жизни и трудахъ преосвященнѣйшаго Гавріила, Митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго» (Архип. Макарія), «Очерки жизни Месковскаго Архіепископа Августина Виноградскаго» (И. Снегирева) и т. п. А въ *словаряхъ*, обыкновенно, рассказывается, въ хронологическомъ порядкѣ, одна внѣшняя дѣятельность описываемыхъ лицъ. Таковы у насъ: «Словарь о писателяхъ духовнаго чина» Преосвящ. Евгенія, митрополита Кіевского, и изъ новѣйшихъ — «Обзоръ русской духовной литературы» Преосвящ. Филарета, епископа Харьковскаго и т. п. Принимая къ отдѣлу біографіи, очерки и особенно словарь — весьма полезны въ учебномъ отношеніи; но въ отношеніи литературномъ, они не могутъ замѣнить собою біографію, и служатъ только первоначальными видами, источниками и пособиями для нея.

Практическія занятія:

- 1) Заставить воспитанниковъ дѣлать изустно и письменно сокращенія біографій, особенно литераторовъ, напр: Державина, Дмятріева и др.

- 2) Назначить передѣлать какую-нибудь похвальную, или падгробную рѣчь въ біографическій очеркъ.
- 3) Назначить переложить съ Славянскаго языка на Русскій житія святыхъ, особливо, по Четь-Мисенямъ Св. Димитрія Ростовскаго.
- 4) Назначить составить краткіе біографическіе очерки о лицахъ библейскихъ—по указанію Св. писанія, о полководцахъ—по Корнелію Непоту и т. п.

б) ОѢЪ АВТОБІОГРАФІИ.

Опредѣленіе, правила и образцы ея.

Если авторъ описываетъ въ біографіи не чужую, а свою *собственную* жизнь, то біографія называется *автобіографіей* (отъ греч. *αὐτός βίος* и *γράφω*).

Автобіографія подчиняется всѣмъ условіямъ біографіи. Но, кромѣ того, здѣсь *искренность* и *безпристрастіе* должны вполнѣ руководить перомъ писателя.

Изъ сочиненій автобіографическихкихъ церковная литература сохранила, напр. «Житіе Св. Григорія Назіанзинна, написанное самимъ Святителемъ.» Изъ сочиненій этого рода, принадлежащихъ свѣтской литературѣ, укажемъ записки Гете, подъ названіемъ: «*Poesie und wahrheit aus meinen Lieben*», «*Признанія*» (*Confidences*) Ламартина. Въ нашихъ книгохранилищахъ, по свидѣтельству г. Погодина, есть очень не мало автобіографическихкихъ сочиненій, но всѣ они лежатъ подъ снудомъ, и потому не принадлежатъ къ области литературы. Изъ автобіографій же издаваемыхъ намъ извѣстны *собственныя записки* Преосвящ. Платона, митрополита Московскаго. За тѣмъ у насъ имѣются почти одни автобіографическіе отрывки Подшивалова, Полевого, Греча (воспоминанія), гр. Толстова (А. Н. Т.) и т. п.

Въ примѣръ автобіографическаго изложенія, приведемъ сокращенно изъ *собственныхъ* записокъ Преосвящ. Платона, митрополита Московскаго сказаніе о его рожденіи и дѣтствѣ, съ переложеніемъ оного на современныи Русскій языкъ.

« Родился онъ (*) 1737 года, Юнн 29 дня, въ праздникъ св. Первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла, при восходѣ солнечномъ, и въ тотъ самый часъ, когда отецъ его, именемъ Григорій, по должности причетника, ударилъ въ колоколь къ заутренѣ. Мѣстомъ его рожденія было село Чашниково, отстоящее въ 40 верстахъ отъ Москвы, по большой Петербургской дорогѣ. При св. крещеніи его нарекли Петромъ.

Бывъ младенцемъ, какъ неоднократно рассказывала объ этомъ мать, по имени Татіана, онъ привлекалъ на себя взоры всѣхъ. А какъ началъ говорить, то она стала внушать ему пня Божіе, и научила молитвамъ, которыми свойственно дитяти обращаться къ Богу, общему Отцу всѣхъ тварей.

На шестомъ году отъ рожденія, Петра начали обучать грамматѣ—азбукѣ, часослову, псалтыри и писать. Такой порядокъ ученія принятъ былъ въ то время для дѣтей всѣхъ сословій. Петръ былъ весьма понятливъ, и, въ продолженіи двухъ лѣтъ, научился грамматѣ и письму. А на восьмомъ году, онъ уже свободно не только читалъ въ церкви, но и пѣлъ, по наслышкѣ, обыкновенныя церковныя пѣсни, даже—могъ одинокъ, безъ всякой сторонней помощи, отпраздновать на клавросѣ весь чинъ Божественной литургіи: ибо онъ имѣлъ голосъ свѣтлый и пріятный, особенную склонность къ пѣнію, и находилъ для себя большую радость и веселіе быть въ церкви, при всякой службѣ Божіей. За любовь ко храму Божію, за эту охоту къ чтенію и пѣнію, и за его нравъ, всегда веселый и ласковый, его любили не только родители, но и люди посторонніе.

На десятомъ году отъ рожденія, онъ былъ опредѣленъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ Александромъ, въ Московскую Греко-Латинскую Академію. Когда, явившесъ въ Академію, они были представлены Префекту Іоанну Козловичу (онъ послѣ былъ епископомъ Переяславскимъ): то Префектъ ободрилъ отроковъ, сказавши пня: *« дѣтки! учитесь, послѣ протопопове будете. »* И пророчество его полншно сбылось: одинокъ, въ послѣдствіи времени, былъ протопопомъ, а другой начальникомъ протопоповъ.

(*) Проввацъ. Платонъ въ запискахъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Въ Академіи Петръ Левшинъ (такъ онъ прозывался) обучался Латинскому языку и наукамъ: Пѣткѣ, Риторикѣ, Философіи и Богословію. Сверхъ того, онъ самъ по себѣ учился Географіи, и постояннымъ чтеніемъ историческихъ книгъ пріобрѣлъ познанія въ Исторіи, какъ всеобщей, такъ и отечественной.

По желанію наставника Пѣтки, Петръ Левшинъ миновалъ Греческій классъ, и прямо приступилъ къ изученію поэзіи. Но, находясь въ философскомъ классѣ, я по многимъ греческимъ словамъ, попадающимъ въ книги, убѣдившись, какъ необходимо знаніе Греческаго языка, онъ горячо принялся за его изученіе. Тутъ встрѣтилось много затрудненій. Греческой грамматики у него не было; купить ее было не на что, да и учить некому. По чего не преодолѣть горячее желаніе и усердіе? Онъ выпросилъ у товарища на время Греческую грамматику Архим. Варлаама Ляшевскаго, в сперва всю переписалъ ее своею рукою на бумагу: такимъ образомъ онъ научился писать по-Гречески. Потомъ онъ началъ самъ себя учить по рукописной грамматикѣ: самъ себѣ назначалъ уроки; самъ себя выслушивалъ; хвалитъ за прилежаніе и успѣхъ, а для осужденія за нерадіе и безуспѣшность. Чего самъ не могъ понять, о томъ спрашивалъ у товарищей, знавшихъ языкъ, и особенно-полезныя указанія ихъ записывалъ на бумагу. А такъ-какъ и этого было мало для изученія языка, то онъ придумалъ посѣщать, во время богослуженія, Греческій монастырь, находившійся близъ самой Академіи. Здѣсь Петръ Левшинъ со всѣмъ вниманіемъ прислушивался къ чтенію и пѣнію Грековъ. И этотъ способъ ученія весьма много принесъ ему пользы. Въ послѣдствіи времени, онъ имѣлъ случай познакомиться съ Греками, разговаривать съ ними на ихъ нарѣчій, и такимъ образомъ нечувствительно пріобрѣлъ большіе успѣхи въ Греческомъ языкѣ. Посему онъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ о себѣ, что въ Греческомъ языкѣ онъ *αυτοδίδακτος*, т. е. самъ себѣ учитель.

Во всѣхъ же прочихъ наукахъ, преподаваемыхъ въ Академіи, Левшинъ успѣвалъ отлично, и между товарищами своими почитался первымъ. И учителя и товарища особенно его любили. Учители—за постоянное хожденіе въ школу, за прилежаніе, отличные успѣхи и благонравіе. А товарищи любили его за добрый, веселый

правъ и за словоохотливость, соединенную съ нѣкоторою, впрочемъ всегда приличною, шутливостію. Но, Богъ сохранилъ его, онъ никогда ни съ кѣмъ не ссорился: но имѣлъ характеръ мягко-сердечный, уступчивый и стыдливый.

Какоевъ былъ Петръ въ домашнемъ быту? Онъ жилъ, вмѣстѣ съ родителями у старшаго брата своего Тимофея, который былъ діакономъ у Спаса въ Спасской. Въ лѣтнее время, постояннымъ пріѣзжимъ его былъ маленькій садикъ, гдѣ онъ, можно сказать, проводилъ все время. Находясь дома, онъ погруженъ былъ въ непрерывныя занятія: или что-нибудь писалъ, или читалъ, или задачу сочинялъ, или урокъ училъ, или вель разговоръ съ домашними и гостями. Имѣя величайшую охоту къ чтенію, онъ чрезвычайно скучалъ, что книгъ у него не было, а купить ихъ было не на что. Посему онъ, для утоленія жажды своей, и читалъ только тѣ книги, которыя находилъ въ бібліотекѣ церковной: это были: Четыри-Минеи, Прологи, Камень вѣры, Маргаритъ, Обѣдъ духовный, Вечера, Исторія Баронія. Но больше всего онъ любилъ творенія Св. Іоанна Златоуста и посланія Св. Ап. Павла. Последнія столько нравились ему, такъ восхищали его душу, что онъ прочиталъ ихъ, можетъ быть, болѣе двадцати разъ.

При семъ, когда свободенъ былъ отъ академическихъ занятій, онъ не переставалъ ходить въ церковь Божію. А во время ваканцій, онъ ежедневно на всѣхъ дневныхъ службахъ присутствовалъ. Въ церкви былъ первымъ между читающимъ и поющимъ; теперь голосъ у него развился, пріобрѣлъ гнѣбность и искусство въ пѣніи; сверхъ того, онъ изучилъ достаточно церковный уставъ. Поэтому его до злыя любилъ священноцерковнослужители и прихожане. На гулянья, даже къ роднымъ весьма рѣдко когда хаживалъ. И можно смѣло сказать, что онъ не зналъ другихъ мѣстъ, кромѣ церкви, школы и своего дома.

Будучи характера веселаго и словоохотливаго, онъ, однакоже, крайне любилъ уединеніе. Его наслажденіемъ было — сидѣть одному дома, среди занятій, или — проводить время въ небольшомъ кружкѣ пріятелей и друзей, съ которыми онъ могъ бы бесѣдовать, какъ самъ съ собою, откровенно и безъ всякой натяжки. Все то, что называется церемонією, для него было несносно.

Также, съ малолѣтства, онъ склоненъ былъ къ духовному званію, а особенно къ монашеству. И сія склонность была единственною причиною того, что онъ отказался сперва отъ назначенія въ Московскій Университетъ, а потомъ и отъ другихъ состояній, ему предлагаемыхъ. Но, вмѣсто того, по окончаніи богословскаго курса, онъ 1757 года, опредѣленъ былъ въ Академію учителемъ Пятивки. Таковъ былъ въ дѣтствѣ своемъ Петръ Левшинъ, впоследствии — Высокопроев. Платонъ, митрополитъ Московскій! »

О такъ называемыхъ признакахъ, какъ видоизмѣненіи автобіографіи.

Часто автобіографіи пишутся съ особенною мыслію и памѣреніемъ. Такъ блаж. Августинъ, епископъ Шипонскій, въ одномъ сочиненіи, подъ названіемъ: « Исповѣдь » описалъ жизнь свою съ тою цѣлію, чтобы чистосердечно раскаяться предъ Богомъ и людьми въ заблужденіяхъ своей юности. У насъ подобное сочиненіе оставлено Фонтъ-Визинъ, подъ названіемъ: « Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ. » Авторъ самъ показываетъ побужденіе и цѣль этого признанія въ слѣдующихъ словахъ: « приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моей, говорить оны, перешедъ, слѣдственно, половину жизненнаго поприща, и одержимъ брѣдчи трудною болѣзнію, (я) нахожу, что едва-ли остается мнѣ время на покаяніе, и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ раскаяніи христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего, и *беззаконіе мое азъ возъвищу.* » Впрочемъ, слѣдунъ гласу совѣсти, онъ не скрывалъ и того, что дѣлалъ добраго въ своей жизни. Затѣмъ онъ въ трехъ главахъ изобразилъ три возраста: младенчество, юношество и совершенный возрастъ. Четвертой главы — о старости, входившей въ планъ сочиненія, здѣсь нѣтъ, и потому оно неокончено. Къ этому же отдѣлу сочиненій относится: « Авторская повѣдь » П. Гоголя, найденная послѣ его смерти. Такія сочиненія, написанныя съ особенною мыслію и памѣреніемъ, называются *Признакіями, Исповѣдью.* Конечно, эти признакіи не составляютъ особаго историческаго и біографическаго рода сочиненій, а служатъ только видоизмѣненіемъ автобіографіи.

Практическія занятія:

- 1) Дать воспитанникамъ прочесть какую-нибудь автобіографію, съ тѣмъ, чтобы они подробно разобрали ея составъ, біографическія свойства и слогъ, и умѣли разсказать это въ классѣ.
- 2) По подраженію привед. примѣру, составить автобіографическія сочиненія, подъ названіемъ: «воспоминанія о моемъ дѣтствѣ», или «замѣчательнѣйшіе случаи изъ моей жизни» и пр.
- 3) Можно изъ автобіографій писателей назначить сдѣлать краткіе біографическіе очерки ихъ.

2) Объ исторіи.

Опредленіе исторіи и разныхъ ея формъ.

Исторія есть связанное, полное, художественное изображеніе событий, составляющихъ жизнь или одного народа или цѣлаго рода человеческого. Но таковыя произведенія она явилась не вдругъ, а въ слѣдствіе долговременнаго своего развитія. Поэтому виды и формы исторіи довольно разнообразны. Впрочемъ, ихъ можно раздѣлять на виды исторіи *первоначальныя*, и на формы—въ собственномъ смыслѣ *историческія*.

А) О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ФОРМАХЪ ИСТОРИИ.

Время происхожденія первоначальныхъ формъ исторіи и исчисленіе ихъ.

Первоначальныя формы исторіи являюся въ народѣ тогда, когда онъ начинаетъ сознать свое политическое значеніе въ составѣ другихъ государствъ, и когда письменность его стоитъ уже на значительной степенн развитія. Тутъ исторія является въ двухъ видахъ—въ формѣ *летописи*, или хроникн, и въ видѣ *записокъ современниковъ*.

а) *О летописях.*

Определение и разнообразность содержания летописей.

Летопись есть первоначальная форма исторіи, въ которой событія *описываются по лѣтамъ*, по годамъ. Въ летописяхъ разсказываются всякія событія—и политическія, и гражданскія, и военныя, и церковныя, и даже—событія всеобщей исторіи. Порядок повѣствованія часто прерывается въ нихъ вставочными статьями, въ которыя повѣствователь вноситъ нравственныя наставленія, замѣчанія отъ своего лица, различные разказы, взятые изъ народной молвы, разговоры и рѣчи частныхъ лицъ, описанія знаменій, чудесныхъ явленій и т. п.

Различіе летописей, по объему ихъ содержанія.

Подобно исторіи, летопись можетъ быть *всемирною*—описывать пропшества всего человѣчества. Но больше она бываетъ *частная*, народная, описываетъ исторію одного государства и народа, и *частнѣйшая*, когда въ ней содержится исторія одного извѣстнаго періода времени, одной какой-либо провинціи, и даже—одного только города.

О началъ летописей, о русскіихъ летописцахъ и ихъ летописяхъ.

Летописи получили свое начало еще у древнихъ народовъ. У Римлянъ существовали «*Annales pontificum*,» или «*Annales maxim.*» Кай Корнелій Тацитъ (род. 57 года по Р. Х.) написалъ *Annales* о достопамятѣйшихъ событіяхъ отъ смерти Августа до смерти Нерона. Особенное развитіе летописи получили въ средніе вѣка, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Въ нашемъ отечествѣ летописей также не мало. Первымъ летописцемъ нашимъ былъ препод. Несторъ, игуменъ Кіевонечерскаго монастыря, жившій въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Продолжателемъ его были въ Кіевѣ и окрестностяхъ Василій, Сильвестръ, игуменъ

Выдубецкаго монастыря и еще одно безымянное лицо, въ *Новгородъ* неизвѣстный по имени священникъ и попомаръ Тимофей, во *Владимирѣ* на *Клязьмѣ*—духовная особа, имя которой также неизвѣстно и проч. Впрочемъ, подлинныя ихъ лѣтописанія до насъ не дошли. Мы имѣемъ только списки ихъ и сборники, принадлежащіе не ранѣе, какъ къ XIV и послѣдующимъ вѣкамъ. Таковы:

- 1) *Лаврентьевская лѣтопись*, названная такъ потому, что написана Лаврентіемъ, Суздальскимъ инокомъ, 1377 года. Она начинается такъ: «*Се повѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача перше княжити, и откуда Русская земля стала есть. Се начнемъ повѣсть сію,*» и начинается се отъ раздѣленія земли между сыновьями Нова. А оканчивается эта лѣтопись слѣд. словами: «*и нынѣ, господи, отцы и братія, еже ея гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправляя Бога дѣля, а не клебите; зане книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ.*»
- 2) *Кенигсбергскій списокъ* лѣтописи.
- 3) *Ипатьевскій списокъ*, называемый также *Волинскимъ*, потому, что въ немъ на концѣ, преимущественно, описываются происшествія на Волынн.
- 4) *Лѣтописецъ Новгородскій*, начинающійся отъ $\frac{8599}{1017}$ и оканчивающійся $\frac{1534}{1534}$ г.
- 5) *Соборскій временникъ*, или *Русская лѣтопись* съ 862 по 1534 г.
- 6) *Пековская лѣтопись*, начинающаяся 862 и оканчивающаяся 1645 г.

Такимъ образомъ лѣтописи наши продолжались до второй половины XVIII столѣтія.

О достоинствѣ Русскихъ лѣтописей.

Отсюда видно, что одни изъ лѣтописей нашихъ занимаются описаніемъ всего государства Россійскаго, другія ограничиваются, по преимуществу, исторією одной государственной области, напр. *Вольнской*, *Новгородской*, *Пековской*. Первыя изъ этихъ исторій нашихъ писались по образцу Византійскихъ хронографовъ, а дальнѣйшія—руководствовались подражаніемъ первымъ лѣтописцамъ. Источниками для нихъ служили Византійскіе писатели: Симеонъ, Келринъ, Георгій Амарталосъ, всуетныя преданія, народныя повѣсти и письменныя свидѣтельства. Въ повѣтствованіи событій, они слѣдуютъ лѣтоисчислительному порядку; часто выс-

тавляютъ годы, и подъ ними ничего не описываютъ. Изложеніемъ отличаются не только повѣствовательнымъ, но и драматическимъ. Языкомъ написаны Церковно-Славянскимъ съ примѣсью народнаго; впрочемъ, этотъ языкъ носитъ на себѣ ясныя отпечатки того мѣста и времени, въ которое какая лѣтопись написана. Писаны они уставомъ и полууставомъ. Цепрерывность повѣствованія, вѣрность взгляда на вещи, искренность сказаній, простота изложенія суть внутреннія ихъ качества. Вообще лѣтописи наши служатъ для насъ памятниками не только историческими, но и литературными.

б) Объ историческихъ запискахъ.

Опредѣленіе, разные роды и достоинство историческихъ записокъ.

Историческія записки составляютъ другой видъ первоначальныхъ формъ исторіи. Въ нихъ описываются разные происшествія людьми, или современными, или даже принимавшими въ нихъ участіе. По содержанию своему, они бываютъ различны: собственно-историческія, политическія, военныя, литературныя и т. п. Главное достоинство всѣхъ этихъ записокъ заключается въ современности событій, въ подробности, живости и простотѣ ихъ изложенія.

Объ историческихъ запискахъ, по преимуществу, Русскихъ.

Древнѣйшимъ памятникомъ исторической литературы этого рода считаютъ, обыкновенно, записки Юлія Цезаря (умер. за 44 года до Р. Х.) *de bello Gallico* и *de bello civili*. Цезарь самъ участвовалъ въ событіяхъ гальской и гражданской войны, и описалъ ихъ въ своихъ запискахъ самымъ простымъ языкомъ. Въ нашей отечественной литературѣ есть не мало историческихъ записокъ. Первымъ произведеніемъ между ними была: «*Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышазомъ у достоверныхъ мужей, и яже видѣхомъ очима нашими.*» Эта исторія написана Княземъ А. М. Курбскимъ (умер. 1587 г.),

состоять изъ девяти главъ, и описываетъ событія царствованія Іоанна IV отъ его дѣтства до 1578 года. Въ последнее время, историческія записки стали появляться въ литературахъ въ большомъ количествѣ. У насъ сдѣлались особенно пзвѣстными записки о походахъ 1812, 1813, 1814 и 1815 г. А. Н. Михайловскаго-Данилевскаго. При описаніи событій, авторъ пользовался здѣсь незамѣнимымъ преимуществомъ личнаго участія въ нихъ: ибо постоянно находился въ средоточіи ихъ, въ главной квартирѣ, а потому «ведѣтъ, гдѣ могъ (собств. слова автора), онъ заставлялъ говорить самихъ дѣйствующихъ лицъ, и приводилъ ихъ собственные слова, или слышанныя отъ нихъ, или заимствованныя изъ военной переписки.» Изложеніе простое, краснорѣчивое и, по мѣстамъ, драматическое возвышаетъ еще болѣе достоинство и интересъ ихъ содержанія. Къ числу записокъ литературныхъ должно отнести: «Замѣтки изъ запаса моей памяти» М. Дмитриева и «Библиографическія записки» г. М. Н. Лонгинова.

Практическія упражненія здѣсь должны состоять въ чтеніи и разборѣ лѣтописей, записокъ Михайловскаго-Данилевскаго, или другихъ, по усмотрѣнію наставника, въ повтореніи воспитанниками прочитаннаго—изустномъ и письменномъ.

Объ отношеніи лѣтописей и записокъ къ исторіи въ собственномъ смыслѣ.

Изъ предыдущихъ изслѣдованій видно, что лѣтописи и записки историческія, ни по объему своему, ни по изложенію, далеко не составляютъ еще исторіи въ настоящемъ смыслѣ слова, а служатъ только источниками для нея.

**Б) О ФОРМАХЪ, ВЪ СОБСТВЕННОМЪ СМЫСЛѢ,
ИСТОРИЧЕСКИХЪ.**

О различныхъ родахъ исторіи, въ собственномъ смыслѣ слова.

Исторія, въ собственномъ и строгомъ смыслѣ слова, какъ художественное представленіе событій, составляющихъ жизнь народа, въ развѣтѣи своемъ, также имѣла разные виды и формы:

1) *Объ исторіи фактической.*

Первоначально явилась исторія *повѣствовательная*, или *фактическая*, въ которой живымъ и извѣстнымъ языкомъ разсказывались событія по порядку времени, безъ всякой внутренней связи ихъ между собою. Такова первая въ мірѣ исторія: « О Персидскихъ войнахъ » Геродота, жившаго въ половинѣ V вѣка до нашего лѣтосчисленія. По числу Греческихъ музъ, она составлена изъ девяти книгъ, которыя названы *пѣснями*. Каждая пѣснь посвящена описанію того или другого народа (Египтянъ, Персовъ, Скивовъ, Ливійцевъ и др.), и составляетъ почти отдѣльное цѣлое. Всѣ же пѣсни, вмѣстѣ взятыя, основаны на одной главной мысли—на враждѣ Азіи съ Европой. Въ нихъ нѣтъ ни критики, ни философическаго воззрѣнія на событія, ни прагматической связи между ними. Все же достоинство этой книги заключается въ простотѣ, увлекательномъ и художественномъ представленіи событій въ хронологическомъ порядкѣ. Посему, когда Геродотъ читалъ свою исторію, во время Олимпійскихъ игръ, народу, то восторгамъ и рукоплесканіямъ не было конца, и граждане, по предложенію Аинта, наградили автора 50 талантами золота.

2) *Объ исторіи прагматической.*

За фактическою исторіею явилась исторія *прагматическая*, въ которой происшествія излагались не въ простомъ только повѣствовательномъ порядкѣ, но уже во внутренней связи ихъ между собою. Въ такомъ видѣ первый написалъ исторію Фукидидъ, бывший почти современникомъ Геродоту (род. за 470 лѣтъ до Р. Х.). Его повѣствованіе: « О войнѣ Пелопонезцевъ съ Аѳинянами » состоитъ изъ 8 книгъ, по внутренней связи происшествій, стоитъ выше исторіи Геродота, но страдаетъ часто темнотою изложенія.

3) *Объ исторіи философической.*

Въ XVIII-мъ философическомъ столѣтіи возникла новая историческая форма — исторія *философическая* (умозрительная),

иначе называемая философією исторіи. Эта исторія не заботится ни о хронологическомъ, ни о прагматическомъ изложеніи происшествій. Главная цѣль ея — представить, на основаніи событій, общіе взгляды на исторію, опредѣлить общіе законы, которымъ подчинена, въ развитіи своемъ, жизнь человѣка. «Исторія гражданственности во Франціи и Европѣ» Гизо, «Идеи о философіи исторіи человечества» Гердера, «Чтенія» о томъ же предметѣ Гегеля, изданныя Гансомъ, суть оныи исторія умозрительной.

4) *Объ исторіи критической.*

Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго столѣтія образовалась школа исторіи *критическая*. Эта исторія входитъ собственно въ изслѣдованіе подлинности источниковъ, изъ которыхъ заимствуются историческія событія, и опредѣляетъ достоверность самыхъ событій. Такова «Исторія Рима» Шибуря, у насъ «Несторова лѣтопись» Шлецера и «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи» г. Погодина.

Замѣчаніе о значеніи силъ видовъ исторіи.

Очевидно, что ни одинъ изъ указанныхъ видовъ историческихъ не образуетъ полной, художественной исторіи: ибо каждый видъ изслѣдуетъ только одну сторону или жизни народной, или самой исторіи.

ОБЪ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ.

Понятіе о ней.

Художественная исторія составляетъ высшую и послѣднюю задачу искусства историческаго. Такого совершенства достигаетъ исторія тогда, когда она бываетъ вмѣстѣ фактической и прагматической, философическою и критическою. Такимъ образомъ художественная исторія не только передаетъ намъ живымъ, зрячимъ языкомъ истинные факты и событія жизни народной, но и представляетъ ихъ въ постепенномъ, связномъ развитіи между собою, такъ, что читатель живо и ясно понимаетъ самый духъ народа, племю его жизни.

ЧАСТНЫЕ ВИДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

Исторія всеобщая и частная.

Художественная исторія изображаетъ въ себѣ жизнь или *всего* *человѣчества*, или *одного* *какого-либо* *народа*. Въ первомъ случаѣ она бываетъ исторіею всемірною, *всеобщею*, а во второмъ — частною, *народною*, Такова у насъ : « Исторія Государства Россійскаго » Карамзина.

Частные виды той и другой исторіи.

Та и другая исторія можетъ изображать или всю жизнь народа въ полномъ и всестороннемъ ея развитіи, или одну какую-либо сторону этой жизни. Въ первомъ случаѣ она носитъ названіе просто « исторіи государства », и раскрываетъ какъ общественный, политическій бытъ народа, такъ и внутреннія его начала: религію, законодательство, просвѣщеніе, искусства и проч. А во второмъ случаѣ, по различію частныхъ сторонъ жизни и дѣятельности народной (религіозной, умственной, художественной и т. п.), происходитъ различіе частныхъ исторій, которыя отъ нихъ получаютъ и названіе свое. Такъ есть исторія *религіи*, *церковъ*, *законодательства*, *образованія*, *литературы*, *искусств* и проч.

Частнѣйшіе изъ виды.

Наконецъ, эти частные виды исторіи могутъ являться въ подраздѣленіяхъ болѣе частныхъ и дробныхъ. Такъ исторія литературы можетъ раздѣляться на исторію сочиненій прозаическихъ и исторію поэзій (какъ у насъ Миллюкова); исторія поэзій, въ свою очередь, можетъ разсматривать въ отдѣльности развитіе поэзій только эпической, или лирической, или драматической и т. п. Вообще исторія точно такъ же можетъ подраздѣляться и обособляться, какъ и жизнь народовъ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

О состояніи Русской исторіи до Карамзина.

Въ нашемъ отечествѣ, до Карамзина существовали только историческіе памятники, положено начало исторической критикѣ, и были попытки создать Русскую исторію. Эти попытки начались очень рано, прежде, нежели могла быть написана наша исторія. Къ нимъ относятся слѣдующія сочиненія: 1) «*Книга степенная царскаго родословія, содержащая исторію Россійскую отъ начала оныя до времени Государя Царя и Великаго Князя Юанна Василіевича*». Книга эта написана подъ влияніемъ Митрополитовъ: Кипріяна и Макарія, и не есть простое извлеченіе изъ лѣтописей, но (какъ сказано въ заглавіи ея) цѣлая исторія Россіи, написанная по особенному расположенію, слономъ веледѣчивымъ и напыщеннымъ. 2) «*Синописецъ*» Иннокентія Гизела, ученаго Ректора и Профессора Кіевской Академіи. Синописецъ не отличается ни критическою разборчивостію, ни прагматическимъ изложеніемъ событій; въ основаніе его принять порядокъ великокняжеской династіи. Но онъ весьма замѣчательнъ, какъ первая печатная книга на Русскомъ языкѣ о Русской исторіи, и какъ первый классическій учебникъ, долгое время употреблявшійся въ школахъ, при изученіи судьбы нашего отечества. 3) «*Ядро Россійской исторіи*» князя Хилкова. Здѣсь писатель хотѣлъ изобразить мишувшую судьбу отечества уже въ прагматическомъ разказѣ, и не тономъ и слономъ лѣтописей, какъ до него писали, а языкомъ лучшимъ, современнымъ. Онъ началъ свою книгу отъ сотворенія міра, производа Русскихъ отъ Мосоха, почтатая Рюрика, перваго князя Русскаго, потомкомъ Пруса, брата Августа, Римскаго императора. Съ тою-же цѣлію и въ такомъ же духѣ писали исторіи въ прошломъ столѣтіи: Ложосовъ, Щербатовъ, Елагинъ, Емянъ, Стриттеръ, Татищевъ, Богдановичъ и другіе. Но всѣ они не выдвинули исторіи нашей изъ лѣтописнаго періода.

Объ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина.

Карамзинъ первый создалъ «*Исторію Государства Россійскаго*». Онъ зашпался сю ревностно въ продолженіи послѣднихъ

двадцати трехъ (съ 1802 по 1826 г.) лучшихъ годовъ своей жизни. Съ чистою любовію къ истинѣ, наукѣ и отечеству, съ рѣдкимъ умѣньемъ владѣть Русскимъ языкомъ, при огромнѣйшей запасѣ матеріаловъ, изъ коихъ многіе ему одному и были доступны, онъ намѣревался изобразить въ своей исторіи величественную картину судьбы нашего отечества отъ начала его до 1689 года, т. е. до востества на престолъ Петра Великаго, потомъ въ краткомъ очеркѣ представить остальную Исторію до нашего времени, и указать на будущую судьбу отечества. Но онъ успѣлъ довести свое твореніе только до 1611 года, т. е. до водаренія дома Романовыхъ. Тутъ Карамзинъ вполне развилъ свой талантъ, сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать для нашей исторіи, по тогдашнему времени. Поэтому, когда, въ 1816 году, вышли первые VIII томовъ Исторіи Государства Россійскаго, посвященной Императору АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ (т. IX, X, XI вышли въ 1826 году, XII-й издавъ уже послѣ смерти автора въ 1829 году): то огромность труда, простой повѣствовательный способъ изложенія, ясность, простота, разнообразіе, изобразительность и благозвучіе языка, изящество внѣшней отделки очаровали всѣхъ. Въ самой Европѣ сочиненіе Карамзина принято было съ любопытнымъ участіемъ. Полевой, Марлинскій и другіе писатели, уже послѣ смерти Исторіографа, рѣшительно утверждали, что въ нашей литературѣ не было прежде, и, можетъ быть, долго не будетъ другого, стольже великаго и прекраснаго творенія, какъ Исторія Государства Россійскаго.

О замѣчательнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ послѣ Карамзина.

Послѣ Карамзина явилась «Исторія Русскаго народа» Н. Полевого, доведенная до Юліана Грознаго. Разбиралъ Исторію Карамзина, Полевой указывалъ на то, что въ ней нѣтъ ни прагматизма, ни философскаго взгляда на событія, а потому онъ хотѣлъ къ собственной исторіи приложить высшіе философскіе взгляды заграничныхъ историковъ: Гердера, Шеллнга, Гизо, Тьерри, Шюбура и друг. Но эти взгляды, выраженные въ предисловіи, въ самой исторіи ограничивались только параллелью между жизнью

Русскою и Западно-Европейскою. Въ содержаніи исторіи нѣтъ ничего новаго противъ Карамзина. Слогъ ея по мѣстамъ пріятный, по больше-теминый, надутый и напыщенный.

Въ 1837 г., явилась новая «Русская Исторія» г. Устрялова. Въ пей авторъ прагматически излагаетъ переходъ Русскаго Государства изъ одного состоянія въ другое. Исторія представляетъ полную, определенную картину жизни народной, и отличается яснотой, чистотой и живымъ слогомъ.

Въ новѣйшее время, явился новый, весьма замѣчательный историческій трудъ г. С. Соловьева, подъ названіемъ: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.» По настоящее время, вышло семь томовъ этой исторіи, и дѣло доведено только до прекращенія династіи Рюриковой смертію царевича Дмитрія. Было бы поспѣшно произносить рѣшительный приговоръ о твореніи еще неконченномъ. Да оно и подлежать можетъ только суду специальныхъ знатоковъ исторіи. Тѣмъ не менѣе, при чтеніи этой «исторіи» легко замѣтить, что обширность труда, вѣрность идей, всеобъемлющая полнота взгляда, богатство свѣдѣній, тонкій критическій анализъ фактовъ и свѣдѣтельствъ, сопоставленіе событій съ обстоятельствами эпохи и природой, свѣжесть и оригинальность изложенія, живое представленіе дѣйствующихъ лицъ и происшествій, языкъ обработанный, правильный, живой, увлекательный и одушевленный должны доставить труду г. Соловьева высокое мѣсто въ исторической литературѣ.

Б) О СОЧИНЕНІЯХЪ УЧЕНЫХЪ.

Опредѣленіе.

Учеными называются такія сочиненія, въ которыхъ, по закону извѣдно-словеснаго искусства, развиваются истины разума, объясняющія сущность и значеніе того, что находится въ природѣ и въ насъ самихъ. Иначе эти сочиненія, по существу своего содержанія, называются *философическими, дидактическими и учительными.*

Раздѣленіе ученыхъ сочиненій, по ихъ цѣли.

Развивая истины разума, или науки, писатель имѣетъ или ту одну цѣль, чтобы доказать ихъ, и убѣдить въ нихъ другихъ, или же стремится вмѣстѣ съ тѣмъ и къ тому, чтобы слушатель или читатель его сочиненій самую дѣятельность своей воли направилъ согласно съ убѣжденіемъ въ истинѣ. Отсюда происходятъ два главныя отдѣла сочиненій ученыхъ: 1) собственно ученые, или философскіи и 2) сочиненія ораторскія. И слѣдовательно, ораторство не есть *форма*, а родъ философскихъ сочиненій, имѣющій свое особое содержаніе.

1) О СОЧИНЕНІЯХЪ СОБСТВЕННО УЧЕНЫХЪ.

Опредѣленіе.

Собственно ученые, или философскія сочиненія суть тѣ, въ которыхъ развиваются истины разума, или науки съ цѣлію-только доказать ихъ, и убѣдить въ нихъ другихъ.

Общія правила ихъ.

Общія правила для сочиненій ученыхъ касаются: 1) ихъ темы, или предложенія, 2) содержанія, 3) расположенія, 4) выраженія и 5) различныхъ формъ изложенія.

1) О темѣ ученыхъ сочиненій.

Что бываетъ темою ученыхъ сочиненій?

Темою ученыхъ сочиненій бываетъ какая-либо истина, или идея *отвлеченная*, т. е. умою постигаемая. Такова слѣдующая тема одного разсужденія Карамзина: « О любви къ отечеству и народной гордости. » Любовь къ отечеству есть собственно *чувство*. Но здѣсь оно облечено въ отвлеченныя понятія, и составляетъ уже истину умопостигаемую.

Какія темы нужно брать для ученыхъ сочиненій, и какъ разсматривать ихъ?

Для большей занимательности ученыхъ сочиненій, въ литературѣ нынѣ принято за правило брать темы или о предметахъ современныхъ, или темы новыя, или еще недостаточно изслѣдованныя. Если же берутся темы и общезвѣстныя, рѣшенныя, то нужно разсматривать ихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія (напр. исторически, съ точки зрѣнія нравственной, эстетической и т. п.), поставлять въ связи съ новыми предметами, дополнять современными открытіями, дѣлать новыя примѣненія, или выводы, и освѣщать ихъ новымъ способомъ изложенія (*).

Такова, напр. тема знаменитаго отечественнаго разсужденія, подъ названіемъ: «О нравственныхъ причинахъ немощныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года». Врагъ поработилъ почти всю Европу. Съ страшными полчищами онъ вторгся въ предѣлы нашего отечества, и даже — вошелъ въ Москву, или, по выраженію просвѣщеннѣйшаго автора, *наступилъ на самое сердце Россіи*. Кто могъ думать тогда, чтобы мы, и послѣ такой потери, имѣли еще немощные успѣхи въ этой войнѣ, столь неравной по силамъ и средствамъ? Однакожъ, Россія побѣдила, уничтожила кумиръ, тяготѣвшій надъ царствами и народами, и предписала миръ Европѣ. Посему, какъ интересно было въ свое время каждому мыслящему соотечественнику увѣнчать себѣ причины столь немощныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами! И какъ современно было разсужденіе о такомъ предметѣ! Съ другой стороны, люди привыкли приписывать побѣды вѣншимъ причинамъ: многочисленности и храбрости войскъ, огромности государственныхъ средствъ, искусству полководцевъ и проч. Но авторъ смотритъ, такъ сказать, на дно предмета, и видитъ новыя, незамѣченыя другими, причины бражныхъ нашихъ успѣховъ. Это — причины нравственныя: вѣра въ Бога, любовь къ Государю, простая, но чистая и твердая нравственность

(*) Курсъ Слов. г. Чистякъ. ч. II, стр. 180—181.

Русскаго народа, и, наконецъ, самъ Богъ, воюющій съ нами противъ враговъ. Такимъ образомъ, въ этомъ разсужденіи современность предмета соединена съ новою точкою зрѣнія на него.

2) О СОДЕРЖАНІИ ИХЪ.

Въ содержаніи сочиненій ученыхъ доказывается истинность или ложность какой-либо мысли. Доказательства составляютъ существенное начало (элементъ) сочиненій ученыхъ.

а) О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ ВООБЩЕ.

Что называется доказательствомъ?

Доказательствомъ называется такая мысль, или фактъ исторической, который служитъ къ подтвержденію, или опроверженію другой мысли.

Напр. мы должны предпочитать свой отечественный языкъ всякому другому: ибо онъ, какъ говоритъ Карамзинъ, «выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармонію, нежели Французскій, способѣе для изліянія души въ тонахъ, представляетъ болѣе словъ аналогическихъ, т. е. сообразныхъ съ выразимымъ дѣйствіемъ, — выгода, которую имѣютъ одни коренные языки.» Здѣсь мысли о томъ, что языкъ нашъ самъ по себѣ выразителенъ, и что онъ благозвучнѣе и богатѣе Французскаго, суть доказательства: ибо они подтверждаютъ другую мысль, что мы должны предпочитать свой языкъ иностраннымъ.

б) О РАЗЛИЧІИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

Доказательства бываютъ различны:

1) *О доказательствахъ прямыхъ и косвенныхъ.*

Есть доказательства: а) *прямые*, или *внутреннія*, которыя берутся изъ самаго понятія, изъ самой сущности доказываемаго

предмета: таково предыдущее доказательство о преимуществах отечественнаго языка предъ другими, и особенно предъ языкомъ Французскимъ, и б) *косвенныя*, или *внѣшнія*, въ которыхъ мы объ истинности даннаго предложенія заключаемъ отъ ложности основаній и слѣдствій мысли ему противоположной.

Напр: «по понятію, которое имѣли еще ненаказанные во дни Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепель, и *духъ разліется, яко мягкій воздухъ* (Прем. Солом. II, 3), но сему немилосердому и вѣстѣ богохульному понятію, что была бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденія своего, и оплакивать будущее свое исчезновеніе? О таковой кончипъ праведника не воздохнуть-ли небеса, гдѣ душа его полагала свое отечество? Но возстанеть-ли вѣчность, блаженствомъ которой уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятію, Богъ вѣсть Богъ живыхъ, но мертвыхъ».

Здѣсь мысль о безсмертіи души человѣческой подтверждается доказательствами *косвенными*, взятыми отъ ложности слѣдствій мысли противоположной. Логически доказательство это можно представить въ слѣдующемъ видѣ: «душа человѣческая безсмертна (мысль доказываемая); но допустимъ, что она смертна, разліется, по разрушеніи тѣла, яко мягкій воздухъ (мысль противоположная истинѣ доказываемой); что изъ этого выдетъ, — какія слѣдствія? То, что мы живемъ для того только, чтобы проклинать свое роженіе, и оплакивать уничтоженіе, что душа наша напрасно искала на небѣ своего отечества и блаженства, что Богъ вѣсть Богъ живыхъ и мертвыхъ (слѣдствія мысли противоположной); но всѣ эти мысли несправедливы, ложны (несправедливость слѣдствій). Следовательно, (заключеніе отъ ложности слѣдствій къ истинѣ доказываемой мысли) душа человѣческая безсмертна.»

2) О доказательствахъ умозрительныхъ и опытныхъ.

Доказательства бываютъ: а) *умозрительныя* (теоретическія), для которыхъ основанія берутся изъ всеобщихъ необходимыхъ началъ разума: такъ, въ прежнія времена, философы доказывали истину бытія Божія на основаніи отвлеченнаго понятія: «суще-

ство», и б) *опытные* (эмпирические), для которых доводы берутся из наблюдений и опытов надъ природою и жизнью: такъ шарообразность земли доказываютъ плаваніемъ вокругъ свѣта.

3) *О доказательствахъ предлежательныхъ и подлежательныхъ.*

Доказательства бываютъ: а) *предлежательныя* (объективные), для которыхъ основанія заимствуются изъ области самой истины доказываемой, и которыя, потому, называются еще доказательствами *κατ' ἀληθείαν*. Эти доказательства тождественны съ доказательствами внутренними, прямыми, и имѣютъ силу убѣжденія для всѣхъ, и б) *подлежательныя* (субъективные), заимствуемая изъ понятій тѣхъ лицъ, для которыхъ сочиненіе назначается, и, потому, эти доказательства называются иначе *личными* *κατ' ἀνθρώπων*: они имѣютъ силу убѣжденія для нѣкоторыхъ только лицъ.

4) *О различіи доказательствъ, по различію наукъ, и о значеніи ихъ.*

Кромѣ того, доказательства различаются еще: а) по наукамъ, изъ которыхъ они заимствуются: такъ есть доказательства богословія, философскія, физическія, историческія, психологическія и т.п. и б) по своей силѣ и убѣдительности: тутъ бываютъ доказательства *главныя*, или *первоначальныя*, которыя сами по себѣ сильны для доказываемой истины, и доказательства *второстепенныя*, или *вспомогательныя*, которыя сами по себѣ слабы, но имѣютъ силу убѣдительности только въ соединеніи съ доказательствами главными.

5) *Объ отношеніи къ доказательствамъ сравненій, свидѣтельствъ и примрговъ.*

Къ доказательствамъ относятся еще: а) *сравненія* одного предмета съ другимъ, показывающія ихъ сходство, или различіе, или противоположность, б) *свидѣтельства*, т. е. слова, заимствованныя у достовѣрныхъ писателей для подтвержденія доказываемой

истины, и, наконецъ, с) *примѣры*, т.е. какіе-либо факты, служащіе къ подтвержденію истины.

Напр: человекъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Такъ «лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мразъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество (Карамзинъ)».

Здѣсь примѣръ лапландца служитъ доказательствомъ любви къ отечеству.

О силѣ ихъ доказательности.

Изъ этого примѣра видно, что въ сравненіяхъ, свидѣтельствахъ и примѣрахъ умъ нашъ дѣлаетъ заключеніе отъ равнаго къ равному, отъ меньшаго къ большому и наоборотъ (*). А потому они, хотя и считаются доказательствами въ строгомъ смыслѣ слова, однакожь поясняютъ мысль, и имѣютъ часто весьма достаточную силу убѣжденія.

в) Объ описаніяхъ и повѣствованіяхъ, входящихъ въ составъ содержанія ученыхъ сочиненій.

Впрочемъ, не одни доказательства составляютъ все содержаніе ученыхъ сочиненій. Въ нихъ, для оживленія отвлеченныхъ мыслей, употребляются живописныя изображенія предметовъ природы, описанія нравовъ и характеровъ, представленіе событій историческихъ и т. п. Такъ Жуковский въ разсужденіи: «Кто истинно-добрый и счастливый человекъ?» живописно изображаетъ картину семейнаго быта. Конечно, и въ ученыхъ сочиненіяхъ описанія и повѣствованія должны выполнять условія своего рода. Но,

---

(*) Прекрасно выражаетъ основаніе такого заключенія Цицеронъ въ слѣдующихъ словахъ: *quod in majore valet, valet in minore; quod in minore valet, valet in majore; quod in se pari valet, valet in hao, quae par est.* (Тор. сар. IV.)

кроме того, здесь они должны иметь прямое и строгое отношение къ главной мысли сочиненія, и должны быть развиваемы столько, сколько это необходимо по ихъ отношенію къ ней. Иначе—описаніе или повѣствованіе, несоразмѣрно развитое, не только разстроитъ гармонію сочиненія, но и измѣнитъ самый его тонъ и характеръ.

Практическія упражненія:

- 1) Прочитать хорошее разсужденіе, найти въ немъ главную мысль, указать и разобрать ея доказательства, а также показать описательныя и историческія картины, если они есть, и ихъ отношеніе къ главной мысли.
- 2) Назначить самимъ воспитанникамъ приготовить такой же разборъ другого сочиненія, и въ классѣ спросить его.
- 3) Взять тему, и въ классѣ развить ее, т. е. прискать для ней изустно разныя доказательства, и, по порядку, написать ихъ на доскѣ.
- 4) Дать воспитанникамъ тему съ тѣмъ, чтобы они измыслили для ней разныя доказательства, могли въ порядкѣ разсказать ихъ изустно, изложить на доскѣ, или написать на бумагѣ.
- 5) Теперь воспитанники должны заниматься больше всего чтеніемъ сочиненій ученыхъ.

3) О РАСПОЛОЖЕНІИ УЧЕНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

О различіи расположеній.

Цѣлыя ученые сочпенія, равно какъ и однѣ доказательства въ нихъ, располагаются или аналитически, или синтетически.

а) О способѣ расположенія аналитическомъ.

Способъ *аналитическій* (отъ греч. *ἀναλύειν* — раздроблять цѣлое на части) значитъ *раздробительный*. Слѣдуя этому способу, писатель, послѣ вступленія къ сочиненію, начинаетъ назло-

женіе съ частей предмета, и сперва разсматриваетъ одну часть его, самую первую, потомъ беретъ другую, третью и всѣ прочія—отдѣльно,—отсюда восходя отъ низшихъ частей къ высшимъ, отъ меньшихъ къ большимъ, отъ видовъ къ ихъ роду, опъ, наконецъ, выводы своихъ частныхъ изслѣдованій сводитъ вмѣстѣ, и составляетъ изъ нихъ общее, полное и точное понятіе о своемъ предметѣ. Значитъ, сущность расположенія аналитическаго заключается не въ частяхъ, а въ отысканіи *цѣлаго*, общаго всѣмъ частямъ извѣстнаго рода.

Напр. пусть бы понятіе: *добродѣтель* было предметомъ сочиненія. По способу аналитическому, сочинитель сперва разсматриваетъ частности—главныя проявленія добродѣтели, или поступки людей добродѣтельныхъ. Отсюда, восходя къ общему, онъ составляетъ понятіе о различныхъ видахъ добродѣтели, положимъ, вѣрѣ, надеждѣ, любви и проч. И наконецъ, на основаніи видовыхъ понятій, составляетъ родъ, опредѣленіе, что такое добродѣтель *вообще*.

б) О способъ расположенія *синтетическомъ*.

Способъ *синтетическій* (отъ греч. *συντίσις* — соединяю) значитъ *соединительный*. Этотъ способъ, какъ показываетъ самое названіе, совершенно противоположенъ аналитическому. Слѣдя ему, сочинитель, послѣ вступленія, составляетъ общее, полное и точное понятіе о своемъ предметѣ, логически раздѣляетъ это понятіе на составныя его начала, разсматриваетъ каждую часть порознь, и оканчиваетъ свое изслѣдованіе единичными фактами и приѣрами. Слѣдовательно, егда расположенія синтетическаго заключается не въ общемъ, а въ указаніи *частей и подробностей*.

Напр. пусть тоже понятіе: *добродѣтель* будетъ предметомъ сочиненія. По способу синтетическому, писатель сперва долженъ дать общее понятіе о добродѣтели, потомъ разсматриваетъ различные роды и виды добродѣтелей: вѣру, надежду и любовь, и заключаетъ разсмотрѣніи каждаго рода и вида приведеніемъ частныхъ случаевъ и примѣровъ добродѣтели.

Въ какомъ случаѣ употребляется способъ аналитическій, и въ какомъ—синтетическій?

Способъ аналитическій употребляется въ томъ случаѣ, когда части предмета извѣстны сочинителю, и по нимъ нужно бываетъ опредѣлять ихъ родовой смыслъ и значеніе, напр. въ сочиненіяхъ о предметахъ естественныхъ, историческихъ и т. п. Напротивъ, синтетическій способъ употребляется тогда, когда общее понятіе о предметѣ сочиненія извѣстно писателю, и ему нужно найти его части, доказать ихъ единичными случаями и примѣрами, какъ это бываетъ, большею частию, при разсужденіи о предметахъ отвлеченныхъ и умозрительныхъ.

Практическія занятія :

- 1) Взять прежде прочитанное, или прочесть новое разсужденіе, показать способъ его расположенія—аналитическій или синтетическій, и для ясности изложить изустно, или на доскѣ самый планъ его.
- 2) Дать воспитанникамъ сочиненіе, чтобы они разобрали въ немъ доказательства и то, по какому способу оно расположено, и могли бы изложить планъ его изустно, на доскѣ, или на бумагѣ.
- 3) Взять какой-нибудь вопросъ, и въ классѣ изустно составить изъ него расположеніе разсужденія по тому или другому способу, и этотъ планъ для ясности написать на доскѣ.
- 4) Дать воспитанникамъ мысль съ тѣмъ, чтобы они сами, по образцу классическому, составили расположеніе на бумагѣ.

4) О ВЫРАЖЕНІИ УЧЕНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Какимъ слогомъ пишутся ученые сочиненія?

Сочиненія о предметахъ ученыхъ и писать должно слогомъ философическимъ. А потому они должны отличатся строгимъ един-

ствомъ, порядкомъ и связію мыслей, а также — логическими качествами рѣчи: правильностію, чистотою, ясностію и точностію. Впрочемъ, смотря по роду сочиненія и по предметамъ, ученые сочиненія могутъ допускать и художественное представленіе истины: изобразительность и благозвучіе. Такъ, напр. вмѣсто логическаго сухого опредѣленія предмета, они допускаютъ риторическое описаніе, вмѣсто простаго указанія на предметъ, на фактъ историческій, дозволяютъ живое и картинное ихъ изображеніе. Только изящество слога здѣсь стоитъ на второмъ планѣ, и подчиняется господству слога философическаго.

Какіе недостатки должно избѣгать въ ученыхъ сочиненіяхъ?

При такомъ изложеніи философическихъ сочиненій, должно избѣгать и недостатковъ, особенно имъ свойственныхъ, каковы: а) преувеличеніе важности и значенія разсматриваемаго предмета, б) ненужное употребленіе дѣленій и подраздѣленій съ означеніемъ каждаго члена дѣленія, даже каждаго доказательства особенными знаками, и в) сухость и однообразіе въ изложеніи и выраженіи сочиненія. Все это нарушаетъ художественное значеніе ученыхъ сочиненій, и дѣлаетъ ихъ скучными и утомительными.

5) О ФОРМАХЪ ИЗЛОЖЕНІЯ УЧЕНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Какія формы изложенія допускаютъ ученые сочиненія?

Ученые сочиненія допускаютъ всѣ четыре формы изложенія: монологическую, письменную, разговорную и смѣшанную. Кроме того, они излагаются еще иногда (какъ увидимъ ниже) въ видѣ рѣчи и въ формѣ аллегорической.

Практическія упражненія:

- 1) Нужно разобрать какое-нибудь учебное сочиненіе небольшое со всѣхъ сторонъ: со стороны главной мысли, содержанія, различія доказательствъ, расположенія, выраженія и формы изложенія.

- 2) Воспитанники должны заниматься аналитическимъ чтеніемъ ученыхъ сочиненій, такъ, чтобы могли дать отчетъ въ прочитанномъ, т. е. указать главную мысль, различныя доказательства, способъ расположенія и достоинства выраженія.
- 3) Назначить написать краткое разсужденіе по разобранному примѣру.

Б) О РАЗЛИЧНЫХЪ РОДАХЪ И ВИДАХЪ УЧЕНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Главные роды ученыхъ сочиненій.

Въ ученыхъ сочиненіяхъ разсматривается или одна какая-либо истина, одинъ предметъ, или же систематически изслѣдуется цѣлая совокупность истинъ одного и того же рода. Отсюда всѣ ученые сочиненія, по объему своего содержанія, раздѣляются на два главные рода: на разсужденія и сочиненія систематическія, или науки.

1) О РАЗСУЖДЕНІЯХЪ.

Опредѣленіе и раздѣленіе ихъ.

Разсужденіемъ вообще называется такое ученое сочиненіе, въ которомъ подробно объясняется и доказывается одна какая-либо истина разума или науки. Подобно описаніямъ и повѣствованіямъ, разсужденія бываютъ простыя и литературныя, или художественныя.

1) О РАЗСУЖДЕНІЯХЪ ПРОСТЫХЪ.

Опредѣленіе, происхожденіе и древнее ихъ названіе.

Разсужденіе простое есть такое упражненіе въ сочиненіи, въ которомъ объясняется и доказывается какая-либо мысль не по законамъ искусства, а по особеннымъ правиламъ расположенія, придуманнымъ древними риториками. Эти разсужденія получили свое

начало въ самой глубокой древности. И древніе считали пхъ упражненіями столь необходимыми для занимающихся словесностію, что называли ихъ *хріями* (отъ греч. *χρηια*), что и значить собственно *необходимость*.

Хрія бываетъ двухъ родовъ: *прямая* и *обратная*.

а) О разсужденіи, или хрія прямой.

Опредѣленіе и части ея.

Хрія *прямая*, иначе называемая *порядочною* (*ordinata*), есть такое упражненіе, въ которомъ части располагаются по способу *синтетическому*, слѣдующимъ образомъ: сначала полагается дашное предложеніе, потомъ приводятся для него причина и объясненія (т. е. противное, сравненіе, примѣръ и свидѣтельство) и, наконецъ, въ заключеніи изъ всего этого выводятся слѣдствіе.

О такъ называемой хрії афѳоніанской.

Но если темою хрія порядочной бываетъ изреченіе какого-нибудь знаменитаго писателя, напр: Ломоносова, Карамзина, Жуковского и т. п., то начало ея составляется изъ двухъ частей: въ одной содержится похвала писателю, въ другой—объясненіе изреченія. Такой видъ далъ этой хрії Афѳоній, Антиохійскій риторъ и софистъ, жившій въ II в. до нашего лѣтосчисленія. Его *Progymnasmata* (упраженія въ краснорѣчій) долгое время служили основаніемъ риторическаго ученія. Отсюда и самая хрія, именуемая темою изреченія писателя, называется, по имени изобрѣтателя, хрією *афѳоніанскою*.

б) О разсужденіи, или хрія превращенной.

Опредѣленіе.

Хрія *превращенная* (*inversa*) есть такое упражненіе, въ которомъ части располагаются по способу *аналитическому*, въ

порядкѣ, *обратною* хрїи порядочною. А именно: въ хрїи порядочною сперва полагается данное предложеніе, потомъ для него приводится причина и объясненія и, наконецъ, дѣлается общее заключеніе. Въ хрїи обратной—наоборотъ: рѣчь начинается или а) съ *причины* данного предложенія, или же б) съ *объясненія* его (т. е. съ примѣра, сравненія, свидѣтельства, противнаго), а оканчивается всегда главнымъ предложеніемъ.

Напр. прилежное чтеніе Св. Писанія ведетъ насъ къ Богу. Самъ Богъ заповѣдалъ человѣку день и ночь поучаться въ законѣ своемъ: *да уразумѣши, говорить, творити вся писанная: тогда благуоспѣши и исправиши пути твоя* (причина). Посему намъ должно всегда заниматься чтеніемъ Св. Писанія (предложеніе).

Здѣсь рѣчь начинается съ причины, и оканчивается предложеніемъ. А въ слѣдующемъ примѣрѣ она начинается съ свидѣтельства, и оканчивается даннымъ предложеніемъ.

Поставляя Иисуса Навина на мѣсто Моисея вождемъ Израильскаго народа, Богъ заповѣдалъ ему поучаться въ законѣ своемъ день и ночь: *да уразумѣши, говорить, творити вся писанная: тогда благуоспѣши и исправиши пути твоя* (свидѣтельство). Эта заповѣдь относится ко всѣмъ хрїстіанамъ, и одинаково—спасительна для каждаго изъ насъ: ибо чтеніе слова Божія руководствуетъ насъ къ Богу (переходъ). А потому и каждому изъ вѣрующихъ необходимо, какъ можно болѣе и чаще, заниматься чтеніемъ Св. Писанія (предложеніе).

Виды хрїи обратной.

Отсюда хрїи обратная бываетъ двухъ родовъ. Если въ ней рѣчь начинается съ причины, и оканчивается даннымъ предложеніемъ; то *разсужденіе* называется, по переводу съ Латинскаго, хрїею *чрезъ предыдущее и послѣдующее* (per antecedens et consequens), на томъ основаніи, что здѣсь причина *предшествуетъ* своему слѣдствію, которымъ бываетъ главное предложеніе. Если же рѣчь начинается съ объясненія, т. е. или съ противнаго, или съ сравненія, или съ подобія, или съ свидѣтельства, или съ при-

мѣра; то разсужденіе называется, по переводу съ Латинскаго, хрїею чрезъ *положеніе и приложеніе* (per thesin et hypothesis), или лучше—*чрезъ объясненіе и предложеніе* (per amplificationem et propositionem): ибо здѣсь существенными частями упражненія признаются *объясненіе*, составляющее какъ-бы основное начало, тезисъ разсужденія, и *предложеніе*, которое, слѣдующее послѣ объясненія, составляетъ какъ-бы приложеніе его.

Примѣромъ полного разсужденія чрезъ *предложеніе и объясненіе* служитъ слѣдующее мѣсто изъ разсужденія: «О нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ уснѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года». Здѣсь объясненіе взято изъ противнаго, заключающаго въ себѣ возраженіе и опроверженіе, а главное предложеніе состоитъ въ томъ, что Россія восторжествовала въ войнѣ съ Французами.

Приступъ. «Если сообразить истерпѣливое стремленіе Наполеона въ Москву и его упорное въ ней медленіе, вопреки самымъ страстямъ его: то могутъ открыться мысли, которыя имѣлъ онъ, вошедъ въ сію столицу.»

Положеніе (отъ противнаго: а) *возраженіе*). «Теперь, думаль онъ, я наступилъ на сердце Россіи. Кто принудить меня обратитъ вспять мою ногу? Бывъ отнюдь не такъ силенъ, какъ нынѣ, я вступилъ въ Вѣну, и раздавилъ Германію. Москва, по крайней мѣрѣ, должна вмѣстѣ съ собою смирить передо мною Россію. (б) опроверженіе). Вообразимъ же, что, въ сію самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утѣснителю Европы толь высокоумную надежду, явилась бы истина, и произнесла бы надъ нимъ свой судъ: ты не наступилъ на сердце Россіи, но, преткнувшись, оперся на грудь ея, и вскорѣ будешь отраженъ и низверженъ. Россія не будетъ унижена, но вознесется въ славу, доселѣ невидѣнной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предѣла: начинается брань Господня. Ты раскинулъ преданную въ руки твои судьбою Столицу; но и будешь стреломъ въ ней, какъ уловленный хищникъ въ темницѣ, а сію возбудитъ рабовъ твоей великой темницы къ покушенію сокрушить свои оковы. Пораженный отсюду, ты прибѣжишь къ обыкновенному

твоему оружію лживаго языка; но принужденъ будешь дать твоей имперіи повелѣніе, чтобы она тебѣ вѣрила, т. е. признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ, что твоя имперія тебѣ не вѣритъ. Ты побѣдиль, какъ татъ, изъ той земли, въ которую вторгся, какъ разбойникъ, и въ столь же краткое время, какъ ты пришелъ сюда, тебя увидятъ въ заточеніи собственнаго твоего дома, твои татъбины—въ рукахъ законныхъ владѣтелей, твою великую армию—въ плѣну, въ сѣткахъ и холмахъ могильныхъ.»

Связь. «Кто могъ бы отличить тогда сія вѣрныя пророчанія отъ суетныхъ прещеній? Кто узналъ бы голосъ истины?»

Приложеніе. «Но, наконецъ, истина оправдана отъ сыновъ своихъ, а судьба Россіи отъ глубокаго мрака возведена, какъ полдень, путами Провидѣнія.»

Заключеніе. «Да возвѣстится истина! да благословится Провидѣніе!»

Общее замѣчаніе о значеніи простыхъ разсужденій.

Простыя разсужденія, какъ прямыя, такъ и обратныя, не суть сочиненія въ собственномъ смыслѣ слова. Это — просто формы рѣчи, изобрѣтенныя древними риториками для первоначальнаго упражненія въ сочиненіяхъ. И такъ-какъ въ основаніи ихъ положены способы расположенія, свойственныя ученыхъ сочиненіямъ: то они, подобно простымъ описаніямъ и повѣствованіямъ, могутъ служить весьма полезнымъ занятіемъ для приготовленія учащихся къ упражненію въ составленіи ученыхъ сочиненій. Нужно только уничтожить тѣ классическіе оковы, которые налагались ими на умственную дѣятельность пишущаго, и предоставить ему, избравъ тему, *свободно* развивать ее въ известной формѣ разсужденія, такъ, чтобы онъ бралъ только тѣ мысли для ея развитія, которыя *сами собою* будутъ вытекать изъ даннаго предложенія, и располагалъ бы ихъ въ такомъ порядкѣ—аналитическомъ или синтетическомъ, въ которомъ они *естественно* будутъ слѣдовать одна за другою при размышленіи.

Практическія упражненія:

- 1) Разобрать въ классѣ нѣсколько другихъ примѣровъ на простыя разсужденія, выбравъ оныя изъ ученыхъ сочиненій.
  - 2) Вмѣстѣ съ воспитанниками составить въ классѣ изустно по два примѣра на каждое изъ трехъ разсужденій.
  - 3) Назначить самимъ воспитанникамъ пайти, при чтеніи книгъ, примѣры на эти разсужденія, и разсказать ихъ въ классѣ, съ разборомъ ихъ состава и достоинствъ.
  - 4) Дать воспитанникамъ темы для написанія разсужденій по правиламъ и примѣрамъ.
  - 5) Заставлять ихъ въ классѣ писать на доскѣ, на бумагѣ и *ex-impromptu* говорить разсужденія—тоже на данныя или произвольно ими взятыя темы.
- 2) **О РАЗСУЖДЕНІЯХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ, ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ.**

Отличіе ихъ отъ разсужденій простыхъ.

Разсужденія литературныя или художественныя отличаются отъ простыхъ тѣмъ, что они ищутся не по правиламъ древнихъ риторовъ, а по художественнымъ законамъ изящно-словеснаго искусства.

О законахъ разсужденій литературныхъ, и въ особенности—о частяхъ ихъ.

Законы эти суть тѣже самыя, которыми опредѣляется достоинство сочиненія вообще, и въ частности—характеръ сочиненій ученыхъ. Впрочемъ, какъ особый родъ ученыхъ сочиненій, разсужденія имѣютъ и свои особенности въ отношеніи расположенію. Именно: разсужденія литературныя, большею частію, слагаются

изъ трехъ частей: *вступленія*, *изложенія* и *заключенія*. Но въ нихъ встрѣчаются также *предложеніе* и *раздѣленіе*, если разсужденіе пишется пространное.

О содержаніи вступленія.

Во *вступленіи* сочинитель, изложивъ побужденія, заставившія его изслѣдовать данную истину, указываетъ важность и значеніе этой истины, опредѣляетъ точку зрѣнія, съ которой онъ намѣренъ изслѣдовать свой предметъ, и потомъ развиваетъ и утверждаетъ свой взглядъ на предметъ.

Объ изложеніи и его частяхъ.

Въ *изложеніи* разсужденія развивается истина, составляющая тему сочиненія. Такъ-какъ въ разсужденіяхъ данныя истины должны быть разсматриваемы не только полно, но и подробно: то изложеніе ихъ, большею частію, само слагается изъ нѣсколькихъ частей. И это бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) Если мысль или предметъ разсужденія состоитъ изъ двухъ, трехъ и четырехъ сторонъ, то и изложеніе разсужденія слагается изъ столькихъ-же частей. Такъ разсужденіе Карамзина: «О любви къ отечеству» имѣетъ двѣ части: въ первой говорится о любви къ отечеству, въ второй—о народной гордости.

б) Часто для разсужденія берутся предметы спорные, или такіе, на счетъ которыхъ существуютъ разныя мнѣнія и злоупотребленія. Таковы, напр. въ философіи вопросы о происхожденіи души, объ образѣ ея соединенія съ тѣломъ и т. п. Въ такомъ случаѣ изложеніе разсужденія можетъ слагаться изъ двухъ частей: *критической* или *отрицательной*, гдѣ опровергаются несправедливыя понятія другихъ объ избранномъ предметѣ, и *положительной*, въ которой писатель развиваетъ и доказываетъ свою мысль о немъ.

Впрочемъ, можно, не дѣлая критической части *особою*, изложить положительно мысли свои о предметѣ, такъ, чтобы мнѣнія противниковъ и возраженія падали сами собою, *злоупотребленія*

обличались бы при одномъ напоминаніи о нихъ. Этотъ способъ изложенія, во избѣжаніе спорной полемики, схоластицизма, нынѣ вообще предпочитается церковному.

Наконецъ, в) можно взять за тему сочиненія предметъ историческій, или такой, о которомъ понятія развивались постепенно, исторически. Въ такомъ случаѣ хорошо вводить въ изложеніе часть историческую, такъ, чтобы оно состояло изъ двухъ частей: *положительной и исторической*.

О заключеніи.

Заключеніе въ разсужденіяхъ, смотря по матеріи п цѣли ихъ, составляется различнымъ образомъ. Если темою сочиненія бываетъ отвлеченная истина, то въ заключеніи кратко представляются всѣ доказательства ея для совершеннаго убѣжденія въ ней читателей. Но въ разсужденіяхъ историческаго и нравственнаго содержанія лучше дѣлать въ концѣ выводы и примѣненія темы сочиненія къ жизни и дѣятельности людей. При семъ въ разсужденіи, какъ и въ рѣчи ораторской, могутъ быть допущены и обращенія. Такъ въ разсужденіи: «*О нравственныхъ причинахъ невозвѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года*» въ концѣ сдѣланы обращенія: а) къ Французамъ, чтобы они вразумились наказаніемъ Божиимъ, б) къ Россіи, чтобы она непоколебимо сохраняла основы своего величія (вѣру въ Бога, любовь къ Государю), и, наконецъ, в) къ Государю, чтобы Онъ возрадовался о спасеніи Господа.

Различіе разсужденій по содержанію.

Смотря по наукамъ, отдѣльныя истины которыхъ разсматриваются въ разсужденіяхъ, и по взгляду на предмѣты ихъ, разсужденія бываютъ различны, какъ-то: богословскія, философскія, историческія, критическія, филологическія и т. п.

О формѣ изложенія разсужденій.

Въ прежнее время, разсужденія любили излагать, по большей части, въ формѣ разговорной. Они удобно могутъ принимать также

и форму письма. Пишут же, они излагаются, почти исключительно, в форме монологической. Кроме того, в наше время рассуждения иногда принимают на себя вид речи ораторской. Это бывает в том случае, когда сочинение назначается для произнесения в собраніи, по поводу какого-нибудь торжественнаго случая (напр. публичнаго акта въ заведеніи и др.). Тогда въ присутствіи и заключеніи рассужденія допускаются нѣкоторыя прихвѣненія предмета ко времени, мѣсту и другимъ обстоятельствамъ, а также—и обращенія къ слушателямъ. Нужно, чтобы обращенія и прихвѣненія были, какъ можно болѣе, просты и неизысканны. Рассужденія, написанныя въ формѣ речи, называются, по формѣ своей, *рѣчами*, а иногда *диссертациями*. Впрочемъ, по составу своему, рѣчи ораторскія весьма строго отличаются отъ рассужденій, и потому не должны быть смѣшиваемы съ ними.

Образцы рассужденій въ нашей литературѣ.

Въ нашей литературѣ многіе писатели занимались переводами и составленіемъ оригинальныхъ рассужденій, и между ними есть сочиненія весьма замѣчательныя въ томъ или другомъ отношеніи.

1) Ломоносовъ, какъ ученый своего времени, первый представилъ намъ образцы въ этомъ родѣ. Онъ писалъ рассужденія по части Русской словесности, но больше по предмету естественныхъ наукъ. *Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій написаны въ видѣ «словъ» или рѣчей. Лучшее изъ нихъ—рассужденіе: «О пользѣ физики.»*

2) М. Н. Муравьевъ: въ его рассужденіяхъ, написанныхъ въ формѣ монологической, развиваются идеи нравственно-философскія. Таковы слѣд. рассужденія: «Жребій философіи», «Просвѣщеніе и роскошь», «Начало нравственныхъ дѣяній», «Блаженство», «Пользы и затрудненія государственнаго знанія» и нѣкоторыя другія. Всѣ они отличаются краткостію, здравомысліемъ и слогомъ даже для нашего времени довольно хорошимъ.

3) Державинъ написалъ одно рассужденіе: «О лирической поэзіи, или объ одѣ.» Въ немъ раскрывается происхожденіе лирической поэзіи, ея свойства и разные виды. Это сочиненіе весьма замѣчательно по своей обширности, по вѣрности понятій, по со-

гласныхъ съ тогдашнюю теорією науки и по обилію примѣровъ. Оно явилось уже въ позднее время жизни поэта, и было читано имъ, въ 1811 году, въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова.

4) Князь А. С. Шишковъ: его «Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ Россійскаго языка», имѣющее объѣмъ цѣлой книги, написано и издано въ 1803 году, по поводу вторженія въ Русскую литературу словъ новыхъ, и особенно многихъ словъ, выраженій и фразъ рѣчи иностранныхъ. Радѣя о чистотѣ родного языка, сочинитель убѣждалъ замѣнить ихъ словами славянскими, постоянно указывая на примѣръ Ломоносова. Взглядъ сочинителя невѣренъ, одностороненъ, и разсужденіе написано *старымъ* слоgомъ. Но его можно назвать примѣрнымъ по знакомству съ старой и новой (тогдашней) литературной, по многимъ вѣрнымъ замѣчаніямъ, по ревности и любви къ отечественному языку и пользѣ, какую оно принесло намъ. Въ 1824 году, при второмъ изданіи разсужденія, авторъ писалъ: «со времени перваго изданія сей книги по сіе время (чему прошло уже около 20 лѣтъ), не вижу я болѣе (или, по крайней мѣрѣ, гораздо меньше) тѣхъ странныхъ мыслей и выраженій, какія тогда попадались мнѣ во многихъ книгахъ..... Вообще слоgъ съ того времени поправился.»

5) Карамзинъ: у него, кромѣ сочиненія о счастливѣйшемъ времени жизни, образцовымъ считается разсужденіе: «О любви къ отечеству и народной гордости.» Это разсужденіе проникнуто чувствомъ любви къ родинѣ, и написано прекраснымъ ученымъ слоgомъ, по поводу замѣчнаго малаго уваженія Русскихъ и довѣрчивости къ самимъ себѣ, къ собственнымъ дарованіямъ, что мѣшало тогда ихъ народному развитію.

6) Высокопроев. Филаретъ, Митрополитъ Московскій, представилъ намъ превосходный образецъ разсужденія въ сочиненіи: «О нравственныхъ причинахъ немощныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года.»

7) Гнѣдичъ: «О причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей Словесности» и «О поэзіи идиллической.» Это послѣднее разсужденіе составляетъ предисловіе къ его идилліямъ, и замѣательно какъ по слогу, такъ особенно по оригинальности и вѣрности мыслей, излѣившихъ прежнія наши понятія объ идилліи.

8) Батюшковъ: «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи», разсужденіе, написанное изящнымъ ученымъ слогомъ.

9) Много разсужденій переводныхъ и оригинальныхъ осталось намъ отъ В. А. Жуковскаго. Всѣ они раскрываютъ мысли, которыя занимали тогда литературу, и были любезны сердцу нашего поэта. По содержаію своему, они раздѣляются на два рода: въ однихъ развиваются вопросы, касающіеся теоріи в исторіи словесности, а въ другихъ—идеи нравственно-философическія. Къ первымъ относятся слѣдующія его разсужденія: а) «О нравственной пользѣ поэзіи», б) «О переводахъ вообще, и въ-особенности о переводахъ стиховъ», в) «О слогѣ простомъ и украшенномъ», г) «О трагедіи», д) «О краснорѣчій.» Къ нимъ также относятся, по единству предмета, и три оригинальныхъ сочиненія: е) «О критикѣ, написанное въ формѣ письма къ издателю (Карамзину) Вѣстника Европы», ж) «О поэзіи древнихъ и новыхъ» и з) «О поэтѣ и поэзіи», изложенное въ видѣ-же письма къ Гоголю. Изъ разсужденій, развивающихъ идеи нравственно-философическія, извѣстны: і) «Писатель въ обществѣ», к) «Письмо възъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы», л) «Кто истинно-добрый и истинно-счастливый человекъ», м) «Сила несчастія», н) «Нѣсколько мыслей о любви къ уединенію, о достоинствѣ и характерѣ», о) «О выгодахъ славы», р) «О счастіи.» Всѣ эти разсужденія, и оригинальныя, и переводныя, написаны прекраснымъ философическимъ слогомъ.

10) Изъ писателей вашего времени весьма замѣчательныя разсужденія принадлежатъ: а) Востокову «О Славянскомъ языкѣ», б) гр. Уварову «О языкахъ» и о томъ «подвигается-ли впередъ историческая достовѣрность», в) Плетневу «О народности въ литературѣ», г) П. Давыдову разсужденія философическія и педагогическія, д) Надеждину: «Объ историческихъ трудахъ въ Россіи», «Объ исторической истинѣ и достовѣрности», е) Грановскому «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи» и друг. Весьма много хорошихъ разсужденій написано воспитанниками высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ заведеній для полученія ученыхъ сочиненій.

Практическія упражненія:

- 1) Нужно прочитатъ въ классѣ съ разборомъ, и назначить воспитанникамъ на домъ чтеніе разсужденій различныхъ писателей и разнаго содержанія. Воспитанники, при чтеніи, должны замѣчать, больше всего, планъ, расположеніе разсужденій.
- 2) Назначить воспитанникамъ а) написать разсужденіе, по плану, прежде-составленному (*), б) написать имъ самимъ планъ, расположеніе для разсужденія, наставилку разсмотрѣть его в в) по разсмотрѣннымъ расположеніямъ — писать разсужденія.
- 3) Матерію для разсужденій давать изъ круга понятій воспитанниковъ, а разсужденія ихъ должны отличатся краткостію, доказательностію, хорошимъ порядкомъ — аналитическимъ или синтетическимъ, и обработаннымъ ученымъ языкомъ.

**А) О ВИДОИЗМѢНЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
РАЗСУЖДЕНІЙ.**

1) О РАЗМЫШЛЕНІИ.

Сходство и различіе между размышленіями и разсужденіями.

Размышленіе, по существу дѣла, есть почти тоже, что и разсужденіе. И размышленія такъ же бываютъ различны, какъ и разсужденія. Отличаются же они отъ разсужденій только *характеромъ* своего изложенія.

О характеръ изложенія размышленій.

Характеръ изложенія размышленій опредѣляется слѣдующими особенностями: а) размышленія начинаются не прямо съ своего

(*) См. выше практ. зан. въ отв. къ расположенію, стр. 233.

предмета, а большею частію, какъ бы случайно, съ того, что подало поводъ къ размышленію о данномъ предметѣ, или что напоминаетъ о немъ. Такъ, напр. весна напоминаетъ намъ о юности, осень — о старости, кладбище — о смерти и т. п. Поэтому, начиная съ весны, осени, кладбища, писатель незамѣтно переходитъ къ юности, старости, къ мысли о смерти, и останавливается своею душою на сихъ предметахъ. Иногда онъ, такимъ образомъ, по всему сочиненію проводитъ параллель между предметомъ размышленія и тѣмъ, что имѣетъ съ нимъ сходство.

б) Подобно разсужденію, размышленія, подчиняясь общимъ законамъ о сочиненіи, требуютъ единства, порядка и стройности въ развитіи мыслей. Но они же и не терпятъ той *строгой* системы, которая составляетъ достоинство разсужденія: ибо въ размышленіи могутъ быть допущены отклоненія отъ главной идеи сочиненія и отъ строгаго порядка въ ея развитіи, для объясненія какихъ-либо предметовъ, имѣющихъ связь съ даннымъ предложеніемъ, и даже — только для свободнаго изліянія мыслей и чувствованій писателя.

в) Въ отношеніи къ слогу, размышленія должны отличаться ясностію и простотою изложенія. Самыя украшенія должны быть здѣсь, какъ можно болѣе, просты и естественны. Кроме того, размышленія, гораздо больше разсужденій, допускаютъ въ свое изложеніе теплоты сердца и живости воображенія. Отъ этого происходитъ то, что въ нихъ встрѣчаются обращенія писателя къ Богу, къ самому себѣ, другимъ лицамъ, и даже — къ предметамъ неодушевленнымъ. Вообще, при простотѣ и ясности, размышленія пишутся языкомъ живымъ.

г) Въ отношеніи къ формѣ, размышленія излагаются исключительно въ формѣ монологической, приближающейся къ характеру *драматическаго* монолога: ибо въ нихъ писатель излагаетъ свой предметъ такъ, какъ будто-бы онъ, очевидно, разговаривалъ самъ съ собою, или съ кѣмъ-либо другимъ.

Объ исторіи размышленій и примѣръ.

Размышленія составляютъ, по живости и красотѣ изложенія, одинъ изъ самыхъ лучшихъ видовъ ученой прозы. Но въ литера-

турѣ, къ сожалѣнію, эти сочиненія являются очень рѣдко. Отъ древнихъ мы имѣемъ въ этомъ родѣ прекрасныя размышленія Марка Аврелія съ самимъ собою. Въ нашей литературѣ первый опытъ размышленія представилъ Фопъ-Визинъ, подъ названіемъ: «Размышленіе о суетной жизни человѣческой.» За нимъ Гоголь составилъ свои «Размышленія о Божественной Литургіи.» За то, духовная литература очень богата размышленіями богословскаго содержанія, и между ними есть творенія истинно—прекрасныя. Высокіе образцы ихъ можно находить въ духовныхъ журналахъ, и въ-особенности въ двухъ слѣдующихъ сборникахъ размышленій: 1) Вѣра, Надежда и Любовь А. А. М. и М. (1854 г.) и 2) Минуты уединенныхъ размышленій христіанина (1856 г.) Д. Б. А. Кирилла. Таково изъ послѣдняго сборника слѣдующее, истинно-краснорѣчивое размышленіе, подъ названіемъ: «Осенняя природа.»

«Есть что-то грустное въ уныломъ воѣ осенняго вѣтра, въ пустышной наготѣ полей, или сжатыхъ, или покрытыхъ чернѣющею зеленью будущей жатвы. Въ этомъ воѣ слышутся мнѣ отголоски какихъ-то знакомыхъ воздыханій и стоновъ; эти поля опустѣвшія, безжизненныя, напоминаютъ намъ грустныя стороны человѣческой жизни. Но зачѣмъ бѣжать и отъ грустныхъ иногда впечатлѣній? Отчего въ иную пору не дать мѣста и думѣ, отъ которой, можетъ быть, навернулись бы на глаза слезы?»

Грустно припомнить потерянные дни юности, — тихіе, свѣтлые, полные жизни дни, которые уже не возвратятся. Но какъ-то невольно припоминаешь ихъ, прислушиваясь къ жалобнымъ стонамъ твоимъ, безпріютный скиталець полей опустѣвшихъ, какъ будто плачущій о свѣтлыхъ дняхъ весны! Не того жаль, что прошли безмятежныя дни дѣтства, безпечнаго и веселаго; не того хотѣлось бы, чтобы возвратились ко мнѣ прежнія ласки отца и матери, отеческій кровъ и свой родной кругъ, забавы дѣтскихъ дней и спокойный сонъ юношескихъ ночей. Хорошо дѣтство въ свое время; пріятны забавы юности для юноши. Жаль именно того, что лучшіе дни жизни потеряны; хотѣлось бы возвратять годы юности именно для того, чтобы исправить грѣхи юности.

Была пора, когда юная впечатлительная душа моя, много раз до глубины растроганная благолъпіемъ церковной службы, много разъ рвалась ко святому храму Божію.... Боже мой! Боже мой! Если бы беспорядочныя забавы дѣтства и разстѣянность юности не заглушили во мнѣ живыхъ стремленій сердца моего къ Тебѣ, Кого по природѣ такъ усиленно ищетъ душа юноши: то младенческій лепетъ молитвы моей не погибъ бы для меня, какъ ранній цвѣтокъ, дозрѣть не успѣвшій. Отъ лѣтъ младенчества я во многомъ преуспѣлъ, многому научился, много узналъ.... Какъ бы хорошо теперь я зналъ уже сладость молитвы, какъ бы хорошо умѣлъ уже молиться, если бы, во все эти годы, не переставалъ учиться молитвѣ!...

Была пора, когда, согрѣтый ласкою матери и нѣжнымъ вниманіемъ отца, я, съ своимъ жаждавшимъ радости и счастья сердцемъ, могъ бы быть счастливъ, такъ счастливъ, какъ, можетъ быть, въ другой разъ въ жизни уже не буду.... Вотъ бы когда поучиться мнѣ любви къ людямъ, благодарности къ родителямъ, умѣнью пользоваться счастіемъ, которое Богъ посылаетъ. Но пора эта уже прошла, и что осталось отъ пей? Любовь матери, готовой припестить въ жертву за мое счастье и спокойствіе все, приучила меня къ ложной и губельной мысли, будто она дѣлала все по одному долгу, не имѣя права на мою признательность, на мою ласку за ея ласку. Заботами отца обо мнѣ развивались во мнѣ новыя и новыя прихоти.... И не зналъ я, своенравный ребенокъ, что значить истинная, чистая любовь, искренняя признательность, полное счастье!...

Была пора дѣтской чистоты сердца, незлобія и спокойнаго послушанія, когда бы можно было мнѣ на дѣлѣ изучить всю сладость жизни въ мирѣ съ совѣстію, всю цѣну мира съ ближними, всю пользу послушанія.... Но мысль я желаніе бѣжали тогда впередъ, и въ чааніи того, что я нѣкогда тоже буду взрослый, съ своими правилами и съ своею волею, безвѣчно упустилъ я то, что было въ рукахъ....

Прошли дни юности, — время развитія силъ, пора дѣятельнаго приготовленія къ жизни. То были чудные дни надеждъ и стрем-

леній, предначертаній и трудовъ. О, если бы все, что Господь вложилъ добраго въ душу мою, развилъ, возрасталъ и усвоилъ я себѣ съ тѣми усиліями, къ какимъ былъ способенъ! О, если бы я свои, прекрасные сами по себѣ, порывы юной души моей приложилъ тогда къ труду достойному! Но, вмѣстѣ съ лѣтами, возрастали во мнѣ тѣ дурныя свойства, которыхъ сѣмя принялъ я въ себя еще въ дѣтствѣ; вмѣстѣ съ напряженіемъ силъ, начали возбуждаться страсти. И вотъ-эти юные годы, которые должны бы были вѣнчать собою дѣтство мое, — эти драгоценные годы, когда все доброе должно бы было созрѣвать и крѣпнуть въ душѣ моей, чтобы потомъ проявляться въ моей жизни, — эти годы потеряны! . . .

Не такъ потеряны, чтобы, въ-продолженіе ихъ, не приобрѣлъ я ничего добраго, не сдѣлалъ ничего полезнаго ни для себя, ни для другихъ. Нѣтъ, въ жизни нѣтъ пробѣловъ: не дѣлаешь добраго, такъ дѣлаешь худое, — юные годы мои были злоупотреблены. . . Умъ мой жаждалъ познаній; я безъ разбора началъ питать его всѣмъ, что попадалось. И приучилъ я умъ свой къ празднои мечтательности, которая теперь не даетъ мнѣ возможности приложить къ дѣлу и тѣхъ познаній, какія были приобрѣтены, — къ суетной пытливости, которая не даетъ утвердиться во мнѣ ни одному глубокому убѣжденію. . . . Сердце мое жаждало счастья, радостей. Что же я сдѣлалъ для своего сердца, для своего счастья? Создалъ для себя свой призрачный міръ съ воображаемымъ счастьемъ, съ небывальными радостями, которыя и преслѣдовали съ легкомысліемъ дмтати. . . . Волю мою нужно было заранѣе приучить къ твердой, правильной дѣятельности, которая бы въ послѣдствіи и мнѣ сдѣлала честь, и ближнимъ принесла пользу. . . . И я мечталъ, въ минуты разгоряченія моего юношескаго воображенія, что мнѣ остается только дорости до зрѣлыхъ лѣтъ, чтобы быть дѣятельнѣйшимъ и полезнѣйшимъ членомъ общества. Мечталъ, а жизнь протекала незамѣтно, а время приготовительнаго упражненія воли въ добрѣ улетало мало-по-малу. . . .

Пришла пора дѣятельности, на дѣлѣ оказалось, что нѣтъ у меня ни довольно послушанія, безъ котораго, въ обществѣ человѣческомъ, и при самыхъ блестящихъ дарованіяхъ, не будешь полезнымъ членомъ, — ни довольно терпѣнія, безъ котораго ни шагу

не сдѣлать ни въ какомъ дѣлѣ,—ни довольно любви къ долгу и ближнимъ, незамѣнимою ни самолюбиемъ съ его расчетами, ни страхомъ съ его постоянными опасеніями.... И вотъ теперь это такъ горько отражается въ моей дѣятельности, нуждающейся, по привычкѣ, во вѣшной опорѣ! И вотъ теперь жаль становится мнѣ тѣхъ драгоценныхъ дней, когда отъ искренняго, отверстаго для любви сочувствія сердца, а могъ дѣлать своимъ ближнимъ, какое было по силамъ, добро, а дѣлалъ больше неприятностей и оскорбленій!...

О Господи! грѣха юности и невѣдѣнія моего не помини! Я не умѣлъ принести Тебѣ въ жертву первыхъ плодовъ моей жизни.... Даруй же мнѣ силу послужить Тебѣ всею душою, по крайней мѣрѣ, теперь!... Можетъ быть, уже и поздно мое обращеніе; но у Тебя много милости и челоуѣколюбія и для пришедшихъ на трудъ угожденія Тебѣ и въ единадесятый часъ.

Архимандритъ Кирилль.

2) О чувствованіяхъ.

Сходство и различіе между ими и размышленіями.

Сочиненія, извѣстныя подъ именемъ: «*Чувствованій*», весьма близко подходятъ къ размышленіямъ, такъ, что ихъ нерѣдко трудно различить между собою. Однакожъ между ними есть различіе. Оно заключается:

а) *Во взглядѣ на предметъ*: ибо размышленія принимаютъ въ свой составъ чувствованія. Но они не составляютъ необходимой принадлежности ихъ, хотя и придаютъ имъ значительную степень живости и красоты. Существенная обязанность размышленія заключается въ ясномъ и простомъ изложеніи истины со стороны собственно *умственного* ея значенія, какъ можно судить о томъ по приведенному примѣру. Но въ чувствованіяхъ, наоборотъ, писатель долженъ разсматривать и излагать предметы не столько съ умственной ихъ стороны, сколько со стороны *ихъ отношеній къ нашему сердцу*.

б) *Въ изложеніи и словѣ:* ибо чувствованія еще менѣе могутъ держаться правилъ строгаго порядка, чѣмъ размышленія. Имъ извинительнѣе, въ нихъ неизбѣженъ и совершенно законенъ даже-такъ называемый *беспорядокъ лирической*, въ которомъ не понимаешь логическаго порядка въ изложеніи мыслей и чувствованій, но видишь между ними не менѣе строгую связь, такъ сказать, *сердечную, психологическую*. А въ отношеніи къ слово-выраженію, чувствованіямъ приличенъ языкъ не только живой, но и одушевленный.

Какихъ недостатковъ должно избѣгать въ этихъ сочиненіяхъ?

При изложеніи чувствованій, нужно избѣгать двухъ недостатковъ, особенно имъ свойственныхъ, каковы: а) излишняя и ложная чувствительность (сентиментальность), и соединенная съ нею растрянутасть въ изложеніи, и б) сухость, т. е. недостатокъ искренняго и живого чувства, восполняемый въ такихъ случаяхъ пышными фразами и восклицаніями. Для избѣжанія же сихъ недостатковъ, рекомендуется писать подобныя сочиненія не по расчету, а по искреннему сочувствію сердца къ предмету; но, и при сочувствіи, сильные порывы сердца всегда умѣрять разсудкомъ.

Притѣрною чувствованій можетъ служить сочиненіе, подъ названіемъ: «Чувствованія христіанина весною (Воскр. чт. 11 г. изд.).»

3) О мысляхъ и чувствованіяхъ.

Опредѣленіе и примѣръ.

Иногда чувствованія соединяются съ размышленіемъ, и составляютъ *средній* родъ сочиненій между размышленіями и чувствованіями. Въ такихъ сочиненіяхъ авторъ соединяетъ точку зрѣнія, свойственную размышленію, съ характеромъ изложенія чувствованій. Онъ излагаетъ въ соразмѣрности то мысли свои о данномъ предметѣ, то чувствованія, имъ возбуждаемыя. Равнымъ образомъ, мысли, имъ высказываемыя, пропущены бывають чувствованіями,

и наоборот — чувствованія пропитаны мыслью, разумнымъ сознаніемъ. Этотъ видъ сочиненій носить, обыкновенно, совместное названіе: «*Мыслей и чувствованій*», которыя, по большей части, излагаются отрывисто. У насъ въ этомъ родѣ написаны: «*Отрывки изъ дневника Русскаго офицера*» — Марлинскаго. Но вообще подобныя произведенія, составляющія, такъ сказать, исповѣдь человѣка, выраженіе самыхъ задушевныхъ его мыслей и чувствованій, бывають рѣдки.

О родовомъ значеніи размышленій, чувствованій и мыслей и чувствованій.

Размышленія, чувствованія, а также мысли и чувствованія, составляющія средній родъ ихъ, не суть особые роды ученыхъ сочиненій. Они относятся къ отдѣлу литературныхъ разсужденій: ибо содержаніемъ ихъ бываетъ также какая-либо отдѣльно взятая мысль, какое-либо случайное явленіе и происшествіе. Но отлѣчаются они отъ разсужденій, какъ показано прежде, только взглядомъ на предметъ и особеннымъ характеромъ своего изложенія. Отсюда размышленія, чувствованія и средній родъ ихъ, извѣстный подъ именемъ мыслей и чувствованій, суть только видоизмѣненія разсужденій.

Практическія замѣтки въ отношеніи къ видоизмѣненіямъ разсужденій:

- 1) Прочитать по нѣскольку примѣровъ изъ духовныхъ журналовъ: «*Христіанскаго*» и «*Воскреснаго*» чтенія. При чтеніи, уяснить правила о различіи между этими видами сочиненій, и показать составъ каждаго изъ нихъ.
- 2) Хорошо самимъ воспитанникамъ назначать составленіе размышленій, чувствованій и мыслей и чувствованій, по поводу какихъ-нибудь случаевъ изъ ихъ жизни, какъ-то: дня рожденія, именинъ, воспоминанія о родитѣлѣ, свиданія съ родителями и т. п. особенно, по поводу случаевъ рели-

гіозныхъ, какъ-то: праздника Св. Пасхи, причащенія Св. Таниъ, наступленія поста, праздника Крестовоздвиженія и т. п.

Б) О ДРУГИХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ РАЗСУЖДЕНІЮ.

Выводъ главнѣйшихъ формъ этихъ сочиненій.

Въ разсужденіяхъ—*собственно* писатель объясняетъ и доказываетъ какую-либо мысль, истину теоретическую, или практическую. Но часто задачей разсужденія бываетъ не мысль отвлеченная, а предметъ, конкретно существующій. Писатель разсуждаетъ объ этомъ предметѣ, объясняетъ его смыслъ и значеніе, разбираетъ его свойства и недостатки. Отсюда происходятъ два особыя сочиненія, относящіяся къ отдѣлу разсужденій: 1) монографія и 2) критика.

1) О М О Н О Г Р А Ф І И.

Опредѣленіе.

Монографію (отъ греч. *μόνος* и *γραφεία*, знач. описаніе одного) называется такое разсужденіе, въ которомъ систематически изслѣдуется одинъ какой-либо отдѣльный предметъ, большею частію, новый и еще неизвѣстный, принадлежащій къ области природы, науки или искусства.

Характеръ ея изложенія.

Въ монографіи изслѣдованіе составляется на основаніи общихъ понятій той науки, или искусства, къ которому относится описываемый предметъ, и излагается ученымъ образомъ.

Объ особомъ видоизмѣненіи монографіи.

Но если задачей монографіи бываетъ какое-нибудь сочиненіе новое и неизвѣстное еще, или нѣсколько сочиненій; то она назы-

вается *библіографіей*. Бібліографія много приближается къ критикѣ, и часто соединяется съ біографіей автора (сочиненія біографически-бібліографическія); нынѣ она составляетъ постоянный отдѣлъ почти всѣхъ періодическихъ изданій, и служитъ посредствующимъ, переходнымъ твореніемъ отъ монографіи къ критикѣ.

2) О критикѣ или рецензін.

О происхожденіи и историческомъ развитіи критики въ нашемъ отечествѣ.

Начало критики, какъ литературнаго рода произведеній, лежатъ въ самой душѣ человѣка. Читая какое-нибудь сочиненіе, мы думаемъ и *судимъ* о томъ, что читаемъ; слѣдовательно, каждый мыслящій читатель, можно сказать, въ тоже время есть уже и критикъ. Прекрасно говорить объ этомъ предметѣ В. А. Жуковский: «критика есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное. Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сонату,—чувствуете удовольствіе или неудовольствіе—вотъ вкусъ! разбираете причину того и другого—вотъ критика! и все ваше несходство съ настоящимъ критикомъ состоитъ единственно въ томъ, что вы разсуждаете наединѣ съ собою о такомъ предметѣ, о которомъ онъ говоритъ въ присутствіи многихъ.» Въ нашей литературѣ, критика явилась въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ изданіемъ *Вѣстника Европы*. Основателемъ ея былъ Карамзинъ. Въ сужденіяхъ своихъ онъ руководствовался теоріею Француза Баттѣ. По этой-то теоріи составлена имъ критика: «о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ.» Съ 1812 года, Мерзляковъ присоединилъ къ теоріи Карамзина психологическое направленіе Эшенбура, и далъ новое направленіе нашей критикѣ. Онъ разбиралъ главнѣйшихъ писателей, особенно поэтовъ Ломоносовскаго періода: Ломоносова, Сумарокова, Петрова, Державина, Княжнина, Озерова, Фонъ-Визина, Хераскова и др. Съ 20-хъ годовъ образовалась у насъ третья степень критики,—критика теоретико-сравнительная, въ которой съ теоріею соединяется и исторія разбираемаго сочиненія. Такого рода критика основана въ Москвѣ профессорами и учеными — И. Н. Да-

выдовымъ, Шевыревымъ, Веневитиновымъ. Въ литературѣ первый сталъ употреблять такого рода критику Жуковский въ своихъ рецензіяхъ: «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира.» Въ это же время критика наша получила и бѣльшій объемъ: Полевой сдѣлалъ изъ нея постоянную часть русскаго журнала, и обратилъ ее на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Настоящій современный періодъ нашей критики отличается соединеніемъ эстетическихъ основаній съ историческимъ взглядомъ, разсматриваніемъ произведеній не только со стороны философическихъ началъ искусства, но и въ связи съ общественною жизнію и съ однородными произведеніями какъ отечественной, такъ и иностранныхъ литературъ. Образцы таковой критики находятся въ сочиненіяхъ современныхъ намъ ученыхъ и литераторовъ.

Опредѣленіе.

Подъ именемъ *критики* (отъ греч. *κρισις* сужденіе, судъ) или *рецензіи* (лат. *resensio* разсматриваніе, *resensio libri*—оцѣнка книги), что все равно, разумѣется такое разсужденіе, въ которомъ, на основаніи законовъ изящно-словеснаго искусства, разсматриваются и оцѣниваются произведенія литературы.

О предметъ критики.

Предметомъ критики не можетъ быть всякое сочиненіе. Она занимается только произведеніями въ какомъ-бы то ни было отношеніи замѣчательными. Но унизительно и бесполезно было бы ей разбирать сочиненія, не имѣющія ни дѣльныхъ мыслей, ни красоты изложенія, иотличающіяся, притомъ, многочисленными погрѣшностями противъ логики и грамматики. Такия сочиненія она или проходитъ молчаніемъ, или говоритъ о нихъ, что они ниже вся критики, и тѣмъ оканчиваетъ съ ними свое дѣло. Впрочемъ, за неимѣніемъ хорошихъ произведеній, нельзя считать совсѣмъ бесполезнымъ и разсматриваніе дурныхъ книгъ. Въ такомъ случаѣ критика, по крайней мѣрѣ, научить насъ называть дурное дурнымъ, остановить вредное направленіе литературы, и пригото-вить литературу къ произведенію хорошаго.

О свойствах критики.

Въ наше время, отъ критики требуется, чтобы она была: а) литературною, б) философскою, в) историческою и г) нравственною доброю.

а) Съ *литературной* стороны критика должна показать отношеніе разбираемаго сочиненія къ тому роду литературы, къ которому оно принадлежитъ. Такъ, напр. оцѣнивая плодъ поэтическаго вдохновенія, она должна рѣшить вопросы: соблюдены-ли въ немъ законы поэзіи вообще, и въ частности—условія того поэтическаго рода, къ которому онъ относится. Такимъ образомъ, опредѣлится достоинство писателя, какъ художника, и обозначится чисто-литературное значеніе его сочиненія.

б) Въ отношеніи *философическомъ* критика должна объяснить смыслъ понятій, или идей сочинителя, и опредѣлить ихъ достоинства и недостатки, т. е. показать ихъ сообразность или несообразность съ вѣчнымъ и непремѣннымъ закономъ истины, добра, и красоты, ихъ истинность или ложность, ветхость или новизну, занимательность или пустоту и т. п.

в) Въ отношеніи *историческомъ* критика обязана показать отношеніе разсматриваемаго творенія къ его современности и народности, раскрыть происхожденіе, случай и цѣль его, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, судить о его литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ на основаніи той теоріи литературы, которая господствовала въ его время. Такъ, разбирая, положимъ, какое-нибудь сочиненіе Ломоносова, критика историческая должна сказать, насколько въ немъ отразился духъ народа и времена Ломоносовскаго, и вмѣстѣ судить о его литературномъ значеніи по тогдашнимъ литературнымъ понятіямъ, выраженнымъ въ риторикѣ Ломоносова.

г) Наконецъ, критика, какъ сказано, должна быть *нравственно-доброю*, т. е. не быть ни пристрабною, ни злонамѣранною, а произносить свой приговоръ *sine ira et studio*, по одному искреннему убѣжденію въ достоинствахъ, или недостаткахъ сочиненія. Вотъ что говорятъ о семъ Жуковскій: «пусть будетъ онъ

(критикъ) совершенно непристрастенъ: непристрастіе можно назвать *честностію* критика; пускай имѣетъ въ виду единую пользу искусства, остерегается предубѣжденія, и не позволяетъ себѣ быть судьей въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ какая-нибудь личность нечувствительно можетъ замѣшать въ приговоръ его непристрастіе. Думаю также, что, разбирая произведенія изящныя, онъ долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ, и, замѣчая однѣ только важныя ошибки, выставлать превосходное: ибо всякая новая красота есть пріобрѣтеніе искусства, есть новый шагъ его къ совершенству.» Карамзинъ также совѣтуетъ: «болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно.» Иногда же требуется отъ критики даже нарочитое снисхожденіе къ дарованію, ободреніе его, особенно, если это дарованіе еще юно, ново и общаетъ многое въ будущемъ.

Составъ критики.

Критика слагается изъ двухъ частей: а) изъ критическаго разбора сочиненія и б) приговора или сужденія о немъ.

а) Критическій разборъ разсматриваетъ сочиненіе со всѣхъ сторонъ, а именно: опредѣляетъ его направленіе и характеръ, опредѣляетъ его основную мысль и содержаніе, указываетъ способы его расположенія и, наконецъ, разсматриваетъ самый образъ выраженія мыслей и слогъ писателя. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, критическій разборъ разлагаетъ данную сторону сочиненія на составныя ея части и указываетъ ихъ достоинства и недостатки. Такъ, напр.: а) разбирая рѣчь сочиненія, критика разсматриваетъ слова, въ отдѣльности взятая, и указываетъ ихъ достоинство-поэтическое или прозаическое, варварство или чистоту и т. п., а также и то, въ какомъ значеніи они приняты—простою, или переносною; б) разсматривая слова и выраженія въ связи между собою, она опредѣляетъ качества рѣчи и ея основныхъ стихій, предложеній и періодовъ; в) разбирая рѣчь въ отношеніи къ мыслямъ, критика обращаетъ вниманіе на то, какъ они выражены-логически, или же художественно; д) разсматривая, наконецъ, рѣчь въ отношеніи къ писателю и предмету сочиненія, критика допрашивается.

есть-ли въ немъ то, что называется слогомъ въ собственномъ смыслѣ, и въ чемъ состоятъ достоинства или недостатки этого слога. Для оправданія же своихъ приговоровъ, критика приводитъ мѣста изъ разбираемаго сочиненія, хотя это не вездѣ непременно нужно и не всегда бываетъ удобно.

б) Но критическій разборъ не есть цѣль, а только средство для сужденія о сочиненіи и приговора о немъ. На основаніи этого разбора, критика произноситъ общій приговоръ о сочиненіи, показывая его достоинства и недостатки, и назначая ему мѣсто въ литературѣ. При этомъ она обязана открыть самыя причины тѣхъ и другихъ свойствъ сочиненія, дать совѣты, какъ его исправить и вывести изъ его разбора правила для науки.

О расположеніи критики.

Критики располагаются по способу аналитическому и синтетическому. По способу аналитическому рецензін располагаются слѣдующимъ образомъ: критикъ начинаетъ рѣчь о сочиненіи съ частей, съ аналитическаго разбора его подробностей и оканчиваетъ общимъ приговоромъ о немъ. Но если рецензентъ слѣдуетъ методу синтетическому, въ такомъ случаѣ, въ составѣ критики, сначала излагаются общія эстетическія понятія о сочиненіяхъ извѣстнаго рода (напр. объ описаніяхъ, разсужденіяхъ и др.), потомъ эти понятія прилагаются къ разбираемому сочиненію и его частямъ. Такъ написаны критики Жуковскаго: «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира.» Въ критикѣ, напр. о сатирахъ Кантемира, не приступая къ разбору сатиры, Жуковскій предварительно излагаетъ теорію сатиры вообще. За тѣмъ, какъ-бы въ оправданіе своей теоріи, излагаетъ исторію сатирическихъ произведеній, и въ особенности характеризуетъ Горация и Ювенала, какъ наилучшихъ представителей сатиры. Далѣе переходитъ къ сатирамъ Кантемира и, раздѣляя ихъ на философскія и живописныя, рассматриваетъ, въ частности, и тѣ и другія.

О языкѣ критики.

Часто критики, вмѣсто строгаго разбора сочиненія, отдѣляются отъ него одними остроумными фразами и насмѣшкою, не

дающими никакого понятія о сочиненіи. Таковъ, напр. слѣдующій отзывъ о сочиненіи А. Вельтмана, написанномъ въ стихахъ, подъ названіемъ: «Бѣглець» (изд. втор. 1836 года, Москва).

«Этотъ «Бѣглець», говоритъ одинъ критикъ, былъ однажды подъ уголовнымъ судомъ критики, которая его сослала въ вѣчное забвеніе, да онъ опять убѣжалъ и скрывается безъ паспорта подъ предлогомъ второго изданія. Издатель поступилъ неосторожно: если этого «Бѣглеца» поймаютъ критики, они поступятъ съ нимъ по всей строгости законовъ, и засадятъ его въ тюрьму, въ портфель автора, гдѣ содержатся и другіе преступники юности г. Вельтмана, напроказничавшіе въ стихахъ и прозѣ.»

Такой приговоръ не даетъ точнаго понятія о книгѣ, и недостаточнъ истинной критики. Критика должна философически разсмотрѣть сочиненіе, и говорить о немъ языкомъ ученыхъ, хотя и простымъ, и только въ необходимыхъ случаяхъ, когда простое убѣжденіе недостаточно, позволяется ей употреблять оружіе насмѣшки.

О формѣ изложенія критики.

Критика, по большей части, излагается всегда въ формѣ монологической. Но она можетъ быть излагаема и въ формѣ разговорной, и въ формѣ письма, и въ формѣ смѣшанной. Такъ Батюшковъ изложилъ критическія замѣчанія о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева въ формѣ письма къ одному изъ его родственниковъ. Но иногда критика излагается и къ формѣ аллегорическаго повѣствованія. Въ такомъ случаѣ она принимаетъ на себя тонъ сатирической. Таковыми были у насъ нѣкоторыя критики г. Сенковскаго, который первый употребилъ эту форму, и критика неизвѣстнаго подъ названіемъ: «Званные гости (Совр. 1840 г. 4).» Впрочемъ, *вызвѣта форма* изложенія почти не употребляется въ литературѣ.

Раздѣленіе критики по объему содержанія.

По объему своего содержанія, критика бываетъ разныхъ родовъ: но въ ней разсматривается и оцѣнивается или а) одно какое-либо сочиненіе, напр. «Горе отъ ума» Грибоедова, или б)

всѣ сочиненія одного и того же писателя, напр. Державина, Крылова и др. или в) сочиненія различныхъ писателей, но относящіяся къ одному и тому же роду словесности, напр.: къ отдѣлу наукъ, къ поэзіи лирической и т. п., или же г) всѣ сочиненія различныхъ писателей и различнаго рода, но относящіяся къ одному и тому же времени, каковы у насъ годичныя обзоренія литературы, введенныя г. Н. П. Гречемъ. Критику послѣднихъ трехъ родовъ можно назвать *собираательною*.

О критикѣ подлежательной и подлежательной.

Еще рецензіи справедливо можно раздѣлить, по ихъ содержанию, на *подлежательныя* (личныя) и *предлежательныя* (предметныя). Въ послѣднихъ разсматриваются и оцѣниваются самыя сочиненія какого-либо писателя. А въ рецензіяхъ подлежательныхъ или личныхъ не сочиненія разсматриваются, а, на основаніи ихъ, опредѣляются достоинства и недостатки писателя. Такова критика г. А. В. Никитенко, подъ названіемъ: «Жуковский со стороны его поэтической дѣятельности (1853 г.).» Рецензіи послѣдняго рода съ большею основательностію могутъ быть отнесены къ описаніямъ, извѣстнымъ подъ именемъ характеристикъ, и должны быть названы характеристиками *литературными*.

Въ примѣръ сего рода сочиненій приведемъ *сокращенно* критику на поэму А. Пушкина, подъ названіемъ: «Цыганы.» Критика эта написана кн. П. А. Вяземскимъ и имѣетъ значительный объемъ.

Въ разборѣ своемъ критикъ сначала говоритъ, что талантъ Пушкина развивается, что въ новой поэмі его видно болѣе зрѣлости, силы, свободы, развязности, нежели въ «Кавказскомъ пленникѣ» и «Бахчисарайскомъ фантазі», что «Цыганы» — лучшая поэма изъ доселѣ написанныхъ произведеній Пушкина, что эта поэма переноситъ насъ въ новую сферу жизни, что она изображаетъ чувства не затверженныя на память, а новыя, свѣжія, что, наконецъ, если она отзывается вліяніемъ Байрона, то подражаніе едва уловимо.

Поэма: «Цыганы» написана в отрывочной форме. Поэтому рецензент дал бы говорить о правде поэта представлять сцены в отрывочной форме, лишь бы только они имели внутреннюю связь и последовательность. А она есть в «Цыганах», след. поэму не следует упрекать за отрывочность сцен.

Далее анализируется содержание поэмы, разбираются характеры действующих лиц — Алеко и Земфиры. Здесь критик находит все правдоподобным, все поэтическим и художественным. Разобрав, таким образом, поэму со всех сторон, критик оканчивает свою статью след. приговором о поэте: «Пушкин совершил много, но может совершить еще больше. Он должен это чувствовать, и мы в этом убеждены за него. Он, конечно, далеко оставил за собою берега и сверстников своих; но все еще предстоят ему новые испытания своих сил: он может плыть еще дальше.»

Эта рецензия написана так подробно, и в ней все так справедливо, что и ныне ничего нельзя прибавить к ней нового.

О видоизменениях критики.

К критике относятся еще: 1) разборы сочинений и 2) антикритика.

1) О РАЗБОРѢ СОЧИНЕНІЙ.

Какая критика называется разбором сочинения?

Если писатель рассматривает сочинение не с тем, чтобы произнести свой суд о литературном его значении, а только для того, чтобы понять внутренний его состав и достоинства, то критика называется **разбором** сочинения. Таков следующий разбор стихотворения Пушкина, под названием: «Трудъ.»

«Мигъ воздежный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Чтожь непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работъ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга авроры златой, друга пенатовъ своихъ?»

Определение главнаго предмета стихотворенія.

Тутъ разумѣется или трудъ ученый, содѣйствующій нравственности и благосостоянію людей, или трудъ поэтической, когда художникъ въ естественныхъ, живыхъ и изящныхъ выраженіяхъ передаетъ благотворныя истины людямъ.

Объясненіе его содержанія.

Читая эти стихи Пушкина, съ невольнымъ участіемъ представляешь, какъ скульпторъ, живописецъ, или поэтъ, одинъ съ рѣзцомъ, другой—съ кистью, этотъ съ перомъ въ рукѣ, въ удивленіи, въ кабинетѣ, въ лачугѣ, въ подвалѣ, можетъ быть, поникнувъ головою, въ задумчивости, смотритъ на свое произведеніе и хочетъ растолковать себѣ причину грусти.

Но напрасно онъ приписываетъ се тому, что будто, по окончаніи одной работы, онъ остается въ нерѣшимости, безъ дѣла, не зная, за что взяться; душа художника непрерывно требуетъ дѣятельности, непрерывно чувствуетъ потребность передать свои мысли и чувства другимъ.

Напрасно, по своей скромности, онъ называетъ себя *подельщикомъ*. Художникъ работаетъ не для того, чтобы получить деньги, или выгодное мѣсто, или заслужить похвалу. Онъ дѣйствуетъ по увлеченію сердца, по вдохновенію, потому, что душа этого требуетъ.

И какую плату можно назначить за поэтическое произведеніе? *Поэзія есть добродѣтель*, сказалъ Жуковский, а плоды всего добраго немечислнны. Отъ одного зерна пшеницы, въ пять, въ десять лѣтъ, родятся столько сѣмянъ, что отъ нихъ произойдетъ богатѣйшая жатва; а добрая мысль и доброе дѣло, производя въ душахъ людей впечатлѣнія, распространяются скорѣе и плодотворнѣе всякаго сѣмени.

Значить, поэту, окончившему свое произведение,

« Жаль труда, молчаливаго спутника ночи,

Друга авроры златой, друга пепатовъ своихъ », т. е. жаль ночей, проведенныхъ безъ сна, жаль золотыхъ часовъ, когда въ умѣ его кипѣли мысли, сердце разгоралось сладкимъ пламенемъ, и цвѣты, и образы, и звуки, и слова мгновенно рождались для отраженія душевнаго свѣта и душевной теплоты; жаль своего скромнаго и тихаго уединенія, въ которое онъ укрывался для неутомимаго, непрерывнаго и безраздѣльнаго труда.

Указаніе лучшихъ выраженій, и объясненіе ихъ.

Слова: « *трудъ многолѣтній* » не случайно брошены здѣсь. Великія произведенія создаются продолжительною, постоянною и усильною работою. Между началомъ первыхъ сценъ « Фауста » Гёте и окончаніемъ второй драмы прошло шестьдесятъ лѣтъ. Пушкинъ написалъ трагедію « Борисъ Годуновъ », конечно, послѣ внимательнаго изученія Русской исторіи. Даже небольшого объема сочиненія, но значительныя по мыслямъ и счастливымъ оборотамъ рѣчи, являются у писателей только тогда, когда они уже много передумали и перечувствовали.

« *Грусть тревожить* » — выраженіе, дышущее тѣмъ меланхолическимъ и складнымъ чувствомъ, которое, какъ теплый и томительный лучъ солнца, входитъ въ душу, при разлукѣ со всякимъ любимымъ предметомъ. Тутъ не годилось бы слово: « *печаль* »; оно означаетъ тяжелое страданіе, горечь безъ улады; и подавно не годилось бы слово: « *тоска* »: въ тоскѣ есть что-то жертващее, разрушительное; поэтому предсмертное страданіе называется также тоскою.

« *Молчаливый спутникъ ночи* »: иначе и быть не можетъ; при совершенномъ углубленіи въ предметъ, человекъ живетъ, преимущественно, душею, можно сказать, отдѣляется отъ тѣла; для него тогда необходимо совершенное спокойствіе: онъ бываетъ неподвиженъ; потому что всякое движеніе больше или меньше развлекаетъ; языкъ его нѣмѣетъ; потому что мысли бѣгутъ быстро, и иногда не достаетъ у него словъ для того, что происходитъ въ душѣ.

И есть что-то чудно гармонирующее въ таинственномъ молчаніи задумчиваго художника и въ неспостижимой тишинѣ ночи. Все спитъ, а среди этого сна работаютъ силы природы и могущественнѣйшая изъ силъ—мысль человѣческая.

Гармонію этого ощущенія нѣсколько нарушаютъ чуждые русскому слуху и нынѣшнему Русскому языку звуки: «аврора и пенаты.» *Аврора*—латинское слово, происходитъ отъ *аурит*—золото, значить само по себѣ золотая или озлащающая. Такъ Римляне называли утреннюю зорю, и представляли ее въ видѣ богини, которая, ѣдучи на розовой колесницѣ и бѣлыхъ коняхъ, отворяетъ предъ солнцемъ ворота. *Пенатами* назывались тайныя домашнія божества Римлянъ: потому что статуи ихъ ставились въ самыхъ отдаленныхъ жѣстахъ дома, тайныхъ, скрытыхъ отъ взоровъ приходящихъ. Другъ пенатовъ—значить другъ родного жилища, никому стороннему неизвѣстныхъ заботъ, печалей и удовольствій.

Указаніе общихъ поэтическихъ достоинствъ стихотворенія.

Но эта маленькая дисгармонія исчезаетъ въ сладкозвучномъ строѣ остального стихотворенія: чувствуешь, что есть удивительно-музыкальная соотвѣтственность между тихо-меланхолическимъ движеніемъ задумчивой души и медленно-любящимися, плавными стихами. Очевидно, что они сказаны среди раздумья, что поэтъ, надумавшись, вдругъ заговорилъ и смолкъ, снова объятый думой.

Римы въ этихъ стихахъ нѣтъ, и она, кажется, была бы здѣсь неумѣстна: замыкаемая ею рѣчь представлялась бы больше искусственною, не имѣла бы этого свободного разлива; а теперь она идетъ такъ непринужденно, какъ всегда, когда человѣкъ говоритъ самъ съ собою, потому, что вдругъ какъ то заговорилось, что такъ пришлось сказать, и иначе сказать было невозможно.

Составъ разбора.

Изъ разсмотрѣнія этого сочиненія видно, что разборъ произведеній заключается въ изложенія главной мысли и содержанія со-

чненія, въ объясненіи его смысла, и въ указаніи совершенствъ и недостатковъ выраженія.

Объ ученомъ фельетонѣ, какъ видоизмѣненіи разбора.

Особенный видъ разбора составляетъ, такъ называемый, ученый фельетонъ, помѣщаемый, обыкновенно, въ періодическихъ изданіяхъ. Онъ посвящается разбору книгъ и сочиненій, написанныхъ въ разныхъ мѣстахъ и на различныхъ нарѣчіяхъ.

Его исторія и достоинства.

Этотъ видъ разбора ввился, въ недавнее время, во Франціи. Изобрѣтателемъ его былъ Филаретъ Шаль. Въ Русской литературѣ тоже существуетъ ученый фельетонъ съ 30-хъ г. нынѣшняго столѣтія; но въ немъ не достаетъ еще строго-ученаго, строго-литературнаго направленія. Достоинствами литературнаго фельетона признаются: легкость, остроуміе, игривость и пріятность изложенія.

2) **Объ антикритикѣ.**

Опредѣленіе.

Бываютъ случаи, что критикъ, разбирая сочиненіе, или судитъ о немъ злонамѣренно и пристрастно, или же—просто ненамѣренно ошибается въ своихъ сужденіяхъ и приговорѣ о немъ. Тогда авторъ разобранаго сочиненія, или и постороннее какое-нибудь лицо пишетъ, въ защиту и оправданіе его новую критику: въ ней онъ указываетъ ошибки прежней критики. Эта критика на критику называется *антикритикой*.

Примѣръ, и отсюда — происхожденіе антикритики въ нашей литературѣ.

Когда, въ 1803 году, кн. А. С. Шишковъ издалъ въ первый разъ свое «Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ Россійскаго

языка»: то на него были написаны двѣ критики. Одна, въ видѣ письма отъ деревенскаго жителя, помѣщена была въ Сѣверномъ Вѣстникѣ за тотъ-же годъ, а другая, написанная въ формѣ монологической, въ Московскомъ Меркуріѣ. Кн. Шишковъ, находя сужденія обѣихъ критикъ, съ своей точки зрѣнія, неправильными, и отчасти злонамѣренными, написалъ на нихъ и напечаталъ свои «Примѣчанія», въ которыхъ указывалъ на ошибки обѣихъ критикъ. Такимъ образомъ, антикритика явилась у насъ почти одновременно съ критикою; ибо такъ же, какъ и она, есть необходимое явленіе души человѣческой, души писателя. Долго это сочиненіе не имѣло въ нашей литературѣ опредѣленнаго *техническаго* названія. Но около 30-хъ г., литература согласилась называть его антикритикою.

Правила для антикритики.

Антикритика пишется очень просто. Указавъ на критику сочиненія, авторъ, непосредственно за тѣмъ, начинаетъ разбирать ошибочныя сужденія ея, большею частію, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одно за другимъ въ самой критикѣ. Тутъ не кстати было бы ему разбирать самое сочиненіе, хвалить или осуждать его; его долгъ указать только ошибки критики, и, такимъ образомъ, защитить достоинства раскритикованнаго сочиненія. При семъ должно избѣгать спорной полемики, и указывать ошибки спокойно, разумно, прилично и уважительно.

Для примѣра, выпишемъ изъ антикритики Шихова одно примѣчаніе на критическое письмо сельскаго жителя.

Въ письмѣ, вопреки разсужденію о старомъ и новомъ слоgѣ, между прочимъ, сказано: «впрочемъ, храбрыхъ и мужественныхъ воиновъ я не смѣлъ бы назвать *удалыми*. Слово: *удалый* означаетъ у насъ буяна, повѣсу, и значило-ли когда-нибудь другое что-либо, сомнѣваюсь.» Князь Шишковъ написалъ на это мѣсто слѣдующее примѣчаніе: «слово: *удалый* такъ различно съ словами: *буяны* и *повѣса*, какъ день—съ ночью. Самое коренное значеніе онаго ясно то показываетъ: оно происходитъ отъ гла-

гола: *удастся*, и заключаетъ въ себѣ мысль: одинъ удалецъ изъ многихъ, т. е. отлично-смѣлый, предприимчивый, храбрый. Сіе понятіе весьма далеко отъ того, которое заключается въ словѣ: *буянь*, происходящемъ отъ одного корня съ словами: *буйность*, *буйство* и проч. Прочитайте старую пѣсню:

« Въ славномъ городѣ Кіевѣ ,
У князя у Владиміра ,
У солнышка Святославича ,
Было пиrowанье почетное ,
Почетное и похвальное ,
Про князей и про бояръ ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей ,
Про всю поляницу *удалую* . »

По вашему толкованію о словѣ: *удалый* выходитъ, что Владиміръ угощалъ столомъ своимъ *буяновъ* и повѣсь. Итакъ, господинъ деревенскій житель, естли знаменованія многихъ Русскихъ, и особливо Славянскихъ, словъ не болѣе вамъ извѣстны, какъ знаменованіе сего слова: то вы, безъ сомнѣнія, благоразумно сдѣлаете, когда смѣлость свою въ употребленіи оныхъ соразмѣрять будете силамъ своимъ и знанію въ языкѣ. Отважность тогда только бываетъ благоуспѣшна, когда сопровождается искусствомъ. Не всякаго живописца кисть удивитъ насъ тѣми смѣлыми чертами, которымъ удивляемся мы въ Рафаэлевой кисти.»

Образцы критики въ нашей литературѣ.

У насъ хорошими критическими статьями отличались: Карамзинъ, Жуковскій, Макаровъ, Бенитскій, Мерзляковъ, Каченовскій, Николай Полевой (Очерки литературы), Марлинскій (годичныя обозрѣнія [литературы]) и Принархъ Введенскій. Пыльъ извѣстны: Гречъ, Булгаринъ, Шевыревъ, Плетневъ, Никитенко, Галяховъ, Буслаевъ, Дружининъ, Дудышкинъ и др. Лучшіе разборы сочиненій помѣщаются въ Журналъ для дѣтей — Чистянова и Разина.

Практическія занятія:

- 1) Прочитать и разобрать а) нѣсколько разборовъ изъ Журнала для дѣтей, изъ третьей части Христоматіи Галахова и проч. и б) лучшія критическія статьи изъ «Очерковъ» Полевого и другихъ рецензентовъ.
- 2) Назначить воспитанникамъ разобрать на дому критически какое-нибудь сочиненіе, и въ классѣ спросить этотъ разборъ, — при чемъ составить вмѣстѣ съ ними наустно — сперва разборъ, а потомъ и критику на данное сочиненіе.
- 3) Назначить составить на бумагѣ сперва краткій разборъ, а потомъ и цѣлую коротенькую критику на какое-нибудь прозаическое, или поэтическое сочиненіе.
- 4) Набудущее время, принять за правило: къ каждому классу, или черезъ классъ, назначать одному изъ учениковъ для классическаго чтенія составлять разборъ какого-нибудь сочиненія въ слѣдующемъ видѣ: а) сказать что-нибудь объ авторѣ сочиненія и о сочиненіи, б) произнести самое сочиненіе, в) разобрать его критически и г) сдѣлать общее сужденіе о сочиненіи и объ авторѣ. Воспитаникъ долженъ произносить свое чтеніе наизусть. Наставникъ, по окончаніи чтенія, дѣлаетъ о немъ полезныя замѣчанія ученику.
- 5) Воспитанники, на будущее время, должны принять за правило читать книги съ разборомъ, такъ, чтобы имѣть понятіе о достоинствѣ ихъ, а не объ одномъ только содержаніи.

II) О НАУКѢ.

Опредѣленіе.

Подъ именемъ *науки* разумѣется систематическое изложеніе истины, объясняющихъ намъ сущность и значеніе многихъ предметовъ одного и того же рода. Такъ, напр. мы видимъ въ природѣ

многія явленія: эти явленія совершаются дѣйствиємъ силъ и законовъ природы, составляющихъ ея сущность. Систематическое изложеніе истиць, объясняющихъ намъ дѣйствія силъ и законовъ природы, составить науку, извѣстную подъ именемъ физики, или *естествознанія*, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Главные правила науки.

Главные правила науки касаются: 1) ея содержанія, 2) расположенія, или системы, 3) частей, 4) изложенія и 5) ея различныхъ видовъ.

1) Въ отношеніи къ *содержанію*, всѣ мысли наши, излагаемыя въ наукѣ, должны быть *истинными*, т. е. должны согласоваться съ предметами, къ которымъ они относятся: единичное понятіе здѣсь должно быть мысленнымъ образомъ недѣлимаго предмета, родовое понятіе — представленіемъ цѣлаго класса, или семейства предметовъ, система — картиной извѣстной стороны природы физической, или нравственной. Только при этихъ условіяхъ, понятія наши бываютъ *истинными*, мысли становятся знаніемъ, система дѣлается наукой.

Но 2) наука не можетъ быть безъ системы. *Системою* же называется въ наукѣ развитіе истиць изъ одной основной идеи науки, и изложеніе ихъ въ правильномъ последовательномъ порядкѣ и взаимной, внутренней связи между собою. Стройность системы составляетъ художественное достоинство науки.

3) Наука, какъ и всякое другое сочиненіе, имѣетъ свои части. Они суть: а) предисловіе, б) введеніе, в) изложеніе самой системы и г) заключеніе.

а) *Предисловіе* или *предувѣдомленіе* не имѣетъ существенной связи съ предметомъ науки. Оно признается необходимымъ не столько для науки, сколько для публики, для читателей. Въ немъ писатель объясняетъ причины, побудившія его къ написанію науки, цѣль ея изданія, методъ изложенія, источники, которыми онъ руководствовался и другія обстоятельства, руководствующія чита-

телей къ уразумѣнію науки. Если эти обстоятельства сами собою понятны, то можно обойтись и безъ предисловія.

За предисловіемъ въ наукѣ слѣдуетъ б) *введеніе*, которое есть тоже, что приступъ въ разсужденіи. Лучшія введенія—тѣ, въ которыхъ излагаются предметъ науки, взглядъ сочинителя на него, объемъ предмета, польза и цѣль науки, отсюда—ея опредѣленіе, отношеніе къ другимъ отраслямъ знанія, планъ науки, ея исторія и литература.

За введеніемъ слѣдуетъ в) самое *изложеніе* науки. Здѣсь главная идея науки развивается въ строгомъ и стройномъ систематическомъ порядкѣ, со всею подробностію и полнотою. Эта часть науки, судя по объему своего содержанія, можетъ заключать въ себѣ нѣсколько томовъ, или частей, которыя, въ свою очередь, раздѣляются на главы, а главы — на параграфы.

Оканчивается наука г) *заключеніемъ*, въ которомъ писатель еще разъ кратко обращается къ главной мысли и предмету науки.

4) Въ отношеніи къ изложенію, наука принимаетъ на себя, смотря по своему назначенію, четыре главные вида:

а) Если писатель излагаетъ науку для чтенія людей ученыхъ, *спеціалистовъ*, хорошо знакомыхъ съ ея предметомъ: то, упуская подробности, онъ останавливается больше на общихъ основаніяхъ и результатахъ науки, излагаетъ ее методамъ снптетическимъ и языкомъ строго-ученымъ. Въ такомъ видѣ написалъ «Космосъ» Гумбольдта, переведенный на Русскій языкъ Н. Фроловымъ.

б) Если ученый преподаетъ свою науку изустно, въ собраніи только *образованныхъ* слушателей, то она излагается въ видѣ *лекцій* или чтеній. Тогда во всѣхъ чтеніяхъ развивается одинъ предметъ, но каждое отдѣльное чтеніе имѣетъ видъ полного, оконченнаго сочиненія. Чтенія излагаются въ формѣ рѣчи, и языкомъ не только живымъ, но и художественнымъ. Таковы у насъ: «Чтенія о Русскомъ языкѣ» Греча, «Чтенія о словесности» И. И. Давыдова, «О поэзіи» — Шевырева, «О Церковной словесности» — Я. К. Амфитатрова.

в) Если наука предназначается для учащихся, и притомъ—для классическаго ихъ употребленія; то называется учебною книгой, учебникомъ, руководствомъ (т. е. рукою книгою). Руководство въ маломъ объемѣ должно представить обстоятельно все главное и существенное содержаніе науки, все, что даетъ основу для подробнѣйшаго понятія всѣхъ частей и вопросовъ ея. Самое содержаніе въ немъ должно быть приспособлено къ понятію учениковъ, къ цѣли и обстоятельствамъ ихъ образованія, и должно отличаться наглядностію объясненій, занимательностію изложенія и т. п. Въ изустномъ преподаваніи руководства употребляется приѣмъ аналитическій, а въ изложеніи письменномъ оно должно слѣдовать методу синтетическому. Руководства, назначаемыя для первоначальнаго обученія, хорошо и полезно излагать въ формѣ вопросо-ответной. Во всякомъ случаѣ, они должны излагаться въ самой строгой системѣ. Ясность, правильность и точность, требуемыя вездѣ, особенно необходимы въ учебномъ руководствѣ.

Наконецъ, г) если наука предназначается для людей простограмотныхъ, незнакомыхъ съ нею; то она должна имѣть видъ популярнаго (народнаго) изложенія. Здѣсь излагаются самыя первыя, основныя положенія науки, употребляются доказательства общепонятныя и наглядныя, языкъ самый простой литературно-народный. Въ такомъ видѣ изложены у насъ разныя отрасли естественныхъ наукъ, подъ названіемъ: «Природа съ ея тѣнствами и богатствами» — г. М. Хотинскаго.

Общее раздѣленіе наукъ, по ихъ содержанію.

Первоначально существовала только одна наука, называемая *Философіей*, что значить любомудріе. Но съ теченіемъ времени, съ расширеніемъ объема и содержанія человѣческихъ знаній, изъ ней стали выдѣляться и обособляться частнѣйшія ея отрасли—какъ-то: діалектика, физика, математика, риторика и т. п. Въ этомъ отношеніи, древніе весьма справедливо называли философію словами: *meter omnium artium, studium studiorum* и т. п. Въ настоящее время, различными отраслями наукъ до такой степени развѣтвился и разнужился, что самый даровитый, самый видя-

клопедическій умъ не можетъ вполне объять и усвоить ихъ себѣ. Впрочемъ, главныхъ предметовъ познанія всего—три: Богъ, человекъ и природа, отсюда всё науки можно раздѣлять на три главныя отрасли: на *богословскія*, *антропологическія* и *естественныя*. Эти главныя отрасли, по своему объему и по различнымъ сторонамъ своего изслѣдованія, правильно подраздѣляются на другіе частныя и частивѣйшіе ихъ роды и виды.

Практическія упражненія:

- 1) Взять какую-нибудь науку, и въ ней а) прочитати предсловіе, б) введеніе, в) разсказать затѣмъ систематически планъ науки, г) прочитати нѣкоторые отдѣлы для показанія ея метода, и, наконецъ, д) прочитати ея заключеніе.
- 2) Заставити все это повторити изустно въ связи съ правилами о наукѣ.
- 3) Показать примѣрами способы изложенія чисто-ученаго, лекцій, руководствъ и изложенія популярнаго. Сравнити между собою эти способы и показать ихъ различіе.
- 4) Назначити ученикамъ изложить, по подражанію, какую-нибудь классическую лекцію по словесности, исторіи, физикѣ и проч.
- 5) Назначити написать разсужденіе популярнымъ слогомъ.
- 6) Назначити изложить какую-нибудь классическую лекцію въ духѣ руководства.

2) О СОЧИНЕНІЯХЪ ОРАТОРСКИХЪ.

Какія сочиненія называются ораторскими?

Ораторскими называются такія сочиненія, въ которыхъ, посредствомъ изустно-произносимой, живой и, въ высшей степени, публичной рѣчи, передаются другимъ какія-либо истинны, съ цѣлію не только убѣдить ихъ умъ (какъ въ сочиненіяхъ философическихкихъ), но и направити самую дѣятельность ихъ къ добру.

Достоинство силъ сочиненій.

Ораторскія сочиненія составляютъ верхъ, и какъ-бы вѣнецъ прозаическаго искусства: ибо они совмѣщаютъ въ себѣ в предметы и красоты нѣкъ прочихъ сочиненій—прозаическихъ историческихъ и ученыхъ. Оттого и вліаніе на душу своихъ слушателей они имѣютъ полное и совершенное; ибо не только убѣждаютъ умъ, очаровываютъ воображеніе и трогаютъ сердце, во и преклоняютъ самую волю и дѣятельность ихъ къ добру. Вотъ почему древніе считали ораторское краснорѣчіе—*краснорѣчіемъ* по преимуществу.

Исторія ораторскаго краснорѣчія и науки о немъ.

Ораторство впервые явилось въ Греціи: начало его указываютъ уже въ совѣщаніяхъ героевъ Троянской войны относительно различныхъ интересовъ—гражданскихъ и военныхъ. Въ послѣдствіи времени, въ Греціи, Периклъ, особенно Демосѳенъ, а въ Римѣ—Цицеронъ поставили это словесное искусство на высочайшую степень совершенства. Какъ искусство ораторское, такъ и наука о немъ стояла у древнихъ на высокой степени своего развитія. Ученіе о краснорѣчіи со всею подробностію нложено было у нихъ, по преимуществу, въ сочиненіяхъ Аристотеля, Цицерона и Квинтиллиана. Въ-короткѣ это ученіе можно представить въ слѣдующемъ видѣ: ораторское сочиненіе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: приступа, предложенія, повѣствованія, изложенія доводовъ (главная часть), возбужденія страстей (патетическая часть) и заключенія. Изложеніе доводовъ, какъ часть главная, обращала на себя особенное вниманіе риторомъ, и дѣлилась на три части: въ первой говорилось о томъ, какъ изобрѣтать доводы (изобрѣтеніе), во второй—какъ располагать ихъ (расположеніе) и въ третьей—какъ выражать ихъ (выраженіе). Все это ученіе, составлявшее у древнихъ цѣлую науку, извѣстную подъ именемъ риторики, перешло и къ новымъ народамъ, и оставалось у нихъ почти во всей своей силѣ. Но нынѣ характеръ и роды ораторскаго краснорѣчія измѣнились, соответственно особымъ условіямъ

жизни, преобразованной ученіемъ христіанскимъ. Отсюда и взглядъ на краснорѣчіе вообще измѣнился, и точка зрѣнія на предметы его установилась другая. Теорія ораторскаго краснорѣчія нашего времени можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ:

Нынешняя теорія ораторскаго краснорѣчія.

Всѣ роды и виды ораторскихъ сочиненій излагаются въ одной, общей имъ, формѣ, извѣстной подъ именемъ: *ораторской рѣчи.*

ОБЪ ОРАТОРСКОЙ РѢЧИ.

Названіе рѣчи.

Ораторская рѣчь получила свое названіе не отъ свойства содержанія, какъ другія сочиненія, но отъ свойства выраженія, оттого, что она произносится (*) публично: она называется *рѣчью*, т. е. рѣчью по преимуществу.

Опредѣленіе рѣчи.

Отсюда рѣчь есть такое ораторское сочиненіе, которое (какъ показываетъ самое слово) назначается для устнаго произнесенія съ цѣлію (какъ видно изъ опредѣленія ораторскихъ сочиненій) убѣдить умъ и превлечь самую волю слушателей къ добру.

Названіе сочинителей ихъ.

Тѣ, которые владѣютъ даромъ составлять и произносить такія рѣчи, называются ораторами, витіями, а самое искусство составленія ихъ называется ораторствомъ, витійствомъ, краснорѣчіемъ.

Виды ораторской рѣчи.

Ораторская рѣчь раздѣляется на два вида: 1) на рѣчь, если можно такъ выразиться, большую, или пространную, которая, въ

(*) Это видно особенно изъ латинскаго слова: *oratio*, которое происходитъ отъ *oro*, что значить — говорить публично.

прежней нашей литературы, называлась правильнѣе (по переводу съ греч. *λογος*) *словомъ*, и 2) рѣчь краткую, которая прежде и называлась собственно *рѣчью*.

1) Объ ораторскомъ словѣ.

Съ какихъ сторонъ нужно разсматривать ораторское слово?

Ораторское слово, какъ и прочія сочиненія, должно разсматривать съ слѣдующихъ сторонъ: а) со стороны главной мысли, б) содержанія, в) развитія, г) выраженія и, наконецъ, д) со стороны его частей.

а) О главной мысли, или темѣ ораторскаго слова.

Правила касательно выбора темы.

Ораторъ, обыкновенно, самъ избираетъ тему, или предметъ для своего слова. Эти предметы, по содержанію, могутъ быть весьма различны: истинны вѣры и нравственности христіанской, предметы государственныя и науки, событія и лица историческія—все это можно сдѣлать содержаніемъ ораторской рѣчи. Но такъ-какъ слово назначается для произнесенія, такъ-какъ оно должно имѣть непосредственное отношеніе къ жизни и обществу своего времени: то ораторъ обязывается брать для него вопросы современные, и такіе, которые имѣли бы прямое приложеніе къ жизни общества и того сословія, для котораго слово предназначается. Этимъ обязательствомъ всегда ограничивались и древніе и ораторы нашего времени.

б) О его содержаніи.

Объ элементахъ содержанія ораторскаго слова.

Въ содержаніе ораторскаго слова входятъ два начала (элемента): *общее* и *частное*. *Общее* начало составляетъ развитіе той

мысли, которая полагается въ основаніе ораторскаго слова: это какой-либо догматъ церковный, или какое-нибудь нравственное правило, или законъ государственнй, или событіе историческое, или отвлеченная, философская мысль. *Частнымъ* элементомъ рѣчи бываетъ какое-либо явленіе, какой-нибудь фактъ историческій, картина народнои жизни въ известное время, замѣчательное лицо, или цѣлое общество лицъ и т. п.

Объясненіе предыдущаго.

Для объясненія сего возьмемъ рѣчь Цицерона за Архія. Архіи былъ Грекъ изъ Антиохіи, по званію ученый и поэтъ, и занимался въ Римѣ преподаваніемъ Греческой литературы. Самъ Цицеронъ въ юности бралъ у него уроки. Этотъ Архіи уже имѣлъ по закону право римскаго гражданина, но право его стали оспаривать. Поэтому Цицеронъ, питая глубокую признательность къ бывшему наставнику своему, защищалъ его гражданское достоинство рѣчью. Общій составъ содержанія этой рѣчи можно представить въ слѣдующемъ видѣ: « Архіи уже имѣетъ право римскаго гражданства. Но если бы онъ и не имѣлъ его, то, по всей справедливости, слѣдуетъ принять этого человѣка въ число Римскихъ гражданъ. Ибо: а) по закону Сильвана и Карбона, право на римское гражданство имѣетъ всякій, кто приписанъ былъ къ одному изъ союзныхъ городовъ, кто во время изданія закона о семь правѣ жилъ въ Италіи и, въ теченіе шестидесяти дней, объявилъ о себѣ Претору. Архіи приписанъ былъ къ Гераклеѣ, союзному городу, жилъ, во время обнародованія закона Сильвана и Карбона, въ Италіи, и, въ теченіе назначеннаго срока, дѣйствительно далъ знать о себѣ Претору. б) Ученые и стихотворцы, одаренные отличными талантами, достойны званія Римскаго гражданина, какъ по важности своихъ занятій, такъ по удовольствію и пользѣ, какую они намъ доставляютъ. Архіи же—человѣкъ ученый и стихотворецъ, одаренный отличными талантами (эта послѣдняя мысль составляетъ половину рѣчи и лучшую, краснорѣчивѣйшую часть ея). Слѣдовательно, если бы Архіи и не имѣлъ еще права римскаго гражданина, то его должно приять въ число Римскихъ гражданъ. » Въ содержаніи этой рѣчи сами собою очевидны два начала: общее—это законъ

Сильвана и Карбона и та мысль, что ученые и стихотворцы достойны званія гражданина, и частное—это Архій, по праву принадлежавшій уже къ римскому гражданству, отличный ученый и стихотворецъ.

Двойкая обязанность оратора въ отношеніи къ содержанію слова.

Отсюда открывается двойкая обязанность оратора въ отношеніи къ содержанію ораторскаго слова. Именно: частное начало рѣчи или согласуется съ общимъ, или противорѣчитъ ему. Въ первомъ случаѣ—ораторъ обязанъ показать ихъ согласіе. Такъ, въ приведенной рѣчи за Архія, Цицеронъ показываетъ согласіе частнаго содержанія рѣчи съ общимъ: ибо они, на самомъ дѣлѣ, не противорѣчатъ другъ другу. Во второмъ же случаѣ, если частное начало рѣчи противорѣчитъ общему, то ораторъ обязывается согласить ихъ между собою.

Положимъ, темою ораторскаго слова будетъ заповѣдь: *о любви къ ближнему*. Въ содержаніи ораторъ сперва развиваетъ эту тему, *доказываетъ, почему и какъ* должно любить ближнихъ. Это будетъ начало содержанія—*общее*. Отсюда ораторъ, обращаясь къ людямъ, находитъ, что жизнь ихъ не согласуется съ заповѣдію Божіею. Онъ показываетъ ихъ разногласіе, т. е. описываетъ и обличаетъ жизнь и дѣла людей, несогласныя съ любовью къ ближнимъ. Это будетъ начало рѣчи *частное*. Такъ-какъ здѣсь частное начало, явно, противорѣчитъ общему: то ораторъ долженъ примирить ихъ между собою: для сего онъ, въ заключеніи слова, увѣщаетъ людей, чтобы они оставили настоящій образъ своей жизни и дѣла, и послѣдовали бы закону Божію, возлюбили ближнихъ, какъ самихъ себя.

в) О расположеніи.

О способахъ расположенія ораторскаго слова, и ихъ употребленіи.

Ораторское слово, какъ особый видъ сочиненій дидактическихъ, располагается или *синтетически*, или *аналитически* спо-

собомъ. Способъ *аналитическій*, по свойству своему, употребляется тогда, когда слушатели предубѣждены противъ предмета рѣчи, или когда этотъ предметъ бываетъ, съ перваго раза, неудобопонятенъ для нихъ. Въ такомъ случаѣ ораторъ, разсматривая и усвоивая предметъ свой по частямъ, печувствительно приводитъ слушателей къ понятію и усвоенію цѣлаго. Если же предметъ слова, общая мысль его извѣстны слушателямъ, и слушатели имѣютъ надобность въ понятіи характера, частей и принадлежностей его; то въ основаніе расположенія ораторской рѣчи полагается способъ *синтетическій*, разлагающій цѣлое на его составныя части.

г) О выраженіи.

Объ отличительномъ характерѣ выраженія ораторскаго слова.

Отличительный характеръ выраженія ораторскаго слова легко и правильно можетъ быть объясненъ только на основаніи понятія объ ораторскихъ сочиненіяхъ.

а) Ораторская рѣчь имѣетъ цѣлю—убѣдить умъ, цѣлнить воображеніе, тронуть сердце и преклонить самую волю и дѣятельность слушателей къ добру. Отсюда она должна отличаться слѣдующими *внутренними* качествами: убѣдительною доказательствомъ, живостію изображеній, движеніемъ и трогательностію чувства. Въ этомъ-то заключается сила и убѣжденіе ораторскаго красворчія.

б) Сообразно со внутренними качествами, ораторское слово, какъ верхъ искусства прозаическаго, допускаетъ всѣ роды и словеснаго украшенія: изобразительность и благозвучіе, такъ, что, по своему выраженію, оно нерѣдко приближается къ сочиненіямъ поэтическимъ, хотя поэтическая красота и не составляетъ существенной принадлежности ораторскаго выраженія.

в) Наконецъ, ораторское слово произносится въ извѣстное время и среди извѣстнаго народа, или только—общества. Поэтому рѣчь его, по преимуществу, должна отличаться современностію и народностію выраженія.

Важное замѣчаніе для оратора, выведенное изъ предыдущаго анализа ораторскаго слова.

Изъ предыдущаго анализа ораторскаго слова видно, что ораторъ долженъ быть современенъ и въ содержаніи его, и въ развѣтѣхъ, и въ выраженіи. А потому, для успѣха своихъ рѣчей, ему нужно изучить потребности и языкъ своего времени и народа, и приспособляться къ нимъ. Всѣ знаменитые ораторы имѣли это качество въ большей или меньшей степени, и особенность каждаго времени и народа давала отличительный отбѣнокъ ихъ краснорѣчію.

а) О частяхъ ораторскаго слова.

Указаніе существенныхъ и второстепенныхъ частей его въ порядкѣ.

Существенныя и необходимыя части ораторскаго слова суть: предложеніе и изложеніе, или изслѣдованіе; второстепенныя же: приступъ, раздѣленіе и заключеніе. Части эти, общія у ораторскаго слова съ другими сочиненіями, особенно дидактическими, идутъ одна за другою въ слѣдующемъ порядкѣ: приступъ, предложеніе, раздѣленіе, изложеніе и заключеніе.

О содержаніи приступа.

Приступъ въ рѣчахъ ораторскихъ составляетъ различный образъ. Большою частію, онъ заимствуется изъ мыслей приготовительныхъ, взятыхъ изъ *самаго предмета* рѣчи и способствующихъ къ его понятію. Но часто онъ берется и *изъ-внѣ предмета*, либо изъ исторіи его, либо изъ обстоятельствъ оратора, либо изъ обстоятельствъ слушателей, либо, наконецъ, изъ того слушателя, по которому рѣчь произносится.

Такъ Св. Іоаннъ Златоустъ, въ славѣ о превратности человеческого счастья, сказанномъ по случаю паденія Евтропія, консула и камергера Греческаго императора Аркадія, заимствуетъ отсюда

и приступъ для своей рѣчи. Приступъ начинается такъ: «Если когда-либо должно возопить намъ: *суета суетствій, и всяческая суета*, то особенно — при настоящемъ случаѣ. Гдѣ теперь прежній блескъ высочайшихъ достоинствъ? гдѣ знаки почестей и отличій? гдѣ великолѣпныя пиршества и забавы? куда дѣвались столь частыя восклицанія и безмѣрные ласкательства народа, собиравшагося на зрѣлище? Одинъ ударъ вѣтра обнажилъ это гордое дерево отъ всѣхъ листьевъ и, потрясши его до корня, исторгнулъ изъ земли. Гдѣ эти лицемерные друзья, эти низкіе льстецы, эти тушеядцы, которые съ такою усердіемъ издали на поклонъ, и свидѣтельствовали рабскую преданность своими поступками и словами? Все прошло, какъ сонъ, все увяло, какъ цвѣтъ, все исчезло, какъ тѣнь. Нельзя намъ не повторять безпрестанно этого изреченія Св. Духа: *суета суетствій, и всяческая суета*. Слѣдовало бы даже написать его яркими буквами на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, на воротахъ домовъ, на всѣхъ нашихъ храминахъ; а иначе его должно напечатлѣть въ нашихъ сердцахъ, и поставить всегданнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ.»

Различіе приступовъ.

Приступы въ рѣчахъ ораторскихъ различаются между собою по искусству изложенія. Ибо они бываютъ: 1) *простые, или естественные*, въ которыхъ ораторъ, безъ всякихъ предварительныхъ распространеній, приводитъ своихъ слушателей прямо къ предмету рѣчи, и 2) *приступы искусственные*, въ которыхъ ораторъ постепенно првготовляетъ слушателей къ предмету рѣчи, начиная съ мысли отдаленной, и даже — противоположной ему. Таковъ необыкновенно-краснорѣчивый приступъ «Слова» въ Великій пятокъ:

«Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? Пѣть болѣе Слова! Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова живаго и дѣйствительнаго, умозло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе сказать челоуькамъ пути живота (Псал. XV 11), Слово сіе оставило небеса и облеклося плотію: но челоуьки не восхотѣли внимать Слову, растерзали

плоть Его, и ее взять отъ земли животъ Его! (Псал. LIII, 3).
Кто же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія?»

Высокопреев. Филаретъ, Митрополитъ Московскій.

Чѣмъ опредѣляются качества приступа?

Качества приступа опредѣляются слѣдующими соображеніями:
а) онъ долженъ быть сообразенъ съ предметомъ и частями рѣчи,
б) приличенъ оратору, в) приспособленъ къ понятіямъ и достоинству слушателей, и, наконецъ, г) согласенъ съ обстоятельствами, при которыхъ рѣчь произносится.

Когда приступъ бываетъ ненуженъ?

Но приступъ не составляетъ существеннаго члена рѣчи ораторской. Рѣчь можетъ обойтись и безъ приступа въ такомъ случаѣ, когда предметъ ея—простъ и удобопонятенъ, когда слушатели напередъ знаютъ о немъ, или, хотя и не знаютъ, но самими обстоятельствами приготовлены къ выслушанію его. Такъ, напр. если бы какой-нибудь церковный витія задумалъ сказать, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, проповѣдь на тему о ходатайствѣ и заступничествѣ Ея за грѣшный родъ человѣческій у престола Божія; то его рѣчь могла и должна бы обойтись, въ настоящій разъ, безъ приступа: мысли и чувствованія слушателей и безъ того уже настроены къ понятію этого предмета рѣчи.

Какъ поступать въ такихъ случаяхъ, когда приступъ бываетъ ненуженъ?

Въ такихъ случаяхъ, не дѣлая особыхъ приступовъ, можно рѣчь свою начать прямо съ предмета рѣчи, или объяснить причину ея въ немногихъ словахъ. Примѣромъ здѣсь могутъ служить приступы Димосеновы, которые всѣ отличаются краткостію и простотою.

О предложеніи.

Въ предложеніи ораторъ кратко и ясно выражаетъ слушателямъ ту мысль, которую будетъ доказывать въ рѣчи. Таково слѣд. предложеніе Цицерона, взятое изъ рѣчи, сказанной въ защиту Милона:

« И не хочу, суди, для защиты Тита Аннія Милона, восклицать его трибунство и тѣ блистательные подвиги, которые онъ предпринималъ для блага государства; не стану испрашивать прощенья его поступку, во уваженіе многихъ славныхъ его заслугъ отечеству; не буду умолять васъ, чтобы вы приписали смерть Клодія скорѣ мужеству Милона, нежели счастію Римскаго народа, если только она послужила къ вашему благосостоянію. Мое намѣреніе показать вамъ, что Клодій строилъ ковы Милону, чтобы умертвить его. И когда пагубные умыслы Клодія будутъ ясны для васъ, какъ день, тогда уже я дерзну просить и умолять васъ, суди, чтобы вы, оставивъ безъ вниманія все прочее, предоставили намъ, по крайней мѣрѣ, право свободно защищать жизнь свою отъ дерзостныхъ нападений враговъ нечестовыхъ ».

Это предложеніе высказано самымъ искуснымъ ораторскимъ образомъ. Т. А. Милонъ, въ 697 году, отправлялъ должность трибуна, и, съ опасностію для себя, сохранялъ безопасность отечества отъ наспій Клодія. Поэтому можно бы испрашивать прощенье Милону съ одной стороны во имя заслугъ его государству, а съ другой—въ силу наступившей безопасности государства отъ наспій Клодія. Но все это не могло оправдать поступка Милонова. И Цицеронъ, по видимому, упустилъ эти обстоятельства изъ виду, намекаетъ однако же на нихъ, чтобы расположить судей къ выслушанію этихъ мыслей, которыхъ онъ не чуждается въ продолженіи рѣчи, и преклонить ихъ на сторону Милона. Главный же предметъ рѣчи доказать, что Клодій покушался на жизнь Милона, а Милонъ защищался противъ него, и что смерть Клодія была необходимымъ слѣдствіемъ собственной обороны Милона.

Когда предложеніе бываетъ ненужно?

Если приступъ такого рода, что изъ него слушатель легко можетъ усмотрѣть, о чемъ намѣренъ говорить ораторъ; то формальное выраженіе предложенія становится ненужнымъ: тогда можно отъ приступа прямо перейти къ раздѣленію, или къ доказательству.

О раздѣленіи.

За предложеніемъ, и если его не бываетъ, за приступомъ въ рѣчи ораторской слѣдуетъ раздѣленіе. Въ этой части ораторъ показываетъ слушателямъ, съ какихъ сторонъ онъ предполагаетъ рассмотреть свой предметъ, или кратко объясняетъ порядокъ рѣчи.

Примѣръ раздѣленія.

Примѣромъ раздѣленія можетъ служить слѣдующее раздѣленіе, взятое изъ похвального слова Карамзина Императрицѣ Екатери- нѣ II-й.

«Сотраждане! Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями: взоръ нашъ слѣдуетъ за Нею на снхъ трехъ путяхъ славы».

Въ отношеніи къ раздѣленію нужно замѣтить слѣдующее: 1) не хорошо дѣлать въ рѣчи ораторской слишкомъ много членовъ дѣленія и ихъ подраздѣленій. А если 2) предметъ рѣчи простъ и неинтересенъ, то ораторъ можетъ вовсе обойтись безъ раздѣленія, и отъ предложенія прямо перейти къ изслѣдованію, или доказательству: раздѣленіе не составляетъ необходимой части рѣчи ораторской.

Объ изслѣдованіи.

Изслѣдованіе составляетъ главную и существенную часть ораторскаго слова. Въ немъ ораторъ стремится къ достиженію своей цѣли, или 1) пришить общее содержаніе рѣчи съ частнымъ, или 2) показать ихъ взаимное согласіе.

1) Въ первомъ случаѣ ораторъ представляетъ сначала доказательства для поясненія и подтвержденія главной мысли, или, что тоже, общаго начала рѣчи. Эта часть рѣчи собственно, можно сказать, философическая, и потому она вообще подчиняется всѣмъ правиламъ относительно изслѣдованія разсужденія.

Особенности же ея зависятъ отъ особеннаго назначенія ораторскаго слова. Именно: а) рѣчь назначается для опредѣленнаго круга слушателей: поэтому въ ней должно употреблять, по пре-

имуществу, такіа доказательства, которыя имѣють особенную убѣдительность для нихъ.

б) Ораторская рѣчь назначается не для убѣжденія только ума слушателей, но и для преклоненія ихъ воли на сторону истины и добра, для исправленія ихъ жизни и дѣятельности. Поэтому въ ораторской рѣчи нужно предпочитать другія доказательства историческія и опытыя, особенно такіа, которыя берутся изъ жизни самихъ слушателей, или, по крайней мѣрѣ, изъ жизни людей, по времени и обстоятельствамъ, близкихъ къ нимъ. Таковы, въ отношеніи къ церковному краснорѣчію, примѣры изъ жизни святыхъ и грѣшниковъ и т. п.

Но если бы рѣчь ораторская ограничилась развитіемъ общаго своего содержанія, въ такомъ случаѣ это было бы разсужденіе, написанное въ формѣ рѣчи, а не самая рѣчь. Въ рѣчи ораторъ, изслѣдовавши данное предложеніе, дѣлаетъ потомъ примѣненіе его къ содержанію частному, — къ жизни и дѣятельности слушателей. Въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованія ораторъ показываетъ противорѣчіе жизни и дѣятельности слушателей истинѣ, имъ доказанной. И такъ-какъ цѣль его — примирить эти два начала; то далѣе онъ представляетъ не только возможность и действительность подобнаго примиренія, но и предлагаетъ средства для этого, убѣждая слушателей воспользоваться ими.

Все это видно изъ разбора изслѣдованія поученія Путятина, сказаннаго предъ Св. Причастіемъ. Сказавши въ приступѣ о явленіи Бога Моисею при купинѣ, проповѣдникъ дѣлаетъ такой переходъ къ предмету поученія: «Слуш. благочестивые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно, была явленіе чудное и страшное... Не столь же ли *чудна и страшна Св. чаша*, которой вы предстоите, какъ которой приступаете?» Это предложеніе поученія!

Далѣе начинается изслѣдованіе, въ которомъ проповѣдникъ сначала развиваетъ общее содержаніе рѣчи, т. е. доказываетъ главную мысль ея, что Св. чаша *чудна и страшна*. «Здѣсь, въ этой чашѣ, (говоритъ онъ) подъ видомъ хлѣба преподается вамъ истинное Тѣло Господа нашего І. Христа, а подъ видомъ вина — истинная Кровь Его (сгѣд. чаша чудна). Здѣсь, въ этой Святой

чашѣ—огнь Божественный, чудный, страшный огнь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ — пополяющій и ожигающій (доказательство, что Св. чаша страшна, примѣненное къ состоянію слушателей). » Здѣсь оканчивается первая часть изслѣдованія—развитіе общаго содержанія рѣчи.

Слѣдуетъ примѣненіе общаго содержанія къ частному—къ состоянію слушателей. Доказавши, что Св. чаша чудна и страшна, проповѣдникъ выводитъ отсюда такое слѣдствіе для своихъ слушателей: « и потому, отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ кувшины, и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому, приближающемуся ко Св. чашѣ: не приближайся сѣмо; изуй прежде сапоги отъ погъ твоихъ: развяжи прежде грѣховныя узы, связующіе твою душу. » Отсюда видно, что проповѣдникъ стремится здѣсь къ примиренію частнаго содержанія рѣчи съ общимъ.

А потому далѣе онъ указываетъ возможность этого примиренія: « время еще не ушло, говоритъ онъ, еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ, или не хотѣлъ, а долженъ былъ сдѣлать прежде. » **Осуществленіе возможности:** « благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. » Представляетъ убѣжденіе воспользоваться этимъ временемъ для приготовленія себя къ достойному причащенію: « не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. По стыднѣ твоихъ сердечныхъ слезъ: это—бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее; на тебя теперь смотритъ І. Христосъ; на тебя теперь смотритъ твой Ангель-хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ-бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься, или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. »

За убѣжденіемъ представляются самыя средства, какъ, въ одну минуту, можно сдѣлаться достойнымъ Св. причастія: « Итакъ, говоритъ авторъ, скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ; хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя привычки; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причастить-

ся пречистыхъ Твоихъ Таинъ. *Вѣрую, Господи, только помози моему невѣрiю, вѣрую, яко Ты, возстину, Христосъ, сынъ Бога живога, пришедый въ мiръ грѣшныя спасти; еще вѣрую, — и еще, молю Тебя, помози моему невѣрiю, — еще вѣрую, яко сiе есть самое пречистое Тѣло Твое и сiя есть самая честная Кровь Твоя.* Не дамъ тебѣ лобзанiя Иудва; нѣтъ, я уже не промѣню Тебя ни на какiя удовольствiя, не продамъ Тебя ни за какую цѣну; только помилуй меня, и сподоби неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ Таинъ». Здѣсь оканчивается послѣднiй отдѣлъ изслѣдованiя и развитiе частнаго содержанiя рѣчи.

2) Но если общее и частное содержанiе рѣчи согласны между собою, то въ изслѣдованiи ораторъ показываетъ, объясняетъ и подтверждаетъ ихъ согласiе. Здѣсь бываетъ два случая:

а) Общее содержанiе рѣчи или излагается въ краткихъ и общихъ чертахъ, или и совсѣмъ скрывается за содержанiемъ частнымъ. Тогда, главнымъ образомъ, развивается содержанiе частное, и изъ него берутся доказательства на то, что оно согласуется съ общимъ. Такъ, напр. въ содержанiи изслѣдованiя рѣчей похвальныхъ, главнымъ образомъ, изъ жизни и дѣятельности лица доказывається, положимъ, то, что лицо это было хорошимъ христианиномъ. А это — содержанiе рѣчи частное. Содержанiе же общее, т. е. начала христіанства, съ которыми показывается согласiе жизни и дѣятельности описываемаго лица, или только представляется въ общихъ чертахъ, въ видѣ даже однихъ намековъ, или и совсѣмъ не излагается.

б) Впрочемъ, иногда общее и частное содержанiе, для показанiя ихъ очевиднѣйшаго согласiя между собою, развиваются и въ соразмѣрности одно съ другимъ. Такъ, въ словѣ Анастасiя Братановскаго на погребенiе Бецкаго, сперва раскрывается подробно общее содержанiе рѣчи, что «добродѣтель, съ которой стороны мы ни воззримъ на лице ея, прекрасна, и что самая смерть добродѣтельныхъ служитъ доказательствомъ ихъ безсмертiя», а потомъ излагается содержанiе частное, заключающееся въ изображенiи дѣлъ Бецкаго, согласныхъ съ закономъ добродѣтели.

Но в) никакъ нельзя допустить, чтобы общее содержанiе рѣчи было развито во всей полнотѣ, а частное — кратко: въ такомъ

видѣ, рѣчь не будетъ имѣть соразмѣрности, и легко можетъ потерять свой характеръ, превратившись въ сухое разсужденіе.

О заключеніи.

Въ заключеніи ораторскаго слова или α) выводятся слѣдствія изъ предыдущаго изложенія, что бываетъ при синтетическомъ способѣ изслѣдованія, β) или кратко повторяется сущность рѣчи, что свойственно болѣе способу аналитическому, или γ) выражаются чувствованія оратора (заключеніе патетическое), или δ) дѣлается обращеніе къ Богу, что встрѣчалось и въ рѣчахъ языческихъ ораторовъ, напр. въ рѣчи Димосоена, сказанной въ защиту Ктезифона и во второй филиппикѣ Цицерона, или ϵ) обращеніе къ слушателямъ, или ζ), наконецъ, нѣсколько такихъ случаевъ соединяются вмѣстѣ. Такъ, въ панегирикѣ Плинія младшаго Императору Траяну, съ обращеніемъ къ Богу соединено и обращеніе къ слушателямъ.

Впрочемъ, и заключеніе не есть необходимая часть ораторскаго слова. Если ораторъ въ изслѣдованіи успѣлъ убѣдить слушателей въ доказываемой имъ мысли, и направить ихъ волю согласно съ убѣжденіемъ, то заключеніе, какъ особая часть, становится ненужнымъ.

II) О РѢЧИ КРАТКОЙ.

Ея отличіе отъ ораторскаго слова.

Краткая рѣчь отличается отъ ораторскаго слова: а) своимъ содержаніемъ: ибо въ ораторскомъ словѣ *подробно* развивается какая-либо мысль, или явленіе историческое, съ приложеніемъ ихъ къ жизни и дѣятельности слушателей; а въ рѣчи *кратко* излагается одно какое-нибудь частное обстоятельство, или случай, по которымъ они пропзносятся, напр: встрѣча Вѣщеспыхъ Особъ, собраніе ученыхъ по случаю какого-нибудь торжества науки и т. п. б) отличается своимъ внутреннимъ составомъ: ибо въ ораторскомъ словѣ непрежѣнно соединяются два начала—общее и частное; а въ рѣчахъ краткихъ развивается одно содержаніе частное,

общее же предполагается и бывает известно слушателямъ, и потому не входитъ въ составъ ихъ. Наконецъ, в) отличается своимъ составомъ вѣншимъ: ибо ораторское слово, по большей части, слагается изъ нѣсколькихъ частей, а рѣчь краткая, по большей части, изъ одного изслѣдованія или изложенія.

Достоинство краткой рѣчи.

Отсюда все достоинство краткой рѣчи состоитъ въ точномъ примѣненіи мыслей и чувствованій оратора къ обстоятельствамъ, при которыхъ она произносится, въ краткомъ, но полномъ и краснорѣчивомъ изложеніи предмета, и въ художественной отдѣлкѣ состава рѣчи и ея языка.

Такова «Рѣчь», произнесенная Высокопреосв. Митрополитомъ Новгородскимъ и С. Петербургскимъ Григоріемъ, при встрѣчѣ Государя Императора и Государыни Императрицы, въ Казанскомъ Соборѣ, въ день торжественнаго, послѣ свящ. коронаціи, въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ въ С. Петербургъ, 2 Октября, 1856 года.

Благочестивѣйшій Великій Государь Императоръ!

И принявъ божественную святую Царскаго миропомазанія, Ты шествуешь въ сей священный храмъ. Поимамъ высокоблагодѣтельную для насъ цѣль Твоего шествія.

Сюда же предъ Тобою и вслѣдъ за Тобою неудержимо стремится и Православная церковь съ горячею молитвою къ Божіей Матери, чтобы Она, издревле возлюбившая Русское царство, сохранившая его въ опасное для него смутное время и снова передавшая его въ мудрое управленіе Твоего Царственного Рода, на всехъ путяхъ хранила Тебя, Богомъ помазанію съ Тобою Благочестивѣйшую Супругу Твою и весь Твой Августѣйшій Домъ, а всѣмъ Твоимъ подданнымъ по всему Твоему необъятному царству даровала, для ихъ благоденствія, вожделѣннѣйшую благодать всегда со всевозможною ревностію, вѣрностію и безъ всякаго себялю-

бія исполнять Твою священную волю. Да благословить Господь шестіе Твое!

(Христ. Чт. 1856 г. Ноябрь, стр. 339—340).

Примѣч. Въ отдѣлѣ объ ораторской рѣчи вообще практическія занятія должны соответствовать тѣмъ, кои указаны въ ученіи о сочиненіяхъ собственно-ученыхъ.

О РАЗЛИЧНЫХЪ РОДАХЪ И ВИДАХЪ РѢЧЕЙ ОРАТОРСКИХЪ.

Главные роды ораторскихъ рѣчей.

Слѣдуя историческому развитію ораторскаго краснорѣчія, мы находимъ въ немъ два главные рода рѣчей ораторскихъ: 1) рѣчи *свѣтскія* и 2) *духовныя* или *церковныя*.

О РѢЧАХЪ СВѢТСКАГО КРАСНОРѢЧІЯ.

Главные роды рѣчей свѣтскихъ.

Въ историческомъ развитіи свѣтскаго краснорѣчія находятся слѣдующіе главные роды рѣчей ораторскихъ: 1) *политическій*, 2) *историческій* и 3) *судебный*.

1) О РѢЧАХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ВООБЩЕ.

Разныя названія ихъ.

Рѣчи политическія имѣютъ разныя названія: они называются *политическими* и *государственными*, потому, что предметомъ ихъ служатъ какіе-нибудь вопросы, касающіеся государства и политики, — называются *совѣщательными* (*συμβουλευτική, deliberativum genus*), по переводу съ языка Грековъ и Римлянъ, у которыхъ они произносились въ народныхъ совѣщаніяхъ, — называются, наконецъ, *народными*, потому, что они всегда имѣли непосредственное отношеніе къ массѣ всего народа.

*Сущность и отличіе изъ отъ прочихъ родовъ свѣтскаго
вѣтійства.*

Но, при различіи названій, сущность рѣчей политическихъ остается одна и таже: ибо всѣ они отъ прочихъ родовъ свѣтскаго краснорѣчія — историческаго и судебного отличаются тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ болѣе или менѣе направленіе философское, умственное, т. е. разсужденіе о предметахъ.

Роды рѣчей политическихъ.

Къ рѣчамъ политическимъ или совѣщательнымъ относятся въ частности: 1) рѣчи *государственныя*, 2) *военныя* и 3) *академическія*, произносимыя въ ученыхъ совѣщаніяхъ.

1) *О рѣчахъ государственныхъ въ частности.*

Определеніе.

Рѣчи государственныя, обыкновенно, произносятся въ народныхъ собраніяхъ. Предметомъ ихъ бывають вопросы, касающіеся до управленія государствомъ, какъ-то: постановленіе законовъ, объявленіе войны, заключеніе мира, и вообще вопросы, касающіеся внутренняго и вѣшняго устройства государства.

О состояніи государственнаго краснорѣчія у Грековъ.

Государственное краснорѣчіе въ видѣ рѣчей существуетъ, по преимуществу, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ образъ правленія — представительный. У Грековъ нигъ славился: Перикль, Эсхиль и Демосоевъ (385 — 322 г. до Р. Х.). Замѣчательнѣйшія изъ рѣчей сего послѣдняго суть его «*Филиппики*», или рѣчи, говоренныя противъ Филиппа, царя Македонскаго. Филиппъ покорилъ своей власти многія Греческія племена и государства (Фокеевъ, Оливоніцевъ, Тессалию, Фракію, Эретрію,

Орею), и тайно угрожалъ независимости Аттики. Но Аттическія племена, предаваясь безопасности, не думали обороняться отъ Филиппа: причиною тому были увѣренія Филиппа быть въ мирѣ и согласіи съ Аттикой, лицемеріе Аттическихъ чиновниковъ, которые льстили отечеству, и, наконецъ, золото Филиппа, задобрившее народныхъ ораторовъ въ его пользу. Демосоевъ одинъ старался возбудить духъ Аттики и другихъ Греческихъ племенъ къ вооруженію противъ опаснаго царя Македонскаго. «Плаватели, говорилъ онъ въ девятой филиппикѣ, должны думать о цѣлости корабля своего тогда, когда онъ еще можетъ сражаться съ волнами; когда море поглотитъ его, не время будетъ спасаться. Такъ и мы должны дѣйствовать, пока существуемъ, имѣемъ достаточныя силы, способы, славное имя. Какъ же дѣйствовать? можетъ быть, нѣкоторые хотятъ то слышать въ сію же минуту. И такъ, а предложу свое мнѣніе, чтобы вы, въ случаѣ одобренія, могли исполнить нужное.

Прежде всего, надобно вооружиться, снарядить флотъ, собрать войско, приготовить деньги: ибо Аонины должны сражаться за свою независимость и тогда, когда все другія государства согласятся рабствовать. Явивъ сей примѣръ Греціи, возбудимъ другіе народы, отправимъ всюду пословъ — объявить наше намѣреніе въ Пелопонезѣ, жителямъ острова Хиоса, царю Персидскому, для котораго такъже, какъ и для насъ, опасенъ царь Македонскій...

Аониине! я все сказалъ, что, какъ мнѣ кажется, должноствовало бы поправить наши дѣла. Кто можетъ предложить лучшей совѣтъ, пусть говорить! На что бы вы ни рѣшились, желаю вамъ успѣха; желаю блага и славы моему любезному отечеству».

Кромѣ рѣчей противъ Филиппа, Демосоевъ оставилъ намъ «Олимпикки», рѣчь въ защиту Ктезифона и рѣчь о вѣнкѣ. Все его рѣчи отличаются глубиною и силою мыслей, по видимому, безыскусственнымъ, но правильнымъ и стройнымъ расположеніемъ, и выраженіемъ простымъ, яснымъ, отрывистымъ, по въ то же время высокимъ, обильнымъ, великодушнымъ и, въ высшей степени, изящнымъ.

О состояніи государственнаго краснорѣчія у Римлянъ.

У Римлянъ на политической трибунѣ славилась Катонъ, Крассъ, Антоній, Цезарь и, особенно, Цицеронъ. Изъ политическихъ рѣчей сего послѣдняго лучшими признаются: 1) рѣчь, произнесенная въ защиту закона, предложеннаго трибуномъ Манлиемъ, по которому Помпей обязывался принять команду надъ всѣми Римскими войсками, находящимися на востокѣ, чтобы нанести пораженіе Митридату. Восторженная похвала Помпею составляетъ существенное содержаніе рѣчи. Слогъ ея отличается періодами, геометрически-правильными и круглыми, выраженіемъ самымъ цвѣтистымъ и обработаннымъ. 2) Рѣчи противъ Катилины. Изъ исторіи извѣстно, что Катилина, котораго Цицеронъ называетъ чудовищемъ, составилъ заговоръ противъ своего отечества, противъ Рима. Зная о его умыслахъ, Цицеронъ ожидалъ благоприятнаго случая, чтобы разрушить ихъ и освободить государство отъ опасности. Но вотъ Катилина съ гордостію вступаетъ въ Сенатъ, и Цицеронъ встрѣчаетъ его слѣдующею поразительною и необыкновенно-сильною рѣчью, содержаніе которой мы представимъ здѣсь кратко, удерживая топъ и характеръ выраженія:

«Долго ли еще будешь ты, Катилина, употреблять во зло наше терпѣніе? Долго ли еще въ твоёмъ неистовствѣ будешь издѣваться надъ нами? Чего домогаешься ты своею неслышанною наглостью? Ни по чужь тебѣ то, что дворець окружилъ, во время ночи, вооруженною стражею, ни то, что городъ на военномъ положеніи, жители его въ страхѣ, всѣ благонамѣренные граждане спѣшать на защиту отечества, ни то, что Сенатъ собранъ въ самомъ безопасномъ мѣстѣ? Или ничего не считаешь ты па лицахъ присутствующихъ здѣсь? Еще для тебя не явно ли, что твои намѣренія извѣстны намъ? Или ты не понимаешь, что единодушіе благонамѣренныхъ гражданъ сковало злодѣйскій умыселъ твоего заговора? Что дѣлалъ ты въ обѣ послѣднія ночи, съ кѣмъ и въ чемъ совѣщался — все, до малѣйшей подробности, извѣстно каждому изъ насъ....

Посмотримъ, какъ провелъ ты прошлую ночь, и ты увидишь, что я бдительнѣе бодрствую надъ безопасностію отечества, чѣмъ ты заботишься о его гибели. Пролетную ночь ты былъ у Лекки. Ты дѣлилъ Италію на участки, назначая, куда кому изъ твоихъ сообщниковъ слѣдуетъ ѣхать; ты отобралъ изъ нихъ тѣхъ, которые должны были послѣдовать за тобою, и тѣхъ, которымъ надлежало остаться въ Римѣ. Ты назначалъ, какія части города предать огню; ты сказалъ, что, въ непродолжительномъ времени, выйдешь изъ города, и что тебя задерживаетъ только немного то, что я еще живъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, Катилина, тебѣ остается только продолжать тобою начатое. Ступай вонъ изъ города! Его ворота для тебя настѣжь. Съ нетерпѣніемъ Манліево войско ждетъ тебя, какъ своего вождя.... Ступай, начинай беззаконную и печестивую войну! Да обратится она на пользу и спасеніе отечества, на гибель твою и соучастниковъ твоего преступнаго замысла! А ты, Юпитеръ всемогущій, имя котораго начало славиться вмѣстѣ съ жизнью этого города, ты, достойно именуемый опорой и покровителемъ его и владычества народа Римскаго, защити отъ Катилины и его сообщниковъ храмы твои и жертвенники, зданія и стѣны этого города, жизнь и имущества гражданъ. А тѣхъ ненавистниковъ всякаго добра, враговъ отечества, отребіе Италіи, этотъ скопъ людей, связанныхъ единствомъ зла и преступления, погуби и здѣсь въ мученіяхъ, и въ будущей жизни обреки ихъ на вѣчныя страданія».

Всѣхъ рѣчей противъ Катилины четыре: они отличаются высокими краснорѣчіемъ и, по свидѣтельству исторіи, были полезны государству въ свое время. И 3) у Цицерона славны нѣкоторыя изъ рѣчей, называемыхъ «Филлиппиками». Такое названіе получили они оттого, что написаны по подраженію Филиппикамъ Демосоена. Всѣхъ Филиппикъ Цицерона 14. Они касаются различныхъ моментовъ борьбы, бывшей между Антоніемъ и Цезаремъ. Лучшія изъ этихъ рѣчей суть — вторая и послѣдняя.

О состояніи государственнаго краснорѣчія въ нашемъ отечествѣ.

Въ нашемъ отечествѣ, политическое краснорѣчіе существуетъ въ двухъ видахъ: иногда оно является и въ формѣ рѣчей, которыя произносятся отъ лица Верховной власти къ государственнымъ сановникамъ, и наоборотъ отъ имени сановниковъ и народа — къ Верховной власти. Но такихъ рѣчей, по свидѣтельству Греча (*) у насъ не много. Лучшимъ образцомъ можетъ служить «рѣчь, говоренная, Сентября 2-го, 1793 года, отъ лица Сената и народа Россійскаго Екатерины II, по заключеніи мира съ Турками въ Яссахъ.» Содержаніе этой рѣчи слѣдующее: «болѣе тридцати лѣтъ Россія блаженствуетъ Тобю, Всемилостивѣйшая Государыня! Три войны зависть и злоба воздвигала на насъ; но, возрадуйтесь сыны отечества, враги повержены и не востанутъ! Возстаня Петръ I-й, и возари на войска, умноженныя и благоустроенныя Екатериною, на флотъ Балтійскій, возрасшій въ исполина, на присоединеніе царства Тавриды, на устройство новаго Черноморскаго флота, на распространеніе наукъ и возвышеніе внутренняго государственнаго устройства! Насладись радостію отъ сихъ преуспѣваній, и почи опять, душа безсмертная, пріосѣнная толикою славою Екатерины! А Ты, Всеавгустѣйшая Монархиня, дажь намъ волю, за чадолубіе къ намъ прамилосердаго Твоего сердца, провозгласить Тебя Матерію Отечества, а за величіе Твоего духа и мудрость въ присоединеніи Тавриды и другихъ странъ — посвятить Твоему имени наименованіе — Великой. И если Ты, прославивъ насъ, хочешь прославить и нашу благодарность, рекн: буди вамъ по глаголу вашему, и простри намъ въ милость десницу Твою, сокрушившую враговъ и возносящую Россію.»

О нынѣшней формѣ политическаго краснорѣчія въ нашемъ отечествѣ.

Нынѣ политическое краснорѣчіе существуетъ у насъ больше въ видѣ актовъ письменныхъ, манифестовъ, воззваній, указовъ и

(*) Учебн. книга, ч. II, стр. 181.

др. исходящихъ отъ лица Державной Власти и открывающихъ волю Ея народу, и въ формѣ донесеній, прошеній, адресовъ, повергаемыхъ предъ Вѣнценосными Особами. Таково прошеніе Святейшаго Правительствующаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената Государю Императору Александру I о принятіи титула Благословенный, и о дозволеніи воздвигнуть Ему памятникъ въ столицѣ: «покорствуя Тебѣ, Государь (говорится въ прошеніи), мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости Твоея: во всеобщія благословенія и Твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодать Господня, Тебѣ всегда соприсущая, и во всѣхъ Твоихъ предначинаніяхъ знаменующаяся, да оправдаютъ дерзновеніе преданныхъ Тебѣ чадъ Твоихъ поднести Тебѣ титуло, единодушно всѣми утвержденное, благости Твоего сердца, нашимъ къ Тебѣ чувствованіямъ соответствующее, и безъ стязанія коего нѣтъ истиннаго, — величія титуло: Благословенный. Усердно Тебя молимъ, не отырни сего Тебѣ отъ сыновъ Твоихъ припошенія. Но дабы чувствованія нашей признательности, снмъ Тебѣ изъявляемая, не была безмолвны предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменіемъ, хотя мало достойнымъ Тебя, Государь бессмертный! и потому дерзаемъ умолять Тебя, Благословенный! не возбрани намъ воздвигнуть, въ престольномъ градѣ Твоемъ, для грядущихъ вѣковъ, памятникъ, гласящій о великихъ Твоихъ подвигахъ: не да приложить онъ что-либо ко славѣ незабвеннаго Твоего имени, но да оправдимся мы предъ потомками нашими. Да не укорятъ насъ нѣкогда нечувствительностію къ изліяннымъ Тобою на насъ благодѣяніямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ, до позднѣйшихъ временъ, памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашей къ Тебѣ любви и безпредѣльной преданности.»

Сочиненіемъ такихъ актовъ государственныхъ у насъ занимались: Теплово, Безбородко, Завадовскій, Храповицкій, кн. А. Шшковъ, Сперанскій, Дашковъ и др. Магницкій даже написалъ особое «Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности.»

2) О рѣчахъ военныхъ.

Опредѣленіе.

Военными рѣчами называются тѣ, которыя произносятся къ войскамъ, или я вообще къ народу, предъ началомъ войны, во время и послѣ ея окончанія.

О содержаніи рѣчей военныхъ.

Содержаніемъ рѣчей военныхъ, обыкновенно, бываетъ призывъ къ принятію оружія, возбужденіе въ вошахъ храбрости и мужества, увѣщаніе безпрекословно повиноваться повелѣніямъ власти, сохранять порядокъ, чувство вѣры и чести и т. п. Св. вѣра и церковь, отечество, величіе престола, прахъ предковъ, любовь къ семейству, довѣріе къ полководцу, прежнія побѣды, слава народная, стыдъ быть побѣжденными, коварство и злоба непріятеля — вотъ обыкновенныя орудія, которыми ораторъ дѣйствуетъ на сердца воиновъ для достиженія своихъ цѣлей. Но главное — здѣсь состоитъ въ познаніи духа и свойствъ солдатъ и въ умѣньи — двигать то и другое, сообразно измѣняющимся обстоятельствамъ и случайностямъ войны.

Начало и исторія военнаго краснорѣчія у Грековъ.

Начало военнаго краснорѣчія, по всей вѣроятности, современно началу войны. Образцы его указываютъ еще въ богодухновенныхъ книгахъ Моисея (Втор. XX, 3 — 4). Отъ Грековъ мало осталось намъ памятниковъ рѣчей военныхъ. Но и у нихъ великій полководецъ былъ непремѣнно и великимъ ораторомъ; и если военачальникъ не умѣлъ воодушевлять передъ боемъ свою армію, то и не могъ надѣяться на вѣрный успѣхъ. «Сколько разъ, говоритъ Макиавель, Александръ долженъ былъ возбуждать рѣчами мужество своихъ воиновъ! Если бы онъ не обладалъ этою способностію, то какъ бы могъ вести свои войска къ побѣдамъ, черезъ пустыни Индіи и Аравіи, не взирая на усталость и опасности?»

Состояніе военнаго краснорѣчія у Римлянъ.

У Римлянъ военное краснорѣчіе было въ большемъ уваженіи, и стояло еще выше, нежели у Грековъ. Безъ сомнѣнія, рѣчи, приписываемыя римскимъ полководцамъ Титомъ Ливіемъ, Тацитомъ и другими историками, раскрашены разскащиками. Но, по крайней мѣрѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что краснорѣчіе гремѣло у нихъ такъ же и въ лагеряхъ, какъ и на форумѣ: у нихъ въ каждомъ станѣ устроилась трибуна, съ которой полководцы могли говорить собраннымъ вокругъ войнамъ. Тамъ въ рѣчахъ помѣщалось все то, что въ настоящее время передается войскамъ печатными приказами. Эти рѣчи были предварительно составляемы и отличались значительнымъ пространствомъ и искусственностію. Таковы слѣдующія рѣчи: 1) рѣчь Агриколы, вождя Римскаго предъ сраженіемъ съ Британцами, 2) Юлія Цезаря къ войску передъ Фарсальскимъ сраженіемъ, 3) Помпея къ воинству при томъ же случаѣ. Въ примѣръ можно привести здѣсь слѣдующую замѣчательнѣйшую рѣчь Юлія Цезаря послѣ неудачи, испытанной его войсками при Дирахиумѣ.

• Несчастіе, испытанное вчера, не должно устрашать васъ; прежде этой неудачи, счастье послало вамъ столько побѣдъ, что надобно ему еще быть благодарнымъ. Вы покорили Италію, не проливъ капли крови, умирили Испанію, защищаемую храбрыми войсками и опытными полководцами, завоевали дѣлбородныя области, счастливо переплыли море между флотами непріятельскими, и если теперь фортуна измѣняетъ вамъ, то отъ васъ зависитъ приобрести ея благосклонность дѣятельностію и мужествомъ. Приписывайте испытанную вамъ неудачу непостоянству жребія, но отнюдь не ошибкѣ вашего предводителя: я указалъ вамъ возможность побѣды, — вы устремились на лагерь непріятельскій, овладѣли имъ, и если, по своей неосторожности, ошибкѣ, или несчастію, были разбиты, обращены въ бѣгство и упустили изъ рукъ вѣрную побѣду, то не вамъ-ли и должно употребить все усилія, чтобы загладить неудачи новымъ мужествомъ? Спросите у тѣхъ, кто былъ при Герговіи, и они скажутъ, что могутъ сдѣлать постоянство и твердая воля?!

Военное краснорѣчіе у новыхъ народовъ.

Со времени Генриха IV, короля Французскаго, началась новая исторія военнаго краснорѣчія. Тогда оно не состояло въ длинныхъ, напередъ заготовленныхъ рѣчахъ; часто достаточно было нѣсколькихъ словъ, только бы они краснорѣчиво и кстати были сказаны, и могли пробудить храбрость, мужество и силы воиновъ. Таковы рѣчи самого Генриха, Рошжаклена, Наполеона, Карла XII, Суворова и другихъ. Рошжаклень сказалъ рѣчь, состоящую изъ слѣдующихъ трехъ краткихъ періодовъ: «*si j'avance, suivez-moi; si je recule, tuez-moi; si je meurs, vengez-moi.*» Эти слова простыхъ поселянъ сдѣлали храбрыми героями, и Французы думаютъ, будто подобнаго этой рѣчи нельзя ничего найти ни у древнихъ, ни у новыхъ народовъ.

Начало военнаго краснорѣчія въ нашемъ отечествѣ.

Въ нашемъ отечествѣ, еще въ глубокой древности, удалыя русскія дружины шлѣ въ бой, предшествуемыя скальдами и бардами, напоминавшими имъ славу родины, удалые походы и неравныя битвы со врагами; а вѣрные великокняжескіе ратники воодушевлялись, слушая пѣсни баяновъ: «*О Бояне, славію стараго времени, говоритъ пѣвецъ «Слова» о походѣ Игоря, аще ты сіи пѣлки ущекоталъ!*»

О различныхъ формахъ ораторскаго военнаго краснорѣчія нашего времени.

Нынѣ ораторское военное искусство существуетъ у насъ въ слѣдующихъ видахъ:

1) Въ видѣ рѣчей, изустно произносимыхъ, и имѣющихъ форму цѣлаго ораторскаго слова, или только краткой рѣчи. Эти рѣчи соотвѣтствуютъ древнимъ рѣчамъ Грековъ и Римлянъ. Но такія рѣчи говорятся у насъ только отъ лица Церкви пастырями и служителями Ея, и потому относятся правнѣе къ церковному краснорѣчію.

2) Въ видѣ немногихъ словъ, сказанныхъ просто, но кстатн и сильно, живо воспламеняющихъ духъ воиновъ. Такими рѣчами у насъ особенно отличался Суворовъ. Передъ штурмомъ Измаила, ходя по полкамъ, онъ говорилъ солдатамъ: «сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра побѣда, или смерть!» А въ 1799 году, во время трехдневнаго кровопролитнаго боя при Требнѣ, онъ сдѣлалъ еще лучше. Замѣтивъ, что Русская дивизія Пovalo-Швейковскаго, составлявшая часть праваго крыла союзной арміи, пришла въ замѣшательство и начала отступать, Суворовъ явился впередя ея и закричалъ: «славно, славно, ребяташки, заманивай ихъ! Теперь стой — на руку — впередъ!» Войска бросились и опрокинули Французовъ.

3) Въ видѣ манифестовъ, прокламацій, воззваній, приказовъ, бюллетеней. Эти формы военнаго краснорѣчія принадлежать собственно нашему времени. И они вполне заступаютъ мѣсто древнихъ рѣчей военныхъ: ибо въ нихъ означаются мысли о войнѣ съ цѣлію возбудить патриотизмъ и храбрость народа и воинства, п они такъ же, какъ и рѣчи, читаются въ храмахъ Божіихъ, на площадяхъ, въ собраніи народа и въ станѣ воиновъ. Простота и ясность, сила, живость и одушевленность выраженія суть необходимыя ихъ условія.

Примѣры ихъ.

Примѣрами здѣсь могутъ служить слѣдующіе акты относительно войны:

1) Воззваніе Св. Синода, въ эпоху отечественной войны, 1812 года. Это воззваніе было пропзнесено, 17 Іюня, Митрополитомъ Амвросіемъ, въ Казацкомъ Соборѣ. Оно начинается именемъ той власти, отъ которой исходитъ къ народу: «Божіею милостію, Святѣйшій Всероссійскій Правительствующій Синодъ». Далѣе излагается поводъ, по которому написано воззваніе: «нынѣ година искушенія касается насъ, Россіяне!» Затѣмъ слѣдуетъ предметъ воззванія: «сего ради взываемъ къ вамъ, чада Церкви и отечества! Пріимите оружіе п щигъ, да сохраните вѣрность и храните вѣру отцевъ нашихъ, приносите съ благодарностію оте-

честву тѣ блага, коиши отечеству обязаны. Не щадите временнаго житія вашего для покоя Церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помните дни древняго Израяля и гѣта предковъ нашихъ, которые, о имени Божиемъ, съ дерзновеніемъ повергались въ опасности, и выходили изъ нихъ со славою». Далѣе дѣлается, въ частности, обращеніе къ мужамъ именитымъ, къ пастырямъ и служителямъ алтаря, и всѣмъ вообще заповѣдуются блюстися всякаго неблагочїиія, пребывать въ послушанїи законной власти, соблюдать безкорыстіе, братолюбіе и единодушіе.» Въ заключеніе взывающая Церковь овнадеживаетъ и ободряетъ чадъ своихъ кроткою своею молитвою ко Господу» о вѣщахъ побѣдныхъ для доблестныхъ воиновъ и о благахъ нетлѣпныхъ для тѣхъ, которые душу свою положить за братію свою. Да будетъ, какъ всегда было, и утвержденіемъ и повнственнымъ знаменіемъ Россіянъ сіе пророческое слово: *о Бозь спасеніе и слава!*»

2) Приказъ Петра 1-го предъ Полтавскою битвой. Этотъ приказъ заслуживаетъ вѣчной памяти. «Воины! писалъ Петръ, се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества! Итакъ, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за Православную вѣру и церковь.... Не должна васъ смущать также слава непрїятеля, яко-бы непобѣдимаго; ибо она ложна: вы сами доказали сіе неоднократно надъ нимъ побѣдами. Имѣйте въ сраженїи предъ очами вашими правду и Бога, по васъ поборающаго; на Него единаго во бранѣхъ уповайте. А о Петрѣ думайте, что Ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благоденствіе ваше».

3) О рѣчахъ академическихъ.

Причины, по которымъ академическія рѣчи причисляются къ рѣчамъ государственнымъ.

Рѣчи академическія причисляются къ государственному краспорѣчію не потому, что они имѣютъ среднее съ нимъ содержаніе, а потому, что въ нихъ такъ же, какъ въ государственныхъ рѣчахъ, въ противность краспорѣчію историческому,

преобладаетъ ученое направленіе, т. е. разсужденіе о предметахъ, потому еще, что они, какъ и рѣчи совѣщательныя, произносятся въ совѣщаніяхъ академій и ученыхъ обществъ, составляющихъ предметъ государственнаго устройства.

Происхожденіе академическаго краснорѣчія, и различныя его названія.

Академическое краснорѣчіе не было извѣстно древнимъ, Грекамъ и Римлянамъ. Оно явилось уже по возстановленіи наукъ, въ XV и XVI вѣкѣ, когда въ Европейскихъ государствахъ стали заводиться такъ называемыя Академіи — ученые и художественныя. Нынѣ оно имѣетъ разныя названія: называется *академическимъ*, потому, что явилось, въ первый разъ, въ академіяхъ, т. е. въ обществахъ людей ученыхъ, соединившихся между собою для усовершенствованія наукъ, — называется еще *ученымъ*, потому, что главнымъ предметомъ его служатъ истины, касающіяся наукъ и искусствъ, и употребляется оно только въ собранія людей ученыхъ, — называется, наконецъ, *торжественнымъ*, потому, что рѣчи о предметахъ ученыхъ произносятся въ академическихъ собраніяхъ по поводу какого-нибудь торжественнаго случая.

Опредѣленіе.

Отсюда подъ именемъ академическаго краснорѣчія разумѣются такія ораторскія рѣчи, которыя представляютъ въ себѣ развитіе какой-либо истины, и произносятся, обыкновенно, въ ученыхъ собраніяхъ, по поводу какихъ-либо торжественныхъ случаевъ.

Отличіе отъ философическаго краснорѣчія.

Сочиненія философическія также имѣютъ своимъ предметомъ истины науки и искусства и, какъ извѣстно, могутъ быть излагаемы въ формѣ рѣчи. Не смотря на то, академическое краснорѣчіе отличается отъ философическаго: а) *отчасти* и предметомъ своимъ: потому-что въ рѣчахъ академическихъ излагаются не одни истины, касающіяся науки и искусства, а иногда и частные только случаи, по которымъ дѣлаются ученые собранія.

б) *Существенно же краснорѣчіе академическое отличается отъ разсуждений своею дѣлюю, своимъ внутреннимъ составомъ и достоинствами словеснаго изображенія.*

Объясненіе этого отличія, и отсюда — правила для рѣчей академическихъ.

Въ разсужденіи писатель старается только доказать разсматриваемую имъ истину и убѣдить въ ней слушателей. А въ рѣчахъ академическихъ онъ не только убѣждаетъ умъ, но и производитъ сильное движеніе въ сердцѣ слушателей, даже направляетъ самую ихъ волю согласно съ убѣжденіемъ. Оттого они, подобно всякой рѣчи, слагаются непремѣнно изъ начала общаго и частнаго. Оттого и достоинство изображенія въ нихъ заключается въ томъ, что они допускаютъ въ свой слогъ всевозможные роды украшеній, какіе только существуютъ въ языкѣ, какъ-то: мысли возвышенныя, выраженія сильныя, изображенія живописныя и блистательныя и т. п. Такія образцы, рѣчи академическія отличаются, даже противопоставляются философскому краснорѣчію, которое довольствуется, по большей части, отвлеченнымъ (логическимъ) изображеніемъ истины.

Ограниченіе предыдущаго правила.

Нужно, однакоже, благоразумно пользоваться предыдущимъ правиломъ. Въ рѣчахъ торжественныхъ не должно мысли приносить въ жертву изяществу и богатству языка. Украшенія должны соответствовать содержанію рѣчей: иначе слогъ ихъ легко можетъ сдѣлаться монотоннымъ и *декламаторскимъ*, что иногда и замѣчается въ рѣчахъ академическихъ.

Примѣромъ краснорѣчія академическаго можетъ служить рѣчь Карамзина, произнесенная въ собраніи Императорской Россійской Академіи, 5 Декабря, 1818 года.

Эта рѣчь начинается съ случая, по которому она написана и произнесена, такъ образомъ: «Милостивые государи! Первымъ словомъ моимъ должна быть благодарность за честь, которой вы меня удостоили, — честь дѣлить съ вами труды полезныя, въ то

время, когда великій Монархъ, новыми щедротами, изліяннымъ па Академію, даровалъ ей новыя средства дѣйствовать съ успѣхомъ для образованія языка, для ободренія талантовъ, для славы отечества». Въ послѣднихъ словахъ искусно выражено раздѣленіе предмета рѣчи, который далѣе развивается.

«И во первыхъ Академія должна способствовать образованію языка. И прежде, еще въ началѣ бытія своего, ова издала «Полный Словарь», столько необходимый для всякаго, кто желаетъ понимать себя и другихъ, и предложилъ систему правилъ для составленія рѣчи, — грамматику, которая служитъ руководствомъ для писателей.

Но теперь дѣятельность Академіи, при новыхъ лестныхъ знакахъ Монаршаго къ ней вниманія, не должна-ли, если можно, удвоиться? Изданіемъ словаря и грамматики заслуживъ нашу благодарность, Академія, конечно, заслужитъ и благодарность потомства ревностнымъ исправленіемъ сихъ двухъ главныхъ для языка книгъ. Сколько еще трудовъ ожидаетъ васъ, Милостивые государи! Вамъ нужно дополнить Словарь принятіемъ новыхъ словъ, рождающихся вмѣстѣ съ мыслями, или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Нужно открыть и показать для грамматики новыя правила, существующія въ языкѣ.

Во вторыхъ Академія, облегчая для таланта способы приобрѣтать нужныя для него свѣдѣнія, можетъ еще *содействовать успѣхамъ его и другими средствами*: а) наградами, опредѣленными въ уставѣ; еще болѣе б) спсходительнымъ, по и справедливымъ одѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія, хотя еще незрѣлаго и неукрашеннаго искусствомъ; и, наконецъ, в) назначеніемъ темъ писателямъ, обѣщан награду успѣху. Сии способы весьма дѣйствительны для генія, не чуждаго Россіянамъ и въ самыя времена невѣжества, а тѣмъ болѣе — нынѣ, когда онъ замѣтываетъ силу для высшаго паренія отъ науки и искусства. Да настанетъ слава его въ благословенное царствованіе Александра I-го, и да назовется въкъ зтотъ его великимъ племемъ!»

По крайней мѣрѣ, желаемъ того и можемъ надѣяться. Словесность наша, подражая иностранцамъ, имѣетъ уже въ себѣ нѣчто особенное: есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности. Молодые писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иностранцамъ, но въ этомъ нѣтъ особенной важности: кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, пачавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ, наконецъ, самъ собою, оставивъ путеvodителей, и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ.

Сему-то возвышенію отечественныхъ талантовъ мы должны содѣйствовать, Мм. Гг. для ихъ и нашей славы, для ихъ и нашего удовольствія. Ибо если слава возмѣняетъ, то есть другая, важнѣйшая, существеннѣйшая награда для писателя: это — внутреннее услажденіе таланта, объясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе, — услажденіе, которое отъ любимаго музъ переходитъ всегда и на душу читателей.

Во третьихъ Академія, содѣйствуя развитію словесности, содѣйствуетъ, такимъ образомъ, славу отечества. Если бы Греки и Римляне только побѣждали, мы не произносили бы ихъ именъ съ такою любовью. Побѣждали и Моголы... Но Греки и Римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ твореній. И державы на земномъ шарѣ образуются и возносятся не для побѣдъ только, но для раскрытія великихъ способностей души человѣческой: здѣсь все для души, все для ума и чувства, все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль среди гробовъ и тлѣнія утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ. Возвеличенная, утвержденная побѣдами, да сіяетъ Россія всѣми блестящими дарами ума безсмертнаго; да умножаетъ богатства наукъ и словесности, да слава Россіи будетъ славою человѣчества, и да исполнится, такимъ образомъ, желаніе Екатерины II-й и Александра I-го!

Объ академическомъ краснорѣчїи въ Россїи.

Въ нашемъ отечествѣ, академическія рѣчи явились со времени учрежденія Академіи Наукъ, въ 1724 году. Лучшія изъ нихъ

принадлежать членам Академіи и наставникамъ высшихъ учебныхъ заведеній. Таковы рѣчи гр. Уварова, П. Давыдова, Шевырева, Шикитенко, Устрялова, Перевощикова и другихъ.

II) О рѣчахъ историческихъ.

Отличіе ихъ отъ рѣчей политическихъ.

Въ рѣчахъ политическихъ, обыкновенно, господствуетъ умственное направление, или разсужденіе о предметахъ. А потому рѣчи историческія отличаются отъ нихъ тѣмъ, что здѣсь преобладаетъ надъ разсужденіемъ изложеніе историческихъ фактовъ и событій.

Разные виды рѣчей историческихъ.

Въ историческихъ рѣчахъ или описывается одинъ какой-либо случай, по которому они произносятся, или представляется цѣлая картина происшествій. Въ первомъ случаѣ они называются рѣчами *привѣтственными*, а во второмъ — *похвальными*.

1) О рѣчахъ привѣтственныхъ.

Опредѣленіе.

Рѣчи *привѣтственныя* произносятся лицамъ, въ какой-либо отношеніи замѣчательнымъ, по случаю какого-нибудь торжества, общаго или замкнутаго изъ частной ихъ жизни.

Раздѣленіе ихъ.

Они раздѣляются на рѣчи собственно-привѣтственныя и благодарственныя.

Составъ и достоинство ихъ.

Тѣ и другія рѣчи составляются очень просто: послѣ привѣтствія, въ нихъ, обыкновенно, излагается похвала тому лицу, или цѣлому собранію, къ которому рѣчь относится, соединенная съ

благожеланіями, соответствующими личности, предмету и поводу рѣчи. Существенное же качество рѣчей привѣтственныхъ заключается не въ содержаніи ихъ: ибо привѣтствія и благожеланія бывають здѣсь кратки и просты. И самая похвала состоитъ не столько въ изображеніи добрыхъ качествъ, сколько въ выраженіи мыслей и чувствованій, одушевляющихъ оратора, или то общество, у котораго онъ служитъ представителемъ. Существенное достоинство привѣтствій заключается собственно въ художественномъ составѣ рѣчи и обработкѣ слога. А потому привѣтствія пишутся, по большей части, по правиламъ краткой, небольшой рѣчи.

Краткая исторія рѣчи привѣтственной.

Рѣчи привѣтственныя и благодарственныя были въ большомъ употребленіи въ древности, особливо у Римлянъ. У нихъ существовалъ даже обычай—говорить такія рѣчи, при полученіи, напр. консульскаго званія и т. п. Извѣстно, что, такимъ образомъ, младшій Плиній, получивъ консульство, говорилъ краткую благодарственную рѣчь Императору Траяну. Въ нашемъ отечествѣ, привѣтственныя рѣчи также находятъ въ постоянномъ употребленіи. Образцомъ можетъ служить слѣдующая краткая рѣчь, сказанная Государю Императору Николаю I-му на прибытіе Его въ Москву, въ 1830 году.

«Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться царями славы, чтобы окружить себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нимѣ среди насъ, какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ разделять, чтобы трудности препобѣждать. Такое царское дѣло выше славы человеческой, поелку основано на добродѣтели христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срътаемъ Тебя, Государь! да идетъ съ Тобою воскресіе и жизнь.

Высокопреса. Филаретъ Московскій.

2) О рѣчахъ похвальныхъ.

Виды ихъ.

Историческія похвальныя рѣчи, составляющія цѣлую картинную проишествій, относящихся къ жизни одного лица или цѣлаго народа, бываютъ двухъ родовъ: одни произносятся, по поводу какого-нибудь торжественнаго случая, въ собраніи народа, и потому (какъ увидимъ ниже) называются *паннигириками*; а другія произносятся надъ гробомъ умершихъ, и потому называются рѣчами *надгробными*.

а) О паннигирикахъ.

Происхожденіе и исторія ихъ.

Паннигирики получили начало свое въ Греціи. Здѣсь они были произносимы, во время празднествъ и торжественныхъ игръ, предъ *есльмъ собраніемъ* народа, присутствующаго на играхъ: отсюда они и названы *паннигириками* (отъ греч. *παν* весь и *αἴθρῆς* собраніе, *πανηγουρικὴ* всенародная рѣчь). Въ нихъ ораторы превозносили похвалами боговъ, древнихъ героевъ, царей, правителей, начальниковъ и цѣлый народъ. Этотъ родъ сочиненій составлялъ столь важную отрасль краснорѣчія у древнихъ, такъ много содѣйствовалъ ихъ патріотическимъ и геройскимъ добродѣтелямъ, что Діонисій Галлкарнаскскій написалъ цѣлую науку о паннигирикахъ. У Римлянъ паннигирики измѣнили свой первообытный характеръ; въ нихъ стали изображать похвальныя свойства и дѣла отдѣльныхъ, и притомъ современныхъ лицъ: отсюда паннигирикъ римскій сталъ называться *похвальнымъ словомъ* (*laudativa oratio*). Таково «похвальное слово Императору Траяну», составленное Плиніемъ младшимъ. Этотъ характеръ и названіе и нынѣ паннигирикъ сохраняетъ.

Опредѣленіе.

Отсюда паннигирикъ или похвальное слово есть рѣчь, произносимая, въ собраніи другихъ, въ похвалу какому-либо лицу, замѣчательному своими качествами, добрыми дѣлами и заслугами.

Содержаніе панегирика.

Цѣль панегирика состоитъ въ томъ, чтобы воздать должное уваженіе качествамъ и заслугамъ человѣка, и возбудить въ душѣ другихъ подражаніе имъ. Поэтому въ словахъ похвальныхъ описывается одна добрая и похвальная сторона человѣка, которая должна служить образцомъ подражанія. При семъ ораторъ не долженъ выдумывать небывалыхъ добродѣтелей и чрезъ мѣру, до ласкательства и униженія превозносить истинныя заслуги: «да ни единымъ словомъ, какъ-бы вѣкоему Богу, говорить Плиній въ панегирикѣ Траяну, да ни единымъ словомъ, какъ-бы существу боготворимому, льстить ему не будемъ.» Впрочемъ, можно слегка коснуться и слабыхъ сторонъ жизни хвалимаго лица въ такомъ случаѣ, если это лицо не есть предметъ неприкосновенный для оратора и народа, если рѣчь говорится уже послѣ его смерти, и если слабости его были общезвѣстны и поучительны. Чрезъ это ораторъ пріобрѣтаетъ больше довѣрія, добродѣтели хвалимаго лица являются въ болѣе ясномъ свѣтѣ, и рѣчь становится ближе къ слушателямъ и назидательнѣе для нихъ. Во всякомъ случаѣ, ораторъ долженъ выставлять въ панегирикѣ не общія, но одни только характеристическія свойства, дѣйствія и заслуги похваляемаго.

Расположеніе панегирика, и примѣръ расположенія.

Содержаніе панегирика излагается иногда въ порядкѣ жизни человѣка, составляющаго главный предметъ его. Но, чаще всего, въ немъ изображаютъ свойства и дѣйствія человѣка соответственно главнымъ сторонамъ его жизни, соответственно той идеѣ, которая служила началомъ его мыслей, чувствованій, желаній и дѣйствій. Петръ Великій былъ Государь и вмѣстѣ человѣкъ. Какъ Государь, Онъ совершилъ важнѣйшіе подвиги для нашего отечества, и въ совершеніи ихъ долженъ былъ сражаться и преодолѣть величайшія затрудненія. Какъ человѣкъ, Онъ необходимо долженъ былъ имѣть и частныя, общечеловѣческія свойства и добродѣтели. Смотри съ этой точки зрѣнія на мудраго Преобразователя Россіи, Ломоносова, въ похвальному слову своемъ, изображаетъ дѣянія Его

въ слѣдующемъ видѣ: сначала говоритъ о важнѣйшихъ Его дѣлахъ, потомъ о преодолѣнныхъ препятствіяхъ, и, наконецъ, о Его добродѣтеляхъ.

О словѣ панегириковъ.

Панегирики пишутся языкомъ самымъ живописнымъ, блестящимъ и одушевленнымъ, возвышающимся до языка поэтическаго. Діонисій Галикарнасскій говоритъ: «ораторъ, произнося панегирикъ, долженъ плѣнить слушателей красотой слога, превышающаго обыкновенный образъ рѣчи.»

Образцы — изъ отечественной литературы.

У насъ, въ первое время, образцами похвальныхъ словъ служили слова Ломоносова Петру 1-му и Елисаветѣ Петровнѣ. По, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Императорская Россійская Академія весьма много способствовала какъ развитію академическаго краснорѣчія вообще, такъ и въ частности—развитію и совершенствованію рѣчей похвальныхъ. Съ 1805 года, она ежегодно приглашала черезъ вѣдомости къ сочиненію похвальныхъ словъ Царямъ Іоанну Васильевичу и Алексѣю Михайловичу, Великому Князю Владиміру Мономаху, Минину и Пожарскому, Румянцеву-Здунцкому и Суворову-Рымникскому. Многіе писали эти сочиненія. Изъ нихъ увѣчаны были наградами похвальное слово Алексѣю Михайловичу, сочиненное Членомъ Академіи П. Ю. Львовымъ (7 Декабря, 1806 г.), похвальное слово Еропкину, сочиненное также Членомъ Академіи П. П. Соколовымъ. Весьма замѣчательны также похвальные слова Карамзина—Екатерины II-й, Мерзлякова—Александру 1-му, Князя Ширинскаго.—Шихматова—Александру 1-му и Маріи Феодоровнѣ и др.

б) О рѣчахъ надгробныхъ.

Начало и исторія рѣчей надгробныхъ.

Рѣчи надгробныя получили свое начало въ самой глубокой древности, и ихъ находятъ въ употребленіи у всѣхъ народовъ—въ

Египтъ, Греціи, Римѣ, Скандинавіи, даже въ Америкѣ. Въ Египтѣ, вѣроятно, первымъ отечествѣ надгробныхъ рѣчей, былъ законъ надъ каждымъ умершимъ произносить судъ на берегу озера, чрезъ которое надлежало перевозить его къ мѣсту погребенія; и если судья признавалъ умершаго добродѣтельнымъ; то одному изъ родственниковъ его дозволялось произнести, въ честь его, похвальное надгробное слово. У Грековъ особенно цѣнились доблести воинскія, и потому у нихъ надгробныя слова были посвящаемы общей памяти гражданъ, павшихъ въ сраженіи за отечество.

Такова слѣдующая рѣчь Перикла, сказанная въ честь воиновъ, павшихъ во время Саломской битвы. Ораторъ начинаетъ ее великолѣпною похвалою Аопнамъ: онъ превозноситъ ихъ гражданскую независимость и ту вѣчную славу, которую они приобрѣли, спасая нѣсколько разъ Грецію. За тѣмъ восклицаетъ.

«Граждане! воины, которыхъ вы нынѣ погребаете, умерли за отечество. Видя его величіе, помните, что этимъ вы обязаны крови ихъ. Они положили за государство жизнь свою, и тѣмъ заслужили погребеніе самое почетнѣйшее: я не о могилѣ говорю, въ которой будутъ почивать ихъ остатки; слава великихъ людей не ограничивается надгробными памятниками, которые ихъ покрываютъ; для нихъ цѣлая земля, цѣлый міръ служитъ памятникомъ; ихъ имя живетъ въ сердцахъ всѣхъ. Я говорю здѣсь о томъ, что память ихъ будетъ жить вѣчно, хотя бы памятники, воздвигнутые руками человѣческими, и были разрушены временемъ. Подражайте же этимъ храбрымъ гражданамъ; смотря на ихъ примѣръ, убѣдитесь въ томъ, что счастье заключается въ гражданской независимости, а независимость покупается величіемъ духа».

Далѣе Периклъ обращается къ родителямъ убитыхъ воиновъ: «васъ не стану утѣшать я, говорилъ онъ; развѣ ваши дѣти не храбро умерли, сражаясь за отечество? развѣ вы сами на предпочли бы, подобно имъ, почетную смерть жизни, которая была бы или мрачна, или постыдна?... И не говорите, что домъ вашъ пусть; въ немъ нѣтъ вашихъ дѣтей, но зато съ вами живетъ ихъ слава: она распространитъ свой блескъ на всѣ дни вашей жизни».

Наконецъ, ораторъ, такимъ же образомъ, обращался къ братьямъ и дѣтямъ умершихъ. Эта рѣчь произвела такой эффектъ, что матери и жены умершихъ съ восторгомъ привѣтствовали оратора, когда онъ сходилъ съ каедры, осыпали его голову цвѣтами и съ торжествомъ провожали до дому.

У Римлянъ государственныя должности стояли выше воинскихъ, и потому у нихъ надгробныя рѣчи произносились въ похвалу царей и славныхъ мужей государственныхъ. Таковы надгробныя рѣчи Антонія — надъ гробомъ Юлія Цезаря, Августа, сказанныя племяннику Марціалу, наешку Друзу и сестрѣ Октавіи, Домиціана—Титу, Марка Аврелія—Антонинамъ и проч.

Въ мірѣ христіанскомъ, св. добродѣтель ставится выше всѣхъ доблестей человѣческихъ. Самое погребеніе христіанина составляетъ предметъ важнѣйшихъ попеченій матери—Церкви. Поэтому надгробныя рѣчи темеръ перешли изъ свѣтской литературы въ область краснорѣчія церковнаго, гдѣ и излагается ихъ теорія и исторія. Въ образецъ же сего рода сочиненій можно указать на «Слово» Преосв. Иннокентія, Архіепископа Одесскаго, произнесенное при погребеніи С. Петербургскаго Митрополита Антонія, въ 1848 г. и на многія слова другихъ проповѣдниковъ.

III) О РѢЧАХЪ СУДЕБНЫХЪ.

О судопроизводствѣ древнихъ, и о составѣ рѣчей судебныхныхъ.

У древнихъ судопроизводство совершалось всенародно. Такъ въ Римѣ мѣстомъ для него былъ *forum*, площадь, которая сначала была торговою, но потомъ сдѣлалась исключительно сборнымъ, судебнымъ мѣстомъ для народа. Форумъ окруженъ былъ храмами Сатурна, Кастора и Поллукса, богини Согласія и частными зданіями. На самой среднѣ его стоялъ четырехъ - угольный портикъ, построенный Тарквиніемъ Гордымъ, въ которомъ

судья в адвокаты укрывался от непогоды. На форумѣ преторъ занималъ возвышенное мѣсто; пониже его полукругомъ сидѣли судья; народъ сидѣлъ на подмосткахъ кругомъ всего форума. Сюда приходили судебные ораторы, и занимали мѣсто, между судьями и народомъ, нагѣво отъ судей. Рѣдко дозволялось имъ говорить сидя; большею частію, они стояли; а нѣкоторые, произнося рѣчи, ходили въ промежуткѣ между народомъ и судьями. Рѣчи ихъ содержали въ себѣ элементы краснорѣчія государственнаго и историческаго: ибо въ нихъ заключалось раскрытіе судебного поступка—элементъ историческій, и приложеніе къ нему закона—начало философическое. Каждая рѣчь излагалась въ видѣ ораторскаго слова, и состояла изъ слѣдующихъ частей: приступа, предложенія, раздѣленія, повѣствованія, изложенія доводовъ, опроверженія и заключенія. Во время произнесенія рѣчей, ораторы употребляли разныя тѣлодвиженія и другія средства, чтобы разжалобить судей: такъ адвокатъ Гликонъ поставилъ однажды мальчишка подлѣ себя, съ тѣмъ, чтобы онъ плакалъ въ продолженіе всей рѣчи. Рѣчи говорились иногда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, и заключались словомъ: *dixi*, т. е. я все сказалъ. Въ продолженіи рѣчи слушатели, а нѣрѣдко и судьи выражали свое одобреніе. По окончаніи рѣчи, если она была хороша, оратора приветствовали рукоплесканіями. Потомъ судьямъ раздавался таблички, покрытыя воскомъ, на которыхъ они писали буквы или *A* (*absolvo*—разрѣшаю), или *C* (*condemno*—обвиняю), или, если дѣло было еще не ясно, и требовало дальнѣйшаго изслѣдованія, *N. L* (поп *liquet* недостаточно); въ послѣднемъ случаѣ судъ откладывался до другого дня.

Различіе рѣчей судебныхъ.

Рѣчи судебныя были двухъ родовъ: въ однихъ ораторы, на основаніи законовъ, обвиняли совершившаго какое-нибудь преступленіе, и эти рѣчи назывались *обвинительными*; въ другихъ они защищали отъ обвиненій въ какомъ-либо преступленіи, и эти рѣчи назывались *защитительными*. Если въ рѣчи защищалось лицо, совершенно невинное, отъ обвиненій мнимыхъ, то рѣчь называлась *аполоніей* (*ἀπὸ* прочь, отъ, и *λόγος* слово): аполоніи суть особыя

видозвѣненія рѣчей защитительныхъ. Таковы апологіи Платона— философа и Ксенофонта, написанныя въ защиту наставника ихъ Сократа, съ тѣмъ, чтобы оправдать его, по крайней мѣрѣ, предъ потомствомъ.

Образцы ихъ.

Образцомъ судебного краснорѣчія у Грековъ былъ Димосеенъ, а у Римлянъ—Цицеронъ. Въ примѣръ краснорѣчія сего рода, приведемъ расположеніе рѣчи Цицерона, сказанной въ защиту Милона, и почитаемой однимъ изъ самыхъ лучшихъ его произведеній.

Историческое объясненіе къ рѣчи за Милона.

Титъ Анній Милонъ и Клодій находились въ жестокой враждѣ между собою. 20 Января, 702 года, Милону нужно было съѣздить въ городъ Ланувіумъ, для избранія жреца Юноны. За день предъ тѣмъ, отправился и Клодій изъ Рима въ свое помѣстье, лежащее близъ города по Аппіанской дорогѣ. Здѣсь враги встрѣтились между собою. Между рабами ихъ завязалась драка, и Клодій, вѣшавшись въ нее, сначала былъ раненъ въ плечо дротикомъ Милонова глadiatorа—Берріа и отвезенъ въ гостиницу, а потомъ, по приказанію Милона, былъ убитъ и брошенъ на дорогѣ. Когда Милонъ возвратился въ Римъ, то паряженъ былъ судъ для изслѣдованія его поступка. Здѣсь-то Цицеронъ и говорилъ свою защитительную рѣчь. Онъ не отвергаетъ поступка Милонова, но старается доказать, что Клодій напалъ на Милона, хотѣлъ убить его; а Милонъ, защищая себя отъ нападеній, умертвилъ своего противника. Вотъ основаніе защитительной рѣчи Цицерона, расположеніе которой можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

Приступъ.

Въ приступѣ Цицеронъ извиняетъ свою робость по случаю необыкновеннаго судопроизводства, ободряетъ себя и другихъ надеждами и склоняетъ судей къ неустрашимости.

Предложеніе.

Въ предложеніи онъ берется доказать, что Клодіи былъ умысленный нападатель на Милона, и Милонъ убилъ его потому только, что иначе не могъ спасти собственной жизни.

Раздѣленіе.

За предложеніемъ онъ раздѣляетъ рѣчь на три части. Первая содержитъ въ себѣ опроверженіе пѣкоторыхъ толковъ, разглашаемыхъ противниками ко вреду Милона. Во второй доказываетъ, что смерть Клодіи была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вынужденной, необходимой обороны со стороны Милона. Въ третьей, наконецъ, онъ представляетъ смерть Клодіи великимъ благодѣяніемъ для государства.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я .

Въ сей части опровергаются вредные толки, разглашаемые противниками Милона. Толки сіи были слѣдующіе: 1) убившій чловѣка недостойнъ жизни; 2) будто Сенатъ призналъ умерщвленіе Клодіи государственнымъ преступленіемъ; 3) будто-бы самъ Помпей изданіемъ закона призналъ уже Милона достойнымъ наказанія.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я .

Доказавши въ первой части несправедливость толковъ, Цицеронъ, во второй части изложенія, испросивши вниманія судей, првступаетъ къ самому защищенію Милона, и разлагаетъ его на два отдѣленія.

Въ первомъ отдѣленіи содержится повѣствованіе о томъ, что Милонъ невиновенъ въ этой смерти, потому, что онъ только защищалъ себя отъ нападенія: это доказываютъ причины, произведшія убійство, обстоятельства, современные ему, и, наконецъ, обстоятельства, послѣдовавшія за нимъ.

Ч А С Т Ъ Т Р Е Т Ъ Я .

Въ третьей части ораторъ доказываетъ, что Милонъ заслуживаетъ не наказаніе, а награжденіе за смерть Клодія: ибо смерть его есть величайшее благодѣніе для государства, а умерщвленіе — такое пропшество, которое всѣмъ пріятно, и послѣдовало по опредѣленію боговъ.

Заключеніе.

Въ заключеніи Цицеронъ старается возбудить состраданіе къ Милону, и, для сей цѣли, выставляетъ то Милона, то самого себя, со слезами умоляя судей сохранить Милона.

Эта рѣчь Цицерона не была произнесена такою, какою мы читаемъ ее нынѣ. Когда Цицеронъ началъ говорить ее, приверженцы Клодія подняли ужасный крикъ. Ораторъ потерялъ присутствіе духа, и не могъ сказать ее съ такою силою и искусствомъ, какъ хотѣлъ. Милонъ былъ осужденъ и сосланъ изъ Рима въ городъ Марсель, славившійся хорошею рыбою.

Но, въ послѣдствіи времени, Цицеронъ съ особеннымъ стараніемъ и искусствомъ обработалъ эту рѣчь, такъ, что, когда Милонъ прочиталъ ее по рукописному списку, то воскликнулъ; « ну, Маркъ Тулій, скажи ты это прежде, ишѣ не пришлось бы ѣсть въ Марселѣ столь вкусной рыбы! »

Въ настоящее время, судебное краспорѣчіе также существуетъ лишь въ тѣхъ государствахъ, гдѣ судъ производится всенародно. Для нашей литературы оно составляетъ предметъ исторіи; у насъ судебныхъ ораторовъ замѣняютъ адвокаты, стряпчіе, ходатаи по дѣламъ, а мѣсто рѣчей — дѣловыя судебныя бумаги, которыя не относятся къ краспорѣчію: ибо отъ ихъ, по всей справедливости, требуется не краспорѣчіе, но ясное, точное, опредѣленное, доказательное и правдивое изложеніе дѣла.

Примѣч. При изученіи каждагорода рѣчей ораторскихъ, практическія занятія должны состоять въ слѣдующемъ: а) знакомятъ воспитанниковъ съ образцовыми сочиненіями изу-

чаемаго рода, разбирая ихъ со стороны ихъ состава, главной мысли, содержанія, расположенія и выраженія. Особенно это нужно для тѣхъ родовъ, кои, въ отношеніи къ нашей литературѣ, составляютъ предметъ одной исторіи. А въ отношеніи къ родамъ ораторства, существующимъ и въ литературѣ отечественной, кромѣ знакомства съ образцами, нужно заниматься еще: б) изученіемъ составленіемъ, вмѣстѣ съ воспитанниками, въ классѣ, небольшихъ рѣчей академическихъ, привѣтственныхъ и благодарственныхъ начальникамъ, родителямъ и т. п. и похвальныхъ—на темы изъ исторіи Государства Россійскаго; в) назначать на домъ составленію такихъ же рѣчей для изложенія на бумагѣ, а г) краткія привѣтственныя, благодарственныя и ученыя рѣчи можно назначать составлять, въ видѣ экспромптовъ, въ классѣ на доскѣ и для устнаго произнесенія.

II) О РѢЧАХЪ ДУХОВНЫХЪ, ИЛИ ЦЕРКОВНЫХЪ.

Рѣчи духовныя произошли изъ надлежащаго прихъпенія правилъ ораторскаго краснорѣчія къ догматамъ вѣры и правиламъ нравственности христіанской, и въ этомъ отношеніи—они составляютъ какъ-бы особый видъ ораторства вообще. Но какъ по предмету своему, такъ по особености правилъ, такъ, наконецъ, и по обширности развитія церковнаго краснорѣчія, нынѣ духовныя рѣчи рѣзко отдѣляются отъ свѣтскаго витіиства, составляютъ особый кругъ духовной литературы, и имѣютъ свою отдѣльную науку, входящую въ составъ богословскаго преподаванія, подъ именемъ Гомилетики. А потому они не могутъ быть разсматриваемы въ теоріи свѣтскаго краснорѣчія, подобно тому, какъ химія не можетъ быть преподаваема въ области физики, или физиологія—въ наукѣ психологіи.

Теперь мы имѣемъ понятія о сочиненіи вообще и о различныхъ родахъ и видахъ сочиненій прозаическихъ, — испытали свои силы въ упражненіи въ сочиненіяхъ, въ различныхъ родахъ и ви-

дах прозаическаго искусства. Но мы далеко еще не достигли цѣли науки, а развѣ положили только краеугольный камень къ ея изученію и практикѣ. И дай Богъ, чтобы этотъ камень былъ прочнымъ основаніемъ къ дальнѣйшему нашему движенію и совершенствованію!

Наука и ея искусство преподаются не для школы, не на время только пребыванія въ училищѣ, а для жизни и на цѣлую жизнь. Она не стоитъ ни одной минуты на точкѣ замерзанія, но постоянно движется впередъ, оставляетъ старыя заблужденія, уясняетъ прежнія знанія, пріобрѣтаетъ новыя. Нашъ долгъ теперь—сохранить и развить наши умственныя пріобрѣтенія о словесномъ искусствѣ, и постоянно усовершеншать себя въ его практикѣ. А для сего нужно:

1) Не только помнить, знать пройденныя правила, но и самимъ развивать и дополнять ихъ,—къ чему способствуютъ размышленіе о предметахъ науки, наблюденіе надъ составомъ сочиненій при чтеніи ихъ, чтеніе рецензій и положительныхъ трактатовъ о словесности.

2) Заниматься, какъ можно болѣе и чаще, упражненіями въ сочиненіяхъ. Тутъ не мѣшаетъ упражнять свои способности во всѣхъ родахъ и видахъ прозаическаго искусства, излагать сочиненія въ различныхъ формахъ, имъ свойственныхъ. Но, по преимуществу, нужно смотрѣть на свои способности и на цѣль воспитанія, и на будущее время писать упражненія того рода (историческаго, ученаго и проч.), къ которому мы болѣе способны, и который соотвѣтствуетъ нашему призванію въ жизни.

Для всего же этого требуется трудъ, самый тяжелый для тѣла и души—умственный трудъ. И кто, желая себѣ истиннаго блага, станетъ чуждаться его? Безъ труда ничего не бываетъ, а трудъ преодолеваетъ все. И потому заключимъ теперь наши занятія словами Караджина: «юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и трудамъ: вы въ нихъ найдете для себя благороднѣшія и цензѣясимыя пріятности, — награду, которая выше похвалъ и славы.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	СТР. I—IV
-----------------------	--------------

ВВЕДЕНІЕ.

Основныя понятія о наукѣ словесности и ея раздѣленіе.	I—4
---	-----

ОБЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Объ общихъ и необходимыхъ условіяхъ для успѣха въ сочиненіи: 1) о способностяхъ нужныхъ писателю и 2) о средствахъ къ ихъ развитію, гдѣ въ частности—а) о нуждѣ и характерѣ изученія словесности, б) о чтеніи книгъ, в) о практическихъ упражненіяхъ въ сочиненіи, и ихъ различіи . . .

	4—11
--	------

О первоначальныхъ литературныхъ упражненіяхъ. Разныя ихъ приемы, правила, примѣры и указаніе практическихъ занятій, каждому приему свойственныхъ . . . . .

	11—40
--	-------

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О сочиненіи, какъ произведеніи художественномъ, о практическихъ упражненіяхъ въ сочиненіи, и развитіе законовъ касательно 1) главной мысли сочиненія, 2) его внутренняго и внѣшняго построенія, 3) выраженія, различныхъ его видовъ, свойствъ и слога, какъ особеннаго характера выраженія, и 4) касательно различныхъ формъ изложенія сочиненій, гдѣ въ частности—1) о формѣ монологической, 2) эпистолярной, 3) диалогической и 4) сѣмичной . . . . .

	40—155
--	--------

ЧАСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отношеніе къ общей и предметъ ея. О самоглавнѣйшихъ и существеннѣйшихъ родахъ сочиненій, ихъ сходствѣ и различіи, и отсюда — раздѣленіе частной словесности . . . . .

	155—162
--	---------

О сочиненіяхъ прозаическихъ. Основныя понятія о прозѣ и
раздѣленіе прозаическихъ сочиненій . . . . . 162—167

1) О сочиненіяхъ историческихъ, въ частности — а) о со-
чиненіяхъ описательныхъ, и законы касательно описаній во-
обще, ихъ темы, содержанія, расположенія, выраженія, формъ
изложенія и различныхъ родовъ и видовъ описательныхъ со-
чиненій; б) о сочиненіяхъ повѣствовательныхъ, и правила
касательно ихъ главной мысли, содержанія, расположенія,
выраженія и различныхъ родовъ и видовъ сочиненій повѣство-
вательныхъ, или собственно-историческихъ . . . . . 167—224

2) О сочиненіяхъ ученыхъ, въ частности — а) о сочине-
ніяхъ собственно-ученыхъ или философическихъ, и правила
касательно ихъ темы, содержанія, расположенія, выраженія,
формъ изложенія и о различныхъ родахъ и видахъ свихъ сочи-
неній; б) о сочиненіяхъ ораторскихъ, правила касательно ихъ
темы, состава содержанія, расположенія, слога и о различ-
ныхъ родахъ и видахъ сочиненій ораторскихъ . . . . . 224—317

Включеніе . . . . . 317—318

